МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 6 красавіка 2018 г.

Выпуск 17

Мінск МДЛУ
2019

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Беи) + 63.3(4 Гем)
Б43

Р э к а м е н д а в а н ы Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 03 ад 25.06.2018 г.

Р э д а к ц ы й н а я к а л е г і я : А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), Э. Р. Іофе, У. К. Коршук, А. М. Літвін, А. В. Шаркоў

Р э ц э н з е н т ы : доктар гістарычных навук, прафесар *В. М. Фамін* (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук *С. У. Жумар* (Беларускі НДІ дакументазнаўства і архіўнай справы)

Канферэнцыя праведзена ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), а таксама Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма № 1 «Гісторыя і культура».

Б43 **Беларусь** і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2018 г. Вып. 17 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – 272 с.

ISBN 978-985-460-903-4.

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Беи) + 63.3(4 Гем)

ISBN 978-985-460-903-4

© УА «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт», 2019

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОРЕКТОРА МГЛУ ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ ПРОФЕССОРА Л. А. ТАРАСЕВИЧ

Уважаемые гости и участники конференции, дорогие коллеги и друзья!

Разрешите от имени главы оргкомитета конференции – ректора университета Н. П. Барановой – приветствовать Вас на 17-й научной конференции «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», посвященной 70-летию нашего университета, которое мы отмечаем в этом году. На протяжении вот уже 17 лет ученые из разных стран встречаются и обсуждают на первый взгляд узкую проблему: отношения двух стран, однако насколько глубоки, разнообразны и животрепещущи рассматриваемые вопросы.

Много непростых задач оставила нам история, и в первую очередь связанных с величайшей трагедией XX века – Второй мировой войной, в центре которой не по своей воле оказалась и Беларусь. Ваша сегодняшняя дискуссия посвящена событиям той войны, которые раскрываются сквозь призму судеб отдельных людей, в том числе детей, и это наполняет ее особым смыслом.

Война исковеркала, изуродовала жизни людей не только в нашей стране. Как можно говорить об истории отношений Беларуси и Германии, не приглашая к этому серьезному научному разговору наших соседей – Россию, Польшу, страны Балтии. Представители этих государств, как и наши уважаемые немецкие коллеги, присутствуют сегодня здесь с очень интересными и острыми докладами о совместном прошлом и, что очень важно, о совместном будущем наших стран.

О высоком научном статусе данной конференции свидетельствует то, что она проводится в соответствии с Государственной комплексной программой научных исследований на 2016–2020 гг. «История, культура, общество и государство».

Беларусь, народ которой понес чудовищные потери во время Второй мировой войны, умеет ценить мир и прилагает все возможные усилия для мирного разрешения споров. Совсем не случайно эта конференция проходит на базе Центра белорусского языка и культуры, созданного в МГЛУ. Замечательный американский лингвист Бенджамин Ли Уорф сказал, что если где-то люди приходят к согласию, то это происходит при помощи языка либо не происходит вообще. Результаты этой конференции востребованы теми, кто использует для решения проблем коммуникацию, а значит, всеми мыслящими людьми. Ее роль нельзя переоценить в деле образования и воспитания молодежи, а также подготовки специалистов в области иностранных языков.

Дорогие друзья! Разрешите объявить 17-ю Международную научную конференцию «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» открытой.

ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ: НОВЫЯ ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

С. Я. Новікаў

ЗА КАРОТКІМ РАДКОМ ВАЕННАЙ БІЯГРАФІІ МІНСКІХ ІНЯЗАЎЦАЎ
(да 70-годдзя Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта)

Назва нашага даследавання не даніна модзе, а даніна памяці тым, хто праслаўляў Alma Mater у мірны час, але да таго моманту са зброяй у руках змагаўся на франтах вайны, здабываў перамогу ў ліку партызан і падпольшчыкаў на акупаванай Беларусі і далёка па-за яе межамі. Казаць сёння ў такім ракурсе пра мінскіх інязаўцаў – вялікі гонар, адказная задача і пачэсная справа для іх нашчадкаў. Асабіста мне пашчасціла не толькі чуць імёны, але і ведаць, прычым быць знаёмым і разам працаваць з некаторымі з іх – сціплымі Педагогамі, Настаўнікамі, Інтэлігентамі і ў той жа час – смелымі, рашучымі і самаадданымі абаронцамі Радзімы.

Крыніц для грунтоўнага гістарычнага даследавання гэтай тэмы не так шмат. П е р ш а я з іх – асабісты лісток па ўліку кадраў былых інязаўцаў. Аднак у ім пра баявое мінулае часам згадана толькі ў адным кароткім радку, змест якога не ўтрымлівае падрабязных звестак аб месцы правядзення баявых аперацый, іх маштабах і выніках. Д р у г о й важнай крыніцай з’яўляюцца дакументы, выяўленыя ў архіўных установах, у тым ліку сярод фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У якасці т р э ц я й групы выкарыстаны Інтэрнэт-рэсурсы. Дзякуючы нават гэтым нешматлікім крыніцам у аўтара гэтых радкоў з’явілася хоць нейкая магчымасць звярнуцца да вельмі значнай старонкі гісторыі Мінскага іняза, паспрабаваць уявіць партрэты тых студэнтаў, выкладчыкаў і супрацоўнікаў, хто назаўсёды ўпісаў у свае жыццёвыя біяграфіі Вялікую Айчынную вайну.

Дакументы сведчаць, што першыя студэнцкія наборы фарміраваліся галоўным чынам з ліку былых удзельнікаў вайны, хто быў прызваны непасрэдна ў шэрагі Чырвонай арміі ці ўліўся ў сілы мясцовага супраціву ворагу, а таксама тых, хто быў вымушаны застацца на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Так, праз 6 гадоў пасля заканчэння вайны (па стане на 1 студзеня 1951 г., г.зн. у сярэдзіне 1950/51 навучальнага года) на трох факультэтах інстытута навучаліся 514 студэнтаў. 29 з іх служылі ў Савецкай арміі і ўдзельнічалі ў партызанскай барацьбе, 261 чалавек застаўся на акупаванай тэрыторыі, тады як толькі 224 студэнты знаходзіліся ў савецкім тыле ці былі эвакуіраваны на ўсход летам 1941 г. Гэта значыць, што лёсы большасці першых студэнтаў Мінскага іняза былі апаленыя полымем Вялікай Айчыннай вайны [1, арк. 24].

Як вынікае з гэтага ж дакумента, баявымі ўзнагародамі былі адзначаны 45 студэнтаў (крыху менш чым кожны дзясяты), у тым ліку 4 з іх мелі

ордэны і 41 – медалі. Адразу ж узнікаюць пытанні: ці адлюстраваны гэтыя старонкі гісторыі на факультэтах, ці існуе летапіс баявой славы мінскіх інязаўцаў, ці ганарацца імі нашы сучаснікі? Інакш кажучы, ці добра ведаем мы пакаленне тых, хто выжыў у жахлівых умовах вайны і здолеў падараваць нашчадкам жыццё.

Па аб’ектыўных прычынах у фокус прапанаванага даследчага пошуку трапілі толькі некаторыя з удзельнікаў ваенных падзей, каго жыццёвы шлях, вучоба ці праца прывялі ў Мінскі іняз – цяперашні МДЛУ.

Адразу ж заўважым, што выяўляецца агульны партрэт удзельніка вайны, хто паказваў прыклады мужнасці, гераізму і самаадданасці, прайшоў дарогамі вайны на Бранскім, Заходнім, Ленінградскім, Сталінградскім, Цэнтральным, Паўночна-Заходнім, 1-м, 2-м, 3-м Беларускіх, 2-м Прыбалтыйскім, 4-м Украінскім франтах, камандаваў баявымі падраздзяленнямі, са зброяй у руках штурмаваў умацаванні ворага, абараняў Маскву, Ленінград і Сталінград, вызваляў Віцебск, Вільнюс і Каўнас, браў Варшаву і Берлін, а таксама змагаўся са зброяй у руках на акупаванай тэрыторыі і г.д.

Сярод фактычных абаронцаў Айчыны – будучыя студэнты, выкладчыкі і супрацоўнікі Мінскага іняза. У ліку першых, хто ў чэрвені 1941 г. стаў на абарону Радзімы, былі франтавікі – Сямён Васільевіч **Буракоўскі**, Якаў Мендзелевіч **Воўшын**, Аляксандр Дзмітрыевіч **Калеснікаў**, Леў Глебавіч **Кандзялінскі**, Павел Ільіч **Копанеў**, Павел Яфімавіч **Мурашка**, Людміла Аляксандраўна **Сухарава**, Мікалай Мікалаевіч **Сяржанін**, Расціслаў Цімафеевіч **Шлопак**, а таксама беларускія партызаны і падпольшчыкі – Марыя Вікенцьеўна **Данейка**, Віктар Казіміравіч **Дашкевіч,** Мікалай Данілавіч **Лапцёнак**, Уладзімір Іванавіч **Казлоўскі**, Анатоль Іванавіч **Кісялеўскі,** Ірына Сцяпанаўна **Маркоўская**, Рыгор Рыгоравіч **Навіцкі**, Адам Вікенцьевіч **Шыдлоўскі** і Маісей Саламонавіч **Штэйнгольц.**

Па-рознаму складваўся баявы лёс кожнага з іх, аднак усе яны ўнеслі канкрэтны ўклад у агульную перамогу над ворагам – германскімі акупантамі, якія летам 1941 г. абрынуліся вайной на заходні рубеж Краіны Саветаў.

Былыя партызаны – М. В. Данейка, І. С. Маркоўская, А. В. Шыдлоўскі, а таксама байцы Чырвонай арміі Я. М. Воўшын і Л. Г. Кандзялінскі з 1 верасня 1948 г. з’яўляліся студэнтамі першага набору новай самастойнай вышэйшай моўнай установы – Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў (МДПІЗМ). Нагадаем, што паводле правілаў прыёму, удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны залічваліся без уступных экзаменаў па меры падачы заяў.

Д а н е й к а М. В. (народжаная ў 1925 г. у сям’і сялян у в. Крыніцы Смалявіцкага раёна Мінскай вобласці) пачала баявы шлях у партызанскім атрадзе «Камунар», створаным у маі 1942 г. у Смалявіцкім раёне з былых савецкіх ваеннаслужачых, якія ў ходзе вядзення баёў Чырвонай арміяй летам 1941 г. не выйшлі з акружэння, і мясцовых вясковых жыхароў. Да канца жніўня ён дзейнічаў самастойна, потым увайшоў асобным атрадам у склад брыгады «Дзядзькі Колі» Барысаўскага раёна Мінскай вобласці. Адзначым, што да пачатку вайны Марыя скончыла сямігодку ў Смалявічах і паступіла

ў педагагічнае вучылішча імя Крупскай у Мінску, якую паспела закончыць якраз напярэдадні вайны. Аднак спачатку працавала разам з бацькам у сельскай гаспадарцы у в. Крынка. Як сведчаць дакументы, калі пачаў фарміравацца атрад «Камунар», Марыя атрымлівала даручэнні ад партызан і па май 1943 г. з’яўлялася партызанскай сувязной. Апроч таго, вяла агентурную работу (па заданні асобнага аддзела пераносіла зброю, міны, патроны, распаўсюджвала лістоўкі, назірала за рухам нямецкіх войскаў па чыгунцы і шашы, падтрымлівала сувязь з паліцэйскімі і немцамі, якія працавалі па заданні асобнага аддзела. У цэнтры агітацыйнай работы стаяла задача па вярбоўцы служачых славацкіх падраздзяленняў, якія служылі на баку германскіх акупантаў, з мэтай далейшага супрацоўніцтва і нават іх пераходу на савецкі бок. Паводле дакументаў, летам 1943 г. у партызанскую брыгаду «Дзядзькі Колі» перайшоў цэлы ўзвод славацкіх салдат (33 чалавекі) разам з камандзірам, узбраеннем і веласіпедамі [2, арк. 19]. Гэта пацвярджаюць спісы асабовага складу 2-га і 4-га атрадаў брыгады, паводле якіх у жніўні 1943 г. яе шэрагі папоўніліся славакамі [3, арк. 66, 111–112]. Вялікая заслуга ў паспяховым правядзенні гэтай аперацыі належыць якраз сувязной-разведчыцы Марыі Данейка.

Аднак у снежні 1943 г. у выніку здрады дзейнасць сувязной была раскрытая. Ёй пагражаў арышт, якога ўдалося пазбегчы. 24 чэрвеня 1944 г. у час аднаго з баёў з адыходзячымі нямецкімі падраздзяленнямі ў раёне возера Палік атрымала кулявое раненне ў каленны сустаў і правае плячо. Узнагароджана медалямі «Партызану Айчыннай вайны I ступені», «За адвагу» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [2, арк. 20].

Пасля лячэння ў шпіталях у Арле, Іркуцку і Барысаве з 1 верасня 1945 г. працавала настаўніцай Мала-Залужскай пачатковай школы Смалявіцкага раёна Мінскай вобласці, у 1946 г. паступіла на факультэт замежных моў МДПІ імя Горкага, а ў 1948 г. стала студэнткай 3 курса факультэта англійскай мовы Мінскага іняза, які паспяхова скончыла ў 1950 г. Пасля гэтага працавала на гэтым жа факультэце ў якасці выкладчыка лексікі і граматыкі англійскай мовы [2, арк. 5–7].

У ліку студэнтаў, хто ў 1948 г. разам з былой сувязной-разведчыцай Марыяй Данейка паспяхова паступіў на англійскі факультэт, таксама былі былыя беларускія партызаны Ірына Маркоўская і Адам Шыдлоўскі.

М а р к о ў с к а я І. С. нарадзілася ў 1924 г. у сям’і служачых у Мінску. За часам вайны разам з бацькам знаходзілася ў вёсцы Слабада Пухавіцкага раёна Мінскай вобласці [4, арк. 2]. Да пачатку вайны скончыла 9 класаў і мастацкую студыю ў Пухавічах, дзе пачала працаваць настаўніцай малявання ў пачатковых класах [5, арк. 4]. Сфарміраваны ў красавіку 1942 г. у Чэрвеньскім раёне з мясцовых камуністаў і камсамольцаў партызанскі атрад імя газеты «Праўда» спачатку дзейнічаў самастойна, а з кастрычніка 1942 па лістапад 1943 г. – у складзе 1-й Мінскай брыгады на чале з камандзірам атрада П. І. Іваненка. Практычна з моманту яго фарміравання па лістапад 1942 г. Маркоўская была сувязной атрада, які на той час дзейнічаў на тэрыторыі Пухавіцкага раёна.

З 12 снежня 1942 па 1 лютага 1943 г. з’яўлялася радавой атрада імя Ф. Ф. Юрчанкі, які да верасня 1942 г. быў перадыслакаваны з Барысаўска-Бягомльскай зоны ў Чэрвеньскі раён Мінскай вобласці. Да канца вайны заставалася радавой 1-й Мінскай брыгады. Паводле баявой характарыстыкі, усе загады выконвала ў карткі тэрмін, не лічылася з цяжкімі ўмовамі і складанай абстаноўкай. Дастаўляла партызанам медыкаменты, зброю, распаўсюджвала лістоўкі, зводкі Савінфармбюро, а таксама забяспечвала сувязь партызан з мясцовай моладдзю. Дапамагала вывесці да партызан з мястэчка Пухавічы 15 чалавек моладзі. Неаднаразова ўдзельнічала ў баявых аперацыях брыгады. Была ўзнагароджана медалямі «Партызану Айчыннай вайны I ступені» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.».

Да паступлення ў Мінскі іняз працавала мастаком у рэдакцыі газеты «Савецкая Беларусь». Адначасова займалася ў БДУ імя Леніна на факультэце журналістыкі, у 1947–1948 гг. навучалася ў Мінскім мастацкім вучылішчы [4, арк. 3–5].

Ш ы д л о ў с к і А. В. нарадзіўся ў 1925 г. у в. Дашкі Заслаўскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям’і. На момант пачатку вайны працаваў з бацькамі ў сельскай гаспадарцы. Афіцыйна быў залічаны ў брыгаду імя Фрунзе 22 лістапада 1943 г. у якасці радавога партызанскага атрада «Чырвонае Знамя», створанага ў сакавіку 1942 г. Як сведчаць дакументы, будучы сувязным, атрымліваў заданні ад партызан яшчэ задоўга да ўступлення ў атрад. У баявой характарыстыцы адзначаецца, што, працуючы пры падпольным Радашковіцкім РК ЛКСМБ, ён займаўся распаўсюджваннем палітычнай літаратуры і лістовак сярод мясцовага насельніцтва і ў нямецкіх гарнізонах раёна, паказаў сябе смелым і дысцыплінаваным [6, арк. 299].

У ліку першых студэнтаў інстытута таксама значыліся былыя чырвонаармейцы Я. М. Воўшын і Л. Г. Кандзялінскі

В о ў ш ы н Я. М. нарадзіўся ў 1924 г. у сям’і служачых (г. Орша Віцебскай вобласці) [7]. У жніўні 1942 г. быў прызваны ў рады Чырвонай арміі і залічаны курсантам у 2-е Маскоўскае пяхотнае вучылішча, якое не скончыў па прычыне адпраўкі на Заходні фронт [7, арк. 9]. Са студзеня па верасень 1943 г. служыў наводчыкам станковага кулямёта ў 101-й асобнай стралковай брыгадзе, якая разам з іншымі вайсковымі часцямі Чырвонай арміі павінна была забяспечыць выкананне важнай аператыўна-стратэгічнай задачы, пастаўленай Стаўкай Вярхоўнага Камандавання ў сувязі з падрыхтоўкай баявых аперацый на Аршанска-Віцебскім напрамку. У верасні 1943 г. у час аднаго з лакальных з баёў пад г. Сураж атрымаў цяжкае раненне ў правае плячо, пасля чаго па сакавік 1944 г. праходзіў лячэнне. Узнагароджаны медалямі «За баявыя заслугі» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [7, 3 адв.].

З верасня 1946 па верасень 1948 г. – студэнт Ленінградскага інстытута кінаінжынераў, з верасня 1948 па жнівень 1952 г. – студэнт МДПІЗМ. Пасля яго заканчэння працаваў больш за 50 гадоў у гэтай установе вышэйшай адукацыі на розных выкладчыцкіх пасадах.

25-гадовым юнаком паступіў у Мінскі іняз у 1948 г. К а н д з я л і н с к і Л. Г. (нарадзіўся ў сям'і служачых у Смаленску) [8, арк. 3]. Яго студэнцкая біяграфія пачалася ў 1941 г. пасля паступлення на факультэт будаўніцтва мастоў і танэляў Новасібірскага інстытута ваенных інжынераў чыгуначнага транспарту. У чэрвені 1942 г. добраахвотна ўступае ў Чырвоную армію і адразу трапляе на Сталінградскі фронт, дзе па студзень 1943 г. служыў у 992-м стралковым палку 212-й стралковай дывізіі, удзельнічае ў абароне горада на Волзе. Быў паранены 25 кастрычніка 1942 г. Пасля лячэння з сакавіка па чэрвень 1943 г. у якасці выкладчыка працуе ў г. Новая Ліля Свярдлоўскай вобласці. З чэрвеня 1943 – на Ленінградскім фронце, дзе па чэрвень 1944 г. праходзіў службу ў 108-м пагранічным палку. Закончыў службу ў чэрвені 1945 г. у 88-м пагранічным атрадзе ва Украіне [8, арк. 3 адв.]. Узнагароджаны медалямі «За абарону Ленінграда», «За баявыя заслугі», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.».

Пасля заканчэння факультэта англійскай мовы Л. Г. Кандзялінскі навучаўся на матэматычным факультэце БДУ імя Леніна ў Мінску. З снежня 1961 г. працаваў выкладчыкам кафедры граматыкі і гісторыі англійскай мовы [8, арк. 11].

Сярод першых выкладчыкаў Мінскага іняза, хто ў гады Вялікай Айчыннай вайны прайшоў дарогамі цяжкіх выпрабаванняў, можна назваць як воінаў Чырвонай арміі, так і былых партызанаў і падпольшчыкаў. У першым выпадку – С. В. Буракоўскага, А. Дз. Калеснікава, П. І. Копанева, П. Я. Мурашка, Л. А. Сухараву, М. М. Сяржаніна, Р. Ц. Шлопака; у другім – В. К. Дашкевіча, М. Д. Лапцёнка, У. І. Казлоўскага, Р. Р. Навіцкага.

Б у р а к о ў с к і С. В. нарадзіўся ў сям'і сялян у 1904 г. у Клічаўскім раёне Бабруйскай акругі. У кастрычніку 1926 г. у якасці чырвонаармейца быў прызваны на службу ў 27-ы артылерыйскі полк 27-й стралковай дывізіі ў г. Віцебск. Пасля службы – студэнт Бабруйскага рабфака, дырэктар Бабруйскага педагагічнага тэхнікума. З 1934 па 1938 г. навучаўся на гістарычным факультэце педінстытута імя М. Горкага, потым на працягу года выкладаў у Барысаўскім педагагічным тэхнікуме. Пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР – інструктар палітаддзела 36-й кавалерыйскай дывізіі ў г. Ваўкавыск. У апошні перадваенны год працаваў у якасці старшага выкладчыка гісторыі УКП(б) у Барысаўскім танкавым вучылішчы, якое на рацэ Бярэзіна ў раёне г. Барысава арганізавала абарону пад кіраўніцтвам начальніка вучылішча карпуснога камісара І. З. Сусайкава. Сярод абаронцаў гэтага рубяжа знаходзіўся і палітрук С.В. Буракоўскі [9, арк. 3 адв.].

Пасля адступлення быў адпраўлены ў г. Саратаў. Там працаваў начальнікам сацыяльна-эканамічнага цыклу, потым выконваў абавязкі ваенкама 458-га артылерыйскага палка Паўночна-Заходняга фронту. З лістапада 1942 па ліпень 1943 г. – намеснік начальніка палітаддзела і сакратар парткамісіі 74-й артылерыйскай брыгады, 27-й артылерыйскай дывізіі 2-га Прыбалтыйскага фронту. Скончыў вайну ў званні маёра. Узнагароджаны за баявыя заслугі ордэнамі Чырвонай Зоркі і Айчыннай вайны І ступені, а таксама медалём «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [9, арк. 3 адв.].

Пасля заканчэння вайны працаваў дырэктарам Бабруйскага настаўніцкага інстытута, загадваў кафедрай марксізму-ленінізму. З верасня 1954 г. у сувязі з яго ліквідацыяй пераведзены на пасаду старшага выкладчыка кафедры марсксізму-ленінізму Мінскага іняза [9, арк. 2 адв.]. У лютым 1955 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Барацьба Камуністычнай партыні Савецкага Саюза за ўмацаванне саюза рабочага класа і сялянства ў перыяд пераходу на мірную работу (1921–пачатак 1922 гг.)» [9, арк. 16].

К а л е с н і к а ў А. Дз. нарадзіўся ў 1922 г. у г. Курск. У верасні 1939 г. паступіў на гістарычны факультэт Курскага педінстытута, дзе навучаўся да прызыву ў Чырвоную армію. З верасня 1941 г. праходзіў службу ў г. Свярдлоўск, дзе якраз адбывалася фарміраванне новага складу 88-й стралковай дывізіі, якая з лістапада 1941 г. адразу ж была адпраўлена на фронт для ўдзелу ў абароне Масквы [10, арк. 4]. Там яна вяла ўпартыя баі з вайсковымі часцямі групы армій «Цэнтр» у ходзе яе восеньскай наступальнай аперацыі «Тайфун». У далейшым служыў у дзеючай арміі на Заходнім фронце, з лістапада 1942 г. па чэрвень 1945 г. – камсорг батальёна 88-га стралковага палка на 1-м Беларускім, 4-м Украінскім франтах [10, арк. 2 адв.]. Завяршыў вайну ў Румыніі ў званні маёра. Узнагароджаны медалямі «За абарону Масквы», «За баявыя заслугі», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [10, арк. 3 адв.]. З 1 верасня 1967 г. працаваў выкладчыкам гісторыі КПСС на факультэтах французскай і іспанскай моў МДПІЗМ [10, арк. 9].

К о п а н е ў П. І. нарадзіўся ў 1922 г. у г. Слабадскі Кіраўскай вобласці [11, арк. 1]. З верасня 1939 па ліпень 1942 г. навучаўся на факультэце замежных моў Кіраўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута, адкуль быў прызваны на службу ў Чырвоную армію. Са жніўня па лістапад 1942 г. служыў радавым, быў залічаны ў разведку 211-й асобнай мотаразведроты Сталінградскага фронту. Потым да канца лета 1943 г. з'яўляўся ваенным перакладчыкам палка на Сталінградскім і Бранскім франтах. Са жніўня 1943 г. па верасень 1945 г. – ваенны перакладчык дывізіі на 1-м Беларускім фронце. Быў ўзнагароджаны двума ордэнамі Чырвонай Зоркі (1944, 1945) і 4 медалямі, у тым ліку «За абарону Сталінграда 1942–1943 гг.», «За вызваленне Варшавы», «За ўзяцце Берліна», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» і падзякамі [11, арк. 3 адв.].

З верасня 1945 па ліпень 1949 г. – студэнт філалагічнага факультэта Ленінградскага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе атрымаў кваліфікацыю літаратара-германіста. Пасля яго заканчэння да жніўня 1955 г. працаваў выкладчыкам, старшым выкладчыкам і загадчыкам кафедры нямецкай мовы Гродзенскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута, выкладаў нямецкую мову і зарубежную літаратуру. З верасня 1955 па ліпень 1959 г. – старшы выкладчык і загадчык кафедры нямецкай мовы Варонежскага дзяржпедінстытута. З 3 ліпеня 1961 г. пачаў працу ў МДПІЗМ адразу на пасадзе старшага выкладчыка, а потым загадчыка кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы [11, арк. 2, 2 адв.].

М у р а ш к а П. Я. нарадзіўся ў 1920 г. у вёсцы Гродна Чэрвеньскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям'і. З верасня 1936 па чэрвень 1939 г. навучаўся ў педагагічным вучылішчы ў Барысаве. Пасля яго заканчэння да прызыву ў Чырвоную армію ў лістападзе 1939 г. працаваў настаўнікам пачатковых класаў у Бранісла́ўскай пачатковай школе ў Жыткавіцкім раёне Палескай вобласці. Па чэрвень 1941 г. – курсант палкавой школы, камандзір аддзялення і памочнік камандзіра ўзвода 747-га стралковага палка 172-й стралковай дывізіі*, якая дыслацыравалася ў г. Сталінагорск (цяпер – Новамаскоўск). З ліпеня 1941 г. па верасень 1941 г. – старшына роты, старшы пісар 935-га стралковага батальёна ў г. Яфрэмаў. На працягу месяца быў курсантам пяхотнага вучылішча ў г. Яраслаўль. Пасля яго заканчэння па жнівень 1942 г. камандаваў узводам 1111-га стралковага палка 330-й стралковай дывізіі, якая вяла баявыя дзеянні на Заходнім фронце. Са жніўня 1942 па май 1944 г. – старшы ад'ютант штаба гэтага ж батальёна, прымаў удзел у баях на Заходнім і 2-м Беларускім франтах. З мая 1944 па чэрвень 1945 г. – 1-ы памочнік начальніка штаба 1111-га стралковага палка 330-й стралковай дывізіі на 2-м Беларускім фронце. Вайну завяршыў у Германіі ў званні маёра [12, с. 1 адв.]. Узнагароджаны ордэнамі: Чырвонага Сцяга, Айчыннай вайны I ступені, Айчыннай вайны II ступені, Чырвонай Зоркі, а таксама 4 медалямі, у тым ліку «За абарону Масквы», «За вызваленне Варшавы», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне» і «За безадказную службу II ступені» [12, с. 1 адв.].

Свой першы баявы ордэн – ордэн Чырвонага Сцяга – Павел Яфімавіч атрымаў за доблесць пры фарсіраванні ракі Проня, што пад Чавусамі. Полк імкнуўся выбіць немцаў з супрацьлеглага берага. Арганізаваўшы пераправу на падручных сродках, салдаты заляглі, не адважваліся працягваць наступленне. Павел Яфімавіч уласным прыкладам падняў байцоў і павёў у атаку.

У ходзе аперацыі «Баграціён» Павел Яфімавіч удзельнічаў у вызваленні Магілёва і Магілёўскай вобласці. За паспяховае выкананне баявых задач і арганізацыю пераправы батальёна цераз раку Днепр ён быў узнагароджаны ордэнам Вялікай Айчыннай вайны II ступені. Пазней атрымаў ордэн Чырвонай Зоркі за актыўны ўдзел у баях на рацэ Одры. У сакавіцкую ноч 1945 г. нечакана на полк напала адыходзячая нямецкая пяхота. Першым, хто выявіў пагрозу, быў намеснік начальніка штаба Павел Мурашка. Ён жа аператыўна арганізаваў паспяховы адпор ворагу, за што быў адзначаны ордэнам Айчыннай вайны I ступені [13].

С у х а р а в а Л. А. нарадзілася ў 1923 г. у г. Уладзівасток. У Чырвонай арміі служыла з 1941 па 1954 г. [14, арк. 68 адв.]. Удзельніца Вялікай Айчыннай вайны (разведчыца, перакладчык). Ваявала на Заходнім, Бранскім, Цэнтральным і 1-м Беларускім франтах [14, арк. 85]. Старшы лейтэнант запасу. Узнагароджана двума медалямі: «За баявыя заслугі» і «За перамогу

---

* Размова ідзе пра легендарную 172-ю стралковую дывізію, якая ў ліпені 1941 г. пад камандаваннем генерал-маёра М. Ц. Раманава ўпарта абараняла Дняпроўскі рубеж у раёне г. Магілёва.

над фашысцкай Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.». З 1945 па 1951 г. – слухач ваеннага інстытута замежных моў Савецкай арміі. З 1955 г. працавала старшым выкладчыкам кафедры лексікалогіі факультэта нямецкай мовы МДПІЗМ. 5.10.1973 г. прысвоена ганаровае званне «Заслужаны работнік вышэйшай школы БССР».

С я р ж а н і н М. М. нарадзіўся ў 1917 г. у сялянскай сям'і ў м. Любань Мінскай вобласці [15, арк. 3; 29; 66]. Пасля заканчэння 7 класаў працягваў навучанне ў Барысаве, потым у г. Бежыца скончыў рабочы факультэт. У 1940 г. – выпускнік Маскоўскага інстытута інжынераў чыгуначнага транспарту (спецыяльнасць «інжынер-эканаміст»). З кастрычніка 1940 па люты 1941 г. служыў радавым 8-га чыгуначнага палка на ст. Шылка, з лютага да чэрвеня 1941 г. прайшоў курс малодшых афіцэраў у Іркуцку, потым служыў у рэдакцыях газет 97-й і 83-й Гвардзейскіх стралковых дывізій, 10-й артылерыйскай дывізіі на Заходнім. Бранскім, 1-м і 3-м Беларускіх франтах. Узнагароджаны трыма ордэнамі – Айчыннай вайны ІІ ступені, Чырвонай Зоркі, польскім Залатым крыжом за заслугі, а таксама 8 медалямі за ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне [15, арк. 3 адв.].

Пасля вайны скончыў Ваенны інстытут. З лістапада 1962 г. працаваў у Мінскім інязе на кафедры філасофіі і палітэканоміі, дзе пасля знаходжання ў гадавой аспірантуры падрыхтаваў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Чыгуначны транспарт Польскай Народнай рэспублікі: эканамічна-геаграфічны агляд», якую паспяхова абараніў у 1969 г. [15, арк. 40].

Ш л о п а к Р. Ц. нарадзіўся ў 1920 г. у вёсцы Караваева Пухавіцкага раёна Мінскай вобласці ў сям'і сялян. Ваенная біяграфія пачалася ў кастрычніку 1939 г., калі ён стаў курсантам палкавой школы ў г. Фергана. У ліпені 1941 г. скончыў яе і служыў камандзірам аддзялення 13-га асобнага эскадрона сувязі 21-й горна-кавалерыйскай дывізіі. З ліпеня па жнівень 1941 г. займаўся на курсах малодшых лейтэнантаў 16-га палка сувязі Сярэдне-Азіяцкай ваеннай акругі. Са жніўня 1941 па снежань 1942 г. – намеснік камандзіра, камандзір штабной роты 87-га асобнага батальёна сувязі 87-й асобнай Туркменскай брыгады, якая дзейнічала ў Маскоўскай зоне абароны Паўночна-Заходняга фронту. З красавіка па ліпень 1943 г. Расціслаў Цімафеевіч ваяваў на Заходнім фронце, быў намеснікам камандзіра батальёна, з ліпеня па верасень знаходзіўся ў рэзерве афіцэрскага складу 21-й арміі Заходняга фронту. З верасня 1943 па ліпень 1944 г. быў начальнікам сувязі 226-га стралковага Віцебскага палка 63-й стралковай Віцебскай дывізіі 3-га Беларускага фронту [16, арк. 1 адв.]. У арміі прайшоў шлях ад радавога салдата да капітана, начальніка сувязі стралковага палка. У ліпені 1944 г. у баях пад г. Каўнас быў цяжка паранены ў галаву, згубіў правае вока. Пасля лячэння ў шпіталях быў звалены ў запас Чырвонай арміі [16, арк. 4]. У 1944 г. узнагароджаны ордэнамі Чырвонай Зоркі і Айчыннай вайны І ступені, медалём «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.».

У пасляваеннай біяграфіі Р. Ц. Шлопака можна вылучыць такія моманты: у 1950 г. завочна скончыў гістарычны факультэт БДУ імя Леніна. Знаходзіўся на пасадах інструктара аддзела навукі і культуры ЦК КП Беларусі (з верасня 1953 па верасень 1955 гг.), потым на працягу чатырох гадоў навучаўся ў аспірантуры Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС у Маскве, пасля чаго працаваў інструктарам аддзела навукі, ВНУ і школ ЦК КПБ. У 1959 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю «Рабочы клас БССР у перыяд другой пяцігодкі (1933–1937 гг.) ». З 1962 г. па 1967 г. працаваў на кафедрах гісторыі КПСС і філасофіі і палітэканоміі Мінскага іняза. Затым быў камандзіраваны ЦК КПБ на работу ў Мінскую партыйную школу ў якасці дацэнта кафедры гісторыі КПСС [16, арк. 3, 29, 66].

Нават кароткі аналіз дакументальнага матэрыялу пераканаўча сведчыць пра тое, што франтавікі Мінскага іняза былі ўдзельнікамі розных баявых аперацый на галоўных франтах Вялікай Айчыннай вайны – 1-м, 2-м, 3-м Беларускіх, 2-м Прыбалтыйскім, 4-м Украінскім, а таксама на Бранскім, Заходнім, Паўночна-Заходнім, Сталінградскім і Цэнтральным франтах; абаранялі Маскву, цвярдыню на Волзе – Сталінград, штурмавалі Варшаву і Берлін і г.д.

Нагадаем, што на акупаванай тэрыторыі Беларусі ўзброеная барацьба партызан прыняла масавы характар, у якой удзельнічалі самыя розныя слаі насельніцтва.

З мая 1942 г. у ліку партызан значыўся Д а ш к е в і ч В. К. [17, арк. 2] (нарадзіўся ў 1925 г. у в. Апаліны Першамайскага сельскага савета Грэскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям'і). Спачатку быў сувязным, потым стаў разведчыкам партызанскага атрада Суворава брыгады імя Суворава, якая дзейнічала ў раёне Вараб'ёўскіх лясоў. У чэрвені 1944 г. быў мабілізаваны ў Чырвоную армію, удзельнічаў у баявых дзеяннях у складзе 3-га Беларускага фронту. 10 кастрычніка на подступах да Усходняй Прусіі атрымаў цяжкое раненне, у выніку якога стаў інвалідам Айчыннай вайны ІІІ групы. Узнагароджаны медалямі «За адвагу», «Партызану Айчыннай вайны ІІ ступені», «За Перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [17, арк. 3 адв.],

У 1950 г. закончыў гістфак БДУ імя Леніна. Са жніўня 1950 па жнівень 1951 г. выкладаў гісторыю ў СШ № 10 г. Каўнас. У 1951/52 навучальным годзе працаваў дырэктарам Пукаўскай СШ Грэскага раёна. Са жніўня 1952 па 1955 г. навучаўся ў аспірантуры пры БДУ. У кастрычніку 1955 г. атрымаў ступень кандыдата гістарычных навук за абарону дысертацыі на тэму «Каланіяльная палітыка Францыі ў Тунісе пасля другой сусветнай вайны (1945–1954 гг.)» [17, арк. 2], У Мінскім інязе пачынае працу ў якасці старшага выкладчыка кафедры марксізму-ленінізму са студзеня 1956 г. [17, арк. 11].

23-гадовым юнаком сустрэў вайну Л а п ц ё н а к М. Д. (нарадзіўся ў 1918 г. у в. Васільеўка Бярэзінскага раёна Міскай вобласці ў сялянскай сям'і). У снежні 1932 г. становіцца курсантам педагагічных курсаў у г. Беразіно Мінскай вобласці, з верасня 1933 г. па верасень 1937 г. – настаўнік гісторыі ў

сямігадовай школе в. Каменка-Барская Бярэзінскага раёна. З верасня 1937 па чэрвень 1941 г. навучаецца на гістарычным факультэце МДПІ імя Горкага. Адначасова са жніўня 1939 г. да пачатку вайны з'яўляўся інструктарам ЦК ЛКСМБ, дзе загадваў сектарам друку [18, арк. 2].

З чэрвеня 1941 г. па сакавік 1942 г. выконваў даручэнні ЦК ЛКСМБ па прыцягненні моладзі варожага тылу да адкрытай партызанскай барацьбы з нямецкімі акупантамі на тэрыторыі Клічаўскага і Бярэзінскага раёнаў. У сакавіку 1942 г. уступіў у партызанскі атрад № 278, быў выбраны сакратаром Клічаўскага падпольнага РК ЛКСМБ, удзельнічаў у партызанскай і падпольнай барацьбе разам з партызанскімі атрадамі Магілёўскага падпольнага абласнога камітэта КП(б)Б. Быў узнагароджаны двума ордэнамі Чырвонай Зоркі і двума медалямі «Партызану Айчыннай вайны І ступені» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [18, арк. 2].

Да 20-годдзя вызвалення Беларусі аб актыўнай дзейнасці сакратара Клічаўскага падпольнага райкама ЛКСМБ на акупаванай тэрыторыі пісала газета «Знамя юности». У артыкуле ішла размова пра гераічныя справы падпольнай камсамольскай арганізацыі, якая дзейнічала ў вёсках Васільеўка, Каменны Барок, Валаўніца і іншых былога Бярэзінскага раёна Мінскай вобласці. Тут з першых дзён акупацыі група нядаўніх школьнікаў і студэнтаў, калгаснікаў і маладых рабочых распачала актыўную барацьбу з гітлераўцамі. У роднай вёсцы Васільеўка камсамолец М. Лапцёнак па заданні ЦК камсамола Беларусі сабраў невялікую групу моладзі, разам з якой пачаў весці работу па арганізацыі камсамольскага падполля і партызанскіх атрадаў [19, с. 3].

У лютым 1944 г. адазваны з варожага тылу ў распараджэнне ЦК ЛКСМБ, у якім з чэрвеня 1944 г. працаваў інструктарам. У ліпені 1944 г. рашэннем Бюро ЦК КП(б)Б камандзіраваны на вучобу ў Вышэйшую дыпламатычную школу НКЗС, якую скончыў у 1946 г. З 1956 г. працаваў загадчыкам кабінета марсізму-ленінізму ў МДПІЗМ. У 1964 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю «Дзейнасць КПБ па развіцці сацыялістычнай прамысловасці рэспублікі 1926–1932 гг.» [18, арк. 47].

К а з л о ў с к і У. І. нарадзіўся ў 1928 г. у в. Мошкі Сенненскага раёна Віцебскай вобласці ў сялянскай сям'і. У жніўні 1941 г. разам з братам Пятром, які быў пакінуты Віцебскім абкамам партыі для работы ў тыле ворага, збіраў зброю, боезапасы і іншую ваенную амуніцыю [20, арк. 4]. З красавіка па лістапад 1942 г. – радавы атрада Кірылава брыгады «Баця», з лістапада 1942 г. па жнівень 1943 г. – партызан-разведчык атрада «Знішчальнік» 1-й партызанскай брыгады імя К. С. Заслонава. Са жніўня 1943 г. па студзень 1944 г. – камандзір аддзялення брыгады, са студзеня па ліпень 1944 г. – камандзір разведкі атрада «Дзяніс» партызанскай брыгады імя Заслонава [20, арк. 2 адв.; 21, арк. 13а]. Узнагароджаны ордэнам Чырвонай Зоркі, медалямі «Партызану Айчыннай вайны І ступені» і «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне».

Пасля вайны скончыў Аршанскі чыгуначны тэхнікум, Багушэўскую сярэднюю школу, з верасня 1947 па ліпень 1951 г. – студэнт Мінскага юрыдычнага інстытута, атрымаў кваліфікацыю юрыста. З кастрычніка 1951 г. па сакавік 1955 г. – аспірант Акадэміі навук БССР, с верасня 1954 г. – асістэнт у Інстытуце народнай гаспадаркі, з сакавіка 1955 г. – малодшы навуковы супрацоўнік Інстытута эканомікі АН БССР. 9 сакавіка ім была абаронена дысертацыя на тэму «Удасканаленне сацыялістычных вытворчых адносін у сельскай гаспадарцы – важнейшая ўмова няўхільнага росту вытворчасці» [20, арк. 6]. З верасня 1955 г. працаваў старшым выкладчыкам кафедры палітэканоміі МДПІЗМ, дзе з 1 верасня 1961 г. выконваў абавязкі загадчыка гэтай кафедры.

Н а в і ц к і Р. Р. нарадзіўся ў 1908 г. у сялянскай сям'і ў в. Радуша Сцэнскай воласці Бабруйскага ўезда Мінскай губерні. З верасня 1923 па верасень 1925 г. – студэнт вячэрняга рабфака ў Бабруйску, з верасня 1925 па верасень 1929 г. навучаўся ў педагагічным тэхнікуме ў г. Рагачоў, з верасня 1929 па верасень 1933 – настаўнік няпоўнай сярэдняй школы ў в. Радуша. З 1933 па сакавік 1938 г. – студэнт гістарычнага факультэта Ленінградскага педінстытута імя Герцэна. З сакавіка 1939 г. па чэрвень 1939 г. выкладаў на курсах партыйна-камсамольскіх работнікаў Калінінскай чыгункі. З чэрвеня 1939 па чэрвень 1940 г. – начальнік штаба батальёна 756-й стралковага палка 150-й стралковай дывізіі, з чэрвеня 1940 па чэрвень 1941 г. – інструктар палітаддзела аддзялення Беластоцкай чыгункі. З ліпеня 1941 па красавік 1942 г. – начальнік сектара агітацыі і прапаганды палітычнага аддзела Куйбышаўскай чыгункі. З красавіка 1942 г. па чэрвень 1942 г. – курсант спецшколы № 2 г. Масквы, з чэрвеня 1942 г. па кастрычнік 1943 выконваў спецыяльныя заданні ЦК КП(б)Б і Беларускага штаба партызанскага руху на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай абласцей. Удзельнічаў у партызанскіх баявых аперацыях. Узнагароджаны медалямі «Партызану Айчыннай вайны І ступені», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [22, арк. 3, 3 адв.].

З кастрычніка 1943 па май 1944 г. – інструктар, а потым намеснік загадчыка аддзела прапаганды і агітацыі Гомельскага абкама КП (б)Б [22, арк. 3 адв.]. З мая 1944 па лістапад 1944 г. – слухач курсаў дыпламатычных работнікаў пры МЗС СССР г. Масквы. З лістапада 1944 г. па люты 1948 – кансультант, а з 1946 г. намеснік загадчыка палітаддзела МЗС БССР (г. Мінск). З лютага 1948 па снежань 1949 г. – аспірант Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК УКП(б) г. Масквы. У Мінскім іназе працаваў старшым выкладчыкам з лютага 1950 г. [22, арк. 2 адв.].

Пакуль што нам удалося адлюстраваць толькі невялікую частку баявых заслуг нашых ветэранаў. Таму з кожным днём факты, датычныя перажыўшых вайну і акупацыю, але здабыўшых вялікую Перамогу над ворагам, становяцца для кожнага з нас асабліва каштоўнымі. Тых, хто быў апалены полымем вайны і ведаў яе асабіста, становіцца ўсё менш. Таму нам неабходна перадаваць з пакалення ў пакаленне іх імёны, памятаць пра

гераізм, мужнасць і самаадданасць франтавікоў, партызан і падпольшчыкаў – студэнтаў, выкладчыкаў і супрацоўнікаў Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў – цяперашняга Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта.

ЛІТАРАТУРА

1. Сведения о составе студентов Минского государственного педагогического института иностранных языков // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 40.
2. Асабістая справа Данейка М. В. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 4643.
3. Списки личного состава отрядов партизанской бригады «Дяди Коли» // НАРБ. – Ф. 1405. Воп. 1. Спр. 750.
4. Асабістая справа Маркоўскай І. С. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 3272.
5. Личный листок по учету партизанских кадров 1-й Минской партизанской бригады // НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 7. Спр. 1.
6. Личный листок по учету партизанских кадров бригады им. Фрунзе // НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 5. Спр. 505
7. Асабістая справа Воўшына Я. М. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 214.
8. Асабістая справа Кандзялінскага Л. Г. // Бягучы архіў МДЛУ. Воп. 5. Спр. 5929.
9. Асабістая справа Буракоўскага С. В. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 2271.
10. Асабістая справа Калеснікава А. Д. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 4957.
11. Асабістая справа Копанева П. І. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 99.
12. Асабістая справа Мурашка П. Я. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 4.
13. *Обозная, Т.* Личным примером Павел Мурашко поднял бойцов в атаку / Т. Обозная [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://guvd.gov.by/news/9327.html. – Дата доступу : 31.03.2018.
14. Асабістая справа Сухаравай Л. А. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 7.
15. Асабістая справа Сяржаніна М. М. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 3600.
16. Асабістая справа Шлопака Р. Ц. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 1460.
17. Асабістая справа Дашкевіча В. К. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 1000.
18. Асабістая справа Лапцёнка В. Д. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 3579.
19. *Авраменко, Г.* Гром над дорогами / Г. Авраменко // Знамя юности. – 1964. – 20 мая.
20. Асабістая справа Казлоўскага У. І. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 946.

21. Сотрудники Академии МВД – ветераны Великой Отечественной войны [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.amia.by/memory-pages/great-patriotic-war-veterans/kozlovskij-vi. – Дата доступу: 31.03.2018.
22. Асабістая справа Навіцкага Р. Р. // Бягучы архіў МДЛУ. – Воп. 5. Спр. 2727.

Ю. З. Кантор

ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ГЕРМАНИИ В XXI в.

Поиски российских музейных экспонатов, пропавших в время Второй мировой войны, продолжаются. Появляются все новые исследования, посвященные трагической судьбе культурных ценностей в годы Второй мировой. По крупицам воссоздается летопись, увы, подобная мартирологу. Редкие исключения – возвращение экспонатов в родные музеи – и радостны, и драматичны. Радостны – поскольку дают надежду на то, что находки будут продолжаться, являясь единственной возможностью хотя бы фрагментарно воссоздать исторические коллекции. Драматичны – поскольку неопровержимо доказывают, что массовый грабеж, производимый военно-служащими вермахта и иных армий государств-сателлитов гитлеровской Германии, нанес нашей стране не меньший урон, чем вывоз художественных ценностей, организованный в чудовищных масштабах нацистским государством, и что в частных домашних коллекциях детей и внуков тех, кто воевал на Восточном фронте, до сих пор могут находиться тысячи музейных экспонатов и других российских художественных реликвий.

Вот лишь несколько примеров двух последних десятилетий. В 1997 г. в Национальном музее города Вроцлав в Польше была выявлена принадлежавшая Гатчинскому дворцу-музею акварель «Вид Монрепо близ Людвигсбурга». Полотно оказалось в Польше во время Второй мировой в период отступления вермахта, и уже после войны как экспонат «неизвестного происхождения» попало в музей, в запасниках которого и хранилось. Благодаря совместной работе польских и российских искусствоведов удалось выяснить происхождение картины и вернуть ее в Гатчинский музей-заповедник. В 2002 г. в немецком частном собрании была найдена картина К. В. Лемоха «Крестьянская девочка», находившаяся в покоях великой княгини Ксении Александровны. В Москве состоялась церемония передачи в Гатчинский дворец картины, которая была возвращена благодаря усилиям департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры России. В том же году через Министерство культуры в Гатчину передали сразу несколько картин, найденных в Берлине: «Портрет Георга I Английского» Готфрида Неллера (Англия, 1717), «Портрет Петра III» работы неизвестного художника (Россия, XVIII в.) и др. В августе 2004 г. в Гатчину из Эстонии был возвращен вывезенный оккупантами ящик для дров из кабинета

Александра II работы мастерской А. И. Тура (середина XIX в.). В апреле 2006 г. список находок пополнил шкаф-бюро работы Г. Гамбса (начало XIX в.), считавшийся утраченным. Он также был обнаружен в частной коллекции в Эстонии [1, с. 142]. В 2008 г. в Гатчинский дворец вернулся каталог картинной галереи Императорского Эрмитажа, вывезенный нацистами в годы Великой Отечественной войны. Он принадлежал императору Александру III и находился в библиотеке Гатчинского дворца. В 2007 г. сотрудники Росохранкультуры обнаружили каталог на одном из интернет-аукционов. Владелец каталога, гражданин США, по просьбе американских властей вернул издание в Россию. В 2011 г. в собрание музея вернулась уникальная резная икона «Введение Богородицы во Храм». Она была подарена императору Александру III греческими монахами в 1893 году на десятилетие его коронации. Об этом говорит надпись на тыльной стороне: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Александровичу III от русского скита святого пророка Илии на Афоне 1893 года». Дар Александр III поместил в Дворцовой церкви Гатчинского дворца. Во время Великой Отечественной войны икона пропала. А в 2007 г. она была выставлена гражданином Германии на аукционе Cristie's. К счастью, образ приобрел известный московский коллекционер, который позднее обнаружил на тыльной стороне надпись и инвентарные номера гатчинской Дворцовой церкви. 1 июня 2011 г. состоялась передача иконы Росохранкультуре, а 7 июня – музею-заповеднику «Гатчина».

В июне 2014 г. из Женевы в Гатчинский музей-заповедник вернулась уникальная коллекция фотографий членов императорской семьи: их «как трофей» взял с собой солдат вермахта, когда в 1944 г. его часть отступала из-под Ленинграда. Его вдова выставила коллекцию на торги, где ее заметили специалисты. Снимки уникальны тем, что они единственные подлинные – в музее после войны не сохранилось ни одной подлинной напечатанной фотографии (когда-то их было более 100 000 единиц) [1, с. 143].

Тогда же в музей вернулась старинная икона «Благовещение», написанная Владимиро-Волынским братством села Иванычи и подаренная императрице Марии Федоровне, супруге Александра III. Сценарий тот же – военнослужащий вермахта в 1944 г. «захватил» образ с собой. В его семье, как утверждали родственники, икона хранилась как реликвия. И лишь 70 лет спустя после того, как икона была вывезена, а говоря без эвфемизмов, украдена, из дворца, наследники решили вернуть ее на законное место, что и произошло в июле 2014 г. В обоих случаях в поиске «следа» и дальнейших переговорах активное участие принимали немецкие историки и музейщики.

Подобного рода военно-детективные истории происходили и с экспонатами других музеев-заповедников. Так, в 2005 г. Австрия вернула в музей-заповедник «Павловск» похищенную во время войны бронзовую статую бога Меркурия. Она была спрятана в тайнике в парке Павловска во время отступления советских войск в начале Великой Отечественной войны. В 1944 г. сотрудники музея вскрыли тайник, но бронзовую скульптуру не

обнаружили на месте. В 1979 г. советские специалисты, случайно увидевшие фото экспозиции музея Эггенберг (филиал Штирийского земельного музея Йоаннеум) в Граце, узнали павловского Меркурия. Австрийские музейщики подтвердили: на основании бронзовой скульптуры, в частности, была обнаружена надпись: «Федор Гордеев, отлил мастер Гастеклу, доделал и чеканил мастер Василий Можалов в 1783 году» [2]. Но лишь в постсоветское время статую удалось вернуть в родной музей – в год 60-летия Победы Меркурий занял свое историческое место перед галереей Гонзаго.

Еще одно сенсационное обретение произошло в Павловском музее-заповеднике в 2013 г. В рамках четвертой сессии рабочей группы «Германо-российский библиотечный диалог» состоялся документальный акт передачи книг библиотеки Росси. Великая княгиня, а после убийства Павла I – императрица, Мария Федоровна всю жизнь активно собирала книги. Владея пятью языками, она выписывала в свою библиотеку европейские новинки, литературу по разным областям знаний. Когда в 1822 г. в северном полуциркуле Павловского дворца была построена библиотека Росси, императрица передала туда более 20 000 томов. Кроме того, в библиотеке находилось большое количество чертежей и гравюр, минералогическая коллекция, коллекция медалей и монет, гербарии, а также около двухсот антиков. Одним из самых ценных экспонатов является трехтомное издание 1823 г. мемуаров казненной французской королевы Марии Антуанетты. Мария Федоровна, путешествуя по Европе, провела несколько месяцев в Париже, где познакомилась и подружилась с Марией Антуанеттой и потом долго переписывалась с ней. Кроме того, в собрании императрицы – полное собрание сочинений Готхольда Лессинга, изданное в 1717 г. в Берлине, письма Оноре Мирабо, сборники исторических анекдотов и другие книги, причем многие из них – с пометками на полях, сделанными императрицей и членами ее семьи. В 1942 г. часть книг – 170 томов – из этой библиотеки попали к графу Фридриху-Вернеру фон дер Шуленбургу, последнему довоенному послу Германии в Москве. Шуленбург отлично понимал ценность императорского книжного собрания и, будучи высокопоставленным сотрудником нацистского МИДа, получил разрешение забрать книги из библиотеки Росси, вывезенные оккупантами из Павловска в Берлин. После казни Шуленбурга в 1944 г. (как участника покушения на Гитлера) его собрание раритетных изданий было разделено на три части по трем ветвям семьи. Потомки графа утверждают, что не знали, откуда в их библиотеках появились новые книги (при том, что на них стоят дореволюционные шифры императорской резиденции и печати советского времени на русском языке). «Узнать» им помогли немецкие специалисты. В 1997 г. немецкий профессор Вольфганг Айхведе – создатель целой школы музейных исследователей, занимающихся поиском и возвращением в Россию культурных ценностей, обнаружил в архивах бывшего министерства госбезопасности ГДР список подаренных графу Шуленбургу книг. Лишь после того, как в 2012 г. Вольфганг Айхведе рассказал об этих книгах газете Süddeutsche Zeitung, они были найдены в огромной библиотеке фамильного замка. Передача книг

императорской библиотеки, как было подчеркнуто на церемонии, состоялась не в рамках закона о реституции, а является доброй волей и актом покаяния наследников Шуленбурга.

С именем Айхведе связано и возвращение в Царское Село двух уникальных экспонатов – единственных подлинных из убранства исчезнувшей Янтарной комнаты (восстановленной в 2003 г. к 300-летию Петербурга). Это поистине бесценные артефакты – один из двух парных комодов русской работы 1760-х годов и флорентийская мозаика «Осязание и Обоняние», выполненная во Флоренции в 1753 [3]. В том же 2014 г. немецкие пенсионеры вернули Петербургу икону Казанской Божией Матери, которая принадлежала фрейлине императрицы Александры Федоровны Анастасии Гендриковой. Также возвращены 10-й том собрания сочинений Франсуа Фенелона (одна из пяти сохранившихся книг из личной библиотеки Александра I) и две вазы из покоев императрицы Александры Федоровны. Одна ваза была выпущена в начале прошлого века на Императорском фарфоровом заводе в Петербурге, а другая, предположительно, японского происхождения. На всех предметах стоят соответствующие клейма Александровского и Екатерининского дворцов. Как это было? Дети двоих офицеров гитлеровской армии (они, к слову, не были знакомы во время войны) стали обладателями наследства, состоящего из увезенных из Царского Села предметов. Франсиска и Йенс Харден из Мюнхена посетили Царское Село в качестве туристов и именно тогда приняли решение вернуть экспонаты, которые все эти годы хранились у них дома [4].

А 25 марта 2016 г. в музей-заповедник «Царское Село» вернулась икона, исчезнувшая из Екатерининского дворца во время Великой Отечественной войны. Икона Божией Матери «Скоропослушница» принадлежала великому князю Алексею Александровичу (брату Александра III). Она числится в «Сводном каталоге культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны». Этот предмет из исторической коллекции музея передала Габриеле Демминг. Она и ее сестра Ингеборг Шенк унаследовали икону после смерти своего отца в 2014 г. В семью в 1940-е гг. ее передал их дядя – военный священник. Икона происходит из исторической коллекции ГМЗ «Царское Село», о чем свидетельствуют указанные на ней инвентарные номера. Она числится в довоенной описи музея [5].

Розыск утраченных экспонатов в Царском Селе начали сразу после освобождения, в 1944 году, однако тогда найти удалось всего 400, причем состояние многих из них было настолько плохим, что не позволяло провести реставрацию. Розыски не прекращены и в настоящее время. В результате совместных усилий сотрудников ГМЗ «Царское Село» и друзей музея было возвращено более 100 предметов из исторической коллекции, а также несколько тысяч книг.

История послевоенного «обретения» считавшихся утраченными музейных сокровищ Великого Новгорода также сопряжена с расследованиями. Первые находки были сделаны вскоре после окончания войны: весной 1945 г. в г. Риге были выявлены книги Новгородского музея, которые при отступлении, к счастью, просто не успели вывезти сотрудники

«Оперативного штаба Розенберга». И вскоре около 60 тыс. книг музейной библиотеки возвратились в Новгород. А в ноябре того же года был обнаружен «след» новгородских музейных ценностей в Германии. Об этом сообщал в своем письме подполковник А. Д. Маневский (бывший начальник Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР, а в 1945 г. руководитель Комиссии Особого комитета при Начальнике тыла Красной Армии), занимавшийся выявлением и оценкой культурных ценностей в Германии. Он прислал список экспонатов, которые могли быть вывезены из новгородских музеев. Среди перечисленных были опознаны: «икона с изображением апостолов Петра и Павла (XII в.) из нижнего яруса иконостаса Софийского собора», «царское место» и «патриаршее место», впоследствии возвращенные в новгородский музей. Уже в 50-е гг. в Новгород вернулись несколько икон, вывезенных нацистами. Затем наступила полувековая пауза. И вот, уже в XXI веке – новые находки. Из наиболее ярких возвращений новгородских ценностей последнего времени – крест главного купола Софийского собора. Крест как «трофей» был демонтирован военнослужащими испанской «Голубой дивизии» и вывезен в 1942 г. в Испанию. По запросу губернатора Новгородской области к посольству Испании в России в 2002 г. было выяснено, что крест находится в часовне музея мадридской Военно-инженерной академии. В результате переговоров российского президента и короля Испании испанская сторона приняла решение передать крест Софийского собора России. 16 ноября 2004 г. в Храме Христа Спасителя он был возвращен в Россию и сейчас размещен внутри Софийского собора. (Крест же, ныне находящийся на центральном куполе, изготовлен в 2006 г. и установлен 24 января 2007 г.).

В 2015 г. Новгородский музей принимал участие в работе международного форума «Музейный диалог», посвященного 10-летию германо-российского музейного сотрудничества. Темой форума стал анализ итогов совместных исследований российских и германских музейных работников, историков и искусствоведов, посвященных проблеме военных культурных утрат периода Второй мировой войны. Тогда немецкие коллеги передали музею «Служебник», изданный в 1651 г. на Печатном дворе в Москве с владельческой пометой Новгородского Антониева монастыря и штампом библиотеки Новгородского музея. Книга была обнаружена в ходе оцифровки фондов в Берлинской государственной библиотеке. Штамп музея свидетельствует, что данный предмет входил в число 1 263 книг кириллической печати, которые вывозились в период оккупации из Новгорода. Также Новгородскому музею-заповеднику был передан кинжал, вывезенный из Новгорода немецким солдатом и попавший после войны в частную коллекцию в Кёльне [6].

История продолжается, и дай Бог, чтобы подобных радостных, но с привкусом горечи, сюжетов становилось все больше. А чудом сохранившиеся «осколки» невосполнимых утрат – уникальные экспонаты – возвращались на свои законные места, в российские музеи, воссозданные несколькими поколениями реставраторов, искусствоведов, историков, архитекторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичникова, М. В.* Гатчинский дворец. Трагедия 1940-х годов и трудный путь к возрождению / М. В. Кирпичникова // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». – СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2016. – С. 142. – (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век).
2. В Павловск вернулся бронзовый Меркурий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://lenta.ru/news/2005/10/06/mercury/. – Дата доступа : 29.08.2017.
3. И однажды откроется дверь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tzar.ru/shows/show/?id=4848. – Дата доступа : 29.08.2017.
4. Немецкие пенсионеры передали Царскому Селу «трофеи» предков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vesti.ru/doc.html?id=2078554. – Дата доступа : 29.08.2017.
5. Икона императорской семьи вернулась в музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tzar.ru/info/info-events/title/?id=5318. – Дата обращения : 29.08.2017.
6. *Григорьева, Н. В.* Роль Новгородского музея-заповедника в сохранении культурно-исторических ценностей в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Григорьева // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4–6 апр. 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 55–59.

К. Ганцер

РАЗВИТИЕ НАРРАТИВА О «ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ» БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ (1940-е – первая половина 1950-х гг.)

Несколько последних лет активной работы автора этого материала над вопросом о «героической обороне» Брестской крепости, нашедшей всестороннее отражение в нескольких научных публикациях не только в ведущих научных изданиях Беларуси, но и за ее пределами, создают достаточно убедительные основания для утверждения о том, что официальный советский и постсоветский нарратив базировался на многочисленных искажениях, фальсификациях, игнорировании первоисточников, а также умышленной тенденциозной интерпретации исторических источников [1, с. 32–42; 2, с. 284–304; 3, с. 43–59; 4, с. 22–41; 5, с. 140–147]. Это касается почти всех его основных элементов.

Раньше автор исходил из того, что главным создателем нарратива, который общеизвестен до настоящего времени, стал советский писатель С. С. Смирнов. Оказалось, что это не совсем так. Хотя Смирнов организовал целенаправленную поисковую работу о защитниках Брестской крепости, при этом проводил

глубокие тематические исследования с публикацией результатов в статьях и книгах, но на самом деле он намного меньше влиял на структуру и центральные элементы нарратива. Как вытекает из предлагаемого ниже анализа, фальсификация истории боев за Брестскую крепость началась намного раньше и не в публикациях советского писателя.

Наша цель – дать ответ на вопрос о том, как создавалась история «героической обороны» Брестской крепости и что легло на деле в основу ее нарративной конструкции. Заметим, что здесь речь идет не о ходе боевых событий 1941 г., а об их отражении на страницах разных советских изданий, в музеях и кино, на сценах театров и т.д. Поэтому в качестве задач мы видим рассмотрение базовых идей нарратива, раскрытие основных положений его содержания и выявление принципиальных расхождений с историческими документами о событиях, которые нашли отражение в документальных источниках или свидетельствах очевидцев.

Хронологические рамки данной статьи ограничиваются периодом с конца войны до середины 1950-х годов. Во второй половине 40-х годов появились первые статьи, стихи и картины, написанные журналистами, писателями, поэтами и художниками на тему обороны Брестской крепости. С 1949 г. тема нашла отражение в материалах экспозиции Музея истории Великой Отечественной войны, открытого в Минске в октябре 1944 г. Среди первых необходимо выделить публикации 1948 г., когда в начале того года секретарь Брестского обкома КПБ(б) Н. Красовский напечатал большую статью сначала в республиканском журнале «Беларусь» [6], а затем в мае того же года в областной газете «Заря» [7]. В том же году на страницах всесоюзного журнала «Огонек» появилась статья беларусского писателя Михаила Златагорова [8], которая переиздавалась в разных версиях несколько раз в конце 1940-х – начале 50-х годов [9; 10]. В продолжение одного 1951 г. полковник Н. Белошеев опубликовал четыре статьи об обороне крепости над Бугом [11; 12; 13; 14], благодаря чему стал третьим очень влиятельным автором. В 1952 г. вышла пьеса белорусского драматурга К. Губаревича [15], которая в течение следующих десятилетий была сотни раз исполнена на разных сценах по всей стране. Таким образом, через сценическое слово, публикации партийных и военных авторов формировались первые представления советских людей об обороне Брестской крепости.

Определенный прорыв в освещении событий защиты Брестской крепости произошел в годы после смерти Сталина. Так, в 1954 г. после увольнения в запас бывший редактор Воениздата, полковник, известный советской писатель С. С. Смирнов начал работу по сбору материалов о защитниках Брестской крепости. В следующем году сотрудник Центрального музея Советской Армии в Москве Т. Никонова выпустила брошюру об обороне крепости [16]. Отметим, что только в одном 1955 г. появилось, кроме указанной брошюры, девять статьей в газетах, журналах и разных сборниках [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25] – половина их из-под пера Смирнова, все во всесоюзных изданиях. Так весь Советский Союз узнал о подвиге защитников Брестской крепости.

Летом и осенью 1956 г. Смирнов несколько раз выступал по всесоюзному радио, в том же году опубликовал книги «Крепость на границе» и «Крепость над Бугом» [26; 27]. Впоследствии автор получил большое число писем, в том числе ранее неизвестных защитников крепости. Тогда же вышел фильм «Бессмертный гарнизон», посвященный героической обороне Брестской крепости (сценарий К. М. Симонова).

1956 год можно назвать рубежным. С 1957 г. по всему Советскому Союзу писали статьи, стихи и картины, пели песни и говорили только об одном аспекте истории Брестской крепости – ее «героической обороне», массовой стойкости, мужестве и самопожертвовании ее защитников.

Анализ вышеназванных публикаций показывает определенную тенденцию. Авторов самых первых публикаций объединяли две общие проблемы. Во-первых, приходилось работать в условиях сталинской советской системы. Это означало, что они должны были, с одной стороны, обязательно использовать определенные общепринятые и стереотипные штампы, клише, оценки, с другой – не затрагивать тем, на которые было наложено идеологическое табу. Во-вторых, публикуя свои первые работы, авторы почти ничего не знали о боях за Брестскую крепость, ходе боевых действий, ее штурме конкретными пехотными частями вермахта, использовании боевого вооружения и т.д., как и не имели конкретного представления о количестве участников с советской стороны, причинах сдачи крепости, плене и т.д. К тому же практически не использовались исторические источники, без которых невозможно было работать над темой. Так что авторы вынуждены были повторять устойчивые штампы, а не утруждать себя поиском документов при раскрытии темы обороны крепости летом 1941 г. Были важны не документальные источники, а любые доказательства массового героизма советских защитников и превосходства советской системы. Во многих случаях в опубликованных работах присутствуют логические противоречия, которые показывают, что авторские тексты основаны не на исторических документах, а на вымышленных фактах, высказываниях или свидетельствах. Вместе с тем имели место случаи, когда публикации опирались на реальные факты. Так, например, секретарь Брестского обкома Н. Красовский писал о реальной участнице обороны Р. Абакумовой [6, с. 7] .

В центре созданного в первые послевоенные годы советскими авторами нарратива стояли две темы, где до сих пор ничего не изменилось.

Для пропагандистов одним из ключевых моментов считалось продолжительность боев. В 1942 г., когда в газете «Красная Звезда» была опубликована первая статья военного корреспондента М. Толченова о боях в крепости [28, с. 3], это еще не было так важно. Автор ориентировался на отчет командира 45-й пехотной дивизии генерала Ф. Шлипера о боевых действиях по захвату Брест-Литовска, но при этом все же добавил один день (и это только из-за ошибки в переводе отчета) от себя [29, с. 41]). В 1946 г. журналисты газеты «Комсомольская правда» А. Вахов и А. Шейнин в материале о первом дне войны решили, что отчет Шлипера был

донесением [30], это значит, что указанная дата является днем подготовки донесения о боях в крепости. Поэтому 8 июля 1941 г., которым был датирован отчет, признали днем окончания боев. Таким способом их смогли растянуть с 9 дней по немецкому документу до 17 дней. По неизвестным причинам Н. Красовский добавил еще 5 дней [6, с. 8]. В 1952 году была найдена надпись на одной из стен крепости с датой «20 июля 1941». Остроумные пропагандисты решили, что эта надпись на стене крепости – документальное доказательство того, что в тот день бои закончились [16]. Оборона была растянута на 29 дней. Позже Смирнов решил, что датой окончания обороны являлся 32-й день войны, когда был пленен майор Гаврилов.

Вторым ключевым моментом является пленение защитников крепости. В своем исследовании мы исходим из того факта, то плен до сих пор остается центральной проблемой нарратива о «героической обороне» [4, с. 22]. Так, в 1942 г. автор самой первой статьи об обороне – военный корреспондент М. Толченов – утверждал, что советские солдаты и командиры не сдавались в плен, а сражались до последнего патрона [28]. Чтобы это утверждение было более убедительным, надо было вырезать из отчета Шлипера, известного в то время корреспонденту, несколько фрагментов, где говорилось не только о большом количестве красноармейцев и офицеров, в ходе немецкого штурма крепости оказавшихся в немецком плену, но и о капитуляции Восточного форта. Немецкий документ содержал конкретные цифры о том, что в конце боев за крепость и город Брест в немецком плену оказалось 7 223 младших командиров и рядовых, в том числе 101 офицер [31, с. 300–309]. Напомним, что в СССР сдача в плен считалось преступлением, которое равнялось измене Родине. По советскому законодательству, пленный – это предатель. О таких не пишут, так как их в Красной армии быть не могло.

Вот и всё, что мы находим в текстах, это плен *ex negativo*: повторное утверждение, что никто даже не думал о сдаче, что предателей не было, что все сражались до конца и т. п. Так осталось и после войны, так осталось и после распада Советского Союза.

В своих публикациях, посвященных теме плена, мне удалось на основе использования целого комплекса документов разного происхождения прийти к аргументированному выводу, что в ходе обороны крепости приблизительно 75% от общего количества защитников попало в немецкий плен [32]. Это значит, что они не стояли насмерть. И это касается большинства участников обороны, которые по разным причинам оказались в плену. В своих работах мы не бросаем упрек в сторону пленных. Это было бы абсолютно неэтичным, необоснованным и ненаучным высказыванием. Повторим и подчеркнем ещё раз: плен был историческим фактом обороны крепости. Но такая правда противоречила бы официальному советскому нарративу только потому, что советские пленные не имели право на свою историю, на свою судьбу, на свою память.

Касательно пленных во всех публикациях мы находим те же самые штампы, которые известны уже много лет и сводятся к тому, что попасть в плен можно было только в бессознательном состоянии.

Выше мы выдвинули тезис о том, что первоначально авторы придумывали отдельных людей, описывали героев и их истории, которых в реальности не было. Мы понимаем, что это рискованное утверждение. Ведь невозможно доказывать несуществование. Мы не можем доказывать, что НЛО нет, что бога нет, что Гитлер сегодня не живет в Антарктиде. В отношении несуществующих (вымышленных) защитников важно обратить внимание читателя на одно косвенное доказательство. Фамилии тех людей, которые были названы в ранних публикациях, позже просто исчезли из официального советского нарратива. Их не награждали медалями и орденами. Этим героям не нашлось места ни в музейных экспозициях, ни в публикациях. Когда события начали исследоваться более систематически, вместо них стали появляться настоящие участники тех летних боев.

В моей докторской работе приведен один из примеров. Перед читателем будет стоять простая задача – понять, как же на деле погиб старший лейтенант Калиновский.

Первым, кто упоминал имя «старшего лейтенанта Калиновского», был секретарь Брестского обкома партии Н. Красовский [6, с. 6]. В 1948 г. он указывает не только место события, но и раскрывает его детали, описывая их так, как будто он сам был там. Смысл изложенного сводится к следующему: Калиновский погиб в здании санитарной части 125-го полка. Как это случилось? 25 июня группа Калиновского защищалась в этом доме. Закончились патроны, поэтому все забаррикадировались в одной комнате. Немцы ворвались в комнату. Калиновский хотел выстрелить в немца, но его пистолет дал осечку. Немцы бросились на него, захватили и вывели во двор. Только там его расстреляли.

Но в описанном сюжете Красовского бросаются в глаза очевидные противоречия. Старшего лейтенанта Калиновского расстреляли дважды: один раз в доме, второй раз – во дворе. Когда закончились патроны, Калиновский хотел выстрелить в одного из нападающих немцев, но не смог этого сделать якобы из-за осечки. Красовский показывает читателю подробности боя, которые можно знать только после проверки материальной части (например, оружие дало осечку). Заметно и то, что рассказ о пленении, мягко говоря, не корректный: Калиновский был взят в плен! Такой вариант не подходит для советского героя.

Схожий сюжет приводит в своей статье и белорусский писатель М. Златогоров, который в том же году писал об обороне крепости и рассказал о судьбе Калиновского [8, с. 14]. Повествуя о героизме и мужестве защитников Брестской крепости, от говорит о том, что группа Калиновского организовала оборону в доме санитарной части 125-го полка. Патроны закончились, поэтому все оставшиеся защитники забаррикадировались в одной комнате. Немцы ворвались в комнату. Они хотели захватить Калиновского живым. Но тот перечеркнул их план, оставив последний патрон для себя.

Возникает вопрос: откуда Златогоров мог знать план немцев о захвате советского офицера в плен? Ответ не известен.

Как видно из текста, писатель идет дальше секретаря обкома и приводит факт самоубийства офицера вместо плена. Это то, что в советские времена ожидали от рядового до командира и комиссара Красной армии. Но в нашем случае это был не самый удачный вариант написания героического эпоса, особенно в свете требований советской идеологии и пропаганды.

Как отмечалось выше, полковник Белошеев в течение одного года опубликовал четыре статьи о защите крепости. В одной из них он писал, что группа Калиновского защищалась в доме 125-го полка, забаррикадировавшись в одной комнате. Патроны закончились. В ход пошли гранаты. Все один за другим погибли, только Калиновский остался в живых. Немцы ворвались в комнату. Раненый Калиновский остался один и без патронов. «Он бросился в рукопашную и погиб смертью храбрых» [14, с. 5]. Вот как надо писать о героях. Только думать о тексте не надо. Иначе можно спрашивать: откуда автору было известно, как погиб Калиновский, если все другие погибли? Кто мог ему рассказать? У немцев автор точно не спрашивал.

Из публикаций получается, что старший лейтенант Калиновский погиб как герой. Вероятнее всего, он не погиб, так как никогда не существовал. Его образ придумал секретарь обкома партии Красовский, другие продолжили рассказ партийного руководителя области, немного его изменив, но при этом выдержав в героическом пафосе. Заметим, что другие авторы, в первую очередь Смирнов, не пишут о подвиге Калиновского. Его почему-то после такого героического подвига не награждали ни орденом, ни медалью. Почему-то его подвиг не упоминается ни в материалах экспозиции Музея обороны, ни на мемориальных памятниках, ни на памятных досках. Его забыли. Хотя на сайте Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» можно найти упоминание о Николае Петровиче Калиновском, погибщем в боях за крепость в июне 1941 г. [33]. Но здесь, вероятнее всего, речь идет об однофамильце, поскольку пока никто не подтвердил документально факт идентичности этих двух людей.

Кроме придуманных героев в ранних публикациях мы найдем и немалое количество выдуманных событий. Приведем один пример. Наш сюжет касается безымянных свидетелей, ссылаясь на которых, сотрудница Центрального музея Советской Армии Т. Никонова пишет в своей брошюре следующее: «Во время одной из атак врага защитники крепости, как рассказывают очевидцы, контратаковали его несколькими танками, находившимися в крепости. Прямым попаданием вражеского снаряда был подбит один из танков. Но объятая пламенем машина не остановилась. Она врезалась в гущу обезумевших фашистов и взорвалась, похоронив под собой десятки гитлеровцев» [16].

Явно, что и этот рассказ – простой фейк.

Во-первых, сразу заметно, что слова «объятая пламенем машина» встречаются в советском героическом нарративе о «подвиге Гастелло»; во-вторых, в известных советских и немецких воспоминаниях этого события

нет; в-третьих, его нет и в немецких документах 1941 г. И наконец, вопрос заключается в том, где это было на территории крепости, где могли находиться очевидцы, которые всё это видели. Ответ прост: для тех, кто знает географию размещения военных объектов на территории крепости, очевидно, что ни в самой крепости, ни на всей ее территории нет такого места, где это могло произойти технически. Скорее всего, автор брошюры, создавая такой сюжет на бумаге, перенесла на страницы события, которые можно было увидеть на экранах кинотеатров, но не среди исторических фактов обороны крепости.

Приведенные примеры говорят о том, что до 1956 г. практически в любом тексте об обороне Брестской крепости встречаются недостоверные факты. Речь идет о фактах, которые не находят документального подтверждения, т.е. не опираются на верифицированные источники. Постоянная пропаганда подобных преувеличений и фантазий привела к тому, что стало «общеизвестно», что в Брестской крепости произошло что-то чрезвычайное, но повторяющееся в литературных и журнальных публикациях, однако не нашедшее отражения ни в одном научном исследовании. К началу 1950-х годов была воссоздана картина, которую нужно было и дальше сохранять без изменений, не подвергая сомнениям. И при этом не было пути назад. Когда в середине 50-х годов Смирнов стал заниматься сбором материалов о крепости, основные элементы героического нарратива к тому времени были идеологически этаблированы и приняты общественностью. Писатель только взял готовый каркас событий и добавил туда настоящих, живых и мертвых людей.

Свидетели исторических событий, показанных Смирновым, также далеко не отошли от сюжетов нарратива, который они уже знали из газет, журналов, радио и кино (вернее, смогли добавить свои фантазии или же подтвердить нарратив своим статусом очевидцев). Они уже понимали, что от них ожидали читатели или слушатели и государственные органы. Возникает вопрос: нужно ли было им в тех условиях искать правду? Ведь после всех страданий, лагерей, подозрений многим было приятно просто называться героем, защищавшим в течение месяца Брестскую крепость. Спокойнее жилось.

Как было отмечено выше, С. С. Смирнов в целом сильно не влиял на нарратив, создаваемый раньше пропагандистами, литераторами, поэтами, но не исследователями. В то же время в одном сюжете он значительно изменил нарратив. Так, в начале поиска писатель общался с тремя защитниками крепости, которые сообщали о ее многократных бомбежках самолетами люфтваффе (Самвел Матевосян, Александр Филь, Александр Махнач). Однако по немецким данным этих бомб не было [34], так как ни один самолет люфтваффе до 29 июня не выполнял боевое задание по бомбардировке крепости. Но благодаря публикациям Смирнова бомбежки стали одной из центральных частей советского нарратива.

Получается, что в основе версии нарратива Смирнова, которая стала общеизвестной и была принята официально, мы находим следующее.

1. Авторские выдумки в ранних публикациях, игнорирование уже известных исторических фактов, даже фальсификация отдельных событий (например, плена), использование в целом журналистского подхода к изучению истории обороны крепости, отсутствие критического подхода к анализу событий, односторонняя интерпретация источников при оценке реальных событий.

2. Опора на рассказы очевидцев, которые часто приукрашали события, отступали от истины. Так, например, Александр Филь утверждал, что боролся в крепости больше недели, но по немецким документам он был взят в плен уже на второй день войны. То есть все, что он рассказывал о событиях, начиная с 24 июня, на деле оказалось выдумкой.

Другой убедительный пример – майор Гаврилов. В своих воспоминаниях он писал, что под его командованием защитники Восточного форта сбили минимум три самолета. Это не больше и не меньше чем фантазия воина. Также Гаврилов включил в свои воспоминания немецкое нападение на форт с использованием бензина и масла, о котором он после войны узнал из некачественного перевода немецкого документа. На самом деле такая операция была запланирована на 30 июня в том случае, если защитники Восточного форта и дальше будут оказывать сопротивление. Но защитники форта капитулировали, поэтому операция не была проведена.

Таким образом, изучение начального периода советского нарратива о «героической обороне» Брестской крепости приводит к мысли о том, что в то время была сформулирована официальная версия, основой которой стала советская пропаганда времен Сталина. Отсутствие серьезных исследований, построенных на критическом анализе различных данных, в том числе немецких, а также умышленное придумывание героев и событий привели к одностороннему и идеологизированному показу истории боев за Брестскую крепость, что и сегодня пропагандируется музеями, журналистами и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ганцер, К.* Воспоминания защитников Брестской крепости как исторические источники. Проблемы и шансы / К. Ганцер // Личность в истории. Героическое и трагическое: сб. материалов VI междунар. конф., Брест, 22–23 ноября 2013 г. : в 2 ч. / под ред. Е. И. Пашкович. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 2. – С. 32–42.

2. *Ганцэр, К.* Памяць пра вайну і акупацыю ў Беларусі на прыкладзе мемарыялаў «Брэсцкая крэпасць-герой» і «Хатынь» / К. Ганцэр // ARCHE. – 2015. – № 9. – С. 284–304.

3. *Ганцэр, К.* «Гераізм, трагізм, мужнасьць». Музей абароны Берасьцейскай крэпасьці / К. Ганцэр, Е. І. Пашковіч // ARCHE. – 2013. – № 2. – С. 43–59.

4. *Ганцер, К.* Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости / К. Ганцер // Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск: Инбелкульт. 2016. – С. 22–41.
5. *Ганцэр, К.* Памяць і забыццё: ушанаванне герояў Брэсцкай крэпасці / К. Ганцэр // Вяртанне ў Еўропу: Мінулае і будчыня Беларусі / пад рэд. Е. І. Пашковіч. – Варшава : Лазарскі, 2011. – С. 140–147.
6. *Красоўскі, М.* Гераічная абарона ў Брэсце (чэрвень–ліпень 1941) / М. Красоўскі // Беларусь. – 1948. – № 2. – С. 3–8.
7. *Красоўскі, М.* Гераічная абарона ў Брэсце / М. Красоўскі // Заря. – 1948. – 9 мая. – С. 3–4.
8. *Златогоров, М.* Брестская крепость / М. Златогоров // Огонек. – 1948. – № 8. – С. 13–14.
9. *Златогоров, М.* Беспокойные сердца: очерки / М. Златогоров. – М. : Профиздат, 1949. – С. 7–21.
10. *Златогоров, М.* Защитники Брестской крепости / М. Златогоров // «За Родину! За Сталина!». Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне: лит.-худож. и док. сб. 1941–1942 гг. / С. Смирнов. – М. : Воениздат, 1951. – С. 18–25.
11. *Белашэеў, А.* Бастыёны славы / А. Белашэеў // Беларусь. – 1951. – № 2. – С. 9–10.
12. *Белошеев, А.* Священные реликвии первых дней войны / А. Белошеев // Огонек. – 1951. – № 10. – С. 4–5.
13. *Белошеев, А.* Стойкость и мужество советских воинов / А. Белошеев // Иллюстрированная газета. – 1951, июнь.
14. *Белошеев, А.* Цитадель славы / А. Белошеев // Советский воин. – 1951. – № 11. – С. 4–6.
15. *Губарэвіч, К.* Цытадэль славы: драма ў 3 актах, 8 карцінах / К. Губарэвіч // Полымя. – 1952. – № 1. – С. 64–91.
16. *Никонова, Т.* Героическая оборона Брестской крепости. По документам и реликвиям Центрального музея Советской Армии / Т. Никонова. – М. : Воениздат, 1955. – С. 19.
17. Молодежи о Советской Армии / под ред. В. Московского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Молодая гвардия, 1955. – С. 171.
18. Очерки истории великой Отечественной войны 1941–1945 / под ред. Б. Тельпуховского. – М. : Акад. наук СССР, 1955. – С. 52–53.
19. *Симонов, К.* Бессмертный гарнизон: киносценарий / К. Симонов // Новый мир. – 1955. – № 5. – С. 26–67.
20. *Смирнов, С. С.* Героическй подвиг защитников Брестской крепости / С.С. Смирнов // Красная Звезда. – 1955. – 25 марта.
21. *Пономарев, В.* Крепость Славы / В. Пономарев // Огонек. – 1955. – № 6. – С. 21.
22. *Смирнов, С.С.* Крепость на границе / С.С. Смирнов // Советский воин. – 1955. – № 8. – С. 21–23.
23. *Продан, Ю.* Как в сорок первом … / Ю. Продан // Советский воин. – 1955. – № 8. – С. 23.

24. *Смирнов, С. С.* Крепость над Бугом: героическая драма в 4 действиях с прологом / С. С. Смирнов // Знамя. – 1955. – № 9. – С. 13–57.
25. *Смирнов, С. С.* Брестская крепость / С.С. Смирнов // Смена. – 1955. – № 12. – С. 4–5.
26. *Смирнов, С. С.* Крепость на границе / С.С. Смирнов. – М. : ДОСААФ, 1956. – 95 с.
27. *Смирнов, С. С.* Крепость над Бугом. Героическая драма в 4 действиях с прологом / С. С. Смирнов. – М.: Искусство, 1956. – 116 с.
28. *Толченов, М.* Год тому назад / М. Толченов // Красная Звезда. – 1942. – 21 июня. – С. 3.
29. *Ганцер, К.* Переводчик виноват. Влияние перевода на восприятие исторических событий (на примере отчета о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генерал-майора Фрица Шлипера) / К. Ганцер // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. – Минск : МДЛУ, 2015. – Вып. 13: у 2 т. – Т. 1. – С. 39–45.
30. *Вахов, А.* В первый день войны / А. Вахов, А. Шейнин // Комсомольская правда. – 1946. – 23 февр.
31. Отчет командира 45-й пехотной дивизии генерал-майора Ф. Шлипера о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генеральному штабу сухопутных войск от 8 июля 1941 г. // Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт. 2016. – С. 300–309.
32. *Ганцэр, К.* Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцэр // ARCHE. – 2014. – № 5. – С. 135–153.
33. Брестская крепость. Мемориальная крепость. Книга «Память»: Белорусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://brest-fortress.by/kniga-pamyat/68-belorusy-26.html. – Дата доступа: 04.04.2018.
34. *Ganzer, Ch.* Grenzenloses Heldentum *revisited*. Die "heldenhafte Verteidigung der Brester Festung" im Lichte von Wehrmachtakten und deutschen Egodokumenten / Ch. Ganzer // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2017. – Nr. 76/1. – S. 56–60.

Ю. фон Зааль

«ДЗІЦЯЧЫЯ ВЁСКІ» Ў ПАМЯЦІ БЕЛАРУСІ І Ў ГЕРМАНСКІХ КРЫНІЦАХ

Гісторыя германа-савецкай вайны і звязаныя з гэтым стасункі паміж Германіяй і Беларуссю ўтрымліваюць некаторыя «белыя плямы». Адной з такіх з'яўляюцца злачынствы германскага вермахта на завяршальнай фазе вайны, пра што мы, як і раней, маем толькі фрагментарныя веды. Якраз такі фрагмент гісторыі ўяўляюць «дзіцячыя вёскі», створаныя ў тыле 9-й палявой

арміі вермахта ў паўднёва-заходняй частцы акупаванай Беларусі ў першай палове 1944 г., якія паводле нямецкага жаргону называліся «бандыцкімі лагерамі». У навуковым плане ён амаль што не адлюстраваны, між тым як у эмацыйным і наглядным знайшоў даволі трывалае замацаванне ў беларускай памяці. У нямецкіх даследаваннях гэтыя «эпізоды» асвятляліся ў кантэксце гісторыі прымусовай працы і ў значнай меры з перспектывы злачынстваў. Вядома, што амаль 50 000 дзяцей і моладзі павінны былі быць вывезены ў якасці прымусовых рабочых у рамках гэтак званай HEU-акцыі (H–бяздомныя дзеці, E–дзеці без бацькоў і U–без жытла), і толькі наступленне Чырвонай арміі перашкодзіла поўнаму ажыццяўленню гэтага плана. Колькасць вывезеных ацэньваецца ад 2 500 да 4 500 чалавек. Веды пра колькасць лагераў і дзяцей, іх знаходжанне там і далейшы лёс маюць пэўныя прабелы. Але і ў Беларусі гэта карціна ўяўляецца размытай і не зусім яснай. Напрыклад, няма паразумення, якія лагеры былі «дзіцячымі лагерамі», і што сведчыць пра гэта. Адносна месца памяці Красны Бераг, які нагадвае пра пакуты інтэрніраваных там дзяцей, згадваюцца розныя лічбы: за часам экскурсій можна пачуць лічбу 16, тады як на памятнай дошцы графічна адлюстравана толькі 14, прычым без належнага тлумачэння. Гэтыя лічбы выкарыстоўваюцца ў інфармацыйнай прасторы без дакладнага абаснавання [1]. У даведніку аб месцах прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, падрыхтаваным у пачатку нулявых гадоў пад навуковым кіраўніцтвам Р. П. Платонава і У. І. Адамушкі, са спасылкай на архіўныя крыніцы згадваюцца 5 лагераў (Скобраўка, Красны Бераг, Лучыцы, Петрыкаў і Парычы), прычым чатыры з іх пазначаны як «дзіцячыя донарскія лагеры» [2, с. 32, 34, 51].

Прычыны якасных адрозненняў і неадэкватна выпісаных гістарычных карцін неабходна шукаць перш за ўсё ў адсутнасці акадэмічнай дыскусіі па гэтай тэме і ў аднабаковым успрыняцці крыніц. На цяперашні час засталося вельмі мала дакументаў аб стварэнні падобных «дзіцячых вёсак»: большасць крыніц органы германскага ваеннага акупацыйнага кіравання мэтанакіравана знішчалі ці проста страцілі. Таксама няма дакументаў аб захопе дзяцей, тэрміне іх знаходжання і паўсядзённасці такога інтэрніравання. У рэдкіх выпадках, перш за ўсё толькі пасля ліквідацыі Савецкага Саюза або ў рамках германскай праграмы па выплаце кампенсацый, тагачасныя непаўналетнія распавядалі аб сваіх пакутах. Такія звесткі сталі ў паваенныя гады часткай камунікатыўнай памяці, таму павінны разглядацца крытычна, прычым выключна ў гістарычным кантэксце, што азначае таксама патрэбу ў выкарыстанні дакументаў нямецкага паходжання і ўліку нацыянальнага дыскурсу.

Прапанаваны артыкул неабходна разумець як пэўны ўклад у скарбонку беларускай памяці пра тую фазу вайны, у якой дзеці сталі масавай ахвярай нацысцкіх злачынных планаў. Усебаковае адлюстраванне тых падзей тут наўрад ці магчыма па пэўных прычынах; у гэтай сувязі чытачу прапануецца даследаванне на базе крыніц нямецкага паходжання. Між тым любое

сур'ёзнае гістарычнае даследаванне аспектаў германа-савецкай вайны патрабуе транснацыянальнага падыходу і практычна немагчыма без сінтэзу дакументаў рознага паходжання. Хоць крыніц да гэтай тэматыкі вельмі мала, у той жа час нам вядомы асобныя дакументы 9-й палявой арміі вермахта па стварэнні лагера Скобраўка. На аснове гэтых матэрыялаў праз параўнаўчы падыход асвятляюцца падзеі па стварэнні лагера і ў Красным Беразе, а таксама працэс захопу дзяцей, абставіны іх інтэрніравання разам з вызначэннем функцый гэтага месца ўтрымання за часам адступлення вермахта ў пачатку і летам 1944 г.

Абодва месцы, якія геаграфічна знаходзяцца паміж Мінскам і Жлобінам, былі выбраны не выпадкова. У постсавецкай беларускай памяці яны ў дачыненні да савецкіх дзяцей і ў плане дыскурсу – наглядны прыклад нацысцкіх злачынстваў.

У параўнанні з яўрэйскімі савецкія дзеці не з'яўляліся асобнай сацыяльнай групай для планавага знішчэння. Яны таксама не былі прапісаны ў канцэпцыі германскай маланкавай вайны [3, S. 195–230]. Адзін з прадстаўнікоў групы арміі «Цэнтр» занатоўваў у сваім дзённіку ў 1944 г., што дзеці доўга разглядаліся «па-за падзеямі вайны» [4, Bl. 222]. Аднак абодва выказванні можна разумець як памылковыя, калі звярнуць увагу на першыя распараджэнні і дзеянні даволі хутка створанага цывільнага кіравання – Генеральнага камісарыята Беларусь (ГКБ). У ходзе вайны намеры ў дачыненні да непаўналетняга насельніцтва змяніліся, аднак з самага пачатку яны адзначаліся нацысцкімі злачыннымі загадамі і распараджэннямі па правядзенні вайны на вынішчэнне разам з бязлітаснай эксплуатацыяй, а таксама германскімі планамі каланізацыі Беларусі і расава-ідэалагічнай іерархіі насельніцтва. Улік і селекцыя дзяцей паводле расава-ідэалагічных крытэрыяў, працаздольнасці і абавязку атрымання пачатковага школьнага навучання з аддзяленнем ад яўрэйскага насельніцтва адбыліся адразу пасля нямецкага прыходу на гэтую тэрыторыю. Згаданыя меры адпавядалі пэўным мэтам: па-першае, дзеці павінны былі «сеяцца» паводле каштоўнасці «крыві», як гэта прадугледжвалася яшчэ ў маі 1940 г. у праграме па германізацыі, прадстаўленай Г. Гімлерам у дакладной запісцы па абыходжанні з іншымі народамі на Усходзе [5]. Па-другое, лічылася абавязковым дзяўчат і хлапчукоў як мага раней прыцягнуць да працы на месцы і ў якасці працоўнай сілы ў рэйху, для якога папаўненне рабочай сілы адбывалася шляхам паніжэння працоўнага ўзросту дзяцей і прымусовага ўліку патэнцыяльных «працаздольных» [6; 7].

З канца мая 1942 г. у сувязі з уздымам партызанскага руху і правядзеннем у адказ нямецкіх карных акцый дзеці ў масавым парадку падлягалі захопу, дэпартацыі ці знішчэнню. У групах армій «Поўнач» і «Цэнтр» мелі месца скаргі аб тым, што ў пачатку 1943 г. не могуць размясціць тысячы «дзяцей-бандытаў». Так, 18 красавіка 1943 г. камандаванне групы армій «Поўнач» звярталася да службаў СС з просьбай пазбавіць іх ад 3 735 «дзяцей без бацькоў і недагледжаных», якім не было 14 гадоў [8].

У якасці выйсця ўзнікла каварная ідэя аб размяшчэнні дзяцей у спецыяльным лагеры, дзе яны павінны былі прайсці селекцыю па расавай прыкмеце ў рамках праграмы германізацыі і выкарыстоўвацца ў якасці працоўнай сілы на прадпрыемствах СС. Са стварэннем адпаведнага выхаваўчага лагера ў Канстанцінаве ў раёне Вартэгаў (названы Тухінген, філіял лагера для ўтрымання моладзі каля г. Лодзі) ці ў Патуліцы (Лебрэхтдорф каля Асвенціма) такія намеры пачалі ажыццяўляцца на справе, прычым тут знаходзіліся не толькі дзеці без бацькоў ці без догляду, але і выкрадзеныя непаўналетнія [6; 8]. Тое, што дзеці ўсё часцей траплялі ў поле дзейнасці службаў СС, пацвярджае распараджэнне Гімлера ад 13 ліпеня 1943 г., паводле якога яму неабходна дакладваць штомесячна аб «загружанасці дзіцячых лагераў на Усходзе» і пры гэтым паведамляць аб размяшчэнні ў іх «колькасці дзяцей і класаў па ўзросце» і «як складваюцца справы з выхаваннем, доглядам і харчовым забеспячэннем?» [8, Bl. 8040]. Для выкарыстання моладзі ў якасці працоўнай сілы і адначасовага змяншэння ўплыву партызан у раёне дзейнасці 9-й палявой арміі было прынята рашэнне аб стварэнні на месцах «дзіцячых вёсак» [9, S. 1086]. Паводле данясення рэферэнта маладзёжнага аддзела Міністэрства па занятых усходніх абласцях З. Нікеля, першыя «дзіцячыя вёскі» былі створаны ў тыле арміі ў пачатку 1944 г. Тут былі сабраны не толькі сіроты, але і дзеці да 14 гадоў, якіх прымусова забіралі ў насельніцтва за лініяй фронту. Пры нязначным прыцягненні нямецкіх кіруючых сіл дзеці былі інтэрніраваны, ідэалагічна апрацаваны і прымушаны працаваць. З гэтага вопыту Нікель прыйшоў да станоўчых вывадаў:

«а) пашыраная тэрыторыя вакол дзіцячай вёскі больш не мела банд;

б) дарослыя дзеці ў працоўных батальёнах былі абсалютна надзейнымі для нямецкіх часцей;

в) у выпадку змены лініі фронту эвакуацыя патрабавалася толькі ў дачыненні да дзіцячых вёсак, насельніцтва само сыходзіла;

г) мы маем магчымасць у арганізацыі і кіраўніцтве ў канцэнтраванай форме неабходнага нам выхавання і селекцыі» [10, Bl. 408ff.].

Беларускую моладзь таксама спрабавалі ўключыць у «Рускую будаўнічую службу» (падобная да рабочай службы рэйха, ZAD), «Саюз беларускай моладзі» (створаны ў чэрвені 1943 г.) і «Маладзёжную узаемадапамогу» (выхаванне і адукацыя для службы ў германскім вермахце) [11, Bl. 245–246]. На аснове гэтага вопыту ў рэшце рэшт узнікла праграма вывазу дзяцей з зоны армейскага тылу групы армій «Цэнтр», загад пра што быў аддадзены 28 мая 1944 г. і прадугледжваў сакрэтнае правядзенне спецыяльнай аперацыі пад назвай акцыі-HEU і з цынічным паролем «ахова рускай моладзі, магчымасць лепшай адукацыі і захавання для народа» [12, Bl. 219–221].

Пра забеспячэнне сірот не можа весціся ніякая размова. Хутчэй за ўсё тут можна распавядаць пра ваенную ці гаспадарчую неабходнасць. У пачатку 1944 г. германскі вермахт быў вымушаны адступаць пад ціскам Чырвонай арміі і партызанскіх злучэнняў на тэрыторыі Беларусі. Асабліва рашуча

дзейнічалі немцы на Палессі, на паўднёвым усходзе Беларусі, дзе яны ўжо ў першай палове 1943 г. праводзілі нечуваныя знішчальныя ваенныя аперацыі супраць мясцовага насельніцтва. З прыцягненнем дзяцей для германскага вермахта мабілізаваліся не толькі апошнія працоўныя рэзервы. Дзеці з'яўляліся заложнікамі, пэўным злучальным матэрыялам з мэтай правядзення закрытай эвакуацыі насельніцтва ў рамках новай стратэгіі стварэння на вялікіх тэрыторыях «мёртвых зон» без насельніцтва [9, S. 1010–1036]. Рабаўніцтва дзяцей павінна было зменшыць апроч таго «ваенную і біялагічную моц» праціўніка, як гэта адзначаў гаўптштурмфюрэр СС В. Брандэбург у сакрэтным допісе ад 12 ліпеня 1944 г. на імя свайго начальніка обер-групэнфюрэра СС Г.Бергера ва Усходнім міністэрстве [13, S. 185–187]. У прыфрантавых раёнах XXXV, XXXXI і LV армейскіх карпусоў былі запланаваны ўлік, размяшчэнне ў зборных пунктах, якія знаходзілія побач з чыгункай, і прымусовая дэпартацыя ў рэйх у якасці працоўнай сілы ў с ё й моладзі ва ўзросце ад 14 гадоў [12, Bl. 219–221].

Якая колькасць прыёмных лагераў для дзяцей была на тэрыторыі Беларусі, які час яны існавалі і колькі дзяцей там утрымлівалася, сёння нельга адказаць з-за недахопу крыніц. З наяўнага невялікага матэрыялу 9-й палявой арміі вынікае, што першая «дзіцячая вёска» была створана ў Скобраўцы, якая знаходзілася побач з чыгункай у раёне Мар'інай Горкі ў сферы дзейнасці мясцовай камендатуры (OK) I/252. Ужо 14 мая 1944 г., яшчэ *перад* пачаткам HEU-акцыі, камандаванне 9-й палявой арміі выдала загад армейскім карпусам аб падрыхтоўцы мясцовасці ў раёне Скобраўкі для прыёмкі амаль 1 000 дзяцей, эвакуіраваных з зоны баявых дзеянняў [14, Bl. 301]. Пры гэтым мясцовыя жыхары, якія «пражываюць у прылеглых населеных пунктах», павінны пакінуць іх на працягу 15–17 мая. Толькі ў паўночна-заходняй частцы мясцовасці магла заставацца працоўная сіла – мясцовыя рабочыя арганізацыі Тодта і ваеннапалонныя. Уваход у вёску забараняўся насельніцтву і прадстаўнікам германскага вермахта. Для правядзення эвакуацыі была створана спецыяльная каманда з 7-га аддзела камандавання 9-й палявой арміі. Мясцовай камендатуры Мар'інай Горкі было даручана «аказваць любую неабходную дапамогу». Стварэнне абмежаванай тэрыторыі для «вёскі моладзі» ўзяў на сябе галоўны армейскі кватэрмайстар. Паводле дакументаў, было запланавана рыхтаваць моладзь пераважна «рамесных прафесій» і перадаць куратарства мясцовым калабарантам з незадоўга да гэтага арганізаванага па ініцыятыве армейскага камандавання «Саюза барацьбы супраць бальшавізму».

Да канца чэрвеня таксама праводзіліся работы па падрыхтоўцы перапісу дзяцей. За дзень да з'яўлення загада аб стварэнні «дзіцячай вёскі» сталі вядомымі новыя распараджэнні адносна абыходжання з мірным насельніцтвам, што было захоплена ў час «акцый супраць партызан», адпаведна якім «працаздольныя бандыты, іх памагатыя і падазроныя» больш не расстрэльваліся, а накіроўваліся «ў сувязі з вялікай патрэбай у працоўнай сіле» для правядзення работ. Да іх ліку належалі з гэтага моманту таксама

жанчыны з малымі дзецьмі, пры гэтым малыя дзеці ў адпаведнасці з гэтым распараджэннем павінны былі заставацца разам з непрацаздольнай часткай насельніцтва [15, Bl. 208]. На практыцы малыя дзеці заставаліся як з матулямі, так і без іх, але гэта не ратавала іх ад такога вывазу. У накіраваным 15 мая распараджэнні камандаванню XXXV армейскага корпуса больш не вялося гаворкі пра моладзь без бацькоў, аднак ішла размова пра 200 дзяцей ва ўзросце ад 8 да 14 гадоў, якія да 24 мая павінны былі быць зарэгістраваны і «падрыхтаваны да адпраўкі». «Неабходна праверыць стан здароўя дзяцей, яны павінны быць здаровымі і адпавядаць расавым прадпісанням» [16]. У адным з допісаў кватэрмайстра да справаздачы ад 16 мая адзначана, што дзеці «ўлічаны ў вялікай колькасці і павінны быць размешчаны ў тылавым раёне, каб пазбегчы захопу з боку рускіх» [17, Bl. 283].

Найвялікшы размах перапіс дзяцей дасягнуў толькі пасля пачатку правядзення HEU-акцыі. Адпаведна загаду вайсковыя часці і падраздзяленні камендатур павінны былі «ўзяць на ўлік усю моладзь ва ўзросце 10–14 гадоў», пры гэтым правядзенне ўліку неабходна было ажыццяўляць пры дапамозе прапагандыстаў [12]. Армейскім карпусам было загадана размясціць дзяцей у лагерах побач з чыгункай: XXXV армейскаму корпусу – у Красным Беразе і Целушы; XXXXI танкаваму корпусу – у Парычах і Чорным Бродзе і LV армейскаму корпусу – у Капцэвічах і Навасёлках. Было запланавана, каб дзяцей пасля «грунтоўнага» медыцынскага агляду і ў прапагандысцкіх мэтах пры суправаджэнні асобных матуль (адна маці на 100 дзяцей!), якія праз 2–3 тыдні вярталіся назад, на цягніку адправіць у Лодзь, дзе імі павінна займацца кіраўніцтва моладзі рэйха. У Ваенным архіве Фрайбурга захоўваюцца справаздачы LV армейскага корпуса (раён Бабруйска, Прыпяці), якія сведчаць пра ўдзел 102 і 292-й пяхотных дывізій і іх высокую актыўнасць у час захопу дзяцей у раёне на поўдзень ад Бабруйска ў маі і чэрвені 1944 г. Такім чынам, на 20 мая 102-й пяхотнай дывізіяй былі захоплены 302 хлопчыкі і 248 дзяўчынак ва ўзросце ад 8 да 14 гадоў і дастаўлены ў зборны лагер на вакзале ў Капцэвічах. Калі ўсе хлопчыкі былі адпраўлены ў напрамку Мар'інай Горкі, хутчэй за ўсё ў вёску Скобраўка, 38 дзяўчынак былі пакінуты як «непрыдатныя», астатнія 210 былі дастаўлены ў Бабруйск [18, Bl. 8]. У справаздачы ад 15 чэрвеня размова ідзе ўжо пра 715 хлопчыкаў і дзяўчынак (зарэгістравана 102-й пяхотнай дывізіяй) і 694 (292-й пяхотнай дывізіяй), а таксама пра 13 жанчын. Пасля папярэдняга абследавання былі выяўлены каля 10 % «непрыдатных», і астатнія дзеці пасля дэзынсекцыі і апрацоўкі былі адпраўлены ў Пухавічы каля Мар'най Горкі ці ў юнкерскія майстэрні Крымічава (Саксонія) [18].

Відавочна, што гэта акцыя суправаджалася значнымі прапагандысцкімі намаганнямі. Пачынаючы ад затрымкі дзяцей у гэтым удзельнічалі пяхотныя дывізіі, яны выкарыстоўвалі гучнагаварыцелі і шматлікіх прапагандыстаў, якія супакойвалі матуль і павінны былі пераканаць іх у добраахвотнай здачы дзяцей [19, Bl. 127; 20, Bl. 158–159]. Тое, што дзеці не ішлі добраахвотна, як вынікае з гэтых паведамленняў, а пад значным прымусам для разлучэння іх з бацькамі, можна прачытаць не толькі паміж радкоў захаваных

дакументальным матэрыялаў [19; 20], а даведацца ад служачых вермахта і ад сведак. Па звестках аднаго ваеннапалоннага з 296-й пяхотнай дывізіі (XXXV AK), якія зафіксаваны ў пратаколе савецкага судовага працэсу ў Мінску, вёскі акружаліся ўначы ці ранкам і дзеці сілай забіраліся ад дарослых [21; 22; 23]. Толькі дывізіяй, у якой ён служыў, было вывезена з прыцягненнем зброі не менш за 2 000 дзяцей з раёна Рагачова. Ім самім было дастаўлена ў адзін з лагераў недалёка ад Бабруйска 70 дзяцей ва ўзросце ад 6 да 13 гадоў, якіх пазней адправілі ў Германію. Гэтыя падзеі пацвярджаюцца ў інтэрв'ю непасрэднымі ўдзельнікамі: 12-гадовая Галіна Ліўшыц з вёскі Жарэбцы адзначае гвалтоўны захоп і безупынны плач дзяцей ва ўзросце ад 7 да 14 гадоў, якіх нямецкія салдаты дастаўлялі з яе вёскі ў Красны Бераг. З асабістымі звесткамі пра ўзрост і імя, напісанымі на фанернай таблічцы, што была павешана на шыю, яна разам з іншымі дзецьмі дастаўлялася пад узброенай аховай [24, с. 122–124]. Падобныя дзеянні знайшлі адлюстраванне ў апісанні іншых сведак [25; 26].

Паводле запісаў у дзённіках баявых дзеянняў ад 20, 22, 23 мая, 11, 15 і 20 чэрвеня 1944 г., вызначальнымі для будучага лёсу былі таксама ўзрост дзяцей і стан іх здароўя: моладзь здаровага выгляду ва ўзросце ад 14 гадоў была адразу ж ці адпраўлена ў рэйх у якасці працоўнай сілы ці выкарыстоўвалася на месцы ў якасці маладых памочнікаў, тады як малодшыя дзеці былі раздзелены паміж прылеглымі «дзіцячымі вёскамі» ці зборнымі пунктамі [18]. На той час 11-гадовая дзяўчынка Матрона Кашавенка пасля медыцынскага агляду была дастаўлена ў таварным вагоне ў Скобраўку, тады як яе сяброўка, старэйшая на два гады, была адпраўлена ў Германію: «Когда нас привезли, это был или клуб какой-то, или это сарай какой-то был, короче говоря, собрали нас много деток, свозили со всех деревень ближайших. Мы какое-то время там побыли, вероятно, несколько дней, нас осмотрели немецкие врачи и поставили на лбу крест. …Больным детям ставили красный крест, и их или увозили, или отпускали» [27, с. 16; 28].

«Дзіцячая вёска» ў Скобраўцы, якая была ўрачыста адкрыта 27 мая 1944 г. прадстаўнікамі 9-й палявой арміі і мясцовага кіраўніцтва (М. Октан, рэдактар нацыянал-сацыялістычнай газеты «Рэч» «Саюза барацьбы супраць бальшавізму», Б. Меньшагін, бурмістр Бабруйска і адначасова духоўны прадстаўнік галоўнага прапаведніка З. Булгака і святар Нямцэвіч), праіснавала 5 тыдняў [26, с. 194: 28, с. 3; 29, с. 199]. Лагер знаходзіўся ў цэнтры выселенай вёскі і быў акружаны падраздзяленнем вермахта і ўзброенымі патрулямі. Адпаведна пратаколу, афармленаму паводле сведчанняў чырвонаармейцаў і жыхароў Скобраўкі 8 ліпеня 1944 г. (пасля вызвалення Чырвонай арміяй), ён быў не ачэплены калючым дротам, а абнесены драўлянай сцяной і абмежаваны насыпным зямельным валам [28, арк. 3]. Аднак іншыя відавочцы згадваюць агароджу ў выглядзе калючага дроту [26, с. 196]. Тым не менш часта дзеці усё ж уцякалі з лагера, каб папрасіць паесці ў жыхароў прылеглых вёсак. На ўваходзе знаходзілася шыльда з надпісам: «Дзіцячая вёска Скобраўка. Для мясцовых жыхароў уваход забаронены».

Ужо 3 ліпеня вёска перайшла ў распараджэнне «Саюза барацьбы супраць бальшавізму», створанага ў сакавіку 1944 г., які падпарадкоўваўся ў далейшым германскім ваенным. Там знаходзіўся нямецкі прадстаўнік, аднак кіраванне забяспечвалася мясцовымі калабарантамі. Кіраўніцтва «Рускай вызваленчай арміяй» на чале з генералам Уласавым прызначыла адказным капітана Градзюшка. Персанал лагера, што забяспечваўся калабаранцкім саюзам барацьбы, складаўся з работнікаў кухні і маладых куратараў, якія, паводле сведчанняў, насілі на ўніформе значок іх арганізацыі – малы крыж з металу – і віталі адзін аднаго клічам «Хайль Гітлер» ці «Хай жыве Беларусь» [28, арк.3; 26, с. 194; 27].

З вышэй згаданага пратакола камісіі можна зрабіць выснову, што ў 57 вясковых хатах раздзельна пражывалі каля 1 300–1 800 хлопчыкаў і дзяўчынак. У кожнай з іх размяшчаліся ад 20 да 36 дзяцей рознага ўзросту пад наглядам маладога прадстаўніка саюза барацьбы. Ва ўсякім разе, М. Кашавенка ўспамінае аб вялікай колькасці дзяцей [27]. Пра гэта згадваюць і іншыя сведкі [26, с. 301; 28, л. 3]. Звесткі, атрыманыя адразу ж пасля вызвалення лагера Чырвонай арміяй і захаваныя ў архіве, дакладна адпавядаюць таму, што было згадана праз 60 гадоў у інтэрв'ю. Удзельнікі паведамляюць у адзін голас пра сон ў нятопленых хатах на шмат'ярусных ложках, пра строгі распарадак дня, які пачынаўся а 7-й гадзіне раніцы невялікім сняданкам і сельскагаспадарчымі работамі, прыдзіркі і пастаянны голад і страх, хваробы і адсутнасць медыцынскай дапамогі і пра высокую смяротнасць сярод дзяцей. Са сведчанняў вынікала, што Скобраўка была не чыста прамежкавым лагерам, а на справе выхаваўчым працоўным лагерам, галоўная мэта якога заключалася ў зборы «расава каштоўных» дзяцей і іх нацыянал-сацыялістычнай падрыхтоўцы: «Я помню, что нас иногда собирали возле этого садка и что-то нам говорили, что о нас Германия заботится, что счастливое детство для нас там Германия готовит, что нас скоро вывезут в Германию» [27, с. 20]. Насамрэч шмат дзяцей старэйшага ўзросту пасля пачатку HEU-акцыі былі адпраўлены ў рэйх для выкарыстання ў якасці працоўнай сілы. Малодшыя заставаліся ў лагеры і павінны былі працаваць у сельскай гаспадарцы. Паводле сведчанняў, у канцы чэрвеня 1944 г. перад прыходам Чырвонай арміі гэтыя дзеці трапілі ў хаос нямецкага адступлення [25; 26].

Красны Бераг, які ляжаў непасрэдна на лініі фронту блізу Жлобіна, таксама з'яўляўся месцам, у якім у чэрвені 1944 г. (паводле іншых звестак, ужо ў сакавіку–красавіку) з прылеглых раёнаў была сабрана вялікая колькасць дзяцей ва ўзросце ад 8 да 14 гадоў. Згодна з дакументамі Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі (НДК), туды былі сагнаны не менш за 1 990 дзяцей [30]. Аб гісторыі ўзнікнення гэтага лагера, у адрозненне ад Скобраўкі, не пакінуты аніякія дакументы, хоць існуюць асобныя супярэчлівыя звесткі. З данясенняў германскага вермахта, актаў НДК і цытаваных пратаколаў допытаў вынікае, што працэс збору дзяцей меў гвалтоўны характар, як у выпадку з лагерам у Скобраўцы, і быў праведзены пяхотнымі дывізіямі XXXV армейскага корпуса, а таксама, па ўсёй верагоднасці, быў

арганізаваны пры ўдзеле 192-й пяхотнай дывізіі LV армейскага корпуса, які знаходзіўся ў заходнім напрамку ад гэтага месца [12, Bl. 220; 20; 22]. У той час як у службовай дакументацыі момант адкрыцця лагера датаваны чэрвенем, асобныя відавочцы паведамляюць аб дэпартацыі ў Красны Бераг ужо ў пачатку года [30; 31, л. 151; 32]. Аднагалосна згадвалася, што дзеці падлягалі медыцынскаму агляду, падзяляліся па ўзросце і стане здароўя, забяспечваліся фанернымі дошкамі, якія віселі на шыі, і на некаторы час былі сагнаны разам у перапоўненыя баракі былой базы для паліва з жахлівымі ўмовамі. Пры гэтым дзяцей старэйшага ўзросту праз некаторы час адправілі ў Германію. Па некаторых звестках, Красны Бераг быў абнесены калючым дротам і ахоўнымі вышкамі, пры гэтым пільна ахоўваўся нямецкімі часавымі з кулямётамі [33]. Відавочна, што вёска Красны Бераг знаходзілася пад строгім кантролем ваенных; дзённы распарадак размешчаных у бараках дзяцей быў арганізаваны без работы і штодзённых пастраенняў; таксама за дзецьмі не назіралі мясцовыя калабаранты, і яны былі выключаны з-пад уплыву нацыянал-сацыялістычнай прапаганды. Паводле звестак Стэльмаха, дзеці ў бараках былі зачынены «дзень і ноч», панаваў крык, хаос і закон мацнейшага: «самым жахлівым было дрэннае забеспячэнне, ніхто не пытаўся, ці еў ён штосьці. Двойчы на працягу дня прыносілі ваду ў вёдрах. Прыгатаванай ежы ніколі не давалі, толькі чэрствы хлеб, які кідалі дзецям «у рады» [33; 34]. Ад голаду былі выратаваны толькі тыя дзеці, якія атрымлівалі з дому перадачы з ежай, што хутчэй за ўсё дазвалялася.

Аб неправамерным выкарыстанні дзяцей з «арыйскай знешнасцю» з канкрэтнай групай крыві ў якасці донараў у згаданай вышэй «дзіцячай вёсцы» Скобраўка ідзе размова ў шматлікіх справаздачах ахвяр. Адпаведна сведчанням, у дзяцей пасля медыцынскага агляду і селекцыі забіралі столькі крыві, што яны страчвалі прытомнасць. Такія гвалтоўныя заборы крыві былі двойчы. У далейшым такія ж выказванні сустракаюцца ў выжыўшых з лагера Канстанцінаў і Патулічы на тэрыторыі цяперашняй Польшчы, у латышскім Саласпілсе, пад Рыгай, у дзіцячым доме Сакольнікі і Ляпеціха ва Украіне [35; 36, с. 72–98; 37; 38, S. 355–372; 39]. Шматлікая тагачасныя непаўналетнія, якія сцвярджаюць аб гвалтоўных і многаразовых заборах крыві, пачалі сведчыць пра гэта ў сувязі з кампенсацыйнымі выплатамі, якія праводзіліся былым нацысцкім ахвярам у 1990-я і 2000-я гады [40]. У сучаснай Беларусі такія паведамленні абмяжоўваюцца перш за ўсё месцамі Красны Бераг, Скобраўка і Парычы, таму што гэтыя лагеры былі кваліфікаваны як канцэнтрацыйныя і як «дзіцячыя донарскія лагеры». Аднак калі напамін пра гэта ў сённяшняй беларускай гістарыяграфіі займае асобнае месца і захоўваюцца сведчанні як факты гісторыі культуры памяці, то для шырокай нямецкай грамадскасці гэта ў значнай меры застаецца невядомым.

Пакуты схопленых і адпраўленых у Германію савецкіх дзяцей сталі актуальнай тэмай толькі ў сувязі з нямецкімі кампенсацыйнымі выплатамі нацысцкім ахвярам у 1990-я і 2000-я гады. У сувязі з крытычным разглядам ваенных біяграфій тых, хто падаваў заяўку на выплату кампенсацый, у

Германіі пачалі ўпершыню супастаўляць выказванні аб прымусовым заборы крыві і невядомыя да таго часу звесткі аб дзіцячых лагерах у Скобраўцы і Красным Беразе. Толькі як рэакцыя ў адказ гэтыя лагеры былі класіфікаваны як «спецыяльныя дзіцячыя лагеры для прымусовага забору крыві і медыцынскіх эксперыментаў» беларускай прафесійнай камісіяй, у якую ўваходзілі побач з навукоўцамі прадстаўнікі дзяржаўных архіваў і беларускага фонду «Паразуменне і прымірэнне», а таксама асобныя прадстаўнікі саюза ахвяр фашызму [41]. Дзецям, якія там утрымліваліся, і пацвердзіўшым дакументальна, што імі шматразова і ў вялікай колькасці здавалася кроў, быў прысвоены афіцыйны статус «дзіцячага донара», і яны былі прызнаны беларускім фондам у якасці адзінай катэгорыі ахвяр нацыянал-сацыялізму, якая прэтэндавала на кампенсацыю. Істотную базу для вызначэння адпаведнай катэгорыі стваралі разам з выказваннямі сведак і вышэй цытаваныя пратаколы НДК, якія непасрэдна пасля вызвалення Чырвонай арміяй акупаваных абласцей і зафіксавалі гвалтоўны забор крыві ў дзяцей у пералічаных лагерах. Аб гістарычнай класіфікацыі, пабудаванай на крытычным аналізе крыніц тых падзей, відавочна, ніхто не клапаціўся; архіўныя фонды нямецкага паходжання не выкарыстоўваліся. Паводле звестак фонду, да 2008 г. 208 чалавек атрымалі кампенсацыю як ахвяры гвалтоўнага забору крыві, што ў параўнанні з іншымі групамі ахвяр уяўляе зусім невялікую колькасць [2, с. 32].

У 1990-я гады падобныя фармальныя рашэнні стваралі базавыя паняцці і стандарты ў Беларусі, якімі карысталіся ў абыходжанні самі ахвяры, у культуры памяці і гістарыяграфіі краіны, але яны не здолелі знайсці ў сувязі з недахопам спецыяльных даследаванняў адэкватных паняційных эквівалентаў з нямецкага боку. З улікам фактаў мінулага гэта на першы погляд фармальная неадэкватнасць у дачыненні да беларускіх ахвяр была вызначальнай памылкай, якая прывяла да ўзнікнення розных інтэрпрэтацый і наратываў. Пасля стварэння нямецкага фонду «Памяць, адказнасць і будучыня», якраз у час правядзення другой праграмы выплат (2001–2006), беларускі фонд здолеў як выключэнне сярод партнёрскіх арганізацый дабіцца прызнання ахвярамі ў форме асобнай групы з адпаведнымі кампенсацыямі тых, у каго гвалтоўна забіралася кроў [42, S.130ff; 43]. Аднак размова пры гэтым ішла аб пэўным кампрамісе, паколькі нямецкі закон аб фондзе прызнаваў для выплат кампенсацый толькі тых, хто быў ахвярай прымусовай працы і асобных эксперыментаў. Забор крыві на аснове самаабгрунтавання ахвяр адпаведна нямецкай класіфікацыі не быў падставай для кампенсацыі. У якасці такога ён мог разглядацца толькі па факце медыцынскага эксперымента. Зыходзячы з гэтага ахвяры з Беларусі атрымалі кампенсацыю выключна з улікам медыцынскай пробы крыві, трапляючы пры гэтым пад размытую катэгорыю «іншыя пацярпелыя». Такім чынам, разнародныя стандарты з вопыту выплат (не толькі ў асобных краінах, а таксама паміж першай і другой праграмамі) хоць і былі перакрыты, аднак не ліквідаваны. Відавочныя прагалы ў даследаваннях гэтага застаюцца і надалей. Калі ў

Германіі па цяперашні час тэма адкрытая, дык у Беларусі яна, як і належала гэтага чакаць, была хутка запоўнена, аднак не распрацоўкамі гісторыкаў, а ацэнкамі пераважна ахвяраў вайны і іх успамінамі.

Сярод шматлікіх выказванняў сведак існуе вялікая колькасць ускосных доказаў, вядомых у ваеннай медыцыне, што абгрунтавана дапускае гістарычнасць фактаў гвалтоўнага забору крыві ў дзяцей. Напрыклад, вынікае, што нямецкія донарскія службы былі дрэнна арганізаваны і напрыканцы вайны на ўсходнім фронце наўрад ці былі ў поўнай гатоўнасці [44, S. 298ff]. Аднак да гэтага часу не была знойдзена адпаведная нямецкая дакументацыя аб злоўжываннях у дачыненні да згаданых катэгорый грамадзянскага насельніцтва.

Нямецкія данясенні, цытаваныя вышэй, сведчаць аб захопе дзяцей салдатамі вермахта ў маі–чэрвені 1944 г. Збор дзяцей паўздоўж усёй лініі фронту на паўднёвым усходзе Беларусі, перш за ўсё ў радыусе каля 100 км ад горада Бабруйска, быў прадыктаваны перш за ўсё эканамічнай неабходнасцю і часткова як элемент германскай стратэгіі абязлюдзення. Відавочна, што абодва лагеры (у адносінах да Скобраўкі гэта магчыма сцвярджаць з поўнай упэўненасцю) былі створаны перад HEU-акцыяй, каб сабраць тых, хто там заставаўся, а таксама здольных да анямечвання «расава бездакорных» савецкіх дзяцей і моладзь. Большая частка гэтых дзяцей была адпраўлена ў ходзе праведзенай акцыі ў Германію для выкарыстання ў якасці працоўнай сілы ці для германізацыі або была абавязана працаваць на месцах у Беларусі. Больш блізкі і крытычны разгляд вусных крыніц, як і дакументаў савецкай НДК па расследаванні злачынстваў у Беларусі, паказвае, што аднолькавыя на першы погляд лагеры маюць прынцыповыя адрозненні. Ва ўсялякім выпадку Скобраўка не была простым прамежкавым лагерам, ён планаваўся першапачаткова і быў уведзены ў першую чаргу як выхаваўчы працоўны лагер з мэтай збору «расава бездакорных» дзяцей і выхавання іх у ідэях нацыянал-сацыялізму; у адрозненне ад Краснага Берага, у Скобраўцы кіравала мясцовая калабарацыя і існавала гэта «вёска» некалькі тыдняў. «Вёска» Чырвоны Бераг знаходзілася зусім недалёка ад фронту, была ўвесь час пад ваенным кіраўніцтвам і фігуравала насамрэч як прамежкавы лагер, які ахоўваўся ўзброенымі салдатамі і быў абнесены калючым дротам. Згодна з атрыманымі звесткамі, размова ідзе аб часовай меры, дзе дзяцей збіралі толькі на кароткі час, якраз перад адпраўкай іх у Германію таварнымі цягнікамі. Можна ўявіць, што «дзіцячыя вёскі» ў іншых месцах, напрыклад, у Лучыцах, Петрыкаве і Парычах, існавалі таксама толькі кароткі час і хутчэй як прамежкавыя лагеры, у адрозненне ад «вёскі» з належным для гэтага персаналам для кантролю, як у Скобраўцы ці Патулічах.

У той час як гэтыя месцы з’яўляюцца састаўной часткай грамадскай памяці ў сучаснай Беларусі, яны застаюцца невядомымі ў Германіі. Нямецкамоўныя даследаванні абмяркоўваюць гэтыя аспекты Другой сусветнай вайны толькі ў сувязі з тэмай прымусовай працы. Беларускі наратыў аб «дзіцячых донарскіх лагерах» і дзецях, якіх збіралі ў першую

чаргу як донараў для гвалтоўнай здачы крыві для нямецкіх салдат у згаданых «дзіцячых вёсках», не знаходзіць згадак у нямецкай гістарычнай літаратуры і разглядаецца вельмі крытычна ў сувязі з тым, што адсутнічаюць пераканаўчыя гістарычныя доказы. З захаваных дакументаў вынікае ў першую чаргу тое, што дзеці збіраліся і адпраўляліся як працоўная сіла. Наколькі яны былі донарамі крыві і сістэматычна неправамерна выкарыстоўваліся, павінны яшчэ адказаць гісторыкі разам са спецыялістамі па гісторыі медыцыны.

ЛІТАРАТУРА

1. Памятные места [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : // http:// muzey.gmn1.by/index.php/pamyatnye-mesta. – Дата доступу : 09.01.2017.
2. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларауси 1941–1944 / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]; науч. ред. Р. П. Платонов, В. И. Адамушко. – Минск : НАРБ, 2001. – 158 с.
3. *Chiari, B.* Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941–1944 / B. Chiari. – Düsseldorf: Droste, 1998. – 380 S.
4. Kriegstagebuch Nr. 10 (Berichtszeit 1.1.–10.7.44): Eintrag von Lt. Wolfgang Weller am 28.5.1944 // Bundesarchiv-Militärarchiv (далей BA-MA). – RH 20-9/176.
5. Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölker im Osten (Mai 1940) // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – Jahrgang 5 (1957), Heft 2. – S. 194–198.
6. *Steinert, J.-D.* Deportation und Zwangsarbeit. Polnische und sowjetische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und im besetzten Osteuropa 1939–1945 / J.-D. Steinert. – Essen : Klartext, 2013. – 306 S.
7. *Жукова, М. И.* Война причиняет мне боль / М. И. Жукова; под ред. К. И. Козака. – 2-е изд. испр. и доп. – Минск : И. П. Логвинов, 2012. – 206 с.
8. Bandenkinderunterbringung, 13.7.1943 // Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (далей A IfZ). – MA 342/1. – Bl. 8036–8040.
9. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungs-politik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.
10. Jugendarbeit in den besetzten Ostgebieten // A IfZ. – MA 245.
11. AOK 9: Einsatz der russischen Jugend, vom 23.5.1944 // BA MA. – RH 20-9/198.
12. Befehl des AOK 9 betreffend die Erfassung von Arbeitskräften zur Rückführung ins Reich (Decknahme: „Heuaktion“) vom 28.05.1944 // BA MA. – RH 20-9/198.
13. *Mausbach, H.* Feinde des Lebens. NS-Verbrechen an Kindern / H. Mausbach, B. Mausbach-Bromberger. – Frankfurt a. M.: Röderberg-Verlag, 1979. – 315 S.
14. AOK 9, Errichtung von Jugenddörfern, den 14.5.1944 // BA MA. – RH 20-9/198.
15. Kriegstagebucheintrag vom 13.5.1944 von Wolfgang Weller // BA MA. – RH 20-9/176.
16. AOK 9 an Gen.Kd. XXXV. A.K. vom 15.5.1944 // BA MA. – RH 20-9/198.

17. Vortragsnotiz des Quartiermeisters vom 16.5.1944 // BA MA. – RH 20-9/198.
18. Kriegstagebuch des Generalkommandos des LV. Armee-Korps Abt. Qu vom 16.4.44 bis 30.6.44 // BA MA. – RH 24-55/132.
19. Tätigkeitsbericht der Abt. Ic für den Monat Mai 1944 // BA MA. – RH 24-55/94.
20. Bericht des Führers des Lautsprechertrupps Unteroffizier Readlinger vom 23.6.1944 über die „Heu-Aktion vom 15-21.6.1944 // BA MA. – RH 24-55/97.
21. Дело военнопленного Янсен Г. И. // НАРБ. – Ф. 1363. Воп. 1. Спр. 2834.
22. Дело военнопленного Кох Ф. // НАРБ. – Ф. 1363. Воп. 1. Спр. 1335.
23. Дело военнопленного Якоб Л. // НАРБ. – Ф. 1363. Воп. 1. Спр. 597.
24. Война и украденные годы. Живые свидетельства остарбайтеров Беларуси / под ред. К. И. Козака. – 2-е изд., испр. – Минск : И. П. Логвинов, 2010. – 214 с.
25. Малолетние заложники войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / под ред. К. И. Козака. – Минск : И. П. Логвинов, 2011. – 220 с.
26. *Паўлаў, В. П.* Дзеці ліхалецця: дак. нарысы / В. П. Паўлаў. – Мінск : И. П. Логвинов, 2005. – 224 с.
27. Интервью с Матрёной Кошевенко (транскрипт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.zwangsarbeit-archiv.de. – Дата доступа: 09.05.2018.
28. Показание Володи Саховского // НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 183.
29. *Романько, О.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945 / О. Романько. – М.: Вече, 2008. – 448 с.
30. Акт камісіі Краснабярэжскага сельсавета Гомельскай вобласці ад 20 лістапада 1944 г. // НАРБ. – Ф. 861. Воп. 1. Спр. 6.
31. Архивная справка // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 85. Д. 214.
32. Протокол опроса свидетеля // Archiv der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ (520.10).
33. Личный архив: Интервью Екатерины Шуп с Владимиром Стельмак для фильма «Кровные братья» для «Второго немецкого канала» в 2008 г.
34. Узница детского концлагеря «Красный берег» Екатерина Клочкова [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.ctv.by/novosti-gomelya-i-gomelskoy-oblasti/v-memorialnom-komplekse-detyam-zhertvam-voyny-proveli-miting. – Дата доступу : 09.05.2018.
35. „Dann kam die deutsche Macht“. Weißrussische Kinderhäftlinge in deutschen Konzentrationslagern 1941–1945. Eine Dokumentation der Projektgruppe Belarus im Jugendclub Courage Köln e.V. – Köln : Verlag Köln, 1999. – 205 S.
36. *Литвинов, В.* Коричневое «ожерелье». Документальное повествование о жертвах нацистских преследований – гражданах бывшего СССР: в 2 т. / В. Литвинов. – Киев : Абрис, 2001. – Т. 2. – 568 с.
37. Личный архив: Интервью Екатерины Шуп с Татьяной Лебедевой для фильма «Кровные братья» для «Второго немецкого канала» в 2008 г.
38. *Tytarenko, D.* Medizinische Betreuung und nationalsozialistische Krankenmorde in der Ukraine unter der deutschen Okkupation / D. Tytarenko // Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917–1991 / Hrsg. A. Friedman und R. Hudemann. – Stuttgart: Franz Steine Verlag, 2016. – S. 355–372.

39. Charlotte Müller, USHMM [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://collections.ushmm.org/search/catalog/irn508781. – Дата доступу : 09.05.2018.
40. Aussagen mit Prüfunterlagen // Archiv der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ (520.10).
41. Beschluss der weißrussischen Fachkommission vom 21. September 1995. Auskunft des Nationalen weißrussischen Staatsarchivs // Archiv der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ (520.10).
42. *Penter, T.* Die belarussische Stiftung „Verständigung und Aussöhnung“. Zwangsarbeiterentschädigung im Schatten der Lukašenka-Herrschaft / T. Penter // Die Entschädigung von NS-Zwangsarbeit am Anfang des 21. Jahrhunderts. Die Stiftung „Erinnerung,Verantwortung und Zukunft“ und ihre Partnerorganisationen / Hrsg. von Constantin Goschler [Электронны рэсурс]. – Bd. 4: Helden, Opfer, Ostarbeiter. Das Auszahlungsprogramm in der ehemaligen Sowjetunion, S. 104–280. – Рэжым доступу : https://zeitgeschichte-online.de/thema/spaete-entschaedigung-fuer-die-opfer-einer-kalkulierten-vernichtungsstrategie. – Дата доступу : 09.05.2018.
43. *Jansen, M.* „Gemeinsame Verantwortung und moralische Pflicht“. Abschlussbericht zu den Auszahlungsprogrammen der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ / M. Jansen. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2007. – 235 S.
44. *Neumann, A.* „Arzttum ist immer Kämpfertum“. Die Heeressanitätsinspektion und das Amt „Chef des Wehrmachtsanitätswesen“ im Zweiten Weltkrieg (1939–1945) / A. Neumann. – Düsseldorf : Ferdingand Schöning, 2005. – 524 S.

И. А. Карпенко

ДНЕВНИК ТАНИ САВИЧЕВОЙ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В 1991 г. в Ленинграде в издательстве «Детская литература» вышла книга И. Л. Миксона «Жила, была», посвященная самой известной жительнице блокадного Ленинграда, школьнице Тане Савичевой, в которой было собрано множество сведений о девочке, как достоверных, так и ложных [1].

Ее дневник как свидетельство трагедии ленинградской блокады известен во всем мире. Однако биография Тани Савичевой и история ее дневника, то, как она стала символом трагедии, окружены множеством мифов, до сих пор тиражируемых даже в серьезной исторической литературе и на музейных экспозициях. Так, в германо-российском музее «Берлин-Карлсхорст» в 2018 г. относительно копии дневника было указано, что данный документ выступал доказательством на Нюрнбергском процессе. Эту информацию легко опровергнуть, лишь изучив материалы этого судебного процесса.

О ленинградской школьнице Тане Савичевой стало известно за пределами Ленинграда в 1959 г. К 15-летию снятия блокады на экраны страны вышел документальный фильм Е. Ю. Учителя «Подвиг Ленинграда»,

начинавшийся со слов: «Это будет рассказ о большом городе, прожившем немало десятилетий, и маленькой девочке, которой не исполнилось и десяти лет. Под крышами этих домов живут тысячи людей, имеющих прямое отношений к событиям, о которых мы хотим рассказать. Но девочку мы выбрали потому, что она вошла в историю этого города, и своей маленькой жизнью, быть может, лучше всего утверждает величие всего происшедшего».

В фильме «Подвиг Ленинграда» рассказ о блокаде начинается в залах Особняка Румянцева, филиале Музея истории Ленинграда на набережной Красного Флота, где в 1954 г. открылась выставка «Ленинград в период Великой Отечественной войны». В одном из залов, посвященном зиме 1941–1942 гг. – смертному времени, были выставлены копии фотографии Тани Савичевой и страничек из ее дневника.

В любой выставке важен контекст: ряд экспонатов, в котором показывается предмет. На основе съемки нереально реконструировать выставочный зал и понять, какие именно экспонаты в нем помещались. Но все это возможно восстановить, если основываться на технической выставочной документации – тематико-экспозиционном плане. В нем указываются как тексты, одобренные к печати и размещению на выставке, так и списки музейных предметов. Судя по этому документу, в зале размещался следующий текст и предметы: «Партия и Правительство проявляли неустанную заботу о детях. Для детей, оставшихся в Ленинграде, были открыты ясли, детей потерявших родителей, устраивали в детские дома. Для питания детей выделяли лучшие продукты. В Ленинграде в течение 1942 г. работало 39 школ. Экспонаты: 153. Кусок хлеба весом в 125 гр. 154. Диаграмма – состав хлеба.155. Вещественные экспонаты. Куски дуранды и столярный клей. Альбумин и дикстрин. Белковые дрожжи. Бутылки муляжи с соевым молоком и кефиром. Консервы в банках капусты и тернепс. Гонок из свиной кожи фабрики “Рабочий”. Пакет с хвоей для изготовления витамин. Доска, на которой резали “хлебушек” <…> во время блокады. Зажигалки и коптилки. 156. Записная книжка Тани Савичевой. 157. Два дневника Колосова» [2, л. 31]. Как видно из этого документа, дневник был лишь частью визуального ряда. Именно благодаря режиссеру удалось сделать его «экспонатом первого ряда», привлечь к нему внимание.

Из материалов киносъемки видно, какая именно фотография была использована авторами выставки. Это фрагмент снимка, сделанного около 1938 г., на котором изображена девочка в белом платье. На оригинальном фото запечатлена Таня Савичева со своей старшей сестрой Ниной. Вероятно, именно из-за этого снимка, размещенного на выставке, в фильме была допущена ошибка: «девочке не исполнилось и десяти лет». На самом деле на момент начала блокады Татьяне исполнилось 11 лет.

В 1959 г. упоминание о Тане Савичевой было сделано в первой монографической работе о блокаде «Ленинградцы в годы блокады» (А. В. Карасев). В главе «Голодная блокада» он пишет: «Множество семей вымирало полностью. После смерти школьницы Тани Савичевой, проживавшей на 2-й линии Васильевского острова, осталась небольшая

записная книжка. В ней школьница записала: “Женя умерла 28 декабря в 12 ч. 30 м. утра 1941 г. Бабушка умерла 25 января 1942 г.и Лена умерла 17 марта 1942 г. Дядя Леша – 10 мая в 4 ч. дня. 13 мая в 7 ч. 30 м. утра умерла мамочка”. Такова судьба рядовой ленинградской семьи» [3].

Московский историк, вероятно, либо посещал экспозицию Особняка Румянцева, либо был знаком с коллекцией Музея обороны Ленинграда в Соляном переулке, из собрания которого между 1949 и 1953 годами дневник поступил в коллекцию Музея истории Ленинграда вместе со множеством картин, дневников, рисунков, плакатов, военных писем. Передача коллекции в Музей истории Ленинграда была связана с тем, что в 1949 г. в связи с Ленинградским делом Музей обороны Ленинграда был закрыт.

Дневник Тани Савичевой появился в Музее обороны Ленинграда не ранее 1945 г. Именно в 1945 г. старшая сестра Тани Нина, с которой они позировали на довоенном снимке, вернулась в Ленинград. В квартирах Савичевых в доме № 13 на 2-й линии Васильевского острова уже жили другие люди. История находки дневника была восстановлена В. Л. Бианки для альманаха «Белые ночи» [4, с. 101–111]. К этому моменту был развеян миф, что «Савичевы умерли все». В. Л. Бианки удалось переговорить с жильцами дома: ровесником Татьяны Савичевой П. П. Косяковым, А. В. Ураловым, с 1944 г. живущим в квартире Савичевых, и с ее сестрой Н. Н. Савичевой.

Историю находки дневника Нина Савичева будет повторять для интервью множество раз: «вырвалась в командировку» [1], «зимой 45-го выхлопотала себе командировку в Ленинград» [4, с. 110]. В квартире родственницы она забрала шкатулку с записной книжкой, которая оказалась блокадным дневником: «Я вошла в комнату тети Дуси, и сразу, прежде всего, увидела на столе нашу шкатулку. Мамину шкатулку. Она была красивая, ее берегли. В ней мама хранила свою венчальную фату и венчальные свечи. Смотрю, в фату моя записная книжка завернута. Я ее взяла» [4, с. 111]. В записной книжке оказались записи о смерти семьи Савичевых – дневник Тани. Его Нина передала Л. Л. Ракову, первому директору Музея обороны Ленинграда. Так, вероятно в 1945 г., дневник поступил в коллекцию музея в Соляном переулке.

Точно неизвестно, был ли дневник выставлен в Соляном переулке. Информация о нем отсутствует в подробном путеводителе по выставке «Героическая оборона Ленинграда», изданном в 1945 г. Свидетельство о его существовании на экспозиции Музея обороны имеется в воспоминаниях экскурсовода Н. И. Нониной [5]. Судя по сохранившейся фотосъемке музея, он мог появиться на новой экспозиции в Соляном не ранее 1946 г. Но так ли это, сегодня установить сложно. Свои воспоминания Н. И. Нонина писала почти полвека после закрытия музея, когда дневник уже стал самым известным экспонатом из собрания Музея обороны, символом трагедии Ленинграда. Подтвердить его присутствие в экспозиции первого блокадного музея может лишь техническая документация по выставке, сведений о которой на данный момент нет.

В начале 1960-х годов, после публикации книги А. В. Карасева и выхода фильма Е. Ю. Учителя, Таня Савичева и ее дневник стали знамениты, но биография девочки, ее судьба после эвакуации оставалась неизвестна. Нина и Михаил Савичевы (брат Татьяны) долгое время ничего не знали о ее судьбе. В семье хранилась справка об эвакуации, датированная июлем 1942 г.» [4, с. 110]. Куда именно эвакуировался детдом, какой была дальнейшая судьба ребенка, долгое время было неизвестно.

В 1964 г. в журнале «Огонек» вышла статья К. Черевкова об экспозиции в Особняке Румянцева: «Экскурсовод не нужен. Экспонаты сами ведут рассказ» [6, с. 20]. … «В музее хранится крохотная алфавитная книжечка Тани Савичевой. В дни блокады она сделала в ней девять записей. Последнюю на букву "У": – "Умерли все"» [6, с. 21]. Статья не давала никаких биографических сведений о ребенке, но там были опубликованы и дневник, и фотография.

Журнал выходил огромными тиражами, и его прочитали в том числе и в Шатковском районе Горьковской области, где в 1942–1945 гг. находился в эвакуации детский дом № 48 Смольнинского района Ленинграда. Педагоги местной школы Т. П. Чередниченко и О. П. Вереина попытались собрать сведения о Татьяне Савичевой. О. П. Вереиной в начале 1970-х удалось установить дату перевода Тани Савичевой из поселка Красный Бор, где жили эвакуированные из Ленинграда дети, в больницу поселка Шатки. Выяснилось, что Татьяна Савичева умерла в этой больнице 1 июля 1944 г. Место ее захоронения указала санитарка А. М. Журкина. Подробная история поиска сведений о Тане Савичевой рассказана в музее поселка Шатки. Следует отметить, что никакой «всесоюзной поисковой работы», объявленной газетой «Пионерская правда» в 1964 г., как это указывается в ряде публикаций, не велось. Для опровержения этого мифа достаточно изучить подшивку газеты.

Намного сложнее выяснить, откуда взялись многократно повторяемые данные о дневнике как доказательстве на Нюрнбергском процессе. Вероятнее всего, эта информация была воспринята как подлинная многочисленными читателями книги «Сердце и дневник» поэта С. Смирнова, в 1973 г. опубликованной издательством «Советская Россия». В поэме есть строки: «В каждом слове – ёмкость телеграммы, Глубь подтекста, Ключ к людской судьбе, Свет души, простой и многогранной, И почти молчанье о себе … Это смертный приговор убийцам В тишине Нюрнбергского суда» [7].

Стихи стали непременной частью «уроков мужества», героиней которых становилась Таня Савичева, особенно когда эти уроки проводились в преддверии школьных экскурсий по Дороге жизни. В 1968 г. под Ленинградом в память о блокадных детях был установлен памятник «Цветок жизни», а в 1975 г. рядом с ним по проекту архитектора А. Д. Левенкова был возведен Курган Тани Савичевой с воспроизеденными страницами на восьми стеллах из ее дневника. До 1990-х годов посещение этого мемориала входило в программу экскурсий ленинградских школ.

Подлинный дневник Тани Савичевой хранится в коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Его очень редко выставляют из-за особой ценности экспоната. Последний раз его показывали на выставке «Блокадные реликвии» в 2009 г. Копии дневника представлены на многих экспозициях в Санкт-Петербурге – в Особняке Румянцева, на Пискаревском кладбище. Количество воспроизведений дневника в монографиях и альбомах выставок невозможно подсчитать.

Между тем Музей истории Санкт-Петербурга на протяжении десятилетий пополняет свою коллекцию экспонатами, связанными с семьей Савичевых. Так, в музее хранится домовая книга дома 13 по 2-й линии Васильевского острова, в которой на страницах 648–649 есть запись о жительнице квартиры № 1 – Татьяне Савичевой, а также ее маме Савичевой Марии Игнатьевне, прописанной по этому адресу 29 ноября 1935 г. и выписанной 19 мая 1942 г. Этот источник позволяет проверить данные по датам рождения, месту работы, адресам, дате возвращения в Ленинград после эвакуации семьи Савичевых. Кроме этой книги в коллекцию музея поступила фотография Тани и ее племянницы Марии Путиловской. Снимок сделан за несколько дней до начала войны, в июне 1941 г. Фото передала в музей сама Мария Путиловская для выставки «Блокадные реликвии» в 2009 г.

Комплекс материалов, связанных с судьбой Тани Савичевой после эвакуации из Ленинграда, хранится в Музее города Шатки в Нижегородской области. Сведения об эшелоне из Ленинграда, о жизни эвакуированных детей, о болезни и смерти Тани собраны сотрудниками этого музея. Эти данные, несомненно, требуют публикации и введения их в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миксон, И. Л.* «Жила, была» / И. Л. Миксон. – Л. : Лениздат, 1991.

2. Научный архив ГМИ СПб. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. ТЭП выставки «Ленинград в период Великой Отечественной войны Советского союза». Государственный музей истории Ленинграда, 1954.

3. *Карасев, А. В.* Ленинградцы в годы блокады / А. В. Карасев. – М., 1959.

4. *Бианки, В. Л.* Планета Таня / В. Л. Бианки // Белые ночи. – Л. : Лениздат, 1989. – С. 101–111.

5. *Нонина, Н. И.* Реквием музею / Н. И. Нонина. – Иерусалим, 2003 .

6. *Черевков, К.* Четверть тысячелетия и 900 дней / К. Черевков // Огонек. – 1964. – № 5. – С. 20.

7. См*ирнов, С.* Сердце и дневник / С. Смирнов. – М. : Сов. Россия, 1973.

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: НОВЫЯ ПОШУКІ І ЗНАХОДКІ

У. В. Здановіч

ЭТАПЫ СУЧАСНАГА ПЕРЫЯДУ ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ЧАСОЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: АГУЛЬНАЕ І АДМЕТНАЕ

Вядомы беларускі даследчык А. М. Літвін вылучыў два асноўныя перыяды вывучэння гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны: *савецкі* (чэрвень 1941 – канец 1991 гг.) і *сучасны*, ці *постсавецкі* (канец 1991 г. – цяперашні час) [1, с. 9]. Нягледзячы на падтрымку дадзенай перыядызацыі пераважнай большасцю айчынных гісторыкаў, наспеў час унесці ў яе пэўныя карэктывы. У сувязі з тым, што адбылося вылучэнне, афармленне і развіццё ўласнай беларускай гістарыяграфіі, падаецца мэтазгодным назваць дадзены перыяд *беларускім* і выдзеліць у ім два этапы : *першы* – канец 1991 г. – канец 2004 г.; *другі* – канец 2004 г. і па сённяшні дзень.

Важнымі крытэрыямі перыядызацыі з’яўляюцца формы і метады арганізацыі навуковых даследаванняў. У с а в е ц к і перыяд асноўная роля ў арганізацыі навуковых даследаванняў па тэме Вялікай Айчыннай вайны належала Інстытуту гісторыі АН БССР і Інстытуту гісторыі партыі пры ЦК КПБ, у якіх былі створаны адпаведныя сектары і аддзелы. З прыпыненнем дзейнасці КПСС і КПБ спыніў сваё існаванне Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ, які пасля шматлікіх рэарганізацый у студзені 1996 г. быў пераўтвораны ў Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. У яго структуру ўваходзяць аддзелы дакументазнаўства, архівазнаўства, археаграфіі, аўтаматызаваных архіўных тэхналогій, а таксама рэдакцыйна-выдавецкі аддзел, бібліятэка.

У пачатку 1990-х гг. адбылася рэарганізацыя шэрага аддзелаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі, які працягваў заставацца значным навукова-даследчым цэнтрам гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Так, аддзел гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны быў пераўтвораны ў 1991 г. у аддзел ваеннай гісторыі Беларусі савецкага перыяду, а потым – у аддзел ваеннай гісторыі Беларусі і, нарэшце, – у аддзел ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін (кіраўнік – А. М. Літвін).

Глыбокае і ўсебаковае вывучэнне гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны залежыць ад стану крыніцазнаўчай базы. У адпаведнасці з рашэннем ЦК КПБ ад 24.09.1990 г. у выніку аб’яднання партыйнага архіва Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ і партархіва Мінскага абкама КПБ была створана самастойная архіўная ўстанова – Цэнтральны партыйны архіў КПБ, – у якой налічвалася 935 169 архіўных спраў, у тым ліку дакументы па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Са спыненнем дзейнасці КПБ Цэнтральны партыйны архіў КПБ быў перададзены ў падпарадкаванне

Галоўнаму архіўнаму ўпраўленню пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь. У 1995 г. фонды Цэнтральнага партыйнага архіва разам з фондамі Беларускага дзяражаўнага архіва (былы Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва) утварылі спачатку Цэнтральны, а потым Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь [2]. Даследчыкі атрымалі магчымасць карыстацца фондамі раней закрытых дзяржаўных і ведамасных архіваў, у тым ліку Камітэта дзяржаўнай бяспекі, Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства замежных спраў, пачалі выкарыстоўваць дакументы і матэрыялы архіваў замежных краін, у першую чаргу, Германіі і Польшчы.

На працягу 1990-х гадоў была праведзена значная работа па рассакрэчванні захаваных дакументаў. Законам Рэспублікі Беларусь «Аб Нацыянальным архіўным фондзе і архівах у Рэспубліцы Беларусь» ад 6 кастрычніка 1994 г. усе сакрэтныя дакументы да 1968 г. за рэдкім выключэннем былі рассакрэчаны, што актывізавала цікавасць да іх. У прыватнасці, даследчыкам сталі даступныя фонды нямецкіх акупацыйных улад і калабарацыянісцкіх органаў і арганізацый перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Пашырэнне рэпрэзентатыўнасці крыніцазнаўчай базы садзейнічала з'яўленню побач з традыцыйнымі тэмамі новых накірункаў даследаванняў, якія ў савецкія часы па розных прычынах, у першую чаргу ідэалагічных, заставаліся па-за сферай інтарэсаў даследчыкаў (праблема калабарацыянізму, дзейнасць на тэрыторыі Беларусі Арміі Краёвай і антысавецкага падполля, рэпрэсіі супраць каманднага складу Чырвонай арміі напярэдадні вайны, пралікі ў ходзе падрыхтоўкі да вайны, страты ў Чырвонай арміі і сярод мірнага насельніцтва пры правядзенні ваенных аперацый, трагічны лёс савецкіх салдат, якія апынуліся ў акружэнні і палоне, праца эвакуіраваных у сістэме ГУЛАГа, супрацьстаянне савецкай і нямецкай прапаганды, роля каталіцкай і праваслаўнай царквы, прымусовая праца грамадзян Беларусі, палітыка нацысцкага генацыду ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва і інш.). У гістарыяграфіі знайшлі адлюстраванне не толькі пафас перамог, але і трагізм паражэнняў.

Эфектыўнасць навуковай дзейнасці ў значнай ступені залежала ад наяўнасці дактароў і кандыдатаў навук. На п е р ш ы м этапе пачалося станаўленне і развіццё нацыянальнай сістэмы атэстацыі кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі, у аснову чаго былі пакладзены базавыя прынцыпы, на якіх грунтавалася савецкая сістэма атэстацыі навуковых і навукова-педагагічных спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі. Згодна з пастановамі Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 563 «»Аб часовым парадку прысваення вучоных званняў у Рэспубліцы Беларусь» і № 564 «Аб стварэнні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь», прынятымі 18 верасня 1992 г., былі створаны атэстацыйная калегія для прысваення вучоных званняў прафесара і дацэнта і БелВАК для прысуджэння вучоных ступеняў доктара і кандыдата навук.

У выніку праведзенай дзяржавай працы па ўдасканаленні дадзенай сістэмы былі дасягнуты значныя поспехі ў падрыхтоўцы кадраў даследчыкаў, у першую чаргу, гісторыкаў вышэйшай кваліфікацыі – кандыдатаў і дактароў навук. Так, у 1991 – 2004 гг. было падрыхтавана 29 дысертацый (1 знята з абароны), у тым ліку 4 доктарскія і 25 кандыдацкіх. 2 доктарскія і 13 кандыдацкіх з 19 прысвечаны гісторыі акупацыйнага рэжыму, з якіх 2 доктарскія і 5 кандыдацкіх дысертацый асвятляюць праблемы калабарацыі. Прыведзеныя дадзеныя сведчаць аб тым, што прыярытэтнае значэнне набывае гісторыя акупацыйнага рэжыму, якая па ўзроўні распрацаванасці саступала партызанскаму руху. У поўнай меры гэта мае дачыненне і да праблем калабарацыі.

Характэрнай рысай этапу стала з'яўленне гістарыяграфічных і крыніцазнаўчых прац. Калі ў пачатку 1990-х гадоў дадзеная праблема была прадстаўлена ў асноўным невялікімі артыкуламі, то на працягу 1999–2003 гг. абаронены кандыдацкія дысертацыі С. У. Жумара, І. Э. Яленскай, С. А. Сіткевіча, А. Я. Паўлавай. У 1999 г. убачыла свет самая значная праца беларускіх гісторыкаў «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Зборнік артыкулаў», у якой акцэнтуецца ўвага на найбольш значных пытаннях вывучэння гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны [1].

Да характэрных рыс новага перыяду неабходна таксама аднесці з'яўленне спецыялізаваных часопісаў: «Беларускі гістарычны часопіс», «Спадчына», «Беларуская думка», «Беларуская мінуўшчына» і іншых. Практычна ва ўсіх універсітэтах выдаюцца «Веснікі». Такія перыядычныя выданні, па-першае, даюць магчымасць даследчыкам апублікаваць свае працы, па-другое, знаёмяць шырокае кола грамадскасці з навейшымі дасягненнямі навукоўцаў у вывучэнні праблем Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі.

Для савецкай гістарыяграфіі былі характэрны цэласць і адзінства поглядаў. Усе найбольш маштабныя ацэнкі Вялікай Айчыннай вайны падпарадкоўваліся ідэалагічным і палітычным уплывам. Ва ўгоду ім нярэдка ігнараваліся дакументы і факты. Магчымасць адкрыта выказваць сваё меркаванне садзейнічала з'яўленню крытычных публікацый. На першым этапе прадметам крытыкі, пераважна ў публіцыстыцы, газетных і часопісных артыкулах, стала праблема партызанскага руху. Неабходна адзначыць, што крытыка, якая галоўным чынам канцэнтравалася вакол такіх пытанняў, як характар партызанскага руху і роля Камуністычнай партыі ў яго станаўленні і развіцці, мела два асноўныя накірункі: негатыўна-крытычны і пазітыўна-крытычны.

Д р у г і этап мэтазгодна пачынаць з канца 2004 г. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 560 17.11.2004 г. было зацверджана новае «Палажэнне аб прысуджэнні вучоных ступеняў і прысваенні вучоных званняў», згодна з якім узрастаюць патрабаванні, прад'яўляемыя да кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый. У першую чаргу гэта датычыцца

апублікаванасці вынікаў даследаванняў. Так, саіскальніку ступені кандыдата навук неабходна мець тры артыкулы ў навуковых выданнях, зацверджаных ВАК Беларусі для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў, а саіскальніку доктарскай ступені – 15, у тым ліку адзін у аналагічных замежных выданнях, і асабіста напісаную манаграфію. Акрамя гэтага саіскальнікі вучоных ступеняў павінны мець публікацыі ў разнастайных зборніках, матэрыялах канферэнцый. Такі падыход, на наш погляд, прадоўжыў тэрмін падрыхтоўкі дысертацый, асабліва доктарскіх.

У 2005–2017 гг. было абаронена 25 дысертацый, у тым ліку 3 доктарскія і 22 кандыдацкія (2 кандыдацкія не зацверджаны ВАК, 2 доктарскія і 2 кандыдацкія пераабаронены). З 25 абароненых дысертацый 23, у тым ліку 2 доктарскія, падрыхтаваны па спецыяльнасці «Айчынная гісторыя», 2, адна з якіх доктарская, – па спецыяльнасці «Гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання».

Як бачна, прысутнічае, хоць і нязначнае, скарачэнне колькасці абароненых кандыдацкіх дысертацый. Адначасова ўзрастае колькасць адхіленых ВАК дысертацый. Значна больш істотныя змены назіраюцца ў тэматыцы падрыхтаваных дысертацыйных даследаванняў. Праблема калабарацыі перастае быць прыярытэтным напрамкам даследаванняў беларускіх гісторыкаў. Адзіным дысертацыйным даследаваннем, непасрэдна прысвечаным калабарацыі, з’яўляецца абароненая ў 2005 г. дысертацыя А. В. Бяляева. Аднак поўнасцю тэма не застаецца па-за ўвагай даследчыкаў. Некаторыя яе аспекты раскрываюцца ў асобных главах і параграфах падрыхтаваных дысертацый.

13 снежня 2005 г. праведзена рэарганізацыя структуры Інстытута гісторыі НАН Беларусі, у якім былі створаны 3 цэнтры, падзеленыя на аддзелы. Аддзел ваеннай гісторыі, які стаў называцца аддзелам ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін, кіраўніком якога па-ранейшаму з’яўляўся А. М. Літвін, быў уключаны ў склад Цэнтра індустрыяльнага грамадства (кіраўнік М. У. Смяховіч). У выніку наступнай рэарганізацыі, праведзенай у пачатку 2016 г., аддзел ваеннай гісторыі атрымаў ранейшую назву і стаў складовай часткай Цэнтра новай і навейшай гісторыі Беларусі.

У азначаны перыяд актывізавалася работа па даследаванні праблем ваеннай гісторыі на кафедрах грамадскіх навук ВНУ рэспублікі. Значную працу ў гэтым накірунку вялі кафедры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка, Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы, Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Калі ў 1970–1980-я гг. спецкурсы і спецсемінары па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны праводзіліся ў асобных ВНУ, у прыватнасці, у МДПІ імя А. М. Горкага і ГрДУ імя Я. Купалы, то ў 2004 г. згодна з загадам міністра адукацыі Рэспублікі Беларусь № 708 ад 27.05.2004 г. «Аб выкладанні ва ўстановах адукацыі курса “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)”» не толькі ва ўсіх вышэйшых

навучальных установах, але і ва ўсіх сярэдніх і сярэдне-спецыяльных установах Рэспублікі Беларусь быў уведзены спецкурс ці факультатыў «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой Сусветнай вайны)». Гэты спецкурс меў добрае метадычнае забеспячэнне: у тым жа 2004 г. была распрацавана яго праграма і выдадзены адпаведны падручнік.

На працягу 2005–2017 гг. былі дасягнуты значныя поспехі ў пашырэнні крыніцазнаўчай базы. У навуковы ўжытак была ўведзена значная колькасць разнастайных дакументаў, што з'яўляецца несумненнай заслугай айчынных даследчыкаў. Складальнікамі зборнікаў была праведзена значная праца па зборы і падрыхтоўцы да друку разнастайных крыніц, выяўленых у асноўным у замежных архівах, у першую чаргу нямецкіх. Гэтыя выданні прысвечаны пераважна баявым дзеянням на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. Іх умоўна можна падзяліць на дзве групы. Да першай групы адносяцца зборнікі дакументаў. У 2016 г. сумеснымі намаганнямі беларускіх гісторыкаў і дактаранта Лейпцыгскага ўніверсітэта К. Ганцара (кіраўнік аўтарскага калектыву) падрыхтаваны зборнік «Брест. Лето 1941 года. Документы. Материалы. Фотографии» [3].

У другую групу дакументальных крыніц уваходзяць дакументы і матэрыялы, уключаныя ў склад манаграфічных выданняў. Напярэдадні 70-годдзя Вялікай Перамогі ўбачыла свет манаграфія С. Я. Новікава «Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў» [2]. У другім раздзеле кнігі змешчаны 57 новых перакладзеных з нямецкай мовы дакументаў. У другім выданні манаграфіі С. Новікава колькасць уведзеных у навуковы ўжытак нямецкіх дакументаў вырасла да 81 [4].

Яскравым прыкладам супрацоўніцтва з краінамі далёкага і блізкага замежжа стала сумеснае выданне беларускіх, расійскіх і ўкраінскіх навукоўцаў двухтомніка «1941 год: Страна в огне» – першае з часоў распаду Савецкага Саюза глабальнае міжнароднае даследаванне, у якім адлюстравана новая, больш глыбокая і аб'ектыўная ацэнка ўкладу трох краін у зрыў першапачатковых задум германскага «бліцкрыгу» [5].

Характэрнай асаблівасцю другога этапу стала з'яўленне калектыўных выданняў, у тым ліку і сумесна з замежнымі спецыялістамі. У 2005 г. калектывам беларускіх гісторыкаў была падрыхтавана кніга «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.», якую можна лічыць самым значным на дадзены момант выданнем айчынных даследчыкаў [6].

У азначаны перыяд айчыннымі гісторыкамі былі падрыхтаваны грунтоўныя працы «Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память», «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.», якія цалкам ці часткова прысвечаны гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны, «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. » [7; 8; 9].

Агульным для двух этапаў з'яўляецца пастаноўка новых праблем і пытанняў у вывучэнні Вялікай Айчыннай вайны, якія раней не ставіліся гісторыкамі, а таксама новыя метады і падыходы да вывучэння. Разам з тым даследаванне некаторых з іх паднялося на новы ўзровень. Так, на першым этапе толькі фрагментарнае вывучэнне атрымалі асобныя аспекты вострай

праблемы савецкіх ваеннапалонных. Шматлікія праблемы ўтрымання савецкіх ваеннапалонных у нацысцкіх лагерах на акупаванай тэрыторыі Беларусі сталі прадметам дысертацыйнага даследавання Е. М. Дакуновай «Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.)» [10].

Новым накірункам даследаванняў у азначаны перыяд стала фінансавая палітыка германскіх акупацыйных улад на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Асноўныя аспекты і вызначэнне асаблівасцяў гістарычных наступстваў яе правядзення раскрыты ў дысертацыйнай рабоце І. Я. Кураковай [11].

На новы ўзровень паднялося вывучэнне прымусовай працы грамадзян Беларусі. У савецкай гістарыяграфіі дадзеная праблема разглядалася ў кантэксце акупацыйнай эканамічнай палітыкі германскіх улад. Пры гэтым практычна не даследавалася гісторыя новай сацыяльнай групы – остарбайтараў. У 1990-я гг. былі выдадзены зборнік дакументаў і матэрыялаў «Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944)» і зборнік «Остарбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии», якія даюць уяўленне пра становішча вывезеных грамадзян Беларусі, а таксама раскрываюць палітыку савецкай улады ў дачыненні да рэпатрыянтаў [12; 13]. Аднак на дысертацыйнам узроўні праблема остарбайтараў не вывучалася, як, дарэчы, і гісторыя працоўнай паўсядзённасці насельніцтва акупіраваных тэрыторый.

У наступнае дзесяцігоддзе сітуацыя кардынальна памянялася. Палітыка прымусовай працы, якая ажыццяўлялася германскімі акупацыйнымі ўладамі на тэрыторыі Беларусі, атрымала грунтоўнае асвятленне ў вышэй згаданай кандыдацкай дысертацыі Я. А. Грэбеня і калектыўнай манаграфі «Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.» [14; 15].

На другім этапе з’явіліся першыя гістарыяграфічная манаграфіі і доктарская дысертацыя, падрыхтаваныя аўтарам дадзенага артыкула, у якіх упершыню ў беларускай гістарыяграфіі ў гістарыяграфічным плане прааналізаваны разнастайныя крыніцы і паказаны ўклад айчынных гісторыкаў у вывучэнне праблемы гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Працы дазваляюць выявіць заканамернасці і асаблівасці фарміравання і развіцця навукова-даследчых прац па тэме пачынаючы з 1941 г., вызначыць канцэптуальныя падыходы, ступень вывучанасці праблемы, ахарактарызаваць асноўныя перыяды і этапы развіцця гістарыяграфіі па ваеннай гісторыі рэспублікі азначанага перыяду [16; 17; 18].

Разам з крытычным пераасэнсаваннем стану гістарычнай навукі, выпрацоўкай новых падыходаў, пунктаў гледжання, удасканаленнем метадаў гістарычнага даследавання, выдзяленнем новых актуальных накірункаў даследавання на другім этапе павялічылася і колькасць прац, і колькасць накірункаў, па якіх ажыццяўлялася крытыка гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны (адмова ад тэрміна «Вялікая Айчынная вайна», тэзісы аб тоеснасці гітлерызму і бальшавізму, аб роўнай адказнасці Германіі і Савецкага Саюза за развязванне Другой сусветнай вайны, аб чужароднасці партызанскай вайны для беларусаў і інш.).

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. арт. / пад рэд. В. І. Марціновіча. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
2. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.
3. Брест : Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелькульт, 2016. – 723 с.
4. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск : Універсум, 2015. – 436 с.
5. 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. / Ин-т всеобщ. истории РАН; редкол.: А. А. Коваленя, В. А. Смолий, А. О. Чубарьян. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1: Очерки; Кн. 2: Документы и материалы. — 720 с.
6. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А. А. Коваленя (рук. авт. коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : Белта, 2005. – 544 с.
7. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – 358 с.
8. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў к. XVIII – пач. XXI стст.: у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.
9. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
10. *Докунова, Е. Н.* Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Н. Докунова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 25 с.
11. *Куракова, І. Я.* Фінансавая палітыка германскіх акупацыйных улад на тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / І.Я. Куракова; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2015. – 21с.
12. Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 1996. – Кн. 1: 1941–1942. – 304с.; 1997. – Кн. 2: 1943–1944. – 472 с.
13. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1945–1951) : док. и материалы / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 1998.
14. *Гребень, Е. А.* Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Гребень ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 16 с.
15. *Літвін, А. М.* Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў ; агул. рэд. А. М. Літвіна ; пер. В. А. Лойка, С. П. Паўлавіцкі. – Мінск : Тэсей, 2010. – 584 с.

16. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – 257 с.
17. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2012. – 283 с.
18. *Здановіч, У.В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі: аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук : 07.00.09 / У. В. Здановіч; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 49 с.

Э. Г. Иоффе

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Победа Красной армии в Сталинградской битве, являвшейся оборонительной с 17 июля 1942 г. по 18 ноября 1942 г. и наступательной с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., означала коренной перелом в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Она стала результатам совместных усилий воинов многонациональной Красной армии – русских, украинцев, белорусов и представителей других национальностей, в том числе советских евреев. Это начальник штаба Юго-Западного фронта в октябре–декабре 1942 г. уроженец г. Николаева генерал-майор Григорий Давидович Стельмах (1900–1942); первый командующий легендарной 62-й армией в июле–августе 1942 г. уроженец Киева генерал-майор Владимир Яковлевич Колпакчи; командующий 2-й гвардейской армией уроженец Одессы генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский, его заместитель (а до этого исполняющий обязанности командующего этой армией) уроженец Воронежа генерал-майор Яков Григорьевич Крейзер.

С октября 1942 г. заместителем командующего 15-й воздушной армией, а с ноября 1942 г. заместителем командующего 17-й воздушной армией Юго-Западного и Воронежского фронтов был уроженец г. Тараща Киевской губернии генерал-майор авиации Авраам Ефимович Златоцветов. Он принял активное участие в Сталинградской и Курской битвах и битве за Днепр.

Советский военачальник генерал-майор артиллерии Яков Исаакович Броуд, родившийся в 1900 г. в г. Каменец-Подольский, в начале Сталинградской битвы был начальником артиллерии 64-й армии Сталинградского фронта. 26 июля 1942 г. он погиб в бою в станице Нижне-Чирской Сталинградской области.

В пленении Паулюса и начальника штаба 6-й немецкой армии генерала Шмидта принял участие заместитель командира 38-й мотострелковой бригады подполковник Л. А. Винокур.

Активное участие в Сталинградской битве принял уроженец Харькова полковник, а с 1943 г. генерал-майор артиллерии Ефим Александрович Райнин, который с апреля 1942 г. был командующим Сталинградского корпусного района ПВО.

С августа 1942 г. до января 1943 г. уроженец г. Славянск Донецкой области генерал-майор танковых войск Абрам Матвеевич Хасин был командиром 23-го, а затем 2-го танкового корпусов 5-й танковой армии, которые участвововали в Сталинградской битве.

Командирами 169-й и 252-й стрелковых дивизий во время Сталинградской битвы были генерал С. М. Рогачевский и полковник З. С. Шехтман.

Заместителем командира 7-го стрелкового корпуса являлся подполковник Г. Н. Великовский, а начальником политотдела 4-го гвардейского мотострелкового корпуса – старший батальонный комиссар М. Ю. Гальперин.

Военными комиссарами, заместителями командиров дивизий по политической части были полковой комиссар, а затем полковник Х. М. Карельштейн (203-й стрелковой), батальонный комиссар, а затем подполковник Г. М. Левин (169-й стрелковой), подполковник Я. В. Цыпин (24-й гвардейской стрелковой).

Свой вклад в победу под Сталинградом внесли евреи – уроженцы Беларуси.

Уроженец белорусского города Борисов, выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе Матвей Григорьевич Вайнруб прошел Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня. Он участвовал в Сталинградской битве, будучи подполковником и полковником, заместителем командарма-62 В. И. Чуйкова и командующим бронетанковыми и механизированными войсками этой легендарной армии. В предисловии к книге М. В. Вайнруба «Однополчане» Маршал Советского Союза В. И. Чуйков отмечал: «В трудные дни обороны Сталинграда противник прорвался к центральной переправе 62-й армии, захватил высокий дом на берегу. Прекратился подвоз боеприпасов, пополнения, продовольствия. Я вызвал заместителя начальника бронетанковыми войсками армии подполковника М. Г. Вайнруба, приказал ему с тремя танками атаковать и овладеть домом. С танками и 30 бойцами он атаковал этот каменный дом, в котором находилась большая группа фашистов, уже закрепившаяся в нем. Это была трудная задача, но надо было обеспечить переправу в Сталинград дивизии А. И. Родимцева. Я отдал ему последнюю роту охраны, хотя фашисты находились менее, чем в 500 метрах от командного пункта армии. Через три часа Вайнруб доложил: “Приказ выполнен. Переправа работает”. Как стало известно в дальнейшем, Матвей Григорьевич в головном танке повел за собой свой небольшой отряд. Смело атаковал превосходящие силы гитлеровцев, многих уничтожил, остальных заставил отойти. Но и половина отряда была в этом бою потеряна» [1, с. 3–4]. Когда В. И. Чуйков решил перебазировать командный пункт 62-й армии в катакомбы в долине реки Царица, где раньше помещался штаб Сталинградского фронта, сопровождать нового командира по Сталинграду начштаба армии генерал Крылов поручил подполковнику Матвею Вайнрубу, который к тому времени успел исколесить весь город вдоль и поперек. С его помощью генерал Чуйков благополучно добрался до нового КП.

В книге академика А. М. Самсонова «Сталинградская битва» есть такие строки: «14 сентября [1942 года. — *Э. И.*] вошло в героическую эпопею Сталинградской битвы как один из критических дней обороны … Гитлеровцы находились в 800 м от командного пункта 62-й армии, но самым опасным было то, что они прорвались к центральной переправе … Вторая группа во главе с подполковником М. Г. Вайнрубом была направлена к домам специалистов, из которых противник обстреливал Волгу и пристань огнем крупнокалиберных пулеметов» [2, с. 183].

Вскоре три танка Т-34 с десантом бойцов на полной скорости, открыв огонь из всех пушек, рванулись вперед. Их атака была столь стремительной, что гитлеровцы не устояли. Дом был захвачен группой Матвея Вайнруба – и переправа стала безопасной. 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева перебралась на правый берег, 62-я армия получила подкрепление. Силами трех дивизий немецкие войска захватили тракторный завод. Но дальше танкисты Вайнруба их не пустили, создав непреодолимый заслон. Во время боев в Сталинграде танкисты 62-й армии уничтожили 600 танков, 500 орудий и около 26 тысяч немецких солдат и офицеров. 13 марта 1944 г. Матвею Григорьевичу было присвоено звание генерал-майора. 6 апреля 1945 г. командующему бронетанковыми и механизированными войскми 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта М. Г. Вайнрубу было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны он в звании генерал-лейтенанта служил заместителем командующего войсками Киевского военного округа по бронетанковым войскам. Был награжден двумя орденами Ленина, четырьмя – Красного Знамени, орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Отечественнной войны, двумя – Красной Звезды. М. Г. Вайнруб являлся почетным гражданинои Волгограда, Познани и Борисова.

Уроженец Пинска контр-адмирал Павел Алексеевич Трайнин с 1940 г. был командующим Ладожской флотилией, а затем – командиром Военно-морских баз Балтийского флота в Лиепае и Риге. В июле–сентябре 1941 г. он находился под арестом, а после освобождения воевал с нацистами в качестве командующего Керченской военно-морской базой (1941–1942). В 1942–1943 гг., в том числе в период Сталинградской битвы, Трайнин был заместителем командующего Волжской военной флотилией, моряки и морские офицеры которой внесли достойный вклад в героическую оборону и разгром врага под Сталинградом. В 1943–1945 гг. Павел Алексеевич являлся начальником отдела траления Военно-моского флота, а в 1947–1950 гг. – начальником кафедры оперативного искусства Военно-морской инженерной академии. Был удостоен ордена Ленина, 3 орденов Красного Знамени, орденов Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многих медалей [3, с. 523].

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант артиллерии Израиль Соломонович Бескин родился в 1895 г. в Витебске в семье рабочего. Он был участником Первой мировой и Гражданской войн, боев против интервентов на Дальнем Востоке и советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

В Сталинградской битве И. С. Бескин командовал артиллерией 65-й армии Донского фронта, которая наносила главный удар. Он сумел наиболее эффективно использовать огневую мощь двух дивизий реактивной артиллерии и 33 артполков. Именно генерал Бескин впервые применил в ходе боевых действий двойной огневой вал.

В мемуарах бывшего командующего 65-й армией Донского фронта, дважды героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова «В походах и боях» есть такие строки: «31 января [1943 г. — *Э.И.*] в южной части города [Сталинграда. — *Э.И.*] сдался в плен Паулюс со своим штабом, но у нас были еще жестокие схватки в заводской части. В районе Спартаковки, где действовала 214-я [дивизия. — *Э.И.*], осталась самая отчаянная группа гитлеровцев, засевших в подвалах, каменных завалах, разбитых танках. Мы решили разрушить огневые точки прямой наводкой. Днем вместе с командующим артиллерией армии полковником Бескиным, с Бирюковым, Поповичем и Прозоровым работали, определили план подавления огневых средств противника. Вернулся на свой НП уже в темноте. Из 214-й докладывает по телефону Прозоров:

– Район огневых позиций слишком узок, не умещаются все орудия. Рельеф местности подводит. Стоишь во весь рост – цель видна, а опустишься на колени – цели не видишь.

– Некогда менять район. Подумайте, поработайте. Это экзамен. Завтра славная двести четырнадцатая должна показать всю мощь завершающего удара!..

Всю ночь работали артиллеристы. Местами они ставили орудия почти вплотную. Пушки стояли в две линии. Вторая линия – в виде яруса.

1 февраля на НП было необычное оживление. Наблюдательный пункт армии оборудован в основании насыпи окружной железной дороги. Стереотрубы выведены снизу между шпал. Прибыли Рокоссовский. Воронов, Телегин, Казаков. Все хотели видеть могучую работу артиллерии: только в 214-й восемь артполков усиления. Сотни орудий стояли на прямой наводке.

И вот вся эта мощь загрохотала. После трех-пяти минут из блиндажей, из подвалов, из-под танков начали выползать гитлеровцы. Одни бежали, другие становились на колени, обезумев, вздымали к небу руки. Некоторые бросались обратно в укрытия, скрывались среди столбов из дыма и взвихренного камня и снова выскакивали.

– Потрясающе! – негромко вскликнул стоявший рядом со мной командир дивизии РВГК А. Д. Попович – я воюю с гражданской. Всякое видал. Но это – потрясающе!» [4, с. 271–272].

Звание генерал-майора артиллерии было присвоено И. С. Бескину в конце Сталинградской битвы – 27 января 1943 г., а генерал-лейтенанта артиллерии – 22 августа 1944 г. После Сталинграда он воевал с нацистами в качестве командующего артиллерией 70-й армии Центрального и 2-го Белорусского фронтов. 31 мая 1945 г. И. С. Бескин был удостоен звания Героя Советского Союза. Кроме этого он был награжден 3 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, полководческими орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени и многими медалями [5, с. 31].

В январе 1942 г. уроженец г. Барановичи полковник инженерных войск Илья Ефимович Прусс командовал 5-й саперной армией, находившейся в подчинении начальника инженерных войск Красной армии и занимавшейся строительством Ростовского оборонительного района. С марта 1942 г. он был уже командующим 7-й саперной армией, возводившей оборонительный рубеж в Ворошиловградской области по рекам Оскол и Дон. С июля 1942 г. И. Е. Прусс служил начальником инженерных войск и одновременно заместителем командующего 9-й армией Юго-Западного фронта, затем Южного и Северо-Кавказского фронтов. С августа 1942 г. он стал начальником Управления оборонного строительства Резерва Главного Командования. В 1945 г. Илье Пруссу было присвоено звание генерал-майора инженерных войск. Он был награжден 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Отечественной войны 2-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями [6, с. 327–328].

Уроженец г. Гомеля командир минометного расчета Евгений Абрамович Бирбраер участвовал в контрнаступлении Красной армии под Москвой. После окончания в августе 1942 г. командных курсов «Выстрел» он стал командиром минометной роты и принял активное участие в оборонительном сражении под Сталинградом. Поддерживая своим огнем стрелковые подразделения, Бирбраер часто обеспечивал удержание ими своих позиций. В ходе дальнейшего контрнаступления минометная рота лейтенанта Е. А. Бирбраера, не отрываясь от пехоты, уничтожала огневые точки противника и его живую силу [7, с. 31]. 26 октября 1943 г. старшему лейтенанту Е. А. Бирбраеру было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Полковник Лев Петрович Овсищер родился 14 декабря 1919 г. в местечке Богушевск Витебской области. С 1940 г. он служил в Красной армии. Окончил Чкаловское летное училище и служил военным комиссаром 680-го бомбардировочного полка. С ноября 1941 г. он участвовал в боях 42-й армии Западного фронта, выполняя полеты в качестве штурмана бомбардировщика. В период боев в районе Сталинграда Лев Овсищер действовал в составе 271-й бомбардировочной авиадивизии 16-й воздушной армии, осуществлял ночные вылеты. Накануне окончательного разгрома немецких войск под Сталинградом именно капитану Овсищеру командующий войсками Донского фронта Константин Рокоссовский поручил уникальное задание – его самолет «зависал» на низкой высоте над расположением командного пункта генерал-полковника (затем фельдмаршала) Паулюса, а Лев, прекрасно владевший немецким языком, зачитывал через громкоговоритель текст ультиматума. Низко летевший самолет был прекрасной мишенью, однако экипажу чудом удавалось уйти от верной смерти. «Летающий парламентер» стал легендой Донского фронта. В качестве воздушного парламентера он совершил 24 вылета и 70 раз передавал текст ультиматума советского командования штабу 6-й немецкой армии об условиях капитуляции. Уже после пленения Паулюса Рокоссовский, увидев Овсищера, в присутствии начальника штаба Донского

фронта генерала Малинина переспросил у начальника политуправления фронта генерала Галаджева, не забыли ли представить экипаж Овсищера к званию Героев Советского Союза. Тот ответил утвердительно [8, с. 36]. В дальнейшем Лев Овсищер активно участвовал в воздушных боях в районе Курской дуги, под Киевом, Минском, Барановичами, Слуцком, Брестом, Варшавой и Берлином. Всего за годы Великой Отечественной войны в качестве штурмана капитан Л. П. Овсищер произвел 600 боевых и специальных вылетов. Лев Петрович не был удостоен звания Героя Советского Союза, он был награжден орденами Красного Знамени, дважды – Отечественной войны 1-й степени, дважды – Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги» [9, с. 138–139].

«Малой родиной» активного участника Сталинградской битвы, Героя Советского Союза старшего лейтенанта Исаака Федоровича Ваксмана был г. п. Краснополье Могилёвской области. На фронт он прибыл в 1942 г. 20-летним юношей после окончания курсов младших лейтенантов и свой боевой путь начал в октябре 1942 г. под Сталинградом, где в одном из стрелковых полков принял батарею легких 45-миллиметровых орудий, которые любовно называли «сорокопятками». Их место было в боевых порядках пехоты, а основной метод – прямой наводкой с открытых позиций. И.Ф.Ваксман отличился уже в первых боях, смело выдвигая орудия вперед и метким огнем уничтожая огневые точки, что обеспечило продвижение пехоты. За боевые успехи он был награжден орденом Красной Звезды и произведен в лейтенанты. Он погиб в ноябре 1943 г. в боях при форсировании Днепра, а 22 февраля 1944 г. посмертно удостоин «Золотой Звезды». Его имя присвоено школе и улице в Краснополье [7, с. 51].

Уроженец г. Осиповичи Зиновий Самуйлович Горелик в 1940 г. окончил курсы усовершенствования командного состава запаса. В конце июня 1941 г. он был призван в ряды Красной армии и назначен командиром взвода в одну из кавалерийских дивизий на Южном фронте. В районе западнее Донецка эскадрон З. С. Горелика в конном строю контратаковал вражескую пехоту и нанес ей большие потери. В этом бою Зиновий Самуйлович был в первый раз ранен. Вторая рана – тяжелая – надолго вывела его из строя. Из госпиталя он выписался только летом 1942 г. и был направлен командиром стрелкового взвода в Сталинград. Днем и ночью здесь шли упорные бои. Наши части с трудом, но отражали непрерывные атаки немецкипх танков и пехоты. Взвод Горелика оборонялся в районе тракторного завода и удержал свою позицию [7, с. 82]. В начале 1943 г. он окончил фронтовые курсы младших лейтенантов, а затем высшие командные курсы «Выстрел». 30 октября 1943 г. за героизм и мужество при форсировании Днепра и закрепление плацдарма старшему лейтенанту З. С. Горелику было присвоено звание Героя Советского Союза. Награду ему вручил командующий Центральным фронтом генерал Константин Рокоссовский. Также он был награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, многими медалями.

Полный кавалер ордена Славы Ефим Львович Минкин родился 22 января 1922 г. в Могилёве. Окончив школу, он поступил в Московский гидрометеорологический институт. Будучи «ограниченно годен» к военной службе по зрению, Ефим Минкин добровольно ушел в РККА в начале 1942 г. После службы на Урале он участвовал в Сталинградской битве, где проявил храбрость и героизм. Вскоре он был тяжело ранен в обе ноги. Отказавшись от демобилизации, в мае 1943 г. служил разведчиком механизированной бригады. К концу войны Е. Л. Минкин стал кавалером ордена Славы всех трех степеней. 24 июня 1945 г. он участвовал в Параде Победы [3, с. 373–374]. После войны Ефим Львович стал доктором геолого-минералогических наук.

Ефим Исаакович Эренгросс родился в Минске 17 июля 1902 г. В 1934 г. после окончания Коммунистического института журналистики в Минске его направили на работу главным редактором районной газеты «Колхозник Копыльщины», а в 1937 г. перевели на пост ответственного редактора Климовичской районной газеты «Коммуна». В 1938 г. Е. Эренгросса назначили ответственным редактором ежедневной республиканской еврейской газеты «Октябер» («Октябрь») – органа ЦК Компартии Беларуси. С первых дней Великой Отечественной войны Ефим Исаакович находился в рядах Красной армии. Комиссар батальона, старший политрук, он мужественно сражался против нацистов, проявив отвагу и героизм в боях за оборону Москвы, во время Сталинградской битвы, и очень гордился, что воевал в пехоте в рядах легендарной 62-й армии под командованием генерала Василия Ивановича Чуйкова. Комиссару батальона Е. Эренгроссу доводилось командовать батальоном вместо погибшего командира. Во время контрнаступления группировки войск Красной армии под Сталинградом 2 декабря 1942 г. он был тяжело ранен: осколком мины навылет была раздроблена левая рука. Сначала он лечился в полевом госпитале, а с февраля по май 1943 г. – на Большой земле – в г. Сургут. Как инвалида Ефима Исааковича демобилизовали из армии. В 1943–1944 гг. он работал в Башкирской АССР в системе райпотребсоюза. После освобождения Беларуси по приезде в Минск был назначен редактором политической литературы Госиздата БССР. В 1942 г. он был награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», позже был удостоен орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, многих медалей, гвардейского знака. Его не стало 23 августа 1956 г. в возрасте 54 лет [10, с.15].

В годы Великой Отечествнной начальником ветеринарного отдела армии, начальником ветеринарного отдела Юго-Западного и Волховского фронтов был уроженец местечка Туров (теперь городской поселок Житковичского района Гомельской области) генерал-майор ветеринарной службы Лев Соломонович Гоберман. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественнной войны 1-й степени, Красной Звезды, многими медалями [11, с. 219–220].

Жизненный путь начальника ветеринарного отдела Юго-Западного, Донского и 1-го Белорусского фронтов генерал-лейтенанта ветеринарной

службы Николая Марковича Шпайера начался в 1892 г. в местечке Глубокое (теперь город Витебской области). Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова и Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями, 4 польскими орденами и медалями [11, с. 222].

Таким образом, евреи Беларуси принимали самое активное участие в Сталинградской битве, начиная с первых дней обороны и заканчивая полным разгромом 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, румынских и итальянской армий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнруб, М. Г.* Однополчане / М. Г. Вайнруб. – Киев, 1982.
2. *Самсонов, А. М.* Сталинградская битва / А. М. Самсонов. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1989.
3. Еврейская военная энциклопедия / И. М. Левитас. – Киев, 2007.
4. *Батов, П. И.* В походах и боях / П. И. Батов. – 3-е изд. испр. и доп. – М., 1974.
5. *Свердлов, Ф. Д.* Евреи – генералы Вооруженных Сил СССР : краткие биографии / Ф. Д. Свердлов. – М., 1993.
6. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. – М., 2005.
7. *Свердлов, Ф. Д.* В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза / Ф. Д. Свердлов. – М., 1992.
8. *Рабинович, Я. И.* Еврейский народ в круговороте истории : в 3 кн. / Я. И. Рабинович. – М., 2003. – Кн. 3.
9. Очерки еврейского героизма : в 3 т. – Киев, 1997. – Т. 3.
10. *Іофе, Э.* Лёс журналіста / Э. Іофе // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 9 сак.
11. *Долготович, Б.* Военачальники земли белорусской : энцикл. справочник / Б. Долготович. – Минск, 2005.

М. В. Стрелец

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА: Л. А. ГОВОРОВ

В 2017–2018 гг. было два информационных повода для специального рассказа об этом человеке. Первый повод – 22 февраля 2017 г., когда Леониду Александровичу Говорову исполнилось бы 120 лет. 18 января 2018 г. отмечалось 75 лет со дня частичной деблокады Ленинграда. С данным событием также неразрывно связано имя Л. А. Говорова. В этом году, а точнее 27 января 2019 г., отмечалось 75 лет со дня полной деблокады Ленинграда, главным творцом которой был все тот же человек. Естественно, что это событие – третий информационный повод.

Прожив 58 лет, Леонид Александрович застал множество драматических событий отечественной истории, к большинству из которых он был непосредственно причастен.

Курсант артиллерийского училища Л. А. Говоров присягал на верность императору Николаю Второму, когда российская монархия доживала последние месяцы. В первый летний месяц 1917 г. молодой человек пополнил офицерский корпус новой России, находившейся в состоянии двоевластия.

Приход к власти большевиков-ленинцев действующий офицер поначалу встретил нейтрально. В конце I квартала 1918 г. в Томском гарнизоне одним подпоручиком стало меньше. После демобилизации до октября 1918 г. Л. А. Говоров был занят мирным трудом. Он все больше задумывался о будущем своей страны, что в конечном итоге предопределило его путь в колчаковские офицеры. Год с небольшим Л. А. Говоров воевал под командованием А. В. Колчака против Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Наблюдая Белое движение изнутри, колчаковский офицер постоянно искал ответ на вопрос: «Способно ли оно обеспечить достойное будущее Отечества?» Со временем наступило полное разочарование выбором, сделанным в октябре 1918 г., и было принято диаметрально противоположное решение уйти в красноармейцы. Л. А. Говоров храбро сражался против белогвардейцев, за что стал кавалером ордена Красного Знамени [1].

В мирное время Л. А. Говоров продолжал службу в РККА. Этот период вместил карьерный рост в качестве командира артиллерийских подразделений, получение фундаментального военного образования, успешное преподавание в военном вузе, вхождение в когорту авторитетных военных теоретиков.

В 1940 г. у военного теоретика появится возможность применить свои познания на практике. Хорошо известно, каким крепким орешком оказалась «линия Маннергейма» для РККА в период советско-финляндской войны. За преодоление этой линии была заплачена слишком большая цена. Подобная задача ставилась перед многими армиями, которые должны были снимать вопрос по соответствующему участку «линии Маннергейма». Роль артиллерии в этом деле была ключевой. Разумеется, все зависело от того, кто был начальником штаба артиллерии армии. Лучше всех, с наименьшими потерями, справилась 7-я армия. Там указанный пост с начала 1940 г. занимал Л. А. Говоров, для которого Финляндская кампания имела тройное последствие. Его грудь украсил второй орден – Красной Звезды. В РККА появился еще один генерал-майор артиллерии. Новоиспеченный генерал-майор впервые в своей военной карьере оказался в центральном аппарате Наркомата обороны (НКО) СССР. Конечно же, сама логика подсказывала направление крупного специалиста в области артиллерии в Главное артиллерийское управление (ГАУ) РККА. Заместитель генерал-инспектора артиллерии ГАУ Л. А. Говоров сразу же энергично взялся за дело.

В третий весенний месяц 1941 г. руководство НКО решило направить неиссякаемую энергию Леонида Александровича в иное русло. Он становится начальником Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского [2].

Судьбу генерал-майора артиллерии кардинально изменил черный для его Отечества день 22 июня 1941 г. Как тут не вспомнить слова из известной песни: «Дан приказ ему на запад». Только есть одна поправка: речь шла о Великой Отечественной войне. Уже с 22 июня 1941 г. Л. А. Говоров был вовлечен в военные действия с участием войск Западного фронта. Он руководит артиллерией Западного стратегического направления. Обращаем внимание проницательного читателя на то, что Западный фронт генетически связан с войсками Западного особого военного округа, базис которых составляли войска, дислоцированные на территории БССР. Первой вехой на боевом пути генерал-майора стало участие в Белорусской оборонительной операции, датированной 22 июня – 30 июля 1941 г. Он прекрасно понимал роль задействованной в этой операции артиллерии в срыве плана гитлеровцев на блицкриг [3; 4].

С 30 июля 1941 г. Л. А. Говоров участвует в военных действиях в качестве начальника артиллерии резервного фронта, который уже не имел отношения к белорусской территории. Любой серьезный военный историк оценивает действия начальника артиллерии фронта, исходя из его способности придать реальные очертания комплексной организации мощной противотанковой обороны, минимизировать риски при переходе к наступательной фазе Смоленского сражения. Начальная часть этой наступательной фазы виделась Ставке Верховного Главнокомандования (СВГК) такой: поставить крест на германском военном присутствии в Ельне и на Ельнинском выступе. Указанная способность убедительно проявлялась и в бытность Л. А. Говорова начальником артиллерии резервного фронта, и во время нахождения на аналогичном посту на Западном фронте в разгар Московской битвы.

С 15 октября 1941 г. Л. А. Говоров реально возглавлял 5-ю общевойсковую армию Западного фронта. 9 ноября 1941 г. командарм получил очередное воинское звание, а на следующий день он оказался в числе немногих советских военачальников, представленных к ордену Ленина. Этим событиям предшествовал триумф 5-й армии в Можайской и Звенигородской оборонительных операциях. Затем эта армия активно создавала предпосылки для контрнаступления под Москвой, последовавшего приблизительно через месяц. Декабрьский наступательный триумф 5-й армии не остался незамеченным высшим военно-политическим руководством СССР. Со 2 января 1942 г. грудь командарма украшали уже два ордена Ленина [5].

Имя Л. А. Говорова неразрывно связано с прорывом, снятием блокады Ленинграда. Конечно, вклад в это великое дело вносили и другие советские военачальники. Но вклад Л. А. Говорова был определяющим.

В тяжелый период Ленинградской блокады Л. А. Говоров последовательно занимал две должности: с апреля по 8 июня 1942 г. военачальник возглавлял

Ленинградскую группу войск Ленинградского фронта. С 8 июня 1942 г. сфера ответственности генерал-лейтенанта артиллерии включает весь Ленинградский фронт. Он будет командовать им до конца Великой Отечественной войны. Логика дальнейшего изложения требует сначала рассказать, что удалось сделать командующему группой войск фронта.

Он в очередной раз оправдал прозвища «бог артиллерии», «аптекарь», данные ему в ходе Московской битвы. С аптекарской точностью продумывал выстраивание адекватной оборонительной инфраструктуры, роль в ней артиллерии. С подачи военного интеллектуала Л. А. Говорова был создан Ленинградский артиллерийский корпус контрбатарейной борьбы. Уравнения со многими неизвестными призваны были решать две эскадрильи, осуществлявшие корректировочные действия со стороны пятого океана. Весьма оперативно решился вопрос о полевых укрепленных районах (ПУРах). От каждого из 5 ПУРов было рукой подать до северной столицы. Поэтому туда были направлены наиболее боеподготовленные артиллерийско-пулеметные батальоны. Командующий группой войск требовал не только энергично рыть траншеи, но и полностью исключить какие-либо разрывы между ними.

Став командующим Ленинградским фронтом, Л. А. Говоров слыл самым большим интеллектуалом среди всех командующих фронтами.

Момент нового назначения Л. А. Говорова совпал с активной подготовкой германской стороны к осуществлению операции «Северное сияние», имевшей целью захватить Ленинград. В ходе Синявинской наступательной операции вверенные Л. А. Говорову войска, действовавшие совместно с войсками Волховского фронта, возглавляемого К. А. Мерецковым, не дали противнику добиться этой цели. Конечно, начиная указанную операцию, советская сторона рассчитывала на то, что она приведет к деблокаде Ленинграда. Но этого не произошло. Потребуются еще две операции.

Первая имела кодовое наименование «Искра». Предстояло разгадать два ребуса. Первый ребус был связан с нестандартными решениями по освобождению от исключительно концентрированного германского военного присутствия на пространстве, прилегающем к Синявинскому выступу. Предусматривалось, что это пространство будет стремительно сжиматься, став объектом встречных ударов солдат и офицеров, действовавших под командованием Л. А. Говорова и К. А. Мерецкова. Не менее сложно было разгадать ребус, который и хронологически, и логически был вторым. Частичная и в то же время значительная деблокада северной столицы достигалась в случае соединения обоих советских фронтов на пространстве, непосредственно примыкающем к Ладожскому озеру с юга.

После 18 января 1943 г. генерал-полковнику Л. А. Говорову уже не придется ломать голову над этими ребусами. 12 января 1943 г. он начнет наступательную операцию будучи генерал-лейтенантом артиллерии. 15 января 1943 г. командующий фронтом пополнит ряды генерал-

полковников, а через три дня операция «Искра» успешно завершится. Родина в очередной раз оценила полководческое искусство Л. А. Говорова. 28 января 1943 г. он впервые станет кавалером полководческого ордена Суворова I степени и войдет в историю как главный разработчик и исполнитель Ленинградско-Новгородской стратегической операции. На этапе разработки настоящей операции изменилось место данного военачальника в армейской табели о рангах. 17 ноября 1943 г. список советской военной элиты пополнится за счет фамилии четырехзвездного генерала.

Хронологические рамки Ленинградско-Новгородской операции: 14 января – 1 марта 1944 гг. Наиболее значимый этап данной операции датируется 14 января – 27 января 1944 г. Ее итог – полная деблокада Ленинграда. Главный исполнитель операции за день до своего 46-летия стал кавалером очередного ордена Суворова 1-й степени. В результате всей операции вермахт перестал контролировать территорию в сотни квадратных километров. Помимо полной деблокады Ленинграда, стала за весьма малым исключением свободной от германского военного присутствия одноименная область, резко сократилось подобное присутствие в Калининской области [4].

Судьба распорядится так, что Л. А. Говорову второй раз придется преодолевать линию Маннергейма. В 1941–1944 гг. СССР и Финляндия находились в состоянии войны. В число сталинских ударов, намеченных на 1944 год, входило и преодоление «линии Маннергейма», которое заняло центральное место в Выборгско-Петрозаводской операции 10 июня – 5 сентября 1944 г. До преодоления «линии Маннергейма» Говоров искусно запутал финнов, которые поверили в то, что генерал армии будет держать курс на Нарву. Финны даже не подозревали, что в обстановке абсолютной секретности силами отважных советских моряков воины-сухопутчики доставляются в зону, находившуюся в опасной близости от «линии Маннергейма». Зона совпадала с Карельским перешейком. Все было проделано в атмосфере секретности так, что комар носа не подточит. Прибывшие на перешеек воины 21-й армии Ленинградского фронта сразу же стали обустраивать инфраструктуру для артподготовки. Она последует после того, как свое слово сказали воздушные соколы. «Бог артиллерии» Говоров смог отважиться на небывалую огневую плотность артсистем. Спустя без малого три четверти века поражает расчет расположения орудий на один километр фронта. Таких орудий было пятьсот. И все это продолжалось без малого полсуток! Затем последовала наступательная фаза. 18 июня 1944 г., то есть в разгар преодоления полос финской обороны, Л. А. Говоров становится Маршалом Советского Союза. После того как «линия Маннергейма» останется позади, на действия Ленинградского фронта будут влиять и военные соображения, и политика, и дипломатия. Главный результат этих действий: была создана ключевая предпосылка для того, чтобы состояние войны между СССР и Финляндией осталось в прошлом. Выход Финляндии из этого состояния резко укрепил стратегическое преимущество РККА на северо-западном направлении [3].

Вверенные Маршалу Советского Союза войска освободили от вермахта всю Эстонию, немалую часть Латвии, вместе с солдатами и офицерами других фронтов раскусили крепкий курляндский орешек в лице отборных германских частей.

Военные заслуги Л. А. Говорова были отмечены высокими государственными наградами СССР, США, Французской Республики. В его наградной коллекции центральное место занимают золотая медаль Героя Советского Союза, орден «Победа».

Послевоенный период в военной карьере Леонида Александровича длился почти 10 лет (умер 19 марта 1955 г.). За одиннадцать месяцев до смерти маршал достигнет вершины своей карьеры, став заместителем главы союзного оборонного ведомства. Прославленный полководец внес значительный вклад в структурную перестройку системы противовоздушной обороны СССР. В 1952 г. Л. А. Говоров пополнил корпус кандидатов в члены ЦК КПСС, что означало попадание в политическую элиту советского общества [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Царский офицер, советский маршал. Загадочная судьба ... [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : https://topwar.ru/38922-carskiy-oficer-sovetskiy-marshal-zagadochnaya- sudba-komanduyuschego-leningradskim-frontom-leon... – Дата доступа : 14. 01. 2018.
2. Говоров Леонид Александрович // Википедия [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа : 12. 01. 2018.
3. Леонид Александрович Говоров: биография военачальника [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : to-name.ru/biography/leonid-govorov.htm. – Дата доступа : 11. 01. 2018.
4. Говоров Леонид Александрович – Ленинград Блокада Подвиг [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : blokada.otrok.ru/biogr.php?l=4&n=1ola&t=2. – Дата доступа : 16. 01. 2018.
5. Герой Советского Союза Говоров Леонид Александрович [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1078. – Дата доступа : 15. 01. 2018.

И. Ю. Воронкова

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА (1942–1943)

Сталинградская битва 1942–1943 гг., ознаменовавшая начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, оставила заметный след в исторической судьбе белорусского народа. Это касается воинов-белорусов, сражавшихся в разное время в составе Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного, Донского, Воронежского фронтов, Сталинградского

корпусного района противовоздушной обороны, Волжской военной флотилии. Это касается белорусских партизан и подпольщиков, наносивших ощутимые удары по тылам врага, а также тех жителей Беларуси, которым пришлось покинуть ее пределы в связи с эвакуацией.

6 ноября 1942 г. газета «Правда» опубликовала письмо защитников Сталинграда, в котором были такие строки: «Мы пришли сюда, в приволжские степи, со всех концов великой Родины нашей – с необъятных русских равнин, украинских степей, из лесов Белоруссии, с гор Кавказа, из далёкой Сибири… Мы пришли сюда с разных концов Советской страны, но, защищая Сталинград, каждый из нас знает, что тут он защищает свою Родину, свою семью, свой народ».

Многие представители белорусского народа погибли в ходе Сталинградской битвы, многие были отмечены государственными наградами. За подвиги, совершенные в период битвы (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), трое белорусов удостоены звания Героя Советского Союза.

Командир звена 434-го истребительного авиаполка 8-й воздушной армии Сталинградского фронта лейтенант Николай Карначёнок в ходе оборонительных боев за Сталинград делал в день по 6 – 7 боевых вылетов, уничтожил 5 бомбардировщиков противника. Всего на его счету было 349 боевых вылетов и 10 сбитых самолетов. Погиб 22 сентября 1942 г. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 23 ноября 1942 г. В оккупированной немцами Орше была арестована за участие в подпольной борьбе и замучена в тюрьме мать героя – Ксения Савельевна [1, с. 371–372].

Заместитель командира эскадрильи 629-го истребительного авиаполка 102-й истребительной авиадивизии, находившейся в оперативном подчинении Сталинградского корпусного района ПВО, лейтенант Николай Столяров не только летал ведущим, но и выполнял сложные задания по разведке тылов противника. Под сильным зенитным огнем он прорывался в районы станиц Боковская, Морозовская, Чернышевская и своевременно доставлял командованию важнейшие сведения о неприятеле. В ходе Сталинградской битвы совершил 127 боевых вылетов, сбил 6 самолетов лично и 4 – в группе. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 8 февраля 1943 г. [2, с. 359].

Громил врага на Юго-Западном, Сталинградском фронтах летчик 9-го гвардейского истребительного авиаполка 8-й воздушной армии гвардии лейтенант Иван Сержантов. Он совершил 250 боевых вылетов, провел 85 воздушных боев, сбил 13 самолетов противника, из них 8 – в групповых вылетах. Умер 29 марта 1943 г. от ран, полученных в ходе Среднедонской наступательной операции, и был похоронен в Ростове-на-Дону, где его именем позже назвали одну из улиц. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 августа 1943 г. [1, с. 374].

В Сталинградской битве участвовали также не менее 60 белорусов и уроженцев республики, получивших звание Героя Советского Союза или ставших полными кавалерами ордена Славы в ходе других сражений на советско-германском фронте: Н. И. Абрамчук, С. П. Алейников, А. А. Алехнович,

Ф. Ф. Архипенко, П. Х. Басенков, Г. М. Баталов, Ф. Н. Белевич, А. А. Белый, Д. В. Бернацкий, И. С. Бескин, Е. А. Бирбраер, И. М. Богушевич, А. К. Болбас, М. Г. Вайнруб, И. Ф. Ваксман, Д. Д. Валентик, Е. В. Василевский, Г. И. Величко, И. А. Власенко, И. К. Воропаев, П. Я. Головачёв, Я. И. Гончаров, З. С. Горелик, П. П. Гурин, П. И. Ермоленко, А. А. Жук, Ф. Е. Жгиров, Н. И. Жолудев, Г. С. Зданович, В. К. Зыль, Г. П. Исаков, В. О. Коноваленко, О. Т. Кравцов, С. А. Красовский, Г. В. Ксендзов, И. И. Ладутько, А. И. Лопатин, Ф. Е. Маковецкий, В. Ф. Маргелов, П. П. Никифоров, Ф. А. Осташенко, С. А. Пашкевич, Н. П. Потеев, И. И. Пстыго, Ф. Н. Рудкин, М. Ф. Рябчевский, Т. Г. Сеньков, И. П. Соболев, С. Е. Степук, Д. Г. Суховаров, М. П. Сыдько, И. Г. Томашевский, А. И. Уласовец, М. В. Хотимский, К. П. Чернов, Е. А. Юрченко, И. И. Якубовский; Ф. П. Занько, Н. И. Ивутенко, Г. Я. Король[1].

Упомянутые в списке – летчик П. Я. Головачёв и танкист И. И. Якубовский – двое из четырех белорусов, удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза дважды.

История сохранила немало примеров доблести представителей белорусского народа у стен Сталинграда. И. Е. Алексеев был назначен командиром 106-й танковой бригады в сентябре 1942 г. на Сталинградском фронте. В январе 1943 г., развивая успех под Сталинградом в ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции, его танкисты, действуя в составе 12-го танкового корпуса 3-й танковой армии Воронежского фронта, прорвали оборону врага в направлении г. Россошь, за ночь прошли по тылам противника 70 км, освободив десятки населенных пунктов, в том числе железнодорожную станцию Россошь, и создали условия для продвижения других частей армии с наименьшими потерями. 16 января при отражении немецкой контратаки гвардии полковник Алексеев погиб. Похоронен в Россоши, где его именем были названы площадь и улица. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 4 марта 1943 г. [3, с. 478].

Генерал-майор И. С. Бескин командовал артиллерией 65-й армии Донского фронта, которая в ходе операции «Кольцо» нанесла главный удар с запада в направлении Сталинграда. Причем это был первый случай с начала войны, когда артиллерия поддерживала атаку танков и пехоты.

Генерал-майор авиации С. А. Красовский, будущий маршал авиации, командовал 17-й воздушной армией Юго-Западного фронта.

В. О. Коноваленко отлично проявил себя в знаменитой 138-й стрелковой дивизии полковника И. И. Людникова и в период боев в районе сталинградского завода «Баррикады» был назначен командиром 344-го полка, несмотря на то, что имел звание старшего лейтенанта. Как позже отметил Людников в своих мемуарах, белорус не уступал старшим офицерам ни в храбрости, ни в расчетливости [4, с. 26–27, 30–31].

С 23 июля до 10 сентября 1942 г., на подступах к Сталинграду, артиллерийские расчеты под командованием младшего лейтенанта В. Т. Чебатько уничтожили 23 танка, 30 автомашин и значительное количество живой силы противника [5].

[1] Подсчет автора.

А. Е. Ващенко – автоматчик 10-й Сталинградской стрелковой дивизии войск НКВД 5 августа 1942 г. закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, обеспечив тем самым успешное наступление роты. Посмертно был награжден орденом Ленина, одну из улиц Сталинграда назвали его именем. В память о подвиге Ващенко политотделом дивизии в дни боев была издана специальная листовка: «Слава героям Сталинграда! Любите Родину-мать, сражайтесь за ее честь, свободу и независимость, как герой-красноармеец Ващенко!» В ней были такие строки: «Горячо любил Алексей… милую Белорусь… И любовь эта с неудержимой силой влекла его… вперёд, на Запад… где томятся в немецкой неволе мать и отец…». Не судьба была им встретиться. Погиб и отец Алексея – белорусский партизан Егор Тимофеевич Ващенко [6, НВ-6366].

Орденом Красного Знамени был посмертно награжден младший политрук Н. В. Коржель – заместитель командира по политчасти телефонно-кабельной роты 142-го отдельного батальона связи 91-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта. В августе 1942 г. он один прикрывал отход группы связистов и погиб, уничтожив до 60 гитлеровцев [7].

В сентябре 1942 г. погиб под Сталинградом политрук роты В. Я. Яцкевич, до войны работавший директором одной из школ в Витебской области [8, с. 221–222].

На южных подступах к осажденному Сталинграду сражался командир артиллерийской батареи 43-го гвардейского артиллерийского полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии 50-й армии Сталинградского фронта гвардии капитан В. С. Кочулко. 5 сентября 1942 г. у села Большие Чапурники его батарея вела огонь прямой наводкой по наступавшему противнику. Артиллеристы отбили 8 атак, уничтожили 4 пушки, более 250 гитлеровцев и преградили противнику дорогу на г. Красноармейск [9, НВ-7090]. 16 января 1943 г. в районе населенного пункта Новый Рогачик огнем батареи было разрушено 2 дзота, 4 блиндажа, подавлен огонь трех станковых пулеметов. 20 января 1943 г. северо-западнее станции Воропоново, у села Алексеевка, батарея успешно проложила дорогу наступавшей пехоте, рассеяв до взвода вражеских автоматчиков. В этот день, когда артиллеристы вели огонь с открытых позиций на окраине Сталинграда по отступавшим частям противника, комбат Кочулко погиб. Посмертно награжден орденом Красной Звезды [10].

На Донском фронте прославилась 40-я гв. стрелковая дивизия под командованием генерала А. И. Пастревича, которая 100 дней и ночей держала оборону в районе станицы Сиротинской, за что была удостоена ордена Красного Знамени.

В составе Сталинградской группы кораблей Волжской военной флотилии находилась канонерская лодка «Усыскин», боевые заслуги которой были отмечены орденом Красного Знамени. Главным старшиной на лодке служил минчанин старшина 1-й статьи С. И. Дружинский, командиром орудия – гомельчанин старшина 2-й статьи А. А. Кондратенко. В августе –

сентябре 1942 г. на северном участке обороны Сталинграда хорошо замаскированная канонерка, стоя на постоянной позиции, обстреливала войска противника. После ранения корабельного артиллериста Дружинский принял на себя командование батареей главного калибра, которая провела свыше 60 стрельб, выпустив по врагу 970 снарядов. Только 18 сентября 1942 г. орудие Кондратенко сделало 157 выстрелов, уничтожило 3 танка и 9 автомашин. В боях за Сталинград его орудие подавило тяжелую батарею противника, уничтожило 10 танков, 200 автомашин, склад с боеприпасами. Кондратенко был награжден орденом Красной Звезды, Дружинский – орденом Красного Знамени [11].

Боевое крещение под Сталинградом получили многие довоенные работники Западной, Белостокской, Брест-Литовской, Белорусской железных дорог, закрепленные за магистралями советского тыла.

5 ноября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени» было присвоено звание Героя Социалистического Труда трем железнодорожникам-белорусам из состава паровозной колонны № 3 особого резерва: начальнику колонны Н. А. Макарову (до войны – начальник Витебского отделения движения Западной железной дороги), В. И. Мурзичу (машинист Витебского депо) и А. А. Янковскому (машинист Оршанского депо), а также двум железнодорожникам, работавшим до войны в Беларуси: вагонному мастеру колонны № 3 А. В. Глебову (заместитель начальника вагонного участка Полоцкого узла) и старшему машинисту колонны № 4 Е. М. Чухнюк (машинист Гомельского депо).

Во время рейса на сталинградском направлении состав, который вел В. И. Мурзич, попал под бомбежку, помощник машиниста был убит, кочегар тяжело контужен, а сам Мурзич обварен кипятком из пробитого котла. Почти ослепший, он на ощупь заделал пробоину и довел состав с танками до места назначения.

Янковский и Глебов также во время рейса на Сталинград, в условиях, когда погибла вся сменная бригада машинистов, еще 9 суток работали под бомбежкой и обстрелом силами только своих паровозной и поездной бригад.

Елена Чухнюк уже до войны носила звание «Почётный железнодорожник». С лета 1942 г. до конца 1943 г. ее бригада обслуживала сталинградское направление. Елена Мироновна Чухнюк и еще две советские железнодорожницы были первыми женщинами, удостоенными в годы войны звания Героя Социалистического Труда.

Участниками Сталинградской битвы с полным правом можно считать белорусских партизан, которые целенаправленно активизировали боевую деятельность, направленную на дестабилизацию тылов противника в интересах фронта, в первую очередь – на разрушение железнодорожных и шоссейных дорог. По территории республики пролегали крупнейшие

железнодорожные магистрали, по которым шел большой поток военных перевозок врага, в том числе, для группы армий «Б», войска которой действовали под Сталинградом. 9 августа 1942 г. ЦК КП(б)Б обратился к командирам и комиссарам партизанских отрядов, ко всем партизанам и партизанкам Беларуси с призывом усилить партизанскую войну, разрушение средств связи и транспорта противника, уничтожение его живой силы [12, с. 400].

В период Сталинградской битвы серии особо мощных ударов подверглись железнодорожные коммуникации южного, гомельского направления. Так, 5 октября 1942 г. партизаны Могилёвской области подорвали 2 железнодорожных моста на дороге Могилёв – Гомель; 8 октября народные мстители Минщины взорвали 25-метровый мост через реку Талька на дороге Минск – Гомель; 30 октября партизаны Пинской области атаковали охрану 70-метрового железнодорожного моста через реку Лань на дороге Брест – Гомель, одновременно специальные группы разрушили 6 других железнодорожных и шоссейных мостов и срезали телефонно-телеграфные линии связи на протяжении 3 км. С 20 сентября до начала ноября 1942 г. партизаны Полесско-Минского соединения подорвали на гомельском направлении 49 эшелонов, а 3 ноября осуществили операцию «Эхо на Полесье», уничтожив железнодорожный мост протяжённостью более 150 м через реку Птичь [12, с. 409–410]. Только с июля по ноябрь 1942 г. белорусские партизаны пустили под откос 597 эшелонов, подорвали и сожгли 473 железнодорожных и шоссейных моста, 855 автомашин, 24 танка и бронемашины, уничтожили свыше 2 тыс. солдат и офицеров противника [13, с. 228]. Это была их реальная помощь Красной армии в период оборонительных боев под Сталинградом.

С февраля 1943 г., после победы под Сталинградом, начался неуклонный охват партизанским движением всей территории Беларуси (до этого времени западные регионы отставали в данном процессе). Значительно расширились районы, находившиеся под плотным контролем партизан: возникли крупнейшие Россонско-Освейская, Ушачско-Лепельская, Бегомльская партизанские зоны. В целом партизанское движение Беларуси поднялось на новый количественный и качественный уровень. Если на начало ноября 1942 г. здесь действовали 430 партизанских отрядов, насчитывавших 47 150 бойцов, то к маю 1943 г. отрядов было уже 548, а их личный состав достиг 75 670 человек [14, л. 2; 15, л. 28].

Первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко в директивном письме руководителям партизанского движения Минской области от 9 февраля 1943 г. писал: «Вы знаете о беспримерном в истории поражении германской армии под Сталинградом… Среди этой армии разбойников полностью истреблён 8-й германский пехотный корпус… отборных фашистских мерзавцев, которые первыми ворвались в Гродно и Минск, корпус, который залил свой путь от Гродно до Минска и Гжатска кровью наших людей… Красная Армия свела с этим корпусом счет под Сталинградом…» [16, л. 24–26].

Победа под Сталинградом и ее значение для белорусского народа стали в начале 1943 г. одной из наиболее «выигрышных» тем массовой пропагандистской работы руководства Беларуси, подпольных партийных и комсомольских органов, командования партизанских формирований. В деревнях, располагавшихся на территориях партизанских зон, были организованы специальные митинги. Летом 1943 г. на территории Россонско-Освейской партизанской зоны в Витебской области около 4 тыс. партизан и местных жителей посмотрели документальный фильм «Разгром немецких войск под Сталинградом», доставленный самолетом с Большой земли [17, л. 268 об.]. В отчете командования 2-й Белорусской партизанской бригады сообщалось: «Всюду население встречало эту весть с радостным ликованием. Воодушевленные героическими действиями советских войск, 350 жителей Поташенского сельсовета [Городокского района Витебской области] вышли на сооружение лесных завалов и разрушение мостов на большаке Городок – Невель…». Всего же по шести сельсоветам района более 1 тыс. человек отметили победу под Сталинградом возведением различных препятствий на дорогах, которыми пользовались оккупанты [18, л. 32].

Сталинградская эпопея находила регулярное отражение на страницах газет и листовок, выпускавшихся как ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ в Москве, так и в тылу врага, рукописных партизанских журналов, боевых листков, стенных газет. Основой таких публикаций были, как правило, материалы центральных советских газет, доставлявшихся партизанам самолетами с Большой земли, а также сводки Совинформбюро, которые принимали партизанские радисты. Так, в ноябре 1942 г. ЦК КП(б)Б издал листовку «К оружию, белорусский народ!» с текстом обращения народного писателя Беларуси Я. Коласа. Комитет борьбы с немецкими оккупантами Брестской области выпустил листовку «Бей немца-сатану! Ударишь в Белоруссии – легче будет на Дону». 28 февраля 1943 г. в одном из кинотеатров Могилёва, куда оккупанты собрали представителей мужского населения города с целью «добровольного» вступления в немецкую армию, подпольщики разбросали листовки с текстом приказа Верховного главнокомандующего И. В. Сталина от 2 февраля 1943 г. войскам Донского фронта, успешно завершившим ликвидацию окруженной под Сталинградом вражеской группировки. Эта акция вызвала крайнее замешательство немецких властей и большое воодушевление могилевчан [19, л. 203–205].

Впечатляющие итоги сокрушительного поражения противника под Сталинградом были доведены до сведения не только просоветски настроенного населения, но также распечатаны в виде специальных листовок «К старостам, к полицейским, служащим городских управлений и комендатур, ко всем тем, кто из-за страха служит врагу» [20, КП-24429]. К примеру, в течение сентября 1942 г. – июня 1943 г. в типографии газеты «В бой за Родину» Руденского подпольного райкома КП(б)Б Минской области было выпущено 16 тыс. экземпляров газет и 22 тыс. экземпляров различных листовок и обращений к полицейским и солдатам

коллаборационистских воинских формирований. Тех, кто пошел на службу к врагу, призывали исправить ошибку, перейти на сторону партизан и сражаться, развивая успех Красной армии под Сталинградом [21, л. 72].

Результаты не замедлили сказаться. В документах партизанских формирований зафиксировано, что в первой половине 1943 г. наибольшее количество добровольных переходов в ряды народных мстителей выпало на февраль. Командир Пинского партизанского соединения Герой Советского Союза генерал-майор В. З. Корж позже писал: «После разгрома гитлеровцев под Сталинградом наша работа по разложению гитлеровских формирований стала значительно более лёгкой. К нам начали переходить полицейские и власовцы (бойцы так называемой Русской освободительной армии. – *И. В.*) целыми подразделениями» [22, с. 226].

Выходившая в Москве газета-плакат ЦК КП(б)Б «Раздавім фашысцкую гадзіну» посвятила весь номер за февраль 1943 г. великой победе под Сталинградом. Поскольку издание имело сатирическую направленность, оно было заполнено фельетонами, сатирическими рисунками, баснями белорусских авторов, высмеивавших неудачу гитлеровских войск: «Жалоба па 6-й нямецкай арміі альбо жалоба ваўка», «Пракляты клімат Расіі – куды ні кінешся, усюды град: Сталінград, Ленінград, Варашылаўград…» и др. Были помещены и официальные материалы, к примеру, указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1943 г. об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней. Время выхода указа свидетельствовало о признании заслуг партизан Советского Союза, в том числе Белорусской ССР, по оказанию помощи Красной армии в разгроме врага под Сталинградом. Одно из центральных мест в газете занимало стихотворение известного белорусского поэта Максима Танка «Сталінград», образно отразившего историческое значение великой победы на Волге, в которую внесли достойный вклад многие представители белорусского народа – фронтовики, партизаны, подпольщики:

Як просты і мужны салдат
У чырвонаармейскім шынелі
Пад снежныя ўсхліпы мяцелі
На варце стаіш, Сталінград.

Ні сталі гарачая лава,
Ні хвалі варожых палкоў
Тваіх не прайшлі рубяжоў,
Тваёй не асілілі славы.

Зноў сонца з-за хмары ўстае.
За чорнай ардой у пагоні
Мы рвемся на захад і помнім
Руіны і раны твае.

Клінкі нашы вострыя ззяюць,
Ардзе не вярнуцца назад,
Бо ты нас вядзеш, Сталінград,
Як сцяг перад намі палаеш.

Калі ж дым вайны ападзе,
І плуг поле бітвы падыме,
Тваё непаўторнае імя
Век жыць будзе ў сэрцы людзей [23].

Сокрушительный разгром окруженной под Сталинградом группировки и окончательная утрата немцами стратегической инициативы послужили, в частности, толчком для создания ими глубокоэшелонированной обороны на центральном участке тыла и принятия кардинальных мер на случай своей эвакуации с территории Беларуси. В их основе лежал специальный приказ А. Гитлера от 14 февраля 1943 г. Вместе с тем ужесточился оккупационный режим, карательные меры против партизан и гражданского населения.

Нельзя не вспомнить, что Сталинградская битва нашла также отражение в судьбах эвакуированной в советский тыл части населения Беларуси. По неполным данным в июле 1941 г. в Сталинградскую область были вывезены 1 066 человек из Беларуси [24, л. 163]. Туда попали, к примеру, 7 депутатов Верховного Совета БССР [25, с. 81], 86 детей из пионерского лагеря минского кожевенного завода «Большевик», 97 воспитанников детского дома из п. Коханово Толочинского района Витебщины, 15 из которых были направлены в местные школы ФЗО и ремесленные училища [26, л. 109–110]. В июле 1941 г. в Сталинград было эвакуировано оборудование Гомельских судоремонтных мастерских, находившихся в ведении Наркомата речного флота СССР, 90 рабочих этих мастерских и 190 членов их семей. В Сталинграде они сразу включились в работу местного судоремонтного завода. В Сталинград попала также часть оборудования (вторая была отправлена в Омск) и коллектива Гомельского лесокомбината Наркомата лесного хозяйства БССР. До Сталинградской области добралась даже часть угнанного из Беларуси скота [25, с. 83, 198, 202].

Неполнота данных о белорусах, выехавших с территории республики летом 1941 г., в том числе в Сталинградскую область, была связана с тем, что эвакуационный отдел Совнаркома БССР по объективным причинам начал аккумулировать эти сведения лишь с января 1942 г., а с середины года, в связи с наступлением немецких войск в южном направлении, развернулась массовая повторная эвакуация населения, включая белорусское, из мест, считавшихся ранее тыловыми – Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской (Луганской) областей, с Северного Кавказа. К примеру, ряд эвакуированных из БССР детских учреждений был вывезен в это время из Сталинградской и Ростовской областей, Орджоникидзевского края Северо-Осетинской АССР в Молотовскую (Пермскую) область и Алтайский край, где им присвоили новую нумерацию [27, л. 305]. Так, детей, отдыхавших в пионерском лагере «Крыницы» под Бобруйском, среди которых были и минчане, вывезли сначала в Гомель, оттуда – в г. Урюпинск Сталинградской области, а в 1942 г. – в г. Ишимбай Башкирской АССР.

Характерным примером такой повторной эвакуационной эпопеи является также история Гомельского государственного исторического музея имени А. В. Луначарского (ныне – Гомельский дворцово-парковый ансамбль). Его ценности, а также некоторые сотрудники с семьями были успешно вывезены из Гомеля в Сталинград в июле 1941 г. Спустя почти месяц изнурительного пути доставленные музейные ценности были переданы на хранение в фонды Сталинградского областного краеведческого музея, где находились также экспонаты краеведческого музея, эвакуированного из г. Осипенко (ныне – Бердянск) Запорожской области Украины. С началом оборонительных боев на сталинградском направлении объединенные фонды этих трех музеев были с помощью морских пехотинцев переправлены на левый берег Волги и погружены в специальный железнодорожный состав. Но на железнодорожной станции Гмелинская Старополтавского района Сталинградской области эшелон подвергся бомбардировке. Сохранившиеся ценности были собраны и отправлены на верблюдах в степь, где складированы в сарае ветеринарного пункта села Цветочное. В сентябре 1944 г. они были перевезены в г. Урюпинск Сталинградской области, в 1946 г. – в г. Камышин также Сталинградской области, и в том же году уцелевшие белорусские ценности были возвращены в Гомель [28, л. 38; 29].

И еще один факт музейной тематики. В начале ноября 1942 г. – в самые напряженные дни обороны Сталинграда – в Москве, в здании Государственного исторического музея была открыта жизнеутверждающая выставка «Белоруссия живёт, Белоруссия борется», созданная усилиями Комиссии по сбору документов и материалов Отечественной войны при ЦК КП(б) Б. Выставка, постоянно пополняясь экспонатами, доставлявшимися из партизанской Беларуси, а также с фронтов, на которых сражались белорусы, в том числе из-под Сталинграда, работала в Москве вплоть до освобождения Минска летом 1944 г., затем стала основой первой экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Оршы і Аршанскага раёна: у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – Кн. 1.

2. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Крычаўскага раёна. – Маладзечна : Друкарня «Перамога», 2004.

3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002.

4. *Людников, И. И.* Дорога длиною в жизнь / И. И. Людников. – М. : Воениздат, 1969.

5. Чырвоная змена. – 1963. – 20 студзеня.

6. Личное дело А. Е. Ващенко // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ).

7. Мінская праўда. – 1963. – 2 лютага.

8. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Бешанковіцкага раёна / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелСЭ. – 1991.

9. Личное дело В. С. Кочулко // БГМИВОВ.
10. № 19761055 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.podvignaroda.ru/. – Дата доступа : 18.01.2013.
11. Звязда. – 1963. – 20 верасня.
12. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / редкол.: гл. ред. А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1.
13. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І. С. Краўчанка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – Т. 4.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 421.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 451.
16. НАРБ. – Ф. 3515. Оп. 1. Д. 1.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 263.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1249.
19. НАРБ. – Ф. 4239. Оп. 1. Д. 1.
20. БГМИВОВ.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 149.
22. *Корж, В. З.* Народная борьба против фашистских оккупантов на Пинщине / В. З. Корж // Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 годы): сб. воспоминаний. – Минск : Госиздат БССР, 1961.
23. Раздавім фашысцкую гадзіну. – 1943. – № 78.
24. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1734.
25. Белорусы в советском тылу (июль 1941 г. – 1944 г.): сб. док. и материалов: в 2 вып. / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Вып. 1. Июль 1941 г. – 1942 г. – Минск : НАРБ, 2010.
26. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 7.
27. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 6.
28. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 2.
29. *Шода, Т. А.* Музей в годы военного лихолетья / Т. А. Шода // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.palacegomel.by/index.php?newsid=1234. – Дата доступа : 18.01.2013.

Терри Джонс

ДЮНКЕРК В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ БРИТАНЦЕВ

Летом 2017 г. в прокат вышел уникальный фильм «Дюнкерк», снятый на основе исторических событий, происходивших летом 1940 года. Как видно из фильма, от этих событий зависела дальнейшая судьба Великобритании. В случае полной потери личного состава британских войск под французским городом-портом Дюнкерком на берегу Ла-Манша страна осталась бы практически беззащитной. Но случилось чудо, значение которого даже сегодня не просто оценить. О том событии не идут споры в

фильме, но этот сюжет постоянно всплывает в общественном дискурсе, продолжающемся по настоящее время как на страницах научных изданий, так и в СМИ.

Кратко напомним суть того, что произошло за 10 дней на берегах материковой Европы, когда решалась судьба ее одной из важнейших островных держав – Великобритании. А главное, попытаемся найти ответ на один из актуальных вопросов: как удалась операция, известная из литературы под названием «Динамо»? Именно она раскрывает уникальность тех событий, связанных с эвакуацией английских, французских и бельгийских частей из района Дюнкерка. Хотя начиналась она спонтанными поездками из района гавани Маргейт и короткими морскими путешествиями неравнодушных англичан из Брайтона, которые на маленьких суденышках (они были не достаточно велики, чтобы назвать их кораблями) оказывали помощь в эвакуации военных морским путем. Со временем владельцы этих морских средств гордо демонстрировали те медные таблички, на которых было написано, что эти лодки принимали участие в спасении союзных войск с мола и пляжей Дюнкерка с 26 мая по 4 июня 1940 года [1].

Благодаря этой информации можно узнать, сколько поездок они совершили, переправляя британских солдат на крупные корабли, которые стояли на якоре в более глубоких водах. Кроме того, мои личные воспоминания позволяют ответить и на другие вопросы. Так, мой бывший тесть был профессиональным солдатом, который отправился во Францию в 1939 г. в составе Британских экспедиционных сил (БЭФ) и был серьезно ранен в районе Дюнкерка. Его воспоминания, конечно, расплывчаты и несколько туманны, так как он получил тяжелое ранение головы, и после того, как его комиссовали из армии, именно из-за этой травмы он больше никогда не работал.

Предвосхищая повторение плана Шлиффена во время Первой мировой войны (вторжение Франции через Бельгию), французские и британские армии продвинулись на север, чтобы противостоять угрозе в мае 1940 г. [2, p. 143]. Развертывание немецких войск на севере было, по сути, обманным шагом, чтобы развернуть на это направление союзников, а главные силы ворвались бы во Францию через Арденны. Разработавшие этот проект французы полагали, что немецкие танковые соединения не смогут пройти через Арденны, и таким образом они будут защищены. Но командующий армейским корпусом Эрих фон Манштейн вскоре доказал им, как они ошибались [3, p. 148–167].

Когда они поняли, что в результате прорыва через Арденны их армии оказались отрезаны от баз снабжения, союзники отступили на юг. После короткой, но героической обороны Бельгии и Голландии армии этих стран прекратили сопротивление, и теперь союзники оказались зажаты немецкими войсками с севера и юга.

Главнокомандующим Британских экспедиционных сил был лорд Джон Горт, который считался человеком мужественным, но здесь нужен был идеальный организатор для решения задач в той критической ситуации,

в которой оказались союзники. Однако в тех условиях, несмотря на все сложности, 20 мая 1940 г. Британский Королевский флот начал разрабатывать план эвакуации армии из Дюнкерка – последнего порта на Ла-Манше, который еще был занят союзниками [2, p. 148].

Из научной литературы следует, что лучше всего для быстрой эвакуации подходили эсминцы, они были хорошо вооружены и могли отбивать атаки немецких штурмовиков и бомбардировщиков. Однако на деле в то сложное время из 200 эсминцев Британского Королевского флота только 41 смог участвовать в операции «Динамо».

Поэтому важно иметь в виду, что все малые суда и лодки вдоль южного побережья Англии были мобилизованы для эвакуации с побережья вокруг Дюнкерка союзных войск, которые теперь оказались в ловушке. Здесь были лодки и катера – все, что могло пересечь Ла-Манш, включая суда и корабли, рыболовные траулера и шхуны, (торпедные) катера, старые колесные пароходы, портовые буксиры с Темзы и личные парусные яхты из яхт-клубов. Известна история 14-летнего мальчика, который провел девять дней под постоянным огнем немецких самолетов, перебрасывая солдат с берега на эсминцы, а по возвращении домой мать сильно отругала его за то, что он не взял запасную пару носков!

Таким образом, человеческий фактор стал для британцев тем важнейшим условием, без которого эвакуация вряд ли имела бы такие положительные последствия. В целом можно говорить и о том, что операция «Динамо» по эвакуации британских сил стала возможной благодаря двум очевидным фактам:

1. Необъяснимому приказу Гитлера остановить танковые дивизии за пределами Дюнкерка, тем самым оставив открытой полностью подготовленную к закрытию ловушку.

2. Исключительно спокойные природные условия на море, позволившие не подготовленным к сложному плаванию лодкам быть использованными для эвакуации британских сил.

За девять дней операции «Динамо» были эвакуированы в общей сложности 338 226 союзников-военнослужащих, потери составили семь французских эсминцев, шесть эсминцев Королевского военно-морского флота и 106 военнослужащих Королевских военно-воздушных сил. Германия потеряла 156 самолетов [3, p. 167].

Заметим, что всю тяжелую военную технику вывезти не смогли, ее пришлось покинуть.

Главный вывод для британцев заключается в том, что если бы в самом начале июня 1940 г., когда силы Британского экспедиционного корпуса еще не были на родине, немцы бы вторглись сюда, то страна оказалась бы практически беззащитной. Поэтому мы с гордостью говорим о человеческой победе под Дюнкерком, а не о позорном бегстве союзников. Всем известна книга Джона Рида – американского военного журналиста, очевидца Октябрьской революции в России: «10 дней, которые потрясли мир». В нашем случае те же 10 дней, с 26 мая по 4 июня 1940 г., спасли Великобританию от позора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dunkirk evacuation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https: // en.wikipedia.org/wiki/ Dunkirk_evacuation. – Дата доступа : 12.05.2018.
2. The Illustrated Encyclopaedia of World War Two: in 2 vol. Vol. 2. – London : Orbis Publishing Ltd, 1978. – P. 140–166.
3. Word War Two, Blitzkrieg. – London : Orbis Publishing Ltd, 1978. – P. 148–167.

Д. Киенко

ПАРТИЗАНСКАЯ АВИАЦИЯ

В течение всей войны руководство белорусским партизанским движением использовало авиацию, «выбивая» ее у различных ведомств: ГВФ, АДД, авиации ВДВ, фронтовой авиации. Естественным образом во время войны каждое ведомство имело свои задания, и выполнять, как им казалось, «второстепенные» задачи не горело желанием. Поэтому выделение самолетов всегда шло «со скрипом» и в любой момент, как это зачастую и случалось, прикомандированные для выполнения задач экипажи и самолеты могли быть отозваны.

По мере возрастания объемов перевозок и накопления противоречий партизанское командование в лице Белорусского штаба партизанского движения (далее – БШПД) вынашивало мысль получить в свое непосредственное распоряжение какие-либо авиационные части.

Основными «рабочими лошадками» для помощи партизанам в 1942–1944 гг. были самолеты У-2 и Р-5. Причем Р-5, несмотря на свой почтенный возраст и изношенность, имел для обеспечения партизан важнейшее значение, так как обладал большей дальностью и грузоподъемностью, чем У-2. Самолеты Ли-2 до середины весны 1944 г. привлекались к полетам эпизодически. К концу 1943 г. летный ресурс Р-5 был практически исчерпан, самолет активно использовался в действующей армии еще с 1941 г. и к тому времени оставшихся пригодных самолетов оставалось весьма немного, таким образом пришлось использовать менее грузоподъемные У-2 и совершать в два раза больше вылетов, чтобы доставить тот же объем грузов. Дальность У-2 позволяла совершать полеты только в ближние тылы противника, а партизанам, в свою очередь, приходилось оборудовать посадочные площадки и места выброски грузов в оперативных тылах немецких войск, что составляло определенную опасность.

Еще одним весьма подходящим самолетом в течение всей войны являлся транспортный Як-6. Этот самолет имел ряд таких преимуществ, как: два двигателя, большие, чем у Р-5 и У-2, дальность и грузоподъемность. Однако их производство закончилось в 1943 г. после выпуска 381 машины. Самолеты довольно быстро разошлись по фронтам и министерствам, поэтому на «плановую» замену У-2 и Р-5 «яками» рассчитывать не приходилось.

Понимая, что «лишних» самолетов в ВВС нет и никто их просто так не выделит, была предпринята попытка «выбить» для своих целей хотя бы трофейные немецкие машины. Так, 4 марта 1943 г. начальник штаба БШПД П. З. Калинин, получив предварительное согласие у генерал-майора С. И. Руденко, через начальника управления устройства тыла ВВС КА полковника Семенова обратился к заместителю командующего 17-й Воздушной армией генерал-майору Ступину «о приобретении и перегонке в Москву двух трофейных Ju-52 и одного Фокке-Вульфа „Курьер" для использования в интересах белорусских партизан» [1, д. 1273, с. 1]. Судя по всему, эти самолеты не дали, что, вероятно, спасло жизнь некоторым пилотам. При ночных перелетах через линию фронта, как показала впоследствии практика, по У-2 открывали огонь свои же зенитки, сбив при этом несколько самолетов своей же 16-й ВА. Что говорить о немецких Ju-52, когда даже советские истребители при атаке смотрели на «профиль» самолета, оценивая его как свой или чужой, а не на едва видимые звезды на крыльях.

Формирование уникальной, впервые в прямом смысле этого слова «партизанской», авиации происходило постепенно. Период ее существования составил всего 1,5 года, в течение которых она прошла несколько этапов, постепенно «выкристаллизовывалась» в универсальный инструмент в руках БШПД. Поводом для ее появления стал почин трудящихся г. Чкалова на сбор средств для приобретения трех самолетов Як-6 и передачи их белорусским партизанам. Торжественная передача самолетов состоялась 1 мая 1943 г., а на следующий день с авиазавода № 47 перегонщик майор Стуков вместе с помощником начальника оперативного отдела БШПД по авиаперевозкам подполковником Полосухиным сдали их в 1-ю авиатранспортную дивизию [1, д. 980, с. 149]. Передача самолетов «транспортникам» была вызвана тем, что такого подарка в партизанском штабе никто не ожидал, размещать самолеты оказалось негде, «своих» летчиков в штатах штаба не имелось, как впрочем и технических служб для обслуживания свалившихся как снег на голову трех Як-6.

Эти самолеты оказались первыми машинами, поступившими в непосредственное распоряжение БШПД. Руководство наконец получило то, о чем так долго мечтало, однако этот подарок едва не оказался «чемоданом без ручки». Не имея в составе партизанского штаба ни летчиков, ни специалистов для работы с техникой, командование вынуждено было искать выход из положения. В результате беседы начштаба БШПД П. З. Калинина с маршалом авиации А. А. Новиковым было принято решение о прикомандировании личного состава из 991-го ночного бомбардировочного авиаполка (991-й нбап) для обслуживания этих самолетов, а само звено для обслуживания включить в состав 3-й Воздушной армии для получения необходимого топлива и ГСМ.

Создание отряда было поручено секретарю ЦК КПБ Члену Военного Совета Калининского фронта И. И. Рыжикову. В конце апреля 1943 г. он приехал в д. Войлово (бывшая Калининская, ныне Тверская обл. РФ), где

находился прифронтовой аэродром 104-го ап ГВФ под командованием майора Федотова. В это же время на аэродром был перебазирован 991-й нбап, 1-я авиаэскадрилья которого осуществляла полеты к партизанам. По планам командования 991 нбап должен был всем составом включиться в перевозки грузов за линию фронта. Командир 991 нбап майор П. Т. Василенко весьма критически отнесся к поставленной задаче по обеспечению партизан. По словам штурмана этого полка С. Ф. Сараева, он заявлял: «Мой полк способен выполнять более сложные задачи, а не летать в лес к партизанам выполняя роль извозчиков» [1, д. 1413, с. 24]. Следует отметить, что до августа 1942 г. майор П. Т. Василенко был начальником 22-й авиационной школы пилотов первоначального обучения в Алма-Ате. Той самой, из инструкторов которой и был сформирован 991-й нбап.

На фронт, в штаб 104-го ап ГВФ прибыл Член Военного Совета Калининского фронта И. Рыжиков с намерением поручить командиру полка майору Федотову создать «партизанский авиаотряд». В это время в штабе «гражданского полка» оказался представитель 991-го нбап С. Ф. Сараев, прибывший туда для изучения обстановки на будущем участке боевых действий и партизанских площадок за линией фронта, а заодно и чтобы познакомиться с майором Федотовым. Вот в такой ситуации в штаб вошел Член Военного Совета фронта И. И. Рыжиков. Он сообщил Федотову, что есть письмо от начальника Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко о том, что «на аэродром Подлипки пригнали подарок жителей г. Чкалова – три самолета Як-6. Они будут базой для авиаотряда БШПД». Далее он устно пояснил, что имелось намерение передать их в 991-й нбап, но критическое отношение командира этого полка П. Т. Василенко (находчивый И. Рыжиков сходу оценил обстановку и, обладая полномочиями, «перевел стрелки») привело к тому, что было принято решение включить звено самолетов Як-6 в полк Федотова. Командир 104-го ап ГВФ, поблагодарив за оказанное доверие, сослался на то, что создаваемый отряд будет выполнять не только транспортные задачи, но и бомбометание, а также стрельбы РСами, а его гражданские летчики этому не обучены. В поисках выхода из положения, ведь члену Военного Совета фронта отказать было невозможно, находчивый комполка майор Федотов, увидев в своем штабе «соседнего офицера», порекомендовал назначить командиром отряда штурмана 991-го нбап С. Ф. Сараева.

С 23 ноября 1942 г. 991-й нбап находился в составе 3-й Воздушной армии.

Первая авиационнная эскадрилья 991-го нбап была придана 4-й Ударной армии для работы с белорусскими партизанами. Ввиду того, что самолеты при интенсивной эксплуатации в сложных условиях выработали свой ресурс, 7 мая 1943 г. полк был расформирован. Часть летчиков была оставлена на укомплекто-вание авиационных частей 3-й Воздушной армии, другая же – вместе с техсоставом – была отправлена в 46-й запасной авиаполк в г. Алатырь (Чувашия).

Отказать члену Военного Совета фронта и не отпустить своего штурмана командир 991-го нбап не мог. В тот же день в штабе полка С. Ф. Сараеву в опечатанном конверте было выдано его личное дело и 4 мая он убыл с места дислокации. На следующий день С. Ф. Сараев написал рапорт на имя И. И. Рыжикова, расписав в нем план работы по формированию «партизанской» эскадрильи, номера которой еще не существовало, было лишь намерение ее создать. Имея на руках этот план, было составлено письмо на имя Пономаренко, и 5 мая на прибывшем самолете Р-5 из состава 105-го ап ГВФ С. Ф. Сараев вылетел в Москву. После приема у Пономаренко С. Ф. Сараев отправился к командующему ВВС А. А. Новикову, который дал распоряжение начальнику управления кадров сформировать авиационный отряд и предоставить в его распоряжение 12 самолетов: три Як-6 и девять У-2, специально оборудо-ванных закрытой третьей кабиной и направляющими для пуска РС-82.

Летный состав в отряд набирался из летчиков 991-го нбап, которые были знакомы С. Ф. Сараеву еще по учебе в 22-й лётной школе первоначального обучения в Алма-Ате, где они были инструкторами на У-2 и УТ-2. В Москве на заводе были получены девять У-2; там же были произведены доработки: сделали третьи закрытые кабины и направляющие для пуска РС.

Из 46-го зап, расположенного в чувашском г. Алатырь, в отряд были откомандированы летчики Герди, Беляков, Сухоручкин, штурманы Карайкоз, Бородин, механики Батюков, Ефремов, Климов, механик по оборудованию Ребрик и механик по вооружению Игнатенко. Все они ранее были знакомы с партизанской работой еще по службе в составе 991-го нбап.

Освоение самолетов Як-6 происходило в подмосковном г. Калинине. Основной упор при этом делался на полеты в ночных условиях с посадками на небольшие площадки с одним костром, с подмигиванием фонарем зеленого или красного цвета. После 10–12 ночных тренировок летчики освоили полеты и посадки на обоих типах самолетов. И в конце мая 1943 г. группа из 12 человек в составе трех Як-6 и одного У-2 была готова к выполнению задач.

Личный состав группы:

командир группы ст. лейтенант М. Н. Герди,
штурман группы ст. лейтенант С. Ф. Сараев,
командир звена мл. лейтенант Е. И. Беляков,
командир звена мл. лейтенант П. П. Сухоручкин,
штурман мл. лейтенант А. Н. Бородин,
штурман мл. лейтенант П. А. Карайкоз,
техник группы техник-лейтенант Л. Садовников,
механик звена техник лейтенант Н. С. Батюк,
механик звена старшина Ефремов,
механик звена старшина А. В. Климов,
механик по вооружению старшина В. Е. Игнатенко,
механик по спецоборудованию старшина И. В. Ребчик [1, д. 1379, с. 1].

«Группа Як-6», как она впоследствии стала именоваться в документах, перелетела на аэродром Старая Торопа. Первый вылет на сброс груза был совершен в ночь на 16 июля 1943 г. на площадку Селявщина. Затем группа перелетела на аэродром Березки, что в 40 км южнее Великих Лук, откуда, начиная с 27 июля, стала совершать вылеты с посадкой на площадках Селявщина, Ровное Поле, Лесное Озеро. Оперативное руководство группой осуществлял 279-й нбап, который также занимался сбросом грузов для партизан и буксировкой планеров с аэродрома Старая Торопа.

За день до первого вылета Як-6 с посадкой, 26 июля 1943 г., для изучения маршрута и возможности посадки самолета на подготовленную партизанами площадку вылетел У-2. Его экипаж должен был произвести разведку лесов у д. Курино и при наличии костров, разложенных в форме буквы «Г», произвести посадку, осмотреть будущую площадку и забрать документы у бригады «Ленинский комсомол» [2]. В этот вылет ушел экипаж Герди – Карайкоз на У-2 с 4 РСами. Костры были обнаружены. Самолет сел, но не успели они подрулить к кромке леса, как их атаковал немецкий самолет. У-2 повреждений не получил. На земле экипажу быстро вручили письмо на имя И. И. Рыжикова, а тот, в свою очередь, передал партизанам приказ идти на соединение с отрядами в район Новоселье. Во время стоянки самолет противника еще два раза обстреливал участок поляны, где находился У-2. Чтобы не быть расстрелянным на земле, экипаж начал взлет. На высоте 70 – 100 м на встречном курсе они были снова обстреляны противником. Летчик Герди был ранен в левое плечо. Штурман, увидев, что летчик наклонился влево, взял управление на себя и без набора высоты привел самолет на аэродром. Военфельдшер Мария Дмитриевна Дробышева при осмотре установила, что раздроблена кость. В 6.40 утра 27 июля отрядным Як-6 Герди доставили в Москву. Рука была сохранена, но он остался инвалидом. Так, в начале боевой работы группы, выбыл ее первый командир.

Доставка грузов, посадка самолетов и появление летчиков оказывали огромное моральное влияние на партизан, убеждая их в том, что налажена связь с Большой Землей.

Огромный энтузиазм в рядах партизан в трудный переломный 1943 г. вызвало появление на партизанском аэродроме в свете костров новенького Як-6, на борту которого они прочли: «Народным мстителям – партизанам Белоруссии от трудящихся г. Чкалова». Известие о прилете этого самолета очень быстро разлетелось по всем отрядам бригады, а затем и еще дальше на юг.

В ночь на 1 августа экипаж Сухоручкин – Бородин – Ефремов на Як-6 возвращался с площадки Новоселье, перевозя четырех партизан и документы. В своих воспоминаниях, написанных в 70-е годы, С. Ф. Сараев утверждал, что этот самолет был сбит противником. По всей видимости, командир эскадрильи в воспоминаниях желал скрасить имевшуюся ситуацию, мол, война все спишет. В первичном документе по учету вылетов экипажа указана несколько иная, настоящая причина. Согласно этой записи в районе д. Черны, что в 25 км северо-восточнее Городка (Витебская область),

на правом двигателе самолета вырвало второй цилиндр. Летчик сумел произвести удачную посадку в тылу противника, после чего сжег самолет, а пассажиров привел в партизанскую бригаду Райцева. Документы и орден он закопал в районе деревень Черны – Ковали. Обратно на свой аэродром они вернулись 10 августа [2, с. 6].

Ввиду неясности с командованием группы и по целому ряду других причин, о которых речь пойдет далее, «группа Як-6» долго не просуществовала.

Летчики и самолеты в течение пяти месяцев были «не ко двору» как у партизан, так и в 3-й Воздушной армии (3-я ВА), где их не признавали «за своих». БШПД интересовала только работа группы, а не ее быт и материально-техническое обеспечение вылетов, которыми, как они полагали, будет заниматься соседний авиаполк. ВВС смотрели на них как на «партизан», и считали, что группа не в их ведомстве. С мая по декабрь личный состав «группы Як-6» не состоял в штатах БШПД, не повышался в званиях и не получал денежного вознаграждения за боевые вылеты [1, д. 979, с. 3]. Таким образом, «бесхозная» группа распалась, а ее остатки были переданы командующим 3-й ВА в состав 373-го нбап, находившегося на аэродроме Качегарово, что в 47 км юго-восточнее Великих Лук, и летавшего на Р-5. Наконец, 12 декабря 1943 г. по ходатайству начальника БШПД личный состав вместе с двумя оставшимися Як-6 и одним У-2 был отозван с фронта и передан в распоряжение 4-й авиадивизии особого назначения (4-я ад ОН).

Вторая попытка создать «партизанскую авиацию» была предпринята в феврале 1944 г. Сначала вышла Директива начальника ГШ КА генерал-лейтенанта Кирпаносова от 11.2.44 г. № Орг./10/305460сс: «К 15.2.44 г. при 4-й АДОН (авиационной дивизии особого назначения) сформировать для работы с БШПД 19-й отдельный авиаотряд по штату № 015/413 в составе 28 человек» [1, д. 979, с. 7]. Ядром и базой для формирования 19-го оао стали остатки той самой «группы Як-6» по обслуживанию партизан Беларуси [1, д. 1379, с. 1]. Командир 4 ад ОН генерал-майор Белов подписал приказ, согласно которому 19-й отдельный авиаотряд (19-й оао) должен был быть сформирован в период с 20 по 26 марта 1944 г. в г. Калининграде под Москвой. В состав отряда вошли авиаторы, находившиеся в составе 4-й авиадивизии:

командир отряда ст. лейтенант Сараев Сергей Филиппович,

штурман отряда, он же начальник штаба, мл. лейтенант Бородин Алексей Николаевич,

летчик лейтенант Сухоручкин Петр Петрович,

пилот лейтенант Николай Лаврентьевич Ажиппо,

летчик мл. лейтенант Беликов Евгений Иванович,

пилот старшина Семен Филиппович Левушкин,

пилот мл. лейтенант Николай Иванович Ковтурман,

штурман лейтенант Петр Дмитриевич Колосов,

техник отряда техник-лейтенант Николай Степанович Батюк,

старший техник старшина Федор Аверьянович Ефимов,
старший техник старшина Анатолий Васильевич Климов,
старший техник старшина Алексей Васильевич Спирин,
старший техник ст. сержант Дмитрий Иванович Есаулов,
старший техник ст. сержант Матус Абрамович Лившиц,
старший техник старшина Иван Иванович Соломахин,
техник по вооружению старшина Василий Ефимович Игнатенко,
техник по приборам и спецоборудованию старшина Игорь Васильевич Ребрик.

26 марта из 970-го Городище-Сталинградского ночного бомбардировочного авиационного полка на укомплектование 19-го авиаотряда прибыли летчик лейтенант Степан Дмитриевич Шевченко, штурманы мл. лейтенанты Николай Порфирьевич Жихарев и Павел Порфирьевич Захаров.

Из пункта сбора летно-технического состава ВВС КА прибыл механик мл. лейтенант Иван Степанович Нерода.

Из санитарного полка 4 АДОН на должность пилота прибыл мл. лейтенант Михаил Александрович Козлов.

Одновременно из списков отряда исключили Соломахина и Есаулова.

28 марта отряд вылетел на фронт. Сначала приземлились на аэродроме Злынка, являвшемся узловым для БШПД. Именно на нем сосредотачивались грузы для дальнейшей заброски в тыл германских войск партизанам. Затем перелетели на место постоянного базирования на аэродром Малашковичи, что в 5 км юго-западнее Довска (25 км восточнее Рогачева). Отряд вошел в оперативное подчинение 271-й нбад (ночной бомбардировочной авиадивизии).

Стоит остановиться на истории 271-й нбад, так как с ней довольно тесно пришлось сотрудничать 19 оао, а после расформирования отряда часть летчиков пополнили ряды дивизии и вместе с ней встретили День Победы. Летом 1942 г. дивизия отступала с Украины к Сталинграду, где приняла участие в битве на Волге, получив почетное наименование «Сталинградская». Летом 1943 г., она приняла участие в боях на Курской дуге и освобождала левобережную Украину. С 20 октября 1943 г. 271-я нбад стала действовать на Белорусском фронте в составе 16-й Воздушной армии. 18 ноября того же года за отличия в боях по освобождению г. Речица ей было присвоено почетное наименование «Речицкая». После стабилизации линии фронта дивизия, помимо поддержки войск, привлекалась для доставки грузов партизанам. Здесь у командования фронта были и свои интересы, так как помощь партизанам сопровождалась получением от них напрямую, минуя БШПД (что существенно ускоряло процесс), разведсведений о немецких войсках, противостоявших на данном участке фронта. Сформированный 19-й оао прибыл в полосу действий указанной дивизии и стал осуществлять все вылеты к партизанам, заменив собой самолеты 271-й нбад, которые ранее вынуждены были отрываться от боевой работы.

Партизаны так же «платили» взаимностью помогавшей ей авиадивизии, например, в мае 1944 г. к ним обратился помощник начальника оперотдела

271-й нбад капитан Желиховский с просьбой раздобыть бумагу, так как в штабе дивизии она совершенно закончилась. Он направил в БШПД письмо с просьбой помочь. Партизанский штаб не поскупился и без лишних разговоров и согласований выделил дивизии 30 кг бумаги [1, д. 980, с. 76]. На складах БШПД имелись запасы бумаги для партизанских типографий, но ее, в отличие от вооружения, доставляли партизанам по мере возможности.

После прибытия отряда на место и планирования боевых вылетов выяснилось, что некоторые летчики не имеют навыков полетов ночью. По согласованию с командованием 16-й ВА 4 мая из 271-й дивизии прибыло три экипажа: лейтенант Г. Е. Чуркин и гв. лейтенант А. В. Мочалов, гв. мл. лейтенант В. П. Фадеев и гв. лейтенант Н. А. Руфеев, а также пилот мл. лейтенант Н. М. Семякин.

После пополнения к боевой работе были готовы четыре экипажа, еще два летчика не имели в экипаже штурманов; кроме этого, двух летчиков, ввиду их слабой подготовки, к боевой работе не привлекали.

Имелись также и некоторые технические трудности. По договоренности с командованием 271-й нбад на аэродроме Кошелёво (1,5 км восточнее г. Буда-Кошелёво) 6 мая 1944 г. состоялся обмен трех новых самолетов У-2 из 19-го оао на такие же У-2 с дополнительными бачками [3, д. 53, с. 623]. Командование дивизии не противилось такому обмену, так как получало три новых самолета, отдавая взамен три своих подержанных, имевших дополнительные топливные баки. В боевых условиях летчики дивизии эти баки не использовали, так как долететь до целей противника вполне хватало запаса стандартного бака самолета. А вот для летчиков 19-го оао дальность полета играла более важную роль. Несмотря на то, что отряд располагал девятью самолетами У-2, на практике летали в основном 4–5. Основная нагрузка лежала на тех самых трех машинах с дополнительными баками, а еще два самолета были «на подхвате» для полетов на ближние точки.

Итак, 4 мая БШПД был информирован о том, что по приказу командующего 16-й ВА 271-й нбад полковника М. Х. Борисенко прекратила свою работу в интересах партизан. Через два дня вместо нее вылеты стал осуществлять авиаотряд под командованием С. Ф. Сараева [3, д. 53, с. 528–529].

Новый боевой этап продлился всего полтора месяца – с 12 мая по 29 июня 1944 г. Вылеты осуществлялись с аэродромов Юдичи (6 км западнее Довска) и Ямное (5 км южнее Довска).

На этом участке, после завершения Гомельско-Речицкой операции 30 ноября 1943 г., уже длительное время стоял фронт. За господство в воздухе с немецкой стороны дрались истребители с аэродрома в Бобруйске, а ночью небо «закрывали» ночные истребители из Осипович (взлетавшие с расположенного на окраине города аэродрома Протасевичи).

В мае, пока еще были не очень короткие ночи, экипажи успевали произвести за ночь два вылета на ближайшую точку № 23, именно так обозначалась в полетных картах точка выброски грузов в партизанской зоне. Позже удавалось выполнить только по одному разу. На более дальние точки № 18, 22, 27 всегда летали с «днёвками» у партизан.

Первой потерей, еще не приведшей к жертвам, стал вылет в первый же день боевой работы 11 мая, когда при взлете с грузом в километре от аэродрома вылета У-2 упал на лес. Самолет был разбит, но экипаж остался невредим [3, д. 54, с. 134; д. 65, с. 43].

Первая боевая потеря имела место в ночь на 24 мая, во время полета на точку № 23. Едва самолет пересек линию фронта, в 3 км от нее, над территорией противника, в районе д. Черебомир он был сбит. На этом У-2 находились летчик гв. мл. лейтенант В. П. Фадеев и штурман лейтенант П. Д. Колосов. По донесению экипажа, идущего за ними вслед, самолет Фадеева взорвался в воздухе [1, д. 1379, с. 10; 3, д. 55, с. 291]. Видимо, вспышку паров бензина на борту самолета, увиденную издали, летчики второго самолета приняли за взрыв. На самом деле самолет был подбит, из него успел выпрыгнуть на парашюте летчик В. П. Фадеев. Что случилось со штурманом П. Д. Колосовым – неизвестно. Весьма вероятно, что П. Д. Колосов был убит при атаке в своей кабине и упал вместе с самолетом в болото. В обломках У-2 остались штатный автомат экипажа ППШ, ракетница и весь груз, который они везли [1, д. 1379, с. 1][1].

Автору публикации удалось выяснить, что победу над «небесным тихоходом» одержал обер-фельдфебель Гельмут Дамс (Ofw. Helmut Dahms) из состава 1./NJG 100. В ту ночь он заявил о сбитом советском биплане в 22.41 по немецкому времени на высоте 700 м между Быховом и Бобруйском. Немецкий летчик видел после атаки тот же самый всполох пламени в воздухе. Разница в скоростях Ме-110 и У-2 была большой, и немецкий летчик не знал, что поврежденный У-2, снижаясь, сумел пролететь еще около 3–5 км. Следует отметить, что этот немецкий летчик был одним из наиболее опытных асов ночных истребителей, на его счету в Беларуси был не один десяток сбитых самолетов. Более того, осенью 1944 г., когда фронт ушел далеко на запад, он совершал длительные рейды в советский тыл, взлетая с аэродрома под Кенигсбергом и наведываясь на советские аэродромы у Щучина и Дубно, сбивал ожидающие своей очереди на посадку Ил-4 дальней авиации [4].

13 июня при выполнении очередного полета с прифронтового аэродрома в советский тыл был потерян второй Як-6, который был сбит в районе Медыни [3, д. 57, с. 8][1].

В ночь на 19 июня экипаж У-2 № 640450, в составе гв. мл. лейтенанта Н. И. Ковтурмана и гв. лейтенанта Н. А. Руфеева, едва перелетев реку Березину, по пути к партизанам, был сбит истребителем противника в 9 км юго-западнее м. Березино (в 90 км от линии фронта). Летчик на поврежденном самолете стал садиться на лесное болото. При посадке на вязкий болотистый грунт самолет скапотировал и перевернулся. Экипаж, покинув самолет, невредимым пробрался к партизанам, откуда вскоре был вывезен. На месте вынужденной посадки самолета остались два парашюта и груз, состоявший

[1] Списаны парашюты ПЛ-3М № 7326 и № 20702.

[1] ЯК-6 списан 18 июня актом № 131 ПАРМ-3 № 833.

из 6 автоматов ППШ, аптечки, карты и 15 пистолетов «ТТ», а также личных вещей представителя БШПД майора Кривошеева, которые оказались в дальнейшем потерянными [1, д. 1379, с. 11].

Последней потерей отряда была нелепая гибель командира звена. Для понимания истинной причины и обстоятельств, чтобы не было каких-либо домыслов, приведем дословно рапорт о случившемся выжившего штурмана экипажа гв. лейтенанта Н. А. Руфеева, составленный им 19.7.1944 г. в д. Прибытки на имя командира 19-го оао С. Ф. Сараева.

«В ночь с 27/VI – 28/VI получил задание от командира отряда ст. лейтенанта Сараева на У-2 (№ 3437. – *Д. К.)* вылететь на точку № 22 с посадкой, пробыть там день и на след. ночь, т.е. 28/VI, вернуться на свой аэродром. Прибыв на точку № 22 полковника Филипских, были встречены на площадке его представителями и, замаскировав самолет, мы с летчиком мл. лейтенантом Фадеевым пошли отдыхать в расположение бригады. После отдыха в 12 часов дня, позавтракав, пошли в штаб бригады, где встретили двух наших разведчиков (судя по всему это были армейские или фронтовые разведчики. – *Д. К.*). Кроме того там были два секретаря райкома и еще один командир бригады (фамилию не запомнил). Между Филипских и вышеуказанными лицами завелся спор в отношении того, где находится Красная Армия. Одни говорили, что в 15 км от населенного пункта Лапичи, а полковник Филипских доказывал, что Красная Армия уже взяла Пуховичи. После длительного спора, он решил ехать на разведку сам лично, но спустя некоторое время поговорил с лейтенантом Сухоручкиным о том, чтобы вылететь днем на разведку в район Шпунка – Лапичи – Пуховичи. В два часа (дня!. – *Д. К.*) собрались идти на аэродром. Я лично предупреждал лейтенанта Сухоручкина, чтобы с ним (Филипских) не вылетал, так как был крепко выпившим, чтобы попробовал самолет на земле или, взлетев, прошел над массивом леса 3–4 км и вернулся обратно, сказав, что “барахлит” мотор. На это он мне ничего не сказал и все же пошел на аэродром. Я тоже решил с ним идти на аэродром. Несмотря на мои уговоры Сухоручкин не вернулся. Сказал мне: „Если ты трусишь, то я ничего не боюсь и полечу один”. После чего я заявил, что полечу с ним, так как я все же штурман. В 3.00 произвели взлет. Пройдя 3–4 км над лесом, я предлагал возвращаться обратно. Он меня не слушал, и мне ничего не оставалось делать, как браться за ориентировку. Придя на н.п. Лапичи, наблюдал там скопление немецких войск с танками. Мы, развернувшись, пересекли шоссе Бобруйск – Минск и пошли к Пуховичам. В это время я ему сообщил, что обстановку мы разведали, нужно возвращаться, но он меня не послушал, продолжая лететь в непосредственной близости от шоссе от Лапичей к Пуховичам. В 5 км западнее Лапичей и 15 км от Пуховичей мы были обстреляны зенитным пулеметом с шоссе. В результате чего я оказался ранен в левую руку (отбило верхние фаланги двух пальцев), был поврежден мотор, который начал останавливаться. В это время мы успели развернуться и пойти

в направлении (партизанской) площадки. Пролетев метров 200–300, мотор отказал и, как выяснилось после, летчик был смертельно ранен. Самолет упал на лес. При ударе меня выбросило из кабины и, сильно ударившись, я потерял сознание. Быстро придя в себя, я поспешил к самолету. В самолете летчика прижало, я осмотрел, как лучше его освободить. С большим трудом извлек его из-под обломков. Он был весь в крови. Я разрезал ножом гимнастерку и увидел, что он ранен в левую руку выше локтя, в левый бок в области сердца. Пуля вышла через правый бок. Когда я его осматривал, он пришел в сознание и просил пить. Спустя минуты он умер. В это время я услышал голоса немцев, направляющихся к месту падения. Оставив труп и забрав документы и оружие, отбежав метров на 100 от места падения, я вошел в чащу леса, откуда наблюдал за немцами, которых было 5 – 6 человек. В их направлении я выпустил один диск автомата, они упали. После чего я скрылся в чаще и ушел к партизанам». Подпись…

Едва не закончился потерей вылет с посадкой на площадку № 22 последнего из оставшихся Як-6 с грузом в 200 кг, состоявшийся в ночь на 5 июня. Самолет имел изношенные моторы и в течение ночи на базу обратно не вернулся [3, д. 66, с. 144]. Так как прямой связи у авиационного отряда с партизанами не было, командир стал запрашивать о ситуации с самолетом через штаб БШПД. Но и там тоже ничего не знали. Однако все обошлось, этот борт вернулся позже. Он окончил свой путь, выполняя полеты только в тылу. Этот Як-6 был не пригоден к боевой работе из-за недостаточной мощности моторов, которые были аварийные и имели четыре переборки.

Единственным достоверно известным примером использования партизанской авиации является авиационная поддержка атаки отрядов И. З. Изоха на гарнизон противника в местечке Свислочь, что на р. Березина, состоявшаяся в ночь с 21 на 22 мая 1944 года.

Ровно в полночь три У-2 19-го оао, вооруженные четырьмя РСами, сделали каждый по два захода на цели, расположенные в Свислочи. В этом бою партизаны впервые увидели свою собственную авиацию, которая действовала по партизанскому плану и атаковала противника.

За май авиационный отряд совершил 50 вылетов с посадками и вывез 61 человека. За июнь он сделал 36 вылетов и вывез из немецкого тыла 77 человек.

Всего за указанный период летчики произвели 83 посадки и 2 сброса грузов в тылу врага. К партизанам были доставлены 12 человек и 11 135 кг грузов, вывезены 138 раненых и партизанских руководителей, а также 1 470 кг документов и других грузов.

Боевые действия 19-го оао закончились 29 июня. Через четыре дня был освобожден Минск. Отряд стал перевозить грузы и почту в Минск из Гомеля, где в д. Чонки располагался штаб БШПД. На момент окончания боевых действий исправными и готовыми к вылетам были один Як-6 и три У-2.

Состав самолетного парка авиаотряда на 24 августа – 9 сентября 1944 г.

Тип самолета	Заводской номер	Мотор М-11-Д	Бортовой номер (наносился на киле)
Як-6	№ 66671	№ 07450, № 03744	
У-2	№ 640504	№ 10562	«5»
У-2	№ 640501	№ 10577	«6»
У-2	№ 7994	№ 12729	«1»
У-2	№ 7960	№ 12999	«3»
У-2	№ 7922		«2»
У-2	№ 2383	№ 03744	«4» (использовался только для связи)

После переезда штаба Белорусского партизанского движения в Минск 19-й авиационный отряд расположился на аэродроме Лошица, откуда выполнял вылеты. Самолеты отряда, базировавшиеся в Лошице, обслуживал 667-й бао. 24 августа 19-й оао вошел в состав ВВС БВО, но продолжал выполнять прежние задачи.

В начале сентября по штатам 015/413 отряд должен был иметь два Як-6, два Р-5, три У-2 и один грузовой автомобиль, но по факту в отряде были всего четыре исправных самолета.

Тип самолета и его номер	Мотор М-11-Д
Як-6 № 66671	№ 07450 № 03744
У-2 № 2383	№ 07445
У-2 № 640501	№ 10577
У-2 № 640504	№ 10562

Мирная тыловая жизнь, относительная удаленность от авиационного начальства и «партизанская практика» применения самолетов привели к тому, что 19-й оао оказался под слабым контролем в области выполнения полетов. Предоставленные сами себе летчики не могли отказать себе в воздушном лихачестве.

5 октября 1944 г. при выполнении спецзадания по маршруту Минск – Полоцк летчик М. А. Козлов на самолете У-2 № 7960 в районе д. Уручье (в настоящее время микрорайон на восточной окраине Минска. – *Д. К.*), проходя над шоссе Минск – Москва, проявляя воздушное хулиганство, резко спикировал на конную подводу и при выходе из пике винтом задел ее. Согласно техническому акту о повреждении матчасти, составленному комиссией 10 ноября, в результате аварии «самолет разбит и ремонту не подлежит» [1, д. 1378, с. 118].

Кроме Козлова, разбившего самолет, в тот же день летчик Г. Е. Чуркин, вылетев самовольно, начал «брить» на низкой высоте над Минском и аэропортом. Это увидел начальник авиагарнизона, который отобрал у него документы, табельное оружие и сделал предупреждение начальнику отряда. Чуркин получил 5 суток гауптвахты с удержанием 25 % денежного содержания за каждые сутки ареста.

С расформированием БШПД и отсутствием необходимости в обеспечении авиаперевозок согласно директивы ОМ-1/04085 от 25.10.44 г. был расформирован и 19-й оао [1, д. 1379, с. 5]. Так закончилась короткая, но довольно яркая история единственного официального штатного авиационного подразделения белорусских партизан.

После войны бывший командир отряда С. Ф. Сараев жил в Минске по Ленинскому проспекту в доме № 53. 1 июля 1978 г. состоялась встреча ветеранов 19-го авиационного отряда, на которой присутствовало и бывшее командование бригады «Пламя». Встреча состоялась на месте их посадочной площадки в д. Подкосье Пуховичского района Минской области БССР.

Командиры 19-го отдельного авиаотряда:

май 1943 г. – 27 июля 1943 г. – ст. лейтенант Михаил Николаевич Герди;

20 марта 1944 г. – 4 июля 1944 г. – ст. лейтенант Сергей Филиппович Сараев;

4 июля 1944 г. – 16 сентября 1944 г. – ст. лейтенант Евгений Михайлович Ренке;

16 сентября 1944 г. – 25 октября 1944 г. – ст. лейтенант Евгений Иванович Беляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2.

2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об орг. структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 23.

4. *Киенко, Д.* Гром ночного неба 8-й авиакорпус дальнего действия: вылеты из Беларуси (сентябрь 1944 – март 1945) / Д. Киенко. – Минск : Рубон; Смоленск : Хартекс, 2018. – 198 с.

Д. А. Козел

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПАРТИЗАНСКИХ АРМИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны в относительно короткий срок руководители нашего государства в ряде директив и постановлений в общих чертах определили цели и задачи, а также место и роль всенародной

борьбы в тылу врага для достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками. В отечественной исторической литературе начало партизанского движения обычно связывают с тремя документами: директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г.; речью И. В. Сталина по радио 3 июля; постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. Однако отсутствие единого руководства не способствовало быстрому развертыванию партизанского движения и эффективным действиям партизанских сил. Отсутствовали подготовленные кадры, не были созданы базы с оружием и боеприпасами, продовольствием и медикаментами, руководство и население страны было психологически не подготовлено к тому, что на своей территории необходимо будет вести борьбу в тылу врага, все эти факторы обрекли первые партизанские формирования и подпольные организации и группы на неимоверные трудности. Патриотизм и мужество партизан не могли компенсировать у них специальных военных знаний и навыков.

В Государственном Комитете Обороны и Ставке Верховного Главнокомандующего в первые же месяцы войны пришли к выводу о необходимости централизации руководства партизанским движением. И все же осуществление этой необходимой меры затянулось.

14 августа 1941 г. И. В. Сталин в беседе с накануне вышедшим из окружения генерал-лейтенантом И. В. Болдиным сообщил ему, что в Москве создается управление по руководству партизанским движением и предложил возглавить его. Тот отказался: «Что вы, товарищ Сталин. Мне надо воевать. Я же строевой генерал» [1, с. 81].

Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп было создано при Главном управлении формирований (Главупрформ) НКО СССР, начальником управления был назначен генерал-лейтенант В. И. Репин. В конце сентября 1941 г. им была предложена стройная и продуманная концепция партизанской войны. В своей записке Сталину о партизанском движении 27 сентября 1941 г. генерал-лейтенант В. И. Репин предлагал: «… собрать старых партизан и охотников из бойцов Красной армии, примерно 200–300 тысяч, и пустить их в тыл противника. Это будет ядро-костяк партизанской армии. А остальную массу они навербуют из местного населения. Вооружать нашим оружием партизан не следует, т.к. доставлять огнеприпасы мы им не сможем. Партизаны должны быть вооружены и питаться огнеприпасами за счет врага. Это самый лучший способ вооружения партизан. На первый случай можно вооружить партизан трофейным оружием.

Дело создания крупных партизанских армий в настоящее время имеет исключительно важное значение. Организационно-техническую работу этого важнейшего мероприятия возложить на Генеральный штаб Красной Армии» [2, с. 73–74]. Это предложение было доработано и 7 декабря 1941 г. на столе у председателя ГКО уже лежали докладная записка «Об организации партизанских частей» с проектами соответствующих постановления ГКО и приказа наркома обороны.

Предлагалось формирование партизанских армий провести на базе уже имеющихся на Северном Кавказе, в Сталинградском военном округе, ряде других районов Центральной России и в Сибири дивизий и полков народного ополчения и истребительных отрядов. В частности

«1) Сформировать к 18 января 1942 г.:

а) в районе Северо-Кавказского и Сталинградского военных округов “1-ю Конную партизанскую армию народных мстителей” в составе 6 сводных дивизий по 5 483 человека каждая (три кавалерийских полка по 1 100 чел. и один пластунский на повозках полк 2088 чел.).

Общая численность армии – 33 008 человек.

б) в районе Московского военного округа “1-ю Стрелковую партизанскую армию народных мстителей” в составе 8 сводных дивизий по 5 271 чел. каждая, два пехотных полка по 1 788 чел., один кавалерийский полк – 1 100 чел. и смешанный конно-стрелковый разведывательный батальон в 500 человек.

Общая численность армии 26 465 человек.

2) Установить выплату заработной платы лицам, вошедшим в партизанские отряды, части и соединения:

а) начальствующему составу – в полуторном размере норм денежного содержания, получаемого по соответствующим должностям в войсках;

б) младшему начальствующему составу – 500 руб.

в) рядовым партизанам – 200 руб.» [3, с. 32–36].

Но на совещании у И. Сталина в декабре 1941 г. данное предложение было отклонено как нереалистичное и противоречащее обстановке [4, с. 72–73].

Вторая попытка провести военизацию партизанских сил была предпринята маршалом К. Е. Ворошиловым, который с мая 1942 г. от ГКО курировал вопросы партизанского движения, а 6 сентября 1942 г. был назначен его Главнокомандующим. В этот период им было внесено предложение о создании в тылу немецких войск регулярной партизанской армии. Организация, подготовка и ведение партизанских действий по замыслу маршала должны были стать составной частью военных действий Красной армии в оперативном и стратегическом масштабе. Проект этой «военизации» полковник И. Г. Старинов излагает следующим образом: «Мы указывали, что части будущей регулярной партизанской армии мыслятся не как обычные армейские формирования, а как особые, маневренные, способные действовать и мелкими подразделениями, и крупными частями, соединениями. Они смогут и производить массовое минирование путей сообщения противника, и совершать налеты на его гарнизоны, и совершать по тылам врага длительные рейды. Предлагалось ввести в частях партизанской армии штаты, установить воинские звания и соответствующие должностные оклады. Армию предполагалось снабдить автоматическим оружием, средствами связи, противотанковыми и минно-взрывными средствами, медикаментами» [5, с. 166–167].

Если бы предлагаемые реформы были осуществлены, система приобрела бы следующий вид: партизанское движение возглавляет Главнокомандующий,

при котором действует Центральный штаб. Центральному штабу подчинялись региональные ШПД и представительства ЦШПД на фронтах, региональным – областные оперативные группы. В региональных ШПД, действовавших под контролем местных партийных властей, естественным образом сосредотачивались функции обеспечения партизан снаряжением, продовольствием, боеприпасами, а также пропагандистская работа. Это позволяло Центральному штабу сосредоточиться на планировании операций и их непосредственном руководстве, осуществляемом через фронтовые представительства ЦШПД. Это также позволяло уйти от вмешательства партийных властей в непосредственное руководство партизанским движением.

Но и во второй раз идея создания партизанских армий не была осуществлена. Предложения К. Е. Ворошилова о необходимости военизации партизанских сил в тылу врага и создании регулярной партизанской армии не были поддержаны в Генеральном штабе и Государственном комитете обороны [5, с. 166, 169]. В своем личном дневнике П. К. Пономаренко оставил свидетельство о том, как развивались события, и показал личную позицию И. Сталина по данному вопросу. На совещаниях 16 и 19 ноября 1942 г. им была дана четкая установка: «Партизанское движение – народное движение, и руководит им партия. … В Центральном штабе стремление заменить все военными. Мы не против генералов, но против неправильного использования, тем более во время такой войны. Выросшим под партийным руководством организаторам партизанского движения место в ЦШПД» [6, с. 181–182]. Соответственно в свете состоявшегося обмена мнениями между членами ГКО решением № 2527сс от 19 ноября 1942 г. «в интересах большей гибкости в руководстве партизанским движением и во избежание излишней централизации» была упразднена должность Главнокомандующего партизанским движением, все руководство возлагалось на Центральный штаб партизанского движения [7, с. 24].

Таким образом, система управления борьбой в тылу врага, сложившаяся к концу ноября 1942 г., фактически просуществовала до конца войны, незначительно изменяясь и совершенствуясь по мере роста и усложнения функций руководства партизанским движением и в зависимости от складывающейся обстановки. Попыток осуществить военизацию партизанских сил больше не предпринималось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдин, И. В.* Сорок пять дней в тылу врага / И. В. Болдин // Военно-исторический журнал. – 1962. – № 4. – С. 75–84.

2. Война: 1941–1945: сб. документов. – М. : Архив Президента РФ, 2010. – 512 с.

3. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / Н. Ф. Азясский [и др.] ; под общ. ред. В. А. Золотарёва. – М. : Кучково поле, 2001. – 464 с.

4. *Пономаренко, П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1945) / П. К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986 г. – 440 с.

5. *Старинов, И. Г.* Пройди незримым / И. Г. Старинов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 271 с.
6. *Пономаренко, П. К.* Дневник / П. К. Пономаренко // Неман. – 2008. – № 8. – С. 173–183.
7. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного комитета обороны СССР, 1941 – 1945 гг.: справочник / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 216 с.

А. И. Корсак

«УКРУПНЕНИЕ» БРАТСКИХ МОГИЛ И ПРОБЛЕМА УВЕКОВЕЧЕНИЯ ИМЕН ПОГИБШИХ СОЛДАТ КРАСНОЙ АРМИИ
(на примере Камайского с/с Поставского района)

4 июня 2014 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 534 была принята к реализации Государственная программа на 2015–2020-е гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн (в том числе и Великой Отечественной), направленная «на гражданско-патриотическое воспитание, формирование уважительного отношения к погибшим при защите Отечества, событиям, вошедшим в историю Беларуси как символы героизма, мужества, стойкости и самопожертвования народа». Непосредственно руководством деятельности по увековечению памяти и координацией работы местных органов власти, организаций и общественных объединений в Республике Беларусь занимается управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн на основании Указа Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. № 231 и директивы начальника Главного штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь № 5/2979 при Министерстве обороны Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г.

В связи с этим в рамках исполнения Государственной программы был проведен анализ братской могилы № 4136 в д. Камаи Поставского района. Исследование воинского захоронения № 4136 осуществлено на основе данных книги «Память» Поставского района, надписей личных данных, нанесенных на надмогильной плите братской могилы, информации объединенного банка данных «Мемориал», созданного Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации, с привлечением широкого круга вторичных по своему содержанию источников (журналы боевых действий, донесения, наградные листы и т.д.).

В ходе проведенного исследования было выявлено следующее. Прежде всего, следует отметить, что на протяжении 5–7 июля 1944 г. принимали участие в освобождении территории Камайского с/с (в современных границах) Поставского района Витебской области воинские части 43-й Армии 1-го Прибалтийского фронта: 1-й стрелковый корпус – 306 сд и 204 сд [2], 92-й стрелковый корпус – 156 сд, а также 17 иптабр при активном участии партизанских соединений.

Во-первых, братская могила № 4136 в д. Камаи возникла в итоге перезахоронения останков солдат Красной армии в июле 1953 г. из 18 первичных мест захоронения – «Ходуцишки (Годутишки – современное название)[1], Мирклишки, Старчюны (Старчуны), Грейце (на данный момент не существует), Мунцевиче (Мунцевичи), Норковиче (Норковичи), Янкишки, Сурвалишки (Сурвилишки), Круки (Крюки), Мегуны (Мягуны), Комае (Камаи), Иодовце (Иодовцы), Филиповце (Филиповцы), Каролинув (Королиново), Свираны, Поповце (Поповцы Лынтупский с/с), Роскош (Роскошь Лынтупский с/с), Гуменики (Гуменники)» [25]. Согласно данным ОБД «Мемориал» подтверждено 10 мест (Ходуцишки, Мирклишки, Старчюны, Норковиче, Круки, Комае, Иодовце, Филиповце, Свираны, Гуменики), выявлено 3 новых первичных мест захоронения (Мольдзевиче (Мольдевичи Яревский с/с), Дашки Ясевские (Дашки), Трапшевиче (Трапшевичи). Можно предположить, что в неподтвержденных населенных пунктах был захоронен партизанский состав, удостоверить который возможно лишь при работе с архивными материалами БШПД (Белорусский штаб партизанского движения), хранящимися в НА РБ.

Во-вторых, 700 сп 204 сд по данным Журнала боевых действий за 5–7 июля 1944 г. продвигался 5 июля 1944 г. из пункта сосредоточения Ромельки через Норковиче, которыми овладел 6 июля 1944 г., в сторону м. Ходуцишки («к 17.30 6 июля 1944 г. полностью очистили от противника») [2]. Согласно боевому пути воинской части было выявлено два первичных места захоронения – «восточнее 200 м. Дашки Ясевские у шоссе Поставы – Ходуцишки Литовской ССР (могила № 668)» [9] и «северная окраина м. Ходуцишки Литовской СССР (могилы №№ 669, 670, 672, 674)» [8; 9], в которых захоронено всего – 14 человек, из них 1 чел. – Корнев Владимир Ефимович – указан в списке перезахороненных [25] из м. Ходуцишки (Адутишкис, Республика Литва), но в книге «Память» [23] и надписи на памятнике не имеется. Остальные – **13 чел. выявлены впервые!**

Список погибших 6 июля 1944 г. солдат 700 сп 204 сд и захороненных в братской могиле № 668 «восточнее 200 м. Дашки Ясевские у шоссе Поставы – Ходуцишки Литовской ССР». Выявлены впервые

1	Бальжер Ефим Юухович	1922 г.	рядовой	700 сп 204 сд, стрелок	06.07.1944 г.
2	Давыденко Александр Архипович	1925 г.	рядовой	700 сп 204 сд, стрелок	06.07.1944 г.
3	Майоров Григорий Иванович	1926 г.	рядовой	700 сп 204 сд,	06.07.1944 г.

[1] Указываются два названия населенного пункта – согласно карте РККА 1938 г. и 2018 г. – при условии их изменения.

Окончание таблицы

4	Плахов Павел Иванович	1925 г.	ефрейтор	700 сп 204 сд, снайпер	06.07.1944 г.

Список погибших 6 июля 1944 г. солдат 700 сп 204 сд и захороненных в братских могилах № 669, 670, 672, 674 «северная окраина м. Ходуцишки Литовской СССР». Выявлены впервые

1	Биллер Лазарь Семёнович	1897 г.	лейтенант	700 сп 204 сд, командир стрелкового взвода	06.07.1944 г.
2	Давыдов Дмитрий Иванович	1916 г.	ст.сержант	700 сп 204 сд, командир расчета	06.07.1944 г.
3	Казанцев Николай Максимович	1926 г.	рядовой	700 сп 204 сд, стрелок	06.07.1944 г.
4	Караваев Иван Ефремович	1925 г.	сержант	700 сп 204 сд, командир отделения	07.07.1944 г.
5	Корнев Владимир Ефимович	1911 г.	ст.лейте-нант	700 сп 204 сд, командир стрелковой роты	06.07.1944 г.
6	Свахин Василий Игнатьевич	1926 г.	рядовой	700 сп 204 сд, стрелок	07.07.1944 г.
7	Сергиевский Леонид Валентинович	1912 г.	лейтенант	700 сп 204 сд, командир стрелкового взвода	06.07.1944 г.
8	Тейтенбоиль Идамит Янкелевич	1926 г.	рядовой	700 сп 204 сд, стрелок	07.07.1944 г.
9	Упеков Рахмат	1923 г.	рядовой	700 сп 204 сд, пулеметчик	06.07.1944 г.
10	Щетинин Семён Порфирьевич	1910 г.	ст.лейтенант	700 сп 204 сд, зам. командира батальона по политчасти	06.07.1944 г.

Из 204 сд лейтенант ***Гришин Юрий Петрович***, погибший 6 июля 1944 г., захоронен в «д. Мольдзевиче Поставского р-на Вилейской области» [24].

Данные о лейтенанте Ю. П. Гришине

Гришин Юрий Петрович ***Выявлен впервые!***
1924 г.р.
лейтенант
657 ап 204 сд, командир взвода
06.07.1944 г.
убит
д. Мольдзевиче Поставского р-на Вилейской обл.
__.__.1942, Луховицкий РВК, Московская обл., Луховицкий р-н

Все выше указанные фамилии несомненно должны быть увековечены на памятнике братской могилы № 4136.

В-третьих. Непосредственно 938 сп 306 сд на протяжении двух дней – с 5 по 6 июля 1944 г. – проходил через населенные пункты Комайского с/с. В итоге анализа именных списков погибших и пропавших без вести было определено три первичных места захоронения выше указанной воинской части – «50 м вправо от большой дороги д. Сирано Кобыльниковского р-на Вилейской обл. / д. Сираны» [10] (**выявлен 21 человек, из них 15 человек – впервые**), «д. Иодовцы Кобыльниского р-на Вилейской обл.» [17] (**выявлено 2 человека, имена увековечены на памятнике**), «д. Гуменники Мядельского р-на Вилейской обл., братское кладбище» [6] (**выявлено 10 человек, из них 8 чел. – впервые**).

Список погибших 5–6 июля 1944 г. солдат 938 сп 306 сд и захороненных «50 м вправо от большой дороги д. Сирано Кобыльниковского р-на Вилейской обл. / д. Сираны». Выявлены впервые

1	Голицкий Григорий	нет данных	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
2	Голушников Михаил Иванович	1926 г.	рядовой	938 сп 306 сд, пулеметчик	06.07. 1944 г.
3	Долгих Николай Иванович	1924 г.	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
4	Егоров Павел Егорович	1923 г.	рядовой	938 сп 306 сд, минометчик	05.07. 1944 г.
5	Закиров Аюп Закирович	1911 г.	рядовой	938 сп 306 сд, минометчик	05.06. 1944 г.

Окончание таблицы

6	Заруднев Иван Алексеевич	1924 г.	рядовой	938 сп 306 сд	06.07. 1944 г.
7	Играшев Расуль (отец Мурсаев Играш)	1921 г.	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
8	Ластовский Дмитрий Иванович	1907 г.	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
9	Насурдимов Иглаги	1912 г.	мл.сержант	938 сп 306 сд, командир отделения	05.07. 1944 г.
10	Панасюк Василий Петрович	1904 г.	рядовой	938 сп 306 сд, пулеметчик	06.07. 1944 г.
11	Плотников Кузьма Васильевич	1926 г.	рядовой	306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
12	Рудой Петр Иванович	1913 г.	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	06.07. 1944 г.
13	Тимощук Василий Ефанович	1916 г.	рядовой	938 сп 306 сд, стрелок	05.07. 1944 г.
14	Турунтьев Петр Иванович	1904 г.	рядовой	938 сп 306 сд, связист	05.07. 1944 г.
15	Шевченко Василий Васильевич	1926 г.	рядовой	938 сп 306 сд, пулеметчик	06.07. 1944 г.

Список погибших 5–6 июля 1944 г. солдат 938 сп 306 сд и захороненных в «д. Гуменники Мядельского р-на Вилейской обл., братское кладбище». Выявлены впервые

1	Балабанов Иван Яковлевич	1915 г.	ефрейтор	306 сд, стрелок	05.07.1944 г.
2	Дулатов Тактабай	1916 г.	ефрейтор	306 сд, стрелок	05.07.1944 г.
3	Кукса Илья Михайлович	1915 г.	рядовой	306 сд, наводчик	05.07.1944 г.
4	Кухарский Борис Мижидович (Межидович)	1922 г.	рядовой	306 сд, стрелок	05.07.1944 г.

Окончание таблицы

5	Маньков Николай Владимирович	1926 г.	ефрейтор	306 сд, стрелок	05.07.1944 г.
6	Соловьев Анатолий Дмитриевич	1923 г.	рядовой	306 сд, стрелок	05.07.1944 г.
7	Тарасов Георгий Семёнович	1920 г.	старшина	306 сд, старшина батареи	05.07.1944 г.
8	Федорин Михаил Степанович	1925 г.	ст. сержант	306 сд, наводчик	05.07.1944 г.

Таким образом, на территории Камайского с/с захоронено 33 солдата из 938 сп 306 сд, из них впервые установлены имена 23 человек.

В-четвертых, 156 сд – 417 и 530 сп – осуществляла захоронения в течение 6 – 10 июля 1944 г. в четырех местах согласно именным спискам:

– 417 сп – «400 м юго-восточнее д. Мирклишки Ходуцишского р-на Литовской ССР / д. Мирклишки» – 3 человека [14].

– 417 сп – «с. Сепачены Ходуцишского р-на Литовской СССР» [15] – 1 человек. Т.к. населенного пункта Сепачены в период дислокации 417 сп 156 сд на территории на тот момент Годутишского р-на не выявлено, а в учетной карточке местом первичного захоронения указаны д. Старчуны [25], вероятно, произошла ошибка в написании при заполнении именных списков. Кроме того, д. Старчуны и д. Мирклишки расположены друг от друга на расстоянии примерно 10 км, что еще раз доказывает правильность выводов.

Список погибших 6 июля 1944 г. солдат 417 сп 156 сд.

1	Баташев Илья Степанович ***(выявлен впервые!)***	1923 г.	сержант	417 сп 156 сд, командир отделения	06.07. 1944 г.	д. Мирклишки Ходуцишского р-на Литовской ССР
2	Дюпин Павел Фёдорович ***(выявлен впервые!)***	1915 г.	рядовой	417 сп 156 сд, стрелок	06.07. 1944 г.	400 м юго-восточнее д. Мирклишки Ходуцишского р-на Литовской ССР
3	Панаев Сана ***(выявлен впервые!)***	1898 г.	рядовой	417 сп 156 сд, стрелок	06.07. 1944 г.	400 м юго-восточнее д. Мирклишки Ходуцишского р-на Литовской ССР

Окончание таблицы

4	Смыслов Иван Иванович **(БМ № 4136)**	1919 г. (Им. список) 1899 г. (Книга «Память»)	рядовой	417 сп 156 сд, повар	06.07. 1944 г.	с. Сепачены Ходуцишского р-на Литовской СССР (Им. сп.) д. Старчуны (Уч. карт.)

– 530 сп 156 сд – выявлено общим количеством семь могил по нумерации № 1–3, 5–8 (данных по могиле № 4 не найдено!) в районе д. Иодовцы [16].

Таблица 1

Данные по количеству могил и первичных мест захоронения 530 сп 156 сд за 6–7 июля 1944 г.

№ могилы	Место первичного захоронения	Дата захоронения	Количество захоро-ненных
могила № 1	западнее 100 м д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944 г.	4
могила № 2	северная окраина д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944	3
могила № 3	северная окраина д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06-07.07.1944	5 (3 – впервые)
могила № 4	данных нет	данных нет	данных нет
могила № 5	западная окраина д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944	1 (впервые)
могила № 6	западная окраина д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944	1 (впервые)
могила № 7	западнее 100 м д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944	1
могила № 8	западнее 100 м д. Иодовцы Свенцянский р-н ЛитССР	06.07.1944	1

Исходя из данных таблицы, все солдаты 530 сп 156 сд были захоронены 6 июля 1944 г., за исключением мл. сержанта Алмазова Александра Ивановича 1923 г. р. – 7 июля 1944 г., имя которого увековечено в братской могиле (БМ) № 4136 д. Камаи.

Непосредственно в д. Камаи также существовало два первичных места захоронения 530 сп 156 сд, осуществленных 10 июля 1944 г. [16]. Почему именно 10 июля, когда основные части 156 сд были далеко впереди на территории Литовской ССР, ответить сложно по причине отсутствия

в открытом доступе данных боевых донесений, оперативных сводок и журналов боевых действий непосредственно 156 сд. Тем не менее, две могилы, в каждой из которых погребены по 2 человека, из них два – рядовой и сержант – выявлены впервые.

Данные о первичных местах захоронения и список погибших 10 июля 1944 г. солдат 530 сп 156 сд на территории д. Камаи

Иванов Семён Егорович	1907 г.	сержант мед. службы	530 сп 156 сд, санин-структор	10.07. 1944 г.	убит	у костёла м. Камаи, Вилейская обл., могила № 1
Качесов Михаил Иванович ***(выявлен впервые!)***	1924 г.	сержант	530 сп 156 сд, командир орудия	10.07. 1944 г.	убит	у костёла м. Камаи Вилейская, обл., могила № 1
Низмутдинов Камалдын ***(выявлен впервые!)***	1909 г.	рядовой	530 сп 156 сд, стрелок	10.07. 1944 г.	убит	восточная окраина м. Камаи, Вилейская обл., могила № 2
Чумаков Александр Васильевич	1912 г.	ст. сержант	530 сп 156 сд, командир отделения	10.07. 1944 г.	убит	восточная окраина м. Камаи, Вилейская обл., могила № 2

– из 156 сд в именных списках имеются данные о рядовом ***Нечаеве Илье Сергеевиче***, погибшем 7 июля 1944 г. и захороненном «северо-восточнее д. Трапшевиче Свирского р-на Вилейской обл.» [13]. Выявлен впервые.

Данные о рядовом И. С. Нечаеве

Нечаев Илья Степанович ***Выявлен впервые!***
1896 г.
рядовой
156 сд
07.07.1944 г.
убит
северо-восточнее д. Трапшевиче Свирского р-на Вилейской обл.
Уваровский РВК, Тамбовская обл., Уваровский р-н

– впервые выявлен ст. сержант 156 сд ***Горин Андрей Егорович***, погибший 6 июля 1944 г., погребен на «северо-восточной окраине д. Жарске Литовской ССР» [13] (д. Жарские Поставский р-н).

Данные о ст. сержанте А. Е. Горине

Горин Андрей Егорович	***Выявлен впервые!***
1914 г	
ст.сержант	
156 сд, наводчик	
06.07.1944 г.	
убит	
северо-восточная окраина д. Жарске Литовская ССР	
Кузнецкий РВК, Пензенская обл., Кузнецкий р-н	

Не вызывает сомнения тот факт, что вышеуказанные фамилии должны быть увековечены на памятнике братской могилы № 4136 д. Камаи.

В-пятых, из захоронений 179 сд 60 стрелкового корпуса по именным спискам выявлено одно – «д. Круки Ходутишкского р-на Вилейской области» – рядовой ***Малышев Иван Дмитриевич*** 1909 г.р., являющийся солдатом отдела Красной Армии «Смерш» [11]. Данные о том, что И. Д. Малышев перезахоронен непосредственно в д. Камаи, зафиксированы и в учетной карточке воинского захоронения от 1991 г. [25]. Разночтения имеются о месте первичного захоронения: по именным спискам – это д. Круки, по учетной карточке – д. Грейце. Следует отметить, что военные части 179 сд непосредственно не участвовали в освобождении Камайского с/с, но через его северную сторону проходили из места дислокации северо-восточнее г. Поставы на момент 5–6 июля 1944 г. в сторону Даугелишек Литовской ССР (Утенский уезд, Литва), о чем свидетельствуют данные учетных карт 1-го Прибалтийского фронта за 1–9 июля 1944 г. [21].

В учетной карточке по первичному месту перезахоронения имеются данные о медсестре ***Сергеевой Галине Афанасьевне*** 1918 г.р., погибшей 6 июля 1944 г. и захороненной в д. Крюки Поставского р-на. В ОБД «Мемориал» информации о Г. А. Сергеевой не имеется. Но в книге «Память» подробно описан момент гибели медсестры по воспоминаниям очевидца событий Д. В. Пайк [23, с. 327–328], что еще раз подтверждает правильность увековечения памяти Г. А. Сергеевой.

В-шестых, «северо-восточнее 400 м д. Норковиче Вилейской области» выявлено одно место захоронения сержанта 17 иптабр ***Родионова Николая Трофимовича***, 1923 г.р., погибшего 6 июля 1944 г. [4]. На памятнике данные сержанта нанесены с ошибкой ***(Радмонов Н. Т.)***, что следует исправить!

В-седьмых, ст. лейтенант 560 мп 31 омбр ***Паршин Фёдор Васильевич***, 1917 г. р., погибший 6 июля 1944 г., первично захоронен в «д. Филиповичи, Кобыльниковский р-н Вилейской области» (д. Филиповцы, Поставский р-н) в могиле № 385 [24]. Многие войсковые части имели традицию вести нумерацию не сначала (например, могила № 1, № 2 и т.д.) в каждом отдельном по территории захоронении, а по общей нумерации, независимо от нового места захоронения. Что и имеем в данном случае.

Данные о ст. лейтенанте Ф. В. Паршине

Паршин Фёдор Васильевич	***Выявлен впервые!***
1917 г.	
ст.лейтенант	
560 мп 31 омбр, начальник связи дивизиона	
06.07.1944 г.	
убит	
д. Филиповичи Кобыльниковский р-н Вилейской обл., могила № 385	
__.__.1941, Новосибирский РВК, Новосибирская обл., Новосибирский р-н	

В-восьмых, кроме личного рядового и офицерского состава Красной армии в братской могиле № 4136 в д. Камаи также увековечены имена партизан, принимавших участие в партизанском движении на протяжении всего периода нацистской оккупации (1941–1944), а также активно участвовавших в процессе освобождения территории Поставщины при взаимодействии с регулярными войсками Красной армии в ходе операции «Багратион» летом 1944 года.

В данном случае с верификацией надписей личных данных партизанского состава возникают трудности: во-первых, информация находится в Национальном архиве Республики Беларусь (в открытом доступе нет), во-вторых, в архивных материалах не всегда имеются поименные списки погибших партизан (отображена лишь общая цифра погибших за тот или иной период), в-третьих, не все документы партизанских формирований сохранились.

Согласно надписи на памятной доске братской могилы № 4136 имеем цифру **в 27 человек**, в ***книге «Память»*** известны 26 человек, среди неизвестных – 1 человек (общее количество – **27 человек**) [23], в ***учетной карточке воинского захоронения*** точно указано общее количество – **19 человек** [25]. Разница составляет 8 человек. Достоверно цифру можно получить при наличии актов перезахоронения, которые составлялись непосредственно в момент эксгумации останков. На данный момент такой информацией не располагаем.

Исходя из собранных сведений, все выявленные впервые и верифицированные данные по погибшим личного рядового и офицерского состава могут быть увековечены в братской могиле № 4136 по совокупности всех приведенных фактов, которые указывают на хронологическую и территориальную достоверность принадлежности к данному захоронению.

Предлагается оставить тот списочный состав партизан, который имеется на данный момент.

При работе с источниками был выявлен также ряд проблемных моментов:

Во-первых, при верификации данных, нанесенных на памятную таблицу братской могилы № 4136, был выявлен рядовой и офицерский состав 599 сп 145 сд 1-го стрелкового корпуса, погибший 10 июля 1944 г. Первичное место захоронения указано так: «д. Качуны Поставского р-на Вилейской обл.» (и в именных списках, и в книге погребения данной дивизии) [12; 20; 19].

Согласно картографическим данным 1938 г. данного населенного пункта на территории Поставского р-на и прилегающих к нему территорий Мядельского р-на Минской обл. не имеется и не имелось. Были подняты записи за 10 июля 1944 г. Журнала боевых действий 599 сп 145 сд, согласно которому «…145 сп к 10 00 овладел г. Качунай, во второй половине дня ведет бой с противником на рубеже 300 м. СЗ Качунай, высота 178,6, сев. окраина Шляпе…» [1]. Что соответствует г. Качуны (г. Качунай, Утенский уезд, Литва).

Из всего состава убитых в г. Качунай 10 июля 1944 г. выявлено **27 человек** погибших и 14 человек пропавших без вести, из них **15 человек** увековечены в БМ № 4136 в д. Камаи по причине того, что, вероятно, «г. Качуны, Литовская ССР» были ошибочно приняты за д. Мегуны Поставского р-на, о чем свидетельствуют данные учетной карточки воинского захоронения за 1991 г. [25].

Следует отметить, что в д. Мегуны Поставского р-на в принципе ни одного первичного захоронения не выявлено. Вероятно, ошибка произошла на этапе заполнения документов в послевоенное время.

Таким образом, солдаты 599 сп 145 сд не могли быть захоронены в д. Мегуны и в последующем перезахоронены в д. Камаи! Следовательно, данные фамилии должны быть убраны с памятной доски братской могилы № 4136.

Во-вторых, данные о 8 воинах не найдены в ОБД «Мемориал», но зафиксированы в учетной карточке воинского захоронения 1991 г. [25], из них по ст. сержанту Грушину А. С. и Елизову И. П., пропавшим без вести в октябре 1941 г., в книге «Память» данных не имеется.

По первичному месту захоронения согласно учетной карточке 3 человека из д. Мунцевичи, по 1 человеку – д. Филиповцы, Иодовцы, Сурвилишки, Королиново, Крюки-1 (табл. 2).

Таблица 2

Данные о перезахороненных из первичных мест захоронения согласно учетной карточке воинского захоронения 1991 г.

Учётная карточка воинского захоронения № 512 д. Камаи Поставского р-на от 15 октября 1991 г.								
Ф.И.О. на памятнике	Ф.И.О. по данным книги «Память»	Ф.И.О. по данным ЦАМО (паспорт)	Год рождения	Военное звание	Воинская должность	Дата выбытия	Причина выбытия	Место первоначального захоронения
Бобров А. А.	Баброў Аляксей Аляксеевіч	Бобров Алексей Алексеевич	1917	мл.сержант (памятник) ст.лейтенант (уч.карт.)	нет данных	10.07. 1944 г.	убит	д. Филиповцы

Окончание таблицы 2

Валюк С. Г.	Валюк Станіслаў Рыгоравіч	Валюк Станислав Григорьевич	1914	рядовой	нет данных	10.03. 1944 г.	убит	д. Иодовцы
Гладилин М. Г.	Гладзілін Давід Рыгоравіч	Гладилин Давыд Григорьевич	1920	рядовой	нет данных	06.07. 1944 г.	убит	д. Мунцевичи
Грушин А. С.	нет данных	Грушин Аркадий Сергеевич	1919	ст.сержант	нет данных	06.07. 1944 г.	убит	д. Мунцевичи
Елизов И. П.	нет данных	Елезов Иван Павлович	нет данных	нет данных	нет данных	пропал без вести в октябре 1941 г.	нет данных	д. Сурвилишки
Костромской А.	Кастрамскі Агафій	Костромской Агафий	1919	рядовой	нет данных	10.07. 1944 г.	убит	д. Каралиново
Кудрявцев В. А.	Кудраўцоў Васіль Антонавіч	Кудрявцев Василий Антонович	1917	рядовой	нет данных	06.07. 1944 г.	убит	д. Мунцевичи
Сергеева Г. А.	Сяргеева Галіна Афанасьевна	Сергеева Галина Афанасьевна	1918	нет данных	медсестра	06.07. 1944 г.	убит	д. Крюки

В-третьих, у 3 человек в принципе нет данных, подтверждающих или опровергающих правильность расположения их фамилий на памятной табличке братской могилы № 4136.

Таблица 3

Сравнительная таблица данных

Надпись на памятнике	Книга «Память»	ОБД «Мемориал» / учетная карточка	Увековечены
Буянов В. А.	нет данных	нет данных	БМ № 4136 д. Камаи
Коржев В. Е.	Каржоў Уладзімір Яўхімавіч, ст. лейтэнант, загінуў	нет данных	БМ № 4136 д. Камаи
Шемадин И. М.	нет данных	нет данных	БМ № 4136 д. Камаи

Что касается ***Буянова В. А.***, то, вероятно, на одном из этапов реконструкции надписи дважды произошло внесение данных с ошибкой в одну букву партизана Буянова П. А., так как никаких подтверждающих фактов наличия двух человек не найдено.

Данные по ***Коржеву В. А.*** имеются только в книге «Память», в ОБД «Мемориал» и учетной карточке воинского захоронения информации не найдено.

В-четвертых, ошибочно занесены фамилии ст. лейтенанта 91 гв.сд Головинова М. Н., ст. сержанта 156 сд Санникова М. А. и рядового Лашука В.

Таблица 4

Данные об ошибочно увековеченных в братской могиле № 4136

Надпись на памятнике	Головинов М. Н.	Лашук В.	Санников М.А.
ОБД «Мемориал» / учетная карточка	Головинов Михаил Никитович	Лашук Василий	Санников Михаил Афанасьевич
Год рождения	1906	1903	1905
Звание	ст. лейтенант	рядовой	ст. сержант
Место службы	91 гв.сд	нет данных	530 сп 156 сд, командир ПТР
Дата выбытия	09.10.1943 г.	ноябрь 1943 г.	11.07.1944 г.
Причина	убит	пропал без вести	убит
Место первичного захоронения	д. Пнево (ошибочно принята за д. Пнево Поставского р-на), Лиозненский р-н, Витебская обл.	–	Свенцяны, Литовская ССР, кладбище, могила № 1

При анализе именных списков соответствующих воинских частей было выяснено, что первичное место захоронения ст. лейтенанта 91 гв.сд ***Головинова Михаила Никитовича*** («д. Пнево, Лиозненский р-н, Витебская обл.») [18] ошибочно принято за д. Пнево Поставского р-на.

Первичное место захоронения согласно именным спискам ст. сержанта 156 сд Санникова М. А. («Свенцяны, Литовская ССР (г. Швянчёнис, Литва), кладбище, могила № 1») [7], погибшего 11 июля 1944 г.

Соответственно, фамилии Головинова М. Н. и Санникова М. А. не могут быть увековечены в братской могиле № 4136.

Что касается рядового Лашука В., то данных в ОБД «Мемориал» не найдено, информация имеется в книге «Память» и учетной карточке воинского захоронения. В соответствии с этим на данный момент фамилия Лашука В., пока не появятся документы, опровергающие имеющуюся информацию, должна остаться в списке увековеченных в братской могиле № 4136.

Таким образом, верифицированы данные 134 человек, из них первичные места захоронения 18 чел. не соответствуют по территориальной принадлежности и по времени гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал боевых действий 145 сд с 1.111943 г. по 31.07.1944 г. (ЦАМО. – Ф. 1372. Оп. 1. Д. 29А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru. – Дата доступа : 24.02.2018 г.
2. Журнал боевых действий 700 сп 204 сд с 23.06. по 13.12.1944 г. (ЦАМО. – Ф. 7353. Оп. 117442. Д. 4) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru. – Дата доступа : 24.02.2018 г.
3. Именной список 156 сд с 25.06. по 25.07.1944 г. (Донесение о безвозвратных потерях 156 сд № 030822 от 31.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д.387 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
4. Именной список 17 отд. Истребительных противотанковых арт.бригад с 29 июня по 16 июля 1944 г. (Донесение 17 иптпбр № 51964 от 25 июля 1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д.581 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
5. Именной список 306 сд с 10 по 20 июля 1944 г. (Донесение 306 сд № 51650 от 23.07.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 586 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
6. Именной список 306 сд с 29.06 по 11.07.1944 г. (Донесение 306 сд № 51208 от 21.07.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 570 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
7. Именной список 530 сп 156 сд (Донесение 156 сд № 47824 от 05.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 623 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
8. Именной список 700 сп 204 сд с 19.06. по 7.07.1944 г. (Донесение 204 сд № 028648 от 19.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 395 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
9. Именной список 700 сп 204 сд с 6 по 7 июля 1944 г. (Донесение 204 сд № 51788 от 24.07.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
10. Именной список 938 сп 306 сд с 5 по 9.07.1944 г. (Донесение № 026045 от 24.07.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 358 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
11. Именной список № 16 179 сд с 9.07 по 19.07.1944 г. (Донесение штаба 179 сд № 46210 от 29.07.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 600 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
12. Именной список № 35 частей 145 сд с 1 сентября по 18 сентября 1944 г. // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 929 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.

13. Именной список безвозвратных потерь личного состава 156 сд с 20 июня по 29 июля 1944 г. (Донесение о безвозвратных потерях № 47824 от 05.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп 18002. Д. 623 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
14. Именной список безвозвратных потерь личного состава 417 сп 156 сд с 5 по 9 июля 1944 г. (Донесение о безвозвратных потерях № 47824 от 05.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 623 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
15. Именной список безвозвратных потерь личного состава 417 сп 156 сд с 6 по 19 июля 1944 г. (Донесение о безвозвратных потерях № 47824 от 05.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 623 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
16. Именной список безвозвратных потерь личного состава 530 сп 156 сд с 6 по 19 июля 1944 г. (Донесение о безвозвратных потерях № 47824 от 05.08.1944 г.) // ЦАМО. Ф.58. ОП.18002. Д. 623 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа: 03.02.2018 г.
17. Именной список за август 1944 г. (Донесение штаба 306 сд № 71988 от 17.09.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 904; Справка от 2 марта 1967 г. // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 920952. Д. 45 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
18. Именной список командующего состава 277 гв.сп 91 гв.сд с 1 по 20.10.1943 г. // ЦАМО. – Ф.58. Оп. 18001. Д. 969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
19. Именной список пропавших без вести 145 сд (Донесение упр. 145 сд № 60264 от 04.09.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 794 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018.
20. Книга погребения 599 сп с 01.04. по 31.12.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 7249. Оп. 50028с. Д. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
21. Отчетная карта 1 ПрибФ с 1.7 по 6.7.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 235. Оп. 2074. Д. 848 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/documents/view. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
22. Отчетная карта 1 Приб Ф с 7.7 по 9.7.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 235. Оп. 2074. Д. 850 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/documents/view. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
23. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2001.
24. Сведения безвозвратных потерь офицерского состава артиллерии 1-го Прибалтийского фронта по состоянию на 1 августа 1944 г. (Донесение артиллерии 1-го Прибалтийского фронта № 029845 от 11.08.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д.471 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 03.02.2018 г.
25. Учетная карточка воинского захоронения № 512 д. Камаи Поставского р-на от 15 октября 1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.obd-memorial.ru. – Дата доступа : 02.02.2018 г.

А. А. Крыварот

БАЯВАЯ САДРУЖНАСЦЬ ПАРТЫЗАНСКІХ ФАРМІРАВАННЯЎ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (1941–1944): ПРАБЛЕМА ДАСЛЕДАВАННЯ

Для асвятлення гісторыі ўзаемадзеяння партызан Беларусі і Літвы ўяўляецца неабходным найперш прасачыць працэс зараджэння і станаўлення савецкага руху супраціўлення германскім захопнікам і іх паслугачам на поўначы Вілейскай вобласці і блізкіх да яе раёнаў Літвы.

Партыйныя, савецкія і камсамольскія органы з прычыны хуткага прасоўвання войск вермахта на ўсход не змаглі належным чынам падрыхтавацца да арганізаванага партызанскага змагання ў тыле праціўніка. У такой сітуацыі Вілейскі абкам КП(б)Б змог распачаць фарміраванне партызанскіх груп для дзейнасці ў тыле праціўніка толькі знаходзячыся на тэрыторыі Віцебскай вобласці. У пачатку ліпеня 1941 г. у Ветрына і Ушачах было створана 10 арганізатарскіх і партызанскіх груп на чале з кіруючымі партыйнымі, савецкімі і камсамольскімі работнікамі, з якіх на Вілейшчыну прабілася толькі група С. А. Пранько. Астатнія баявыя адзінкі былі рассеяны ці вярнуліся ў савецкі тыл. Акрамя груп, створаных у савецкім тыле па ініцыятыве ЦК КП(б)Б і Вілейскага абкама КП(б)Б, некалькі партызанскіх адзінак аформіліся самастойна на акупаванай тэрыторыі Куранецкага, Маладзечанскага і Браслаўскага раёнаў намаганнямі мясцовых савецкіх актывістаў і ваеннаслужачых Чырвонай Арміі [1, с. 122; 2, с. 22–23, 124–126; 3, с. 161].

У рэгіёнах Літвы арганізатарамі савецкага партызанскага руху ў першы ваенны год сталі камуністы, якія засталіся на акупаванай тэрыторыі, і закінутыя з Вялікай зямлі ў тыл германскіх захопнікаў. Так, у ліпені і на пачатку жніўня 1941 г. ЦК КП(б) Літвы стварыў з адказных партыйных і савецкіх работнікаў 6 груп па 6–7 чалавек у кожнай і накіраваў іх у Каўнас, Шаўляй, Марыямпаль, Укмерге, Рокішкіс, Алімтус. Гэтым групам удалося правесці некалькі выніковых аперацый, сярод якіх – падрыў некалькіх цягнікоў з жывой сілай і тэхнікай праціўніка на чыгуначных лініях Каўнас – Вільнюс, Іонава – Шаўляй, электрастанцыі каля Шаўляя, моста паблізу Кедайняя. Для спынення баявой дзейнасці савецкіх партызан Літвы акупацыйная ўлада ажыццявіла некалькі карных акцый. У выніку нападу захопнікаў на месцы базіравання партызан былі разгромлены 7 атрадаў з 14, што дзейнічалі ў першы ваенны год на літоўскай тэрыторыі. Падраздзяленні, якія засталіся дзейнічаць на акупаванай тэрыторыі Літвы, былі вымушаны разбівацца на дробныя групы, а таксама пераходзіць да падпольных метадаў барацьбы [4, с. 293, 295; 5, с. 604, 608].

Арганізацыйныя і баявыя кантакты савецкіх патрыётаў Беларусі і Літвы пачалі наладжвацца ў першы ваенны год і праяўляліся ў формах узаемадапамогі па разгортванні падпольнай барацьбы і партызанскага руху ў

памежных раёнах дзвюх рэспублік. Першыя такія ўзаемадачыненні звязаны з дзейнасцю на памежжы дзвюх рэспублік групы ўраджэнца Швянчонскага раёна Літвы Ф. Р. Маркава, які да вайны працаваў намеснікам старшыні Вілейскага аблвыканкама. Гэта баявая адзінка была падрыхтавана ў дыверсійнай школе каля Бранска і дасягнула вёскі Навасёлкі Пастаўскага раёна 16 верасня 1941 г. На працягу першых месяцаў базіравання ў тыле праціўніка групе ўдалося правесці тры дыверсіі на чыгунцы Вільнюс – Даўгаўпілс каля станцый Ігналіна і Пагулянка на тэрыторыі Літвы. Вынікам смелых дзеянняў групы Ф. Р. Маркава стала крушэнне воінскага эшалона з аўтатранспартам у складзе 30 вагонаў, эшалона з прадуктамі і фуражом для нямецкіх франтавых часцей, пуск пад адхон шасці паравозаў. Найбольш значнай аперацыяй быў падрыў 6 студзеня 1942 г. эшалона на ўчастку паміж станцыямі Падброддзе і Пагулянка, калі быў разбіты паравоз, 39 вагонаў, забіта і паранена 185 нямецкіх салдат і афіцэраў. Зімой 1941/1942 г. байцам групы Ф. Р. Маркава ўдалося пранікнуць у Вільнюс і ўстанавіць сувязь з савецкімі патрыётамі з ліку мясцовых актывістаў і ваеннаслужачых [6, с. 276; 7, л. 155, 156; 8, с. 256].

Ужо з першых месяцаў вайны рэгіёны Беларусі сталі той базай, дзе знаходзілі сабе прытулак афіцэры і салдаты Чырвонай Арміі, якія трапілі ў акружэнне ці германскі палон на тэрыторыі Літвы. Так, у 1941 г. члены антыфашысцкай падпольнай арганізацыі з Панявежскага ўезда перапраўлялі ў Вілейскую вобласць савецкіх ваеннаслужачых-уцекачоў з лагераў ваеннапалонных [9, с. 360].

У пачатку 1942 г. партызанскім і падпольным адзінкам на акупаванай тэрыторыі Літвы даводзілася дзейнічаць ва ўмовах жорсткага пераследу з боку акупацыйнага рэжыму, адсутнасці цэнтралізаванага кіравання і сувязі з Вялікай зямлёй, дэфіцыту зброі і боепрыпасаў. Да таго ж шмат байцоў партызанскіх падраздзяленняў загінула ў баях з праціўнікам у першы год акупацыі. У сувязі з такім становішчам ЦК КП(б) Літвы з мэтай актывізацыі партызанскай і падпольнай барацьбы, стварэння кіраўнічага цэнтра супраціўлення акупацыйнаму рэжыму стаў з вясны 1942 г. сістэматычна накіроўваць на акупаваную тэрыторыю рэспублікі арганізатарскія групы. У сакавіку 1942 г. у тыл праціўніка самалётамі былі закінуты дзве вялікія групы кіруючых партыйных і камсамольскіх работнікаў на чале з сакратаром ЦК КП(б) Літвы І. Мескупасам-Адомасам, якім удалося распачаць сваю дзейнасць у паўночнай і паўднёвай частках рэспублікі. Аднак у хуткім часе групы перасталі выходзіць на сувязь з Цэнтрам і амаль поўнасцю загінулі. Летам 1942 г. на тэрыторыю рэспублікі было закінута яшчэ сем груп арганізатараў партызанска руху [4, с. 297; 5, с. 609–608].

Разам з засылкай самалётамі баявых і арганізатарскіх груп у тыл ворага ЦК КП(б) Літвы імкнуўся знайсці і іншыя шляхі пранікнення літоўскіх партызанскіх адзінак на акупаваную тэрыторыю рэспублікі для разгортвання там узброенай барацьбы. У вырашэнні дадзенай праблемы кіраўніцтва

кампартыі Літвы ў сярэдзіне 1942 г. звярнулася да ЦК КП(б)Б з просьбай прыцягнуць беларускіх партызан для аказання дапамогі літоўскім групам, каб тыя маглі прабіцца да месца выканання задання. У гэтай справе сталі выкарыстоўвацца магчымасці Віцебскіх «варот», аэрадромы і пасадачныя пляцоўкі беларускіх партызан. Такім чынам стала разгортвацца шырокае ўзаемадзеянне беларускіх і літоўскіх партызан, якое аказала станоўчы ўплыў на арганізаванасць узброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў на тэрыторыі Вілейскай вобласці і Літвы ў 1943–1944 гг. [4, с. 310; 10, с. 478; 5, с. 609–608; 11, с. 99].

Найбольшая колькасць арганізатарскіх і баявых груп прайшла праз Віцебскія «вароты». Першыя два літоўскія падраздзяленні разам з інструктарам ЦК КП(б) Літвы С. Сырусам і пры дапамозе Паўночна-Заходняй аператыўнай групы ЦК КП(б)Б пераправіліся праз разрыў у лініі фронта летам 1942 г. Аб увазе беларускага партыйнага кіраўніцтва да перамяшчэння літоўскіх партызан сведчыць той факт, што сакратар ЦК КП(б)Б Р. Б. Эйдзінаў арыентаваў Паўночна-Заходнюю аператыўную групу ЦК КП(б)Б на аказанне народным мсціўцам суседняй рэспублікі ўсебаковай дапамогі праваднікамі і па ўстанаўленні сувязі з брыгадамі Віцебскай вобласці на чале з А. Я. Марчанкам і М. І. Дзячковым, праз месца дыслакацыі якіх пралягаў маршрут літоўскіх партызан [10, с. 478; 11, с. 100–101].

Пранікненне літоўскіх партызанскіх падраздзяленняў на тэрыторыю Літвы для выканання баявых задач мела свае складанасці, што было абумоўлена існуючымі цяжкасцямі па разгортванні партызанскай барацьбы як у самой Літве, так і ў Вілейскай вобласці, выбранай у якасці асноўнага маршрута пераходу ў суседнюю рэспубліку. Для разгортвання партызанскай барацьбы ў паўночнай частцы Вілейшчыны туды з лета 1942 г. сталі накіроўвацца групы, атрады і брыгады Віцебскай вобласці. Адным з першых такіх фарміраванняў стаў атрад пад камандаваннем І. І. Пятрова (пазней – атрад «Спартак») з 2-й Беларускай партызанскай брыгады (камандзір М. І. Дзячкоў). Атрад на чале з І. І. Пятровым быў адпраўлены па загадзе ЦШПР і штаба 4-й ударнай арміі Калінінскага фронту 12 жніўня 1942 г. для разгортвання партызанскай барацьбы ў Відзскім, Браслаўскім і Шаркаўшчынскім раёнах. Неўзабаве з-за лініі фронту ў Вілейскую вобласць перабралася пяць груп літоўскіх партызан. Яны былі добра ўзброены і мелі радыёстанцыю для сувязі з Цэнтрам. Пасля кароткага адпачынку ў казянскіх лясах тры літоўскія групы перабраліся ў Літву, а падраздзяленні Й. Арлаўскаса і Дубаўскаса аб'ядналіся ў адзін атрад, у якім першы стаў камандзірам, а другі камісарам. Зыходзячы з вынікаў разведкі, праведзенай сумесна беларускімі і літоўскімі групамі ў шэрагу рэгіёнаў Літвы, было ўстаноўлена, што там яшчэ не склаліся неабходныя ўмовы для базіравання буйной партызанскай адзінкі. Улічваючы такую сітуацыю, камандаванне атрада прыняло рашэнне заставацца на тэрыторыі паўночнай Вілейшчыны да

вясны 1943 г. і разам з мясцовымі партызанамі ўдзельнічаць ва ўзброенай барацьбе супраць германскіх акупантаў і іх паслугачоў [12, с. 169–170; 7, л. 144, 159, 172аб; 13, л. 289; 11, с. 100].

Партызаны атрада «Спартак», літоўскага атрада Арлаўскаса і латышскай групы І. Бараноўскага за верасень – лістапад 1942 г. 15 раз нападалі на варожыя гарнізоны і паліцэйскія ўчасткі, у тым ліку ў Вопсе, Ёдах, Казянах. Варта адзначыць, што на некаторыя паліцэйскія гарнізоны налёты ажыццяўляліся не адзін раз. Найбольш маштабнай была сумесная аперацыя супраць нямецка-паліцэйскага гарнізона ў Казянах, дзе германскае камандаванне планавала аднавіць свой апорны пункт сіламі каля 130 паліцэйскіх-украінцаў. Каб не дапусціць разгортвання акупацыйнага аб’екта, адной з мэт якога быў кантроль моста праз Дзісну, беларускі і літоўскі атрады ў ноч з 3 на 4 лістапада 1942 г. нанеслі раптоўны ўдар па гарнізоне. У выніку бою партызаны знішчылі аднаго нямецкага афіцэра і дзясяткі паліцэйскіх, узялі ў палон 18 акупантаў, захапілі 56 вінтовак і дзве скрыні патронаў. Пасля гэтай аперацыі пачаўся масавы прыток мясцовай моладзі ў партызаны. Акрамя нападаў на гарнізоны партызаны наносілі ўдары па камунікацыях праціўніка. Так, байцы беларускага і літоўскага атрадаў ва ўзаемадзеянні разбурылі чыгуначнае палатно на ўчастку Полацк – Вільнюс, рух на якім гітлераўцам так і не ўдалося аднавіць [4, с. 311; 9, с. 362; 12, с. 170; 13, л. 12, 18аб, 311, 313аб; 11, с. 100].

Пасля першых нападаў партызан на варожыя аб’екты на поўначы Вілейскай вобласці акупацыйнае камандаванне стала прымаць захады для падаўлення баявой актыўнасці атрадаў. З гэтай мэтай 22 кастрычніка 1942 г. супраць савецкіх патрыётаў была накіравана экспедыцыя ў складзе 70 выпускнікоў унтэр-афіцэрскай школы, а таксама 79 літоўскіх, латышскіх і беларускіх паліцаяў. Праціўнік напаў на лагер партызан у лесе каля вёскі Возерава. Дзякуючы граматна арганізаванай абароне амаль 50 народных мсціўцаў падчас гадзіннага бою нанеслі акупацыйнай групоўцы адчувальныя страты і прымусілі яе адступіць. На левым флангзе партызанскай абароны дзейнічаў літоўскі атрад пад камандаваннем Й. Арлаўскаса. Сярод захопленых партызанамі трафеяў былі кулямёт шэсць аўтаматаў, 21 вінтоўка, 13 пісталетаў, пяць ракетніц, 40 гранат і 2 500 патронаў [13, л. 16, 18аб, 314аб, 315; 11, с. 100].

Першы этап узаемадзеяння партызан Беларусі і Літвы на поўначы Вілейшчыны завяршыўся ў канцы восені 1942 г. У буйной карнай экспедыцыі, якую акупанты разгарнулі 22–24 лістапада 1942 г. супраць партызанскіх падраздзяленняў суседніх рэспублік, удзельнічала да 5 тысяч нямецкіх ваеннаслужачых і паліцаяў з гарнізонаў Браслаў, Відзы, Глыбокае, Казяны, Шаркаўшчына. Наступленне непрыяцеля ў напрамку населеных пунктаў Жураваўшчына, Плетарава, Якшты, Возерава падтрымлівалі шэсць танкаў, дзве бронемашыны, артылерыя і мінамёты. У выніку непрацяглага бою раён базіравання падраздзяленняў быў акружаны пераўзыходзячымі сіламі праціўніка да вечара 23 лістапада 1943 г. У сувязі з крытычнай

сітуацыяй партызаны па загадзе выконваючага абавязкі камандзіра атрада А. М. Панамарова адышлі ў глыб лесу да вёскі Дуброва, а затым для змяншэння страт невялікімі групамі з баямі вырваліся з блакады ў агульным напрамку на Шаркаўшчыну. Пасля прарыву акружэння адна частка атрада «Спартак» у колькасці 114 байцоў на чале з палітруком М. К. Ігнацьевым перамясцілася ў Расонскі раён і стала базіравацца каля вёскі Якубава, другая – ў складзе да 70 чалавек пад камандаваннем А. М. Панамарова апынулася ва Ушацкім раёне. Некалькі груп партызан засталіся ў казянскіх лясах. Падраздзяленне Й. Арлаўскаса пасля выхаду з баёў перабралася на тэрыторыю Літвы. За два месяцы ўзаемадзеяння з атрадам «Спартак» літоўская баявая адзінка ўмацавалася арганізацыйна і ў баях з германскімі акупантамі набыла неабходны баявы вопыт [13, л. 12аб, 16, 20, 314аб; 11, с. 101].

Месцам актыўнага ўзаемадзеяння партызан Беларусі і Літвы на працягу другой паловы 1942 г. была Віцебская вобласць. Акрамя літоўскіх партызанскіх груп, якія прайшлі праз Віцебскія «вароты» летам 1942 г., у лістападзе гэтага ж года лінію фронта непадалёку ад Невеля пераадолелі яшчэ пяць літоўскіх падраздзяленняў, якія месцам свайго першапачатковага базіравання выбралі Расоншчыну. Адно з такіх падраздзяленняў – група «Мечыс» пад камандаваннем П. П. Пранявічуса ў складзе 40 байцоў – разам з партызанскімі фарміраваннямі Віцебскай і Калінінскай абласцей, Латвіі прынялі ўдзел у шэрагу аперацый Так, 12 студзеня 1943 г. літоўскія партызаны сумесна з партызанамі суседніх рэспублік ажыццявілі напад на валасны цэнтр і паліцэйскі апорны пункт у латвійскім мястэчку Вецслабада. Баявым выпрабаваннем для групы П. П. Пранявічуса, як і для ўсіх партызан Расонска-Асвейскай зоны, стала барацьба супраць карнай экспедыцыі «Заяц-бяляк», якую гітлераўскае камандаванне разгарнула з усходняга напрамку. Паводле плана, прынятага на нарадзе каманднага складу зоны, літоўскае падраздзяленне разам з брыгадамі Расонскай, Дрысенскай і «За Савецкую Беларусь» уваходзіла ў паўднёвую ўдарную групу на чале з камандзірам Расонскай брыгады Р. А. Ахоціным. Гэтая група партызанскіх фарміраванняў наносіла ўдар уздоўж шашы на Расоны і змагла раздзяліць групоўку ворага на дзве часткі, што ў значнай ступені паспрыяла агульнаму поспеху ў барацьбе з карнай экспедыцыяй. Праз некаторы час падраздзяленне пад камандаваннем П. П. Працявічуса па загадзе Цэнтра перамясцілася ў раён Бягомля для сустрэчы з аператыўнай групай ЦК КП(Б) Літвы на чале з М. Ю. Шамаўскасам [14, с. 147; 15, с. 223; 16, с. 51; 17, с. 125].

Яшчэ адным рэгіёнам узаемадзеяння беларускіх і літоўскіх партызан у 1942 – пачатку 1943 г. стала Мінская вобласць. На партызанскую пляцоўку, размешчаную непадалёку ад месца дыслакацыі чэкісцкага спецатрада С. А. Ваўшасава на тэрыторыі Чэрвенскага раёна, у верасні 1942 г. на самалёце прыбылі дзве разведвальныя групы літоўскіх партызан «Сябры» і «Нерыс» на чале з І. І. Вільджунісам. Літоўскія групы базіраваліся сумесна з брыгадамі «Дзядзькі Колі» (камандзір П. Р. Лапацін) і «Народныя мсціўцы»

(камандзір В. Т. Варанянскі). У пачатку 1943 г. І. І. Вільджуніс сустрэўся з камандзірам брыгады імя К. Я. Варашылава Вілейскай вобласці Ф. Р. Маркавым, які знаходзіўся на нарадзе на тэрыторыі Барысаўскага раёна. Было дамоўлена, што літоўскія групы пасля марша з тэрыторыі Мінскай вобласці на Вілейшчыну часова, да пераходу ў суседнюю рэспубліку, будуць базіравацца ў брыгадзе імя К. Я. Варашылава [12, с. 177–179].

На беларускай зямлі зімой 1942–1943 гг. у месцах дыслакацыі беларускіх партызан таксама базіраваліся літоўскія атрады і групы «Вільнюс» (камандзір С. Апівала), «Дуброўскага» (каманадзір П. Галубовас), «Мішкас» (камандзір В. Мічунас), «Грыгаса», Й. Арлаўскаса і інш. [11, с. 102–103].

Новы этап узаемадзеяння беларускіх і літоўскіх партызан разгарнуўся з вясны 1943 г., што было звязана найперш з прыбыццём 21–23 сакавіка 1943 г. на партызанскі аэрадром каля Бягомля аператыўнай групы ЦК КП(б) Літвы на чале з М. Ю. Шумаўскасам і правядзеннем арганізацыйных мерапрыемстваў у раёнах базіравання літоўскіх партызан. Па першым часе літоўскія партызаны размяшчаліся каля брыгады «Жалязняк» (камандзір І. П. Ціткоў). Рашэннем аператыўнай групы ў пачатку красавіка 1943 г. у вёсцы Лесіны Ушацкага раёна з падраздзялення «Мечыс» на чале з П. П. Пранявічусам, якое перамясцілася з Расонскага раёна, і часткі байцоў, прысланых з Вялікай зямлі, быў створаны атрад «Жальгірыс». Перамяшчэнне ў бок граніцы з Літвой гэта падраздзяленне ажыццяўляла ва ўзаемадзеянні з атрадам «Спартак» (камандзір А. М. Панамароў), які вяртаўся ў ранейшы раён базіравання – казянскія лясы [9, с. 362; 10, с. 478; 12, с. 172–173; 5, с. 609].

Пры разгортванні сваёй дзейнасці ў тыле ворага Аператыўная група ЦК КП(б) Літвы адчувала пастаянную падтрымку з боку падпольных органаў КП(б)Б, мясцовых партызанскіх атрадаў і брыгад. Дзякуючы гэтаму, у маі 1943 г. у вёсцы Зарубаўшчына Ушацкага раёна была праведзена шырокая нарада з кіраўнікамі савецкага падполля і партызанскіх фарміраванняў Вільнюса, Каўнаса, Шауляя, Алітуса, Панявежыса і іншых рэгіёнаў акупаванай Літвы. Нарада з удзелам каля 100 прадстаўнікоў рэспублікі мела надзвычай важнае значэнне для пашырэння ўзброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў на літоўскай зямлі. Аператыўная група ЦККП(б) Літвы перамяшчалася ў бок літоўскай граніцы асобнымі падраздзяленнямі па розных маршрутах, якія падчас руху ўзамадзейнічалі з беларускімі партызанамі. Адна з груп у раёне ўрочышча Багна-Мох некалькі дзён базіравалася ў атрадзе «Кастрычнік», дзе папоўніла свае прадуктовыя запасы. Для літоўскіх партызан быў скінуты груз са зброяй і боепрыпасамі, а на пасадачнай пляцоўцы атрада «Кастрычнік» быў прыняты самалёт з новымі байцамі для аператыўнай групы. Такая дапамога Цэнтра дазволіла беларускім і літоўскім партызанам сумесным ударам разграміць непадалёку размешчаны гарнізон праціўніка. У новым месцы базіравання, спачатку ў казянскіх лясах, а потым у раёне возера Нарач, аператыўная група пры ўдзеле мясцовых партызанскіх атрадаў і брыгад разгарнула працу па колькасным

павелічэнні партызанскіх падраздзяленняў і арганізацыі новых баявых адзінак. Так, на аснове падраздзялення «Жальгірыс» былі сфарміраваны партызанскія атрады «Вільнюс», «Гром», імя К. Каліноўскага. Базай падрыхтоўкі партыйных і камсамольскіх груп, партызанскіх падраздзяленняў для засылкі на тэрыторыю Літвы стала беларуская брыгада імя К. Я. Варашылава. Першым з такіх баявых адзінак прабіўся на тэрыторыю рэспублікі і размясціўся ў паўднёвым рэгіёне атрад «Гром». У раёне Рудніцкай пушчы з ліпеня 1943 г. стала дзейнічаць партызанскае падраздзяленне на чале з намеснікам кіраўніка аператыўнай групы, сакратаром Паўднёвага абкама КП(б) Літвы Г. О. Зіманасам. Некалькі пазней у Рудніцкую пушчу прабраўся літоўскі атрад імя К. Каліноўскага, дзе правёў некалькі баявых аперацый сумесна з беларускім асобным партызанскім атрадам «Баец» (камандзір Д. К. Бацяноўскі) [10, с. 478; 17, с. 319; 2, с. 172–173; 11, с. 103–104, 106].

Практычна адначасова з аператыўнай групай ЦК КП(б) Літвы і атрадам «Жальгірыс» перамяшчаліся з Мінскай вобласці на поўнач Вілейшчыны літоўскія партызанскія групы «Сябры» і «Нерыс» на чале з І. І. Вільджунасам. Перад маршам у пачатку вясны 1943 г. пад яго кіраўніцтвам на базе брыгады «Народныя мсціўцы» была праведзена падрыхтоўка літоўскіх партызан да перадыслакацыі ў Літву. Для больш эфектыўнай дзейнасці ў тыле ворага літоўскія групы атрымалі з Цэнтра зброю, боепрыпасы, медыкаменты, а таксама радыёстанцыю. Падраздзяленні «Сябры» і «Нерыс» размясціліся ў нарачанскіх лясах непадалёку ад атрада «Знішчальнік» (камандзір А. В. Жукаў), брыгады імя К. Я. Варашылава і пасля папаўнення мясцовымі патрыётамі перайшлі на тэрыторыю Літвы. Праз некаторы час І. І. Вільджунас, які застаўся з невялікай групай у нарачанскіх лясах, пры дапамозе беларускіх партызан брыгады імя К. Я. Варашылава сфарміраваў з савецкіх патрыётаў навакольных населеных пунктаў новы партызанскі атрад [9, с. 361; 2, с. 181, 184–185; 11, с. 99].

Асноўным месцам узаемадзеяння беларускіх і літоўскіх партызан з чэрвеня 1943 г. і да ліпеня 1944 г. сталі казянскія і нарачанскія лясы. Групы, атрады і брыгады суседніх рэспублік разам наносілі ўдары па камунікацыях і гарнізонах ворага, змагаліся з карнымі экспедыцыямі праціўніка. Падчас аперацыі «рэйкавая вайна» беларускія брыгады імя М. Ф. Гастэлы, «Спартак» сумесна з літоўскімі партызанамі з брыгады «Жальгірыс», атрадаў «Вільнюс», імя К. Каліноўскага, «Маргерыс», «Бічуляй» наносілі ўдары па праціўніку на камунікацыях Вільнюс – Даўгаўпілс, Вільнюс – Мінск, Даўгаўпілс – Кёнігсберг, Вільнюс – Гродна. Агульнымі намаганнямі чыгуначная лінія Паставы – Варапаева была выведзена з эксплуатацыі да прыходу ў рэгіён Чырвонай Арміі. Для больш эфектыўнай дыверсійнай дзейнасці на чыгунцы ажыццяўляўся ўзаемаабмен разведдадзенымі, узаемадапамога ўзрыўчаткай, перадавымі метадамі падрыўной справы. Напрыклад, камандзір літоўскага атрада «Жальгірыс» Б. Урбанавічус па просьбе камандавання беларускіх брыгад «Спартак» і імя К. Я. Варашылава

на працягу двух тыдняў падрыхтаваў для гэтых партызанскіх фарміраванняў каля 80 мінёраў. Мела працяг узаемадзеянне партызан пры правядзенні дыверсій на чыгунцы і ў 1944 г., асабліва падчас летняга наступлення Чырвонай арміі [14, с. 311–312; 9, с. 363; 10, с. 478; 17, с. 321; 2, с. 174; 5, с. 616; 5, с. 105–106].

Найбольш распаўсюджаным відам узаемадзеяння беларускіх і літоўскіх партызан, якія базіраваліся на тэрыторыі Вілейшчыны з вясны 1943 г. і да ліпеня 1944 г., былі сумесныя напады на апорныя пункты акупантаў. Ужо ў красавіку 1943 г. атрад «Кастрычнік» і літоўскія партызанскія падраздзяленні на чале з П. Пранявічусам і А. Зайцасам па загадзе БШПР разграмілі базу «народнікаў» у населеным пункце Лужкі за 20 кіламетраў на паўночны захад ад райцэнтра Пліса. Першай буйной сумеснай аперацыяй супраць гарнізонаў ворага быў налёт летам 1943 г. брыгады імя К. Я. Варашылава і літоўскага атрада «Вільнюс» на акупантаў у райцэнтры Мядзел. Падчас нападу партызаны захапілі вялікую колькасць зброі, харчоў і абмундзіравання. Нягледзячы на тое, што апорныя пункты ворага былі абнесены калючым дротам, мелі ўмацаваныя абарончыя кропкі і сістэму траншэй, беларускія і літоўскія партызаны рэгулярна наносілі ўдары па гэтых базах ворага. Некалькі баявых аперацый давялося правесці беларускім і літоўскім партызанам, каб разграміць гарнізон Шэметава, які налічваў 150 акупантаў. Толькі сабраўшы значныя сілы, народныя мсціўцы змаглі поўнасцю ліквідаваць гэты апорны пункт праціўніка. Пра важнасць барацьбы з варожымі гарнізонамі ў дзейнасці партызан суседніх рэспублік сведчыць той факт, што за студзень – май 1944 г. беларускія брыгады «Спартак», імя К. Я. Варашылава, імя Ленінскага камсамола, асобны атрад «Баец» разам з літоўскімі партызанскімі фарміраваннямі «Жальгірыс», «Вільнюс», імя К. Каліноўскага, імя А. Міцкевіча, «Бічуляй» правялі больш за 30 буйных нападаў на гарнізоны акупантаў. Адзін з такіх удараў у навагоднюю ноч быў скіраваны па праціўніку ў райцэнтры Відзы. У выніку імклівых дзеянняў байцы з брыгады «Спартак», атрадаў «Жальгірыс» і імя К. Каліноўскага захапілі чатыры станковыя кулямёты, шмат аўтаматаў і вінтовак. Некалькі паспяховых аперацый правялі ва ўзаемадзеянні беларускія і літоўскія партызаны супраць нямецкіх гарнізонаў на чыгунцы Вільнюс – Даўгаўпілс [4, с. 311; 9, с. 363; 8, с. 320; 2, с. 173, 187–188; 5, с. 610; 11, с. 106–107].

Падчас аперацыі «Баграціён» партызаны прынялі ўдзел у вызваленні больш чым 50 населеных пунктаў Беларусі і тым самым аказалі значную дапамогу войскам Чырвонай арміі ў падаўленні ачагоў супраціўлення ворага. Адна з такіх аперацый была праведзена народнымі мсціўцамі Беларусі і Літвы супраць акупантаў у райцэнтры Відзы Вілейскай вобласці. У ноч з 28 на 29 чэрвеня 1944 г. байцы брыгады «Спартак» і літоўскіх атрадаў імя К. Каліноўскага і «Жальгірыс» пад агульным кіраўніцтвам сакратара Паўночнага падпольнага абкама М. Ю. Шумаўскаса акружылі населены пункт і штурмам авалодалі Відзамі. Затым да падыходу часцей 6-й

гвардзейскай арміі партызаны на працягу некалькі дзён утрымлівалі райцэнтр, адбіваючы атакі германскіх акупантаў [1, с. 122; 9, с. 363; 10, с. 478; 5, с. 616; 11, с. 107].

Слаўная старонка гісторыі баявой садружнасці беларускіх і літоўскіх партызан – сумесная барацьбы супраць карных акцый германскіх акупантаў і іх паслугачоў. Напады карных атрадаў на беларускіх і літоўскіх партызан мелі месца ўжо ў першыя дні знаходжання аператыўнай групы ЦК КП(б) Літвы і яе атрадаў на Вілейшчыне. Так, 11 мая 1943 г. брыгада імя К. Я. Варашылава і літоўскі атрад «Вільнюс» падчас перамяшчэння з казянскіх лясоў у Нарачанскую зону каля вёскі Антоны ўступілі ў сутыкненне з групіроўкай праціўніка, сфарміраванай з ваеннаслужачых навакольных гарнізонаў. У выніку 9-гадзіннага бою пад кіраўніцтвам камбрыга Ф. Р. Маркава беларускія і літоўскія атрады падбілі два бронетранспарцёры, знішчылі дзясяткі акупантаў і не дазволілі пераўзыходзячым сілам праціўніка акружыць партызан. Яшчэ адзін бой на маршы адбыўся летам 1943 г. у Докшыцкім раёне, дзе партызанскі атрад аператыўнай групы ЦК КП(б) Літвы на чале з Г. Зіманасам разам з брыгадай імя ЦК КП(б)Б (камандзір А. Д. Мядзведзеў) адбілі нападзенне буйнога карнага атрада і нанеслі яму сурьёзны ўрон [9, с. 363;11, с. 104].

З мэтай ліквідацыі партызанскага руху ў Вілейскай вобласці і спынення яго распаўсюджвання на тэрыторыі Літвы і Латвіі германскае камандаванне неаднаразова з восені 1943 г. і да лета 1944 г. накіроўвала буйныя карныя экспедыцыі ў месцы сумеснага базіравання беларускіх і літоўскіх партызанскіх фарміраванняў. Пры правядзенні найбуйнешай з іх пад кодавай назвай «Фрыц» (верасень – кастрычнік 1943 г.) акупанты для акружэння беларускіх брыгад імя М. І. Калініна (Ф. Н. Гаўрыленка), імя Г. К. Жукава (П. Я. Сырамаха), імя К. Я. Варашылава, «Спартак» і інш., а таксама партызанскіх атрадаў аператыўнай групы ЦК КП(б) Літвы ў раёне нарачанскіх і казянскіх лясоў прыцягнулі чатыры баявыя групы колькасцю да 20 тысяч карнікаў, 12 артбатарэй, 20 танкаў і 40 самалётаў. Спачатку праціўніку ўдалося блакіраваць партызан Нарачанскай зоны. Адпаведна з рашэннем экстраннай нарады каманднага складу партызанскіх брыгад і атрадаў народныя мсціўцы пазбягалі адкрытых баёў з карнікамі і прарываліся ў тую мясцовасць, дзе было больш магчымасцей для манеўрыравання. Так, літоўскія партызаны арганізавалі прарыў у паўднёва-заходнім напрамку ў бок Мядзельшчыны. У кастрычніку 1943 г. працягам карнай экспедыцыі «Фрыц» стала наступленне акупантаў на казянскія лясы з Друі, Мер, Шаркаўшчыны, Глыбокага, Відзаў, Слабодкі і іншых месцаў іх канцэнтрацыі. Маючы значную перавагу, карнікам удалося сціснуць кальцо і прасунуцца ў глыб ляснога масіву. Партызаны суседніх рэспублік сумесна арганізавалі рухомую кругавую абарону і два тыдні вялі баі ў акружэнні. У гэты цяжкі час значную дапамогу беларускім партызанам боепрыпасамі аказалі літоўскія партызаны пад камандаваннем М. Ю. Шумаўскаса. Пасля звужэння кола блакады да 5 кіламетраў партызанскія фарміраванні разбіліся на невялікія

падраздзяленні і пры адступленні мініравалі дарогі, вялі засадныя баі і ў некалькіх месцах прарвалі абарону. У нарачанскія лясы перайшлі партызаны брыгады «Спартак» і іншых беларускіх фарміраванняў, літоўскага атрада «Жальгірыс», а таксама аператыўная група ЦК КП(б) Літвы. Брыгада імя Г. К. Жукава прабілася ў паўднёвым напрамку, фарсіравала Дзісну і выйшла ва Ушацкі раён. У канцы кастрычніка – пачатку лістапада 1943 г. беларускія і літоўскія партызаны вярнуліся на ранейшыя месцы дыслакацыі ў казянскіх і нарачанскіх лясах [1, с. 608; 6, с. 421–422; 2, с. 185–187].

Нягледзячы на пастаянны жорсткі пераслед з боку германскіх захопнікаў, найперш у выглядзе карных акцый, якія не спыняліся і ў першай палове 1944 г., партызаны суседніх рэспублік працягвалі праводзіць аперацыі на камунікацыях праціўніка і рабіць напады на яго гарнізоны як на тэрыторыі Вілейшчыны, так і Літвы.

Узаемадзеянне беларускіх і літоўскі партызанскіх фарміраванняў на працягу 1942–1944 г. ажыццяўлялася па розных напрамках і было скіравана на аказанне ўсебаковай дапамогі гераічнай барацьбе Чырвонай арміі на франтах Вялікай Айчыннай вайны, падрыў усёй сістэмы акупацыйнага рэжыму ў рэгіёне. Варта адзначыць, што органы ЦК КП(б)Б і партызанскія фарміраванні Беларусі аказалі значны ўплыў на арганізацыйнае ўмацаванне літоўскіх партызан, на іх падрыхтоўку да ўзброенай барацьбы супраць германскіх захопнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

2. Люди нарочанского края : воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. – Минск : Беларусь, 1975. – 592 с.

3. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

4. Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945: в 3 кн. – Рига : Лиесма, 1966. – Кн. 1. – 369 с.

5. Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечеств. войны : сб. ст. / ред.-сост. В. Е. Быстров. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Гослитиздат, 1963. – 799 с.

6. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.) : сб. воспоминаний. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.

7. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 68.

8. *Хацкевич, А. Ф.* Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР / А. Ф. Хацкевич, Р. Р. Крючок. – Минск : Наука и техника, 1980. – 320 с.

9. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. Т. 3. – Минск, 1985. – 531 с.
10. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / гал. рэд. калегія.: І. М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 1975. – 640 с.
11. *Филимонов, А. А.* В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А. А. Филимонов. – Минск, 2005. – 126 с.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 76.
13. В дни войны: из истории Латвии периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1964. – 292 с.
14. *Захаров, И. К.* Война в краю озер / И. К. Захаров. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1973. – 319 с.
15. *Мацко, А.* Боевое братство партизан / А. Мацко // Коммунист Белоруссии. – 1982. – № 9. – С. 46–53.
16. Памяць : гіст.-дак. хроніка Расонскага р-на. – Мінск : БелЭн, 1994. – 557 с.
17. *Климов, И.* Партизаны Вилейщины / И. Климов, Н. Граков. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск : Беларусь, 1970. – 420 с.

С. В. Кулинок

НЕМЕЦКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Деятельность немецких разведывательных школ на территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны до сих пор не становились объектом комплексного самостоятельного исследования. Отдельные работы по данной проблеме грешат неточностями и нуждаются в серьезных коррективах [1; 2; 3]. Большинство исследований по истории немецких спецслужб легли в основу «Сборника справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», который состоял из двух частей: «Германская военная разведывательная и контрразведывательная служба “Абвер”» и «Главное управление имперской безопасности Германии – РСХА и подчиненные ему органы» [4]. Эта работа носила закрытый характер и предназначалась для внутреннего использования.

В статье мы рассмотрим основные количественные характеристики и особенности деятельности немецких спецшкол на территории следующих регионов Советского Союза: Беларусь, Украина, Прибалтика и Россия. Работа немецких спецслужб по созданию разведывательно-диверсионных школ на территории БССР подробно рассмотрена автором в следующих

публикациях [5; 6; 7; 8]. Кратко резюмируя, отметим следующие основные особенности. Во-первых, основным направлением деятельности немецких секретных школ и курсов был «противопартизанский вектор». Подготовку агентуры для заброски в тыл СССР и Красной армии осуществляли около 30 % школ, в то время как абсолютное большинство готовило кадры для борьбы с «лесными солдатами». В 1943 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П. Пономаренко использовал даже понятие «противопартизанские школы» [9, с. 57].

Во-вторых, это новые оценки количественных данных по учебным центрам. Данные о 22 (25) школах, созданных в БССР в период оккупации, морально устарели и на сегодняшний день уже не актуальны. Последние исследования позволяют говорить о деятельности минимум 50 мест стационарной подготовки немецкой агентуры [10].

В-третьих, это активная деятельность по организации специальных центров подготовки не только структурами абвера, но и другими оккупационными и секретными службами (Тайной полевой полицией ГФП, полицией и службой безопасности СД, айнзатцгруппами и командами, жандармерией). В некоторых городах одновременно могли действовать сразу несколько учебных центров. Например, в Минске действовало минимум пять школ немецких спецслужб [11]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Борисове. Помимо известной абвершколы «Сатурн», в городе функционировала «школа гестапо» [12, оп. 2, д. 65, л. 3–4]. Кроме того, в период оккупации там же действовала так называемая «школа специалистов» под руководством генерала Андрея Севостьянова. Школа работала под прикрытием «Организации Тодта» и готовила диверсантов узкого профиля [15, оп. 2, д. 56, л. 88–89]. Действовали в Борисове и курсы разведчиков, организованные ГФП. Они работали около трех недель. На курсах занималось 10–12 человек [13, оп. 21, д. 75, л. 25–25]. В Волковыске кроме мужской школы «существует женская шпионская школа, в которой обучаются 15 девушек. Школа находится в женской гимназии» [13, оп. 2, д. 56, л. 120].

В-четвертых, важным представляется определить общее количество агентов, подготовленных в спецшколах. К сожалению, точных цифр по данному вопросу на сегодняшний день в белорусской историографии нет. По сведениям разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) только партизанами БССР было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584. Из числа взятых на учет было арестовано и расстреляно 7 464 человек, в том числе 5 584 немецких шпионов, диверсантов и террористов [12, оп. 3, д. 115, л. 24–27]. Следует учитывать, что в это число включены агенты-единоличники, которые не прошли стационарного обучения. По нашим подсчетам за годы оккупации спецшколы на территории БССР осуществили более 150 выпусков агентуры общим количеством от 15 до 17 тысяч человек.

Если говорить об особенностях деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Украины, то следует выделить следующие особенности. Во-первых, это открытость архивов украинских спецслужб для исследователей. В 2000-е гг. был издан ряд указов, которые снимали ограничительные доступы к документам советских спецслужб: «О подготовке реестров рассекреченных архивных фондов (1991–2000)» (от 21 марта 2001), «О пересмотре секретов бывшего СССР» (от 2 ноября 2001), а также «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине» [13].

Во-вторых, это глубокое вплетение в историю оккупации проблемы «национально-освободительного движения» (ОУН-УПА) [14; 15; 16; 17]. Дело в том, что эти структуры также имели свои разведывательные и контрразведывательные органы и значительное количество агентуры [18].

В-третьих, на оккупированной территории УССР активно действовали разведслужбы государств-союзников Германии – Румынии и Венгрии, которые также активно использовали местную агентуру. За годы оккупации чекисты выявили на территории Украины 791 агента румынской разведки и 20 – венгерской [19, с. 83].

Если говорить об основном направлении деятельности спецшкол на территории Украины, то оно в большей степени было ориентировано на подготовку агентуры для заброски в тыл Советского Союза и Красной армии. Во-многом это связано с большой активностью на данной территории немецкого высокоэффективного разведывательного и пропагандистского органа – «Унтернемен Цеппелин» («Предприятие Цеппелин») [20, с. 327–356].

Если рассмотреть вопрос о количественных аспектах деятельности немецких спецшкол, то единого мнения в украинской историографии на сегодняшний день нет. Историк А. Иванков отмечает, что «в ходе войны только по линии абвера и РСХА на советско-германском фронте было создано 33 школы и множество курсов. В частности, на оккупированной территории Украины действовало 15 разведывательно-террористических школ и курсов» [1, с. 76]. Известный исследователь А. Чайковский, в свою очередь, указывает: «Таких заведений на землях Украины во время фашистского нашествия было по меньшей мере три десятка. Каждые два-три месяца они выпускали почти 1500 человек, а на протяжении 1942 г. всего подготовили около 10 тыс. специалистов» [21, с. 201]. В историографии приводятся данные о деятельности учебных центров в селе Андреевка, Артемовске, Белгороде (подготовка детей), поселке Буды (Харьковская область), Волновахе, Житомире, Запорожье, Конотопе, Краматорске, Макеевке, Мелитополе, Мценске (подготовка детей), Райгородке, Олевске, Полтаве (пять), Протопопово, Славянске (подготовка детей), Симеизе, Симферополе, Тавеле. Архивные документы дополняют эти данные школами в Киеве [12, оп. 2, д. 57, л. 300], Днепропетровске [12, оп. 21, д. 2, л. 34–36],

Чернигове [12, оп. 2, д. 56, л. 18–19], Могилев-Подольске [22], селе Гущенци (Винницкая обл.) [23, т. 1, л. 9], селе Воронивица (Винницкая обл.) [23, т. 2, л. 6 об.]. Эти данные еще требуют уточнения, однако можно говорить о том, что общее количество школ будет превышать 30.

Установить общее количество подготовленной агентуры на сегодняшний день представляется проблематичным. Если говорить о выявленной и разоблаченной агентуре, то можно привести следующие данные. В «партизанских объединениях и отрядах Украины было раскрыто и уничтожено 1 069 человек, в том числе 930 агентов противника и 139 изменников. Среди местного населения было выявлено и ликвидировано 8 вражеских агентов и 1 790 человек, которых квалифицировали как изменников, а всего по двум категориям – 2 927» [24, с. 278, 299]. По линии НКВД/НКГБ историки приводят следующие данные: всего за период войны контрразведчики обезвредили на территории Украины 7 849 агентов спецслужб противника, из которых 6 951 агент немецкой разведки. Из них 2 574 агентов были оставлены противником перед отступлением, 508 были заброшены в советский тыл, а 175 – завербованы еще в довоенный период [19, с. 83]. Как мы видим из приведенных данных – они весьма значительны.

Территория Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) также активно использовалась немецкими спецслужбами как площадка для обучения квалифицированной агентуры. К сожалению, из специальных исследований по обозначенной проблеме можно выделить лишь работу Л. Баркова [25], посвященную противостоянию абвера в Эстонии. Отмечая особенности этого региона, укажем, что позиции немецкой разведки в этих странах были достаточно крепкими и успели сформироваться еще в межвоенный период. Историк Барков, в частности, отмечает: «Ни в одной европейской стране, пожалуй, германская разведка не запустила свои щупальца так глубоко, как в… Эстонии» [25, с. 71].

Поскольку партизанское движение в Прибалтике было развито слабо, то основным направлением подготовки агентуры было ее обучение с последующей засылкой, в основном, на территорию СССР и в части Красной армии. Вместе с этим часть курсантов готовилась для заброски в партизанские соединения на сопредельных территориях – в Беларусь и северо-западные регионы России [26, оп. 33а, д. 151, л. 273–275; д. 400, л. 279–281; 27, оп. 1, д. 976, л. 30; 12, оп. 4, д. 411, л. 166–167]. На сегодняшний момент автором выявлены учебные центры в следующих городах и населенных пунктах (возможно различное написание): Балдоне, Балт-Эзерс, Валга, Вано-Нурси, Вяцати, Двинск, Каунас, Кейла-Юа, Летсе, Люцин, Миентариус, Мыза-Кумна, Предайне, Резнеке, Рига, Стренчи, Таллинн, Ульброк, Царниково, Цесне. Всего около 20 школ.

Точных данных о количестве подготовленной агентуры пока нет. В большинстве школ одновременно обучалось от 30 до 80 агентов. Вместе с этим через школу в Стренчи за годы войны прошло более 5 тысяч радистов, разведчиков и диверсантов [28, с. 56].

Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ на территории РСФСР также не являлось объектом самостоятельного исследования. Определенная часть материалов была опубликована в сборниках документов [29; 30; 31]. Значительный объем документов о деятельности спецшкол и курсов хранится в Национальном архиве Республики Беларуси, так как некоторые заведения готовили агентуру для заброски в леса и партизанские зоны Беларуси [12, оп. 1, д. 857, л. 37, 50, 141–142; 12, оп. 2, д. 57, л. 41–41об.; 12, оп. 2, д. 1300, л. 109; 12, оп. 21, д. 1, л. 131, 133 об. –134]. Нами выявлены учебные центры в Брянске, Великих Луках, Гатчине, Клинцах, Краснодаре (три), Красном Боре, Мценске, Опочке, Орле, Остере, Петрозаводске, Пустошке, Ржеве, Рославле, Смоленске, Спас-Деменске, Торопце. Этот список неполный и будет уточняться. Общее количество подготовленной агентуры пока установить сложно. По приблизительным оценкам цифра может колебаться от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч агентов.

Подводя итог, отметим, что на территории СССР немецкие спецслужбы развернули густую сеть учебных заведений по подготовке квалифицированной агентуры. Они имели различную специализацию в зависимости от региона расположения. Общее количество открытых школ в историографии определяется следующим образом: «на советско-германском фронте в годы войны действовало свыше 130 военно-разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов противника, а также около 60 различных школ для подготовки агентуры» [32, с. 155; 33, с. 537]. Как видно из приведенных данных, можно утверждать, что это количество было значительно большим: Беларусь – минимум 50, Украина – более 30, Прибалтика – около 20, Россия – около 20–30 школ и курсов.

Установить хотя бы приблизительное количество обученных за годы войны агентов пока не представляется возможным. Эта проблема требует отдельного исследования. По весьма общим и предварительным данным эта цифра может приближаться к 60 тысячам агентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванков, А. В.* Агентурные кадры немецко-фашистской разведки и использовавшиеся ею формы и методы подрывной деятельности против СССР / А. В. Иванков. – К. : Вид-во гуманiт. л-ри, 2010. – 84 с.
2. *Иоффе, Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э. Г. Иоффе. – Минск : Харвест, 2007. – 384 с.
3. *Чуев, С. Г.* Разведывательные и диверсионные школы абвера / С. Г. Чуев // Военно-исторический архив – 2002. – № 9. – С. 94–124; № 11. – С. 122–146.
4. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1952. – 644 с.

5. *Кулинок, С. В.* Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Брестской области в 1942 – 1944 гг. / С. В. Кулинок // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2017. – № 2. – С. 16–21.
6. *Кулинок, С. В.* Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы / С. В. Кулинок // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2014. – Вып. 15. – С. 57–68.
7. *Кулинок, С. В.* Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. – 2016. – № 4. – С. 74–86.
8. *Кулинок, С. В.* Немецкие разведывательно-диверсионные школы на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 22. – С. 39–44.
9. *Пономаренко, П. К.* Партизанское движение в Великой Отечественной войне / П. К. Пономаренко. – М. : Госполитиздат, 1943. – 58 с.
10. *Кулинок, С. В.* Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования / С. В. Кулинок // Российские и славянские исследования: сб. науч. тр. Вып. 11. – Минск : БГУ, 2016. – С. 85–91.
11. *Кулинок С. В.* К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып 13: у 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015. – С. 141–148.
12. НАРБ. – Ф. 1450.
13. *Ворожко, В.* Архіви радянських спецслужб як джерело історичних досліджень / В. Ворожко // Історико-культурна спадщина: збереження доступ, використання: збірка наукових праць. – Тернопіль: ФОП Шпак В. Б., 2017. – 234 с. – С. 63–67.
14. *Білбас, І. Г.* Каральні військові підрозділи НКВС-МДБ у боротьбі з ОУН-УПА / І. Г. Білбас // Державність. – 1992. – № 4. – С. 47–54.
15. *Лаврищук, В. І.* Українська повстанська армія та радянські партизани / В. І. Лаврищук // Сторінки воєнної історії України. – К., 2000. – Вип. 4. – С. 95–100.
16. *Патриляк, І.* Протистояння українського визвольного руху нацистам та їхнім союзникам (1943–1944 рр.) / І. Патриляк // Українська Друга світова: Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні (5 травня 2015 р., м. Київ). – Київ : К.І.С., 2015. – С. 134–179.

17. *Чайковський, А. С.* ОУН-УПА і гітлерівські спецслужби: до історії співробітництва / А. С. Чайковський // Актуальні проблеми регіональних досліджень Великої Вітчизняної війни : Матеріали Міжнародної наукової конференції (Харків, 20–21 вересня 2013 р.). – Харків : Колегіум, 2013. – 300 с. – С. 5–26.
18. *Вєдєнєєв, Д. В.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА. 1920–1945 / Д. В. Вєдєнєєв, Г. С. Биструхін. – К. : Генеза, 2006. – 408 с.
19. *Веденеев, Д. В.* Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території України в 1941–1944 рр. / Д. В. Веденеев, О. Е. Лисенко // Український історичний журнал. – 2015. – № 1. – С. 69–91.
20. *Ямпольский, В. П.* Организация и деятельность «Цеппелина» / В. П. Ямпольский, В. Ф. Богодист // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. – М. : Кучково поле, 2008. – 416 с. – С. 327–356.
21. *Чайковський, А. С.* Невідома війна: (Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. Мовою документів, очима істориків) / А. С. Чайковський. – К. : Україна, 1994. – 255 с.
22. Галузевий державний архів СБ України. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 374.
23. Галузевий державний архів СБ України. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 452.
24. *Кентій, А.* Війна без пощади і милосердя. Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні(1941–1944) / А. Кентій, В. Лозицький. – К. : Генеза, 2005. – 408 с.
25. *Барков, Л. И.* В дебрях абвера / Л. И. Барков. – Таллин : Ээсти раамат, 1971 – 126 с.
26. НАРБ. – Ф. 4п.
27. НАРБ. – Ф. 1405.
28. *Терещенко, А.* Военная контрразведка. Эпизоды борьбы / А. Терещенко. – М. : Издат. дом «Аргументы недели», 2015. – 320 с.
29. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1. – Краснодар : Диапазон-В, 2005. – 816 с.
30. Огненная дуга. Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. – М. : АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.
31. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. – М. : Русь, 2003. – 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. – М. : Русь, 2008. – 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. – М. : Русь, 2008 – 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. – М. : Кучково поле, 2007. – 752 с.
32. *Остряков, С. З.* Военные чекисты / С. З. Остряков. – М. : Воениздат, 1979. – 320 с.

33. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. С. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 2000. – 863 с.

И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. По мере того, как все более явственно вырисовывалась перспектива победы над Германией, союзники по антигитлеровской коалиции все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем. Если в Москве эти вопросы пока еще находились на втором месте, а внимание целиком поглощала ситуация на фронте, то в столицах союзников все больше задумывались о плодах победы. Точки зрения СССР, США и Великобритании на послевоенное устройство мира далеко не во всем совпадали. Советскому правительству не удалось включить в союзный договор с Англией, подписанный 26 мая 1942 г., принципиальный вопрос о признании границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. США решительно поддерживали правительство У. Черчилля в этом вопросе, несмотря на то, что Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом.

Наибольшую активность в продвижении своего видения послевоенного мира предпринимали Соединенные Штаты. В декабре 1942 г. Ф. Рузвельт обсуждал эти вопросы в многочасовых переговорах с премьер-министром Канады М. Кингом. 7 января 1943 г. президент впервые остановился на вопросах послевоенного мироустройства в ежегодном послании конгрессу. «Победа в войне, – заявил он, – наша первая и величайшая задача. Другая задача – победа в организации мира» [1, с. 688]. Д. Эйзенхауэр, вспоминая о своей беседе с Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке, проходившей в январе 1943 г., писал: «Хотя он и признавал всю серьезность военных проблем, все еще стоящих перед союзниками, многие из его высказываний относились к далекому послевоенному будущему, в том числе к судьбам колоний и территориальных владений» [2, с. 179].

Послевоенное будущее мира американский президент намеревался обсудить со своими главными союзниками. Он предпринял сложные дипломатические маневры, чтобы добиться двусторонней встречи с И. В. Сталиным. Но она не состоялась, и проблемы послевоенного мироустройства американским руководителям предстояло обсуждать только с Великобританией, для чего в марте 1943 г. в Вашингтон прибыл с трехнедельным визитом глава английской дипломатии А. Иден [1, с. 688].

Основное внимание на вашингтонских переговорах было уделено германскому вопросу. Особое беспокойство вызывало то обстоятельство, что разгром Германии в результате ударов Красной армии может привести к серьезным социальным потрясениям революционного характера. Специальный помощник президента США Г. Гопкинс, участвовавший в переговорах, вспоминал впоследствии: «Я сказал, что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии» [3, с. 385].

Участники переговоров пришли к мнению о необходимости, во избежание революционных событий, расчленения Германии на ряд слабых, нежизнеспособных государств и сохранения в Европе серьезного контингента американских и английских войск [1, с. 689].

Согласовывая свои подходы к решению европейских проблем, руководители США и Великобритании не могли не учитывать позицию Советского Союза. А. Иден вспоминал об этих переговорах в Вашингтоне: «Главный вопрос, который не выходил из головы Рузвельта, касался того, было ли возможно сработаться с Россией сейчас и после войны. Он хотел знать, что я думаю по поводу мнения, согласно которому целью Сталина являлся захват и подчинение коммунизму континента» [1, с. 690].

Со своей стороны Советское правительство, не принимая участия в переговорах, но предполагая направление хода дискуссий на них, сочло необходимым сообщить союзникам свою точку зрения по вопросам, затрагивающим интересы СССР. В частности, было заявлено, что западная граница Советского Союза по состоянию на день начала Великой Отечественной войны является окончательной [1, с. 689].

Отношения между СССР и США в годы Второй мировой войны были непростыми, но они претерпели серьезнейшую эволюцию, пройдя через напряженность в начальный период войны до сотрудничества во время Великой Отечественной войны. Но в Соединенных Штатах имелись влиятельные политические силы, их представители были и в Администрации президента, которые считали, что в намерение советского руководства входит реализация плодов победы в войне для своей выгоды и в ущерб Западу, что Советский Союз для США – «временный попутчик» и их пути в дальнейшем разойдутся, а конечные цели СССР не совпадают с целями Соединенных Штатов, да и сама природа советской власти, являясь революционной по своей сущности, остается прежней.

Президент Ф. Рузвельт придерживался несколько иной точки зрения, он верил в возможность «исторического компромисса» с Москвой. Как отмечал А. Гарриман, американский посол в Советском Союзе в 1943–1945 гг.: «Прежде всего он надеялся, что близость между нами, порожденная войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества» [1, с. 691]. Но в отношениях с Советским Союзом много зависело от позиции

Москвы, от тех принципов, преимущество которым отдаст И. В. Сталин, в отношениях со странами Запада – классовых, идеологических или деловых, прагматических.

Проработка конкретных проблем послевоенного устройства мира с наступлением коренного перелома в войне началось и в Москве. 4 сентября 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании при Наркоминделе двух комиссий – возглавляемой М. М. Литвиновым Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства и Комиссии по вопросам перемирия во главе с К. Е. Ворошиловым. Несколько позже была образована Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил бывший посол в Великобритании И. М. Майский. В них были задействованы опытные дипломаты, военные, другие специалисты. В закрытом режиме они занимались обсуждением поставленных перед Комиссиями задач и выработкой конкретных рекомендаций для их решения [4, с. 246].

Что же касается Германии, то по этому вопросу в советском экспертном сообществе еще не было достигнуто единства взглядов, хотя некоторые положения, как то: ликвидация ее военного потенциала и денацификация – не подвергались сомнению. В целом же, Комиссия М. М. Литвинова выступала за максимально жесткое обращение с побежденной Германией, а Комиссия К. Е. Ворошилова придерживалась более умеренных подходов, которые в конечном итоге и стали доминирующими [4, с. 247].

Определенное сходство в позициях и готовность идти на компромиссы были подтверждены и на первой за годы войны межправительственной встрече ведущих участников антигитлеровской коалиции, которой явилась состоявшаяся в Москве в октябре 1943 г. конференция министров иностранных дел.

Вопрос «об обращении с Германией» занимал важное место в планах союзников. Для Советского Союза главной была проблема второго фронта. В итоге, по данным советской разведки, Англия и США не питали особых надежд на принятие решений по Германии на этой конференции. В одном из разведдонесений говорилось, например: «Иден считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу» [5, с. 432–433].

Пожалуй, самым важным шагом в этом направлении было принятие Московской конференцией «Декларации об Австрии». Вопрос был поднят английской делегацией. Еще в июле 1943 г. в министерстве иностранных дел Великобритании был составлен обширный документ «Будущее Австрии», в котором обосновывалась необходимость восстановления независимого австрийского государства. Документ был принят во внимание при обсуждении декларации об Австрии 25 октября 1943 г. В поддержку австрийской независимости неоднократно выступали руководители Великобритании и США. У. Черчилль еще 9 ноября 1940 г. заявил, что

«Австрия является одной из тех стран, ради которых мы обнажили меч и которым наша победа принесет освобождение». Об этом в палате общин также говорил 9 ноября 1942 г. и министр иностранных дел Антони Иден. Американское правительство никогда не придерживалось той точки зрения, что Австрия на законном основании включена в состав германской империи. Решительно в поддержку австрийской независимости высказывались находящиеся в эмиграции в Англии чехословацкие государственные деятели [6, с. 301, 303, 671, 672].

В принятой конференцией декларации признавалась незаконность аншлюса и подчеркивалось желание трех держав видеть «восстановленной свободную и независимую Австрию» [4, с. 281].

Одним из знаковых итогов конференции было подписание «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Она была принята по инициативе британского премьер-министра. Поводом послужила ситуация на Додеканесских островах, архипелаге расположенном в юго-восточной части Эгейского моря. На одном из островов, на острове Кос, немцами были расстреляны 100 итальянских офицеров. Сообщая об этом британскому кабинету 8 октября 1943 г., У. Черчилль заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединенных Штатов и России о том, что такое же количество германских офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда» [4, с. 288–289].

Свои соображения по этому вопросу У. Черчилль изложил в послании И. Сталину, полученном в Москве 13 октября 1943 г. Публикация специального документа за подписями руководителей союзных государств вызвала бы, по мнению британского премьер-министра, «у некоторых из этих негодяев опасение быть замешанными в этих убийствах, особенно теперь, когда они знают, что они будут побеждены. … Пусть те, кто еще не обагрил свои руки невинной кровью, будут предупреждены, чтобы они не оказались в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и выдадут их обвинителям, чтобы могло свершиться правосудие» [7, с. 194].

В своем послании советскому руководителю У. Черчилль также отмечал, что принятие союзниками подобной декларации может способствовать тому, что «у многих немцев может заговорить совесть, если они будут знать, что их вернут обратно, и будут судить в той стране и, возможно, на том самом месте, где были совершены их жестокие действия» [7, с. 195].

25 октября 1943 г. заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский вручил английскому послу в Москве К. Керру и американскому А. Гарриману памятную записку о согласии советского правительства с предложенным У. Черчиллем проектом Декларации союзных государств об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства [7, с. 431].

Особое значение имело решение, принятое на конференции о создании, располагавшейся в Лондоне Европейской консультативной комиссии (ЕКК). Оно свидетельствовало о новом уровне в сотрудничестве государств антигитлеровской коалиции. Создавался механизм совместного обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий и определением направления строительства послевоенного будущего Германии. ЕКК начала свою работу с 14 января 1944 г. [6, с. 678].

С началом Великой Отечественной войны в Советском Союзе возникло еще одно направление, связанное с решением германского вопроса. Оно заключалось в работе с немецкими военнопленными. Первоначально их было не очень много – 9 147 человек по состоянию на 1 января 1942 г. и 19 782 на 19 ноября 1942 г. [8, с. 158].

В этих условиях проведение работы по политической переориентации бывших военнослужащих гитлеровского вермахта приобретало особую значимость. Координирующим органом в этом вопросе было созданное вскоре после нападения Германии на СССР Бюро военно-политической пропаганды при ЦК ВКП(б). Конкретная работа была возложена на управление спецпропаганды Главного политического управления РККА (Седьмое управление), которое возглавлял полковник М. И. Буруев, и управление НКВД по делам военнопленных и интернированных (УПВН НКВД СССР) [9, с. 20; 10, с. 20]. Инструкторы по специальной пропаганде (позже они стали называться инструкторами по антифашистской работе), имея соответствующую подготовку (совершенное знание языка военнопленных, историю страны, психологию, традиции и обычаи народа), в официальной и неофициальной обстановке должны были осуществлять массированную политико-воспитательную работу среди немецких военнопленных.

Первого незначительного успеха удалось достичь в августе 1941 г. в лагере № 58 (г. Темников Мордовской АССР), где специальная группа под руководством секретаря Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильского проводила работу по составлению и подписанию документа, изобличающего агрессивную политику фашистской Германии. Из 30 военнопленных рядового состава, давших предварительное согласие на подписание, а в лагере содержалось 946 рядовых и 28 офицеров, после нескольких туров индивидуальной обработки под антифашистским документом свои подписи поставили лишь шесть человек. Началом же антифашистского движения можно считать октябрь 1941 г., когда 158 немецких военнопленных подписали документ, получивший название «Обращение 158» [9, с. 20].

Сдерживающим фактором перехода немецких военнопленных на открытые антифашистские позиции был, с одной стороны, страх репрессий гестапо по отношению к их семьям, а с другой – высокоразвитое чувство долга и верность военной присяге, что в начальный период войны недооценивали советские пропагандисты. В итоге, к концу 1942 г. из почти 10 тыс. немецких военнопленных только 1 467 человек принимали активное участие в антифашистском движении [9, с. 21].

Разгром 6-й немецкой армии под Сталинградом в январе–феврале 1943 г., коренной перелом в войне способствовали росту антигитлеровских настроений среди немецких военнопленных, как солдат, так и офицеров. К середине 1943 г. эти тенденции приняли такие размеры, что при соответствующем организационном оформлении и целевом направлении могли быть использованы для разложения тыла и фронта противника.

К началу июля 1943 г. вся подготовительная работа по созданию антифашистской организации немецких военнопленных была завершена, и 12–13 июля в лагере № 27 в подмосковном городе Красногорске состоялась учредительная конференция [9, с. 22; 11, с. 7]. Кроме делегатов от военнопленных солдат и офицеров на ней присутствовали, находившиеся в СССР немецкие общественные и профсоюзные деятели, депутаты рейхстага. На учредительной конференции был избран Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) из 38 членов. Его возглавил писатель Эрих Вайнерт [10, с. 8]. НКСГ имел в действующей Красной армии фронтовых уполномоченных, доверенных лиц в армиях и дивизиях, боевые группы для нелегальной работы в тылу вермахта, группы движения «Свободная Германия» в сборных лагерях немецких военнопленных, воспитателей и преподавателей в антифашистских школах. Советское государство передало в распоряжение НКСГ радиостанцию, которая под названием «Радиостанция «Свободная Германия» ежедневно обращалась к немецкому народу и мировой общественности, являясь важным органом пропаганды антифашистских идей Национального комитета. Советское правительство также оказывало Национальному комитету содействие в издании еженедельной газеты «Freies Deutschland» («Свободная Германия»). Она пришла на смену издававшейся с конца 1941 г. газете для военнопленных «Das Freie Wort» («Свободное слово»). Только за 1943 г. Главным политуправлением РККА и политотделами фронтов было распространено среди немецких войск большое количество листовок, составивших 20 % от 849 257 000 изданных [9, с. 23].

После подготовительной работы 11–12 сентября 1943 года, на объекте № 15 (подмосковный поселок Лунёво), была проведена учредительная конференция «Союза немецких офицеров» (СНО). Его возглавил генерал Вальтер фон Зейдлиц [9, с. 22]. Союз присоединился к движению «Свободная Германия».

Со временем к работе «Союза немецких офицеров» присоединился и фельдмаршал Паулюс. Его привлечение к организации проводилось по специальному плану, утвержденному народным комиссаром внутренних дел СССР, руководством УПВИ НКВД СССР и ведущими членами СНО. 14 августа 1944 г. Паулюс вступил в СНО, после чего обратился по радио с воззванием к немецкому народу и военнопленным. Оно было также опубликовано в «Правде» и заграничной прессе [9, с. 23].

Создание НКСГ с пониманием было встречено многочисленными организациями немецких эмигрантов, деятелями науки и культуры (Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф, Гейнц Нибур, Курт Розенфельд и др.). О его программе одобрительно высказался ряд крупнейших газет и журналов США и Великобритании – «New York Herald Tribune», «Newsweek», «The Times», «The Manchester Guardian» [11, с. 35].

Однако в правительственных кругах Великобритании это событие вызвало определенную настороженность. Согласованная политика в германском вопросе была, естественно, непременным условием деятельности коалиции. А поэтому посол Великобритании в СССР К. Керр заявил В. М. Молотову 26 июля 1943 г., что образование в Советском Союзе комитета «Свободная Германия» вызвало в Англии большой интерес. Он настолько велик, что А. Идену, министру иностранных дел Великобритании, 27 июля в Палате общин будет сделан соответствующий запрос. Посол Керр намеревался получить дополнительную информацию по этому вопросу от советского наркома. Молотов сообщил, что комитет «Свободная Германия» – пропагандистский комитет. «Наши разведчики считают, – заявил он, – что этот комитет полезен с точки зрения увеличения врагов Гитлера в германском народе и в германской армии. Мы же считаем, что чем больше будет врагов у Гитлера, тем полезнее будет это для союзников» [6, с. 227]. Ответ, видимо, не полностью удовлетворил британский кабинет, поэтому 21 октября 1943 г. во время Московской конференции министров иностранных дел А. Иден спросил И. В. Сталина, что «русские делают с германским комитетом». Ответ Сталина был примерно такой же: «Германский комитет – это орган пропагандистский… Конечно, в германском комитете есть люди, которые мечтают о том, что они будут решать судьбы Германии. Однако нужно помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными» [6, с. 664].

При этом все же следует отметить, что определенные причины для беспокойства у западных политиков и дипломатов были. Они вытекали из появления планов создания «немецкой армии» и даже немецкого «правительства» на территории СССР. Российские исследователи отмечают, что «эти планы связываются обычно с именем главы СНО генерала Зейдлица, однако, скорее, следует говорить о «совместном творчестве» немецкого генерала и его кураторов из советских служб». Подтверждением этого является и тот факт, что 4 марта 1944 г. Лаврентий Берия направляет Сталину «Меморандум Зейдлица» с предложением «признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать немецкие освободительные войска» [12, с. 49–50].

Здесь следует отметить, что в «докладной записке», подписанной президентом Союза немецких офицеров генералом Вальтером фон Зейдлицем 16 февраля 1944 г., утверждалось, что правительство СССР «неоднократно давало понять, что видит в лице Национального комитета

«Свободная Германия» и Союза немецких офицеров нечто большее, чем просто пропагандистские организации, и ожидает от них большего. Оно выразило желание рассматривать Национальный комитет и Союз немецких офицеров как *зародыш* будущей свободной Германии…» [12, с. 51].

Если предположить, что отдельные руководители различных уровней советских спецслужб, осуществлявших кураторские функции по отношению к НКСГ и СНО, могли позволять подобное толкование мандата этих организаций, то для руководства страны это было недопустимо. Проект создания «немецкого правительства за рубежом» был связан с риском серьезных осложнений с союзниками вполне возможными их ответными мерами с использованием находившихся в их странах эмигрантов и военнопленных. Кстати, подобные планы уже прорабатывались [Там же].

Поэтому идеи, содержащиеся в «Меморандуме Зейдлица», поддержки не получили. И Сталин, и Молотов указали на чисто пропагандистский характер этих организаций, а на совещании начальников седьмых отделов фронтов, структур, занимавшихся работой по «разложению противника», 19 мая 1944 г. начальник Главного политуправления Красной армии А. С. Щербаков потребовал внимательно следить за Национальным комитетом «Свободная Германия», потому что у его руководителей, как он выразился, свои планы. Некоторые из них хотят противопоставить Советский Союз союзникам, столкнуть их. «Генерал Зейдлиц представил нам несколько документов. В них предлагалось объявить Национальный комитет немецким правительством, и дать тем самым ему возможность вести работу как Временному правительству или полуправительству. Нужно работать так, чтобы мы их использовали в целях победы Красной Армии и не допускать, чтобы они нас использовали». Несколько дней спустя, 25 мая 1944 г., Д. З. Мануильский сообщил А. С. Щербакову, что «составление «меморандума Зейдлица» было провокационным действием фашистской группы внутри «Союза немецких офицеров» [13, с. 46].

30 сентября 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия направил в СНК СССР на имя В. М. Молотова письмо, в котором сообщал, что «НКВД СССР считает необходимым прекратить деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», созданных в 1943 г. из числа военнопленных немцев. После поражения Германии надобность в этих организациях отпала, и в последнее время они фактически не работают». Предложение НКВД Молотов поддержал. 2 ноября 1945 г. состоялось последнее пленарное заседание Национального комитета, которое приняло решение о прекращении его деятельности и издания газеты «Свободная Германия» [6, с. 664].

После войны значительная часть активных участников НКСГ и СНО заняла видные посты в партийном и административно-управленческом аппарате ГДР.

Состоявшаяся 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании – подвела своего рода внешнеполитические итоги второго периода Великой Отечественной войны – периода коренного перелома. Кроме чисто военных вопросов на ней были затронуты и некоторые проблемы, касающиеся послевоенного будущего Германии. Ключевым здесь был вопрос о ее территориальном устройстве. Каждый из участников конференции имел свои планы разделения Германии. В Москве эти проекты разрабатывала комиссия Литвинова. Но на Тегеранской конференции И. В. Сталин с конкретными предложениями не выступал. Однако во время встречи с президентом США 29 ноября он высказал некоторые соображения по германскому вопросу. Они касались принятия эффективных мер для предотвращения агрессии в будущем, и в частности, в случае угрозы агрессии со стороны Германии, возможности «занимать важные в стратегическом отношении пункты». Рузвельт высказал полное согласие с мнением советской делегации [14, с. 105].

Послевоенное будущее Германии, а именно, его территориальный аспект обсуждался 1 декабря 1943 г. Ф. Рузвельт заявил: с целью «стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств». Районы Кильского канала и Гамбурга должны управляться Объединенными Нациями или четырьмя державами – США, Англией, СССР и Францией. Рурской и Саарской области следует быть поставленными под контроль Объединенных Наций либо попечителей всей Европы. Рузвельт при этом заметил, что это не категорическое требование Соединенных Штатов, а предложение для обсуждения [14, с. 149].

План У. Черчилля состоял из двух составных частей – изоляции Пруссии от остальной Германии и включения южных провинций в состав Дунайской конфедерации [14, с. 149].

Глава Советского правительства выступил против создания новых нежизнеспособных государственных объединений после раздробления Германии, а также поддержал независимое существование Австрии и Венгрии. После состоявшегося обмена мнениями, по предложению Рузвельта, было решено передать вопрос о послевоенном территориальном устройстве Германии на более тщательное изучение в Европейскую консультативную комиссию [14, с. 150].

Послевоенное устройство Германии было самым непосредственным образом связано и с проблемой польских границ. Руководители союзных держав высказались за удовлетворение территориальных претензий Польши за счет Германии. Британский премьер-министр предложил, «… что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав

Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах» [14, с. 150].

При обсуждении этого вопроса И. Сталин счел необходимым заметить, что Советский Союз не имеет незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому ему «нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически – это исконно славянские земли», – добавил Сталин [Там же].

Согласие союзников с этой позицией было высказано в личном послании У. Черчилля Сталину 20 февраля 1944 г., в котором он заявил, что «русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию» [7, с. 226].

Тегеранская конференция была первой за годы войны встречей лидеров ведущих стран антигитлеровской коалиции. На конференции восторжествовали принципы сотрудничества великих держав. Проблема Германии была тесно связана как с проведением согласованных мероприятий по завершению войны, так и с сотрудничеством стран Большой тройки в строительстве послевоенного мира. «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время», – говорилось в заключительной «Декларации трех держав», принятой на конференции [14, с. 157]. Как сказал впоследствии в своем выступлении 24 декабря 1943 г. президент Ф. Рузвельт, участники конференции «заглянули в дни, месяцы и годы, которые последуют за поражением Германии» [15, с. 425].

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 9: Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. – 864 с.
2. *Эйзенхауэр, Д.* Крестовый ход в Европу: военные мемуары / Д. Эйзенхауэр. – М. : Воениздат, 1980. – 526 с.
3. *Шервуд, Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Р. Шервуд. — М. : Изд-во «Иностранная литература», 1958. – Т. 2. – 679 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – М. : Изд-во «Русь», 2008. – Т. 4. – Кн. 2. – 816 с.
6. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из архива внешней политики Российской Федерации: в 2-х т. – М. : Междунар. отношения, 1996. – Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 784 с.
7. Переписка И. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – СПб. : Питер, 2015. – 448 с.

8. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. – М. : Астрель: АСТ, 2010. – 847 с.
9. *Галицкий, В. П.* Гитлеровцы против Гитлера / В. П. Галицкий // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 18–24.
10. *Вольф, В.* На стороне Красной Армии / В. Вольф. – М. : Воениздат, 1976. – 264 с.
11. *Бланк, А. С.* Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.) / А. С. Бланк. – Вологда : Вологод. книжное изд-во, 1963. – 92 с.
12. *Филитов, А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 / А. М. Филитов. – М. : Наука, 2009. – 333 с.
13. *Семиряга, М. И.* Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. документов. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). – 175 с.
15. История дипломатии. – М. : Политиздат, 1975. – Т. IV: Дипломатия в годы Второй мировой войны. – 752 с.

Ю. В. Нелихов

ВВС БЕЛОРУССКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ОПЕРАЦИИ ПО ВОССОЕДИНЕНИЮ БЕССАРАБИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ С СССР

Готовясь к грядущей войне с немецким фашизмом, Советский Союз с одной стороны, отодвигал свои границы на Запад, а с другой, возвращал свои, ранее оккупированные соседними государствами территории. Не малую роль в этом сыграл подписанный 23 августа 1939 г. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. Не успели еще ВВС Белорусского особого военного округа (БОВО) привести себя в порядок после возвращения с финской войны и операции по вводу войск в Прибалтику, как с 28 июня по 9 июля 1940 г. им пришлось принять участие в новой операции на юго-западном участке границы по воссоединению Бессарабии и Северной Буковины с СССР.

В Южный фронт, образованный из разрозненных частей Киевского и Одесского особых военных округов (КОВО, ОдВО), 9 июня 1940 г. вошли вновь сформированные 5, 9 и 12 армии. Северный участок фронта занимала 12-я, центральный – 5-я и южный – 9-я армия (рисунок).

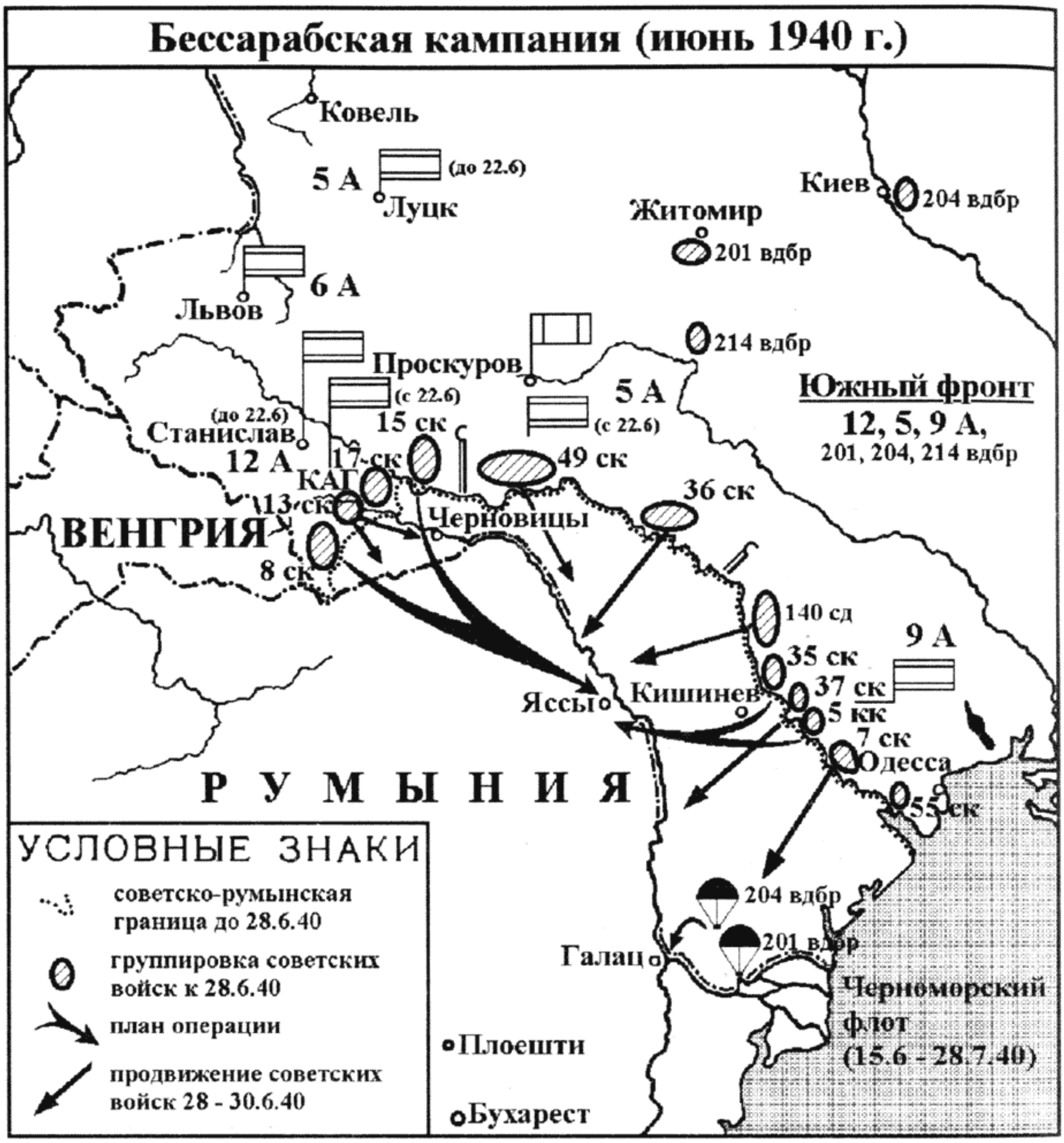

Рисунок. План операции Южного фронта

Учтя горький опыт недавно закончившейся финской войны, командование Красной армии максимально усиливало авиационную группировку Южного фронта.

17 июня начальник Генштаба Красной армии приказал командующему БОВО вернуть в КОВО 17-й, 20-й, 149-й истребительные и 14-й тяжелобомбардировочный авиаполки, переброшенные к 11 июня в состав БОВО для участия в Прибалтийской операции. Кроме того, надлежало передислоцировать 33-й истребительный, 13-й, 16-й, 60-й скоростные бомбардировочные и 1-й тяжелобомбардировочный полки, а также управления 16-й и 56-й авиабригад. При этом следовало «обратить особое внимание на особую секретность переброски».

К 19 июня все эти полки, в составе которых имелось 408 самолетов, прибыли в КОВО.

В тот же день командующему БОВО было приказано дополнительно перебросить в КОВО 51-й дальнебомбардировочный полк (дбап), а командующему Львовским военным округом (ЛВО) – в ОдВО 44-й, 58-й скоростные бомбардировочные полки (сбап) и управление 55-й авиабригады (абр).

21 июня ЛВО получил приказ перебросить в ОдВО находившиеся в его распоряжении 3-й, 7-й тяжелобомбардировочные авиаполки и управление 29-й авиабригады. Все эти авиаполки в составе 206 самолетов прибыли в распоряжение ВВС Южного фронта 22 июня [1, с. 85].

На 22.6.40 г. в составе ВВС Южного фронта было сосредоточено:

21 истребительный полк (иап),
12 полков СБ;
5 авиаполков ДБ;
2 штурмовых авиаполка (шап);
2 легкобомбардировочных полка (лбап) и
4 тяжелобомбардировочных авиаполка (тбап),

в которых насчитывалось:

1155 истребителей;
869 бомбардировщиков;
110 легких бомбардировщиков;
93 штурмовика;
61 разведчик и
2 298 подготовленных экипажей [2, с. 87].

Кроме того, из состава ВВС Черноморского флота к операции привлекались 40-й скоростной бомбардировочный, 8-й, 9-й, 32-й истребительные авиаполки, 1 тяжелобомбардировочная эскадрилья 2-го дальнебомбардировочного полка, 4 разведывательные эскадрильи и 2 авиаотряда, в которых насчитывалось 380 самолетов [3, л. 37–38; 10, л. 147].

Из состава авиации БОВО для усиления группировки ВВС только что сформированного фронта командующим округа были отправлены одно управление авиабригады, четыре авиаполка и одна эскадрилья. При этом:

– в состав 29 тбабр (тяжелой бомбардировочной авиабригады) ВВС Южного фронта вошел 3 тбап;

– в состав ВВС 12 А вошли 8 драэ (дальняя разведывательная экскадрилья), управление 16 абр (скоростная авиабригада) с 13 сбап и 16 сбап, а в состав 56 иабр вошел 33 иап (истребительный авиационный полк).

Следует отметить, что 3 тбап, сформированный в мае 1938 года на территории БОВО, Великую Отечественную войну начал в составе Западного особого военного окуруга, и только в период с 11.10.1939 г. по 11.07.1940 г. он территориально подчинялся Калининградскому военному округу (КалВО), не меняя при этом места своей постоянной дислокации.

Для выполнения поставленной задачи 3 тбап, имевший на вооружении тяжелые бомбардировщики ТБ-3, перелетел с аэродрома Рельбицы в Борисполь, 33 иап на самолетах И-16 18 июня 1940 г. с аэродрома Пружаны перебазировался на аэродром Каменец-Подольский [4, с. 345].

Кроме этого, в составе ВВС Южного фронта находилось еще два полка и одно управление бригады, ранее входившее в состав БОВО. В 1-й иабр ВВС 9 А имелся 4-й иап, который в мае 1940 г. после возвращения из Финляндии перебазировался из Бобруйска в ОдВО на аэродром Перелеты (МАССР) и стал отдельным иап ОдВО [4, с. 308]. А в составе 56 иабр (ранее входившей в состав БОВО) находился 20-й иап, который также в мае был переведен из Смоленска в КОВО.

Следует также отметить, что при БОВО по указанию Комитета Обороны Главным Управлением ГВФ в течение 24 часов был сформирован специальный авиаотряд для обслуживания частей Красной армии при их перебазировании на территории Прибалтики и при занятии Бессарабии и Северной Буковины [5, с. 416]. Схожие подразделения ГВФ были созданы в ЛВО, КОВО и ОдВО. Отряд использовался для выполнения транспортных задач, обеспечения связи и сбрасывания листовок.

Таблица

Группировка ВВС Южного фронта
по состоянию на 29 июня 1940 г. [6, л. 48–51].

Фронт, армия	Авиабригады	Авиаполки	Эскадрильи	Самолеты
Южный фронт	7 абр	8 дбап, 11 дбап, 51 дбап, 90 дбап	–	160
	29 абр	1 тбап, **3 тбап**, 7 тбап, 14 тбап	–	122
	22 абр	2 иап, 43 иап	–	130
	–	46 иап, 89 иап, 20 иап, 48 сбап	24 драэ	146
Всего	3	14	1	558
12 А	**16 абр**	**13 сбап, 16 сбап**	–	83
	35 абр	7 шап, 94 сбап, 138 лбап	–	129
	56 абр	3 шап, **33 иап**, 149 иап	–	135
	69 абр	23 иап, 28 иап, 91 иап	–	130
	–	12 иап, 17 иап	5, 8 драэ, 36, 44 раэ, 20 као, 12 као, 3 аэ	152
Всего	4	13	7	629
5 А	10 абр	33 сбап, 60 сбап, 86 сбап	–	168
	38 абр	87 иап, 88 иап, 92 иап	–	159
	–	–	47 раэ, 7 као	17
Всего	2	6	2	344
9 А	1 абр	4 иап, 131 иап, 132 сбап	–	187
	13 абр	21 дбап, 44 сбап, 45 сбап	–	144
	43 абр	5 сбап, 55 иап, 67 иап, 69 иап	–	229
	55 абр	11 лбап, 58 сбап, 146 иап	–	149
	–	–	42 раэ, 48 раэ	22
Всего	4	13	2	731
Итого за группировку	13 абр	46 ап	8 раэ, 3 као, 1 аэ	2262

В связи с тем, что за несколько часов до начала операции король Румынии Кароль II все-таки принял ультимативную ноту советской стороны, боевых действий удалось избежать, и присоединение ранее оккупированных Румынией территорий проходило мирным путем. Видимо, пример Финляндии был достаточно убедителен, да и помощи Румынии ждать было неоткуда. Массированное использование сосредоточенной у западных границ мощной авиационной группировки в количестве 2 262 советских самолетов не потребовалось. Однако для предотвращения вывоза в Румынию материальных ценностей была проведена воздушно-десантная операция. Поэтому основная тяжесть авиационной поддержки войск в этом походе легла на 29 тяжелобомбардировочную авиабригаду, выполнявшую десантно-транспортные задачи.

Для проведения десантной операции дополнительно к 204-я вдбр КОВО Южному фронту были даны 201-я вдбр из ЛВО и 214-я вдбр (воздушно-десантная бригада) из БОВО, которые к исходу 26 июня 1940 г. сосредоточились: 201-я – Скоморохи, 204-я – Борисполь, 214-я – Калиновка. Проведение десантной операции Военным советом Южного фронта было возложено на командующего ВВС Южного фронта генерал-лейтенанта Ф. А. Астахова. Операция проводилась в два этапа: 29 и 30 июня. Непосредственно к десантированию привлекались 201-я и 204-я воздушно-десантные бригады, 214-я бригада являлась резервной. Личный состав бригад был заблаговременно сосредоточен в исходных пунктах для загрузки в самолеты: Борисполь (юго-восточнее Киева), Гоголев (восточнее Киева), Скоморохи (южнее Житомира), Калиновка (севернее Винницы) [7, л. 56]. Задача десанта состояла в овладении важными населенными пунктами на путях отхода румынских войск и поддержании в них порядка до подхода регулярных частей Красной армии.

Доставка десантников к месту назначения была поручена только что вернувшейся с финского фронта 29 абр. Для наличия достаточного количества самолетов на аэродромный узел «Борисполь» были отправлены четыре тяжелобомбардировочных авиационных полка. От ВВС БОВО был отправлен 3 тяжелобомбардировочный авиационный полк, который в количестве 34 кораблей перелетел из Рельбиц через Боровское в «Борисполь». 1-й тбап из Минска перелетел в «Гоголев», 7-й тбап перебазировался из Рельбиц в Борисполь и Одессу, а 14-й тбап прибыл в Борисполь из Палестины.

Для обеспечения десантирования бригады на рассвете 29 июня к месту выброски были высланы два разведчика Р-5 с задачей определить место выброски, условия и возможность посадки кораблей. Однако подходящей площадки для посадки самолетов не оказалось.

29 июня в период 9.15–14.25 из пунктов погрузки Борисполь и Гоголев был произведен вылет 29-й тбабр с личным составом 204-й вдбр полковника И. И. Губаревича. Для выполнения поставленной задачи были привлечены все четыре авиаполка: 1-й, 3-й, 7-й и 14-й тбап. Взлетевшие 99 кораблей ТБ-3 несли на своих бортах 1 436 человек (по 13–15 человек на корабль) [5, л. 3–7].

От 3 тбап было задействовано 20 кораблей, от 1 тбап – 28, от 7 тбап – 25 и от 14 тбап – 26 [8, л. 68]. Задачей десанта было занять город Болград и воспрепятствовать мародерству и бесчинствам, творимым солдатами отходящей румынской армии.

Длина маршрута Борисполь – Болград составляла 640 километров. Полет туда и обратно продолжался около девяти часов. Два корабля из 3 тбап совершили вынужденные посадки из-за технических неисправностей: один на аэродроме Винница, другой на аэродроме Кишинев. Всего из 99 кораблей до цели дошли 97. В период 13.55–17.52 десант был выброшен на парашютах в районе 12 км северо-восточнее Болграда у деревень Кубест и Колчева. Всего десантировались 1 372 человека.

При выброске имелись следующие потери: погиб один боец, преждевременно раскрывший парашют и зацепившийся за стабилизатор; пять человек получили переломы ног; пятнадцать человек – вывихи и растяжения; один человек получил сотрясение мозга [8, л. 3–7].

К исходу 29 июня 204-я вдбр заняла город Болград и приступила к выполнению поставленной задачи.

Второй этап операции начался в 8.40 утра 30 июня, когда для обеспечения и организации приема десанта на аэродроме Измаил вылетел один ТБ-3. Основная группа кораблей вылетела спустя час – в период 9.35 – 12.15. Для переброски личного состава 201-й вдбр были привлечены 3-й, 7-й и 14-й тбап. От 3 тбап было задействованы 18 самолетов, от 7 тбап – 24 и от 14 тбап – 2 [Там же, л. 72]. Всего в данной операции участвовали 44 корабля, перевозивших на борту 809 бойцов, один пикап и боевое снаряжение группы. Расстояние до цели по маршруту Скоморохи – Измаил составляло 540 километров.

Задачей десанта было предотвращение грабежей и бесчинств в городе Измаиле, воспрепятствование выходу из гавани пароходов и выставление заслона на дороге, идущей из Измаила на запад на Новую Некрасовку и озеро Ялтух.

Через четыре часа полета началась высадка десанта посадочным способом. После посадки 12 кораблей на аэродроме Измаил, ввиду малых размеров летного поля, один корабль потерпел аварию и два корабля получили повреждения. В связи с этим командир 201-й вдбр генерал-майор Безуглый И. С., приняв правильное решение, подал команду с земли остальным кораблям выбрасывать десант на парашютах.

Высадка и выброска десанта была произведена в период 13. 29–15. 20 часов. Всего было десантировано 749 бойцов, один пикап и боевой груз, причем 240 бойцов были высажены при посадке кораблей на аэродроме Измаил и 509 человек выброшены на парашютах.

При посадке и приземлении 10 человек получили легкие травмы и один перелом ноги [Там же, л. 3–7].

Из сорока четырех кораблей, участвовавших в выброске десанта, три корабля не выбросили десант по следующим причинам: один корабль

с радиоимуществом – из-за неподготовленности груза к выброске на парашюте, второй с музыкантами 201-й вдбр, отказавшимися прыгать, а третий корабль отстал на маршруте. Все три самолета вернулись на аэродром Борисполь. Остальные 41 выполнили свою задачу.

Корабли после выполнения боевого задания возвратились и произвели посадку: на аэродроме Борисполь – 32 корабля, на аэродроме Скоморохи – 7 кораблей. Остальные 5 кораблей остались на аэродроме Измаил вследствие полученных при посадке повреждений и обнаруженных неисправностей, причем два поврежденных корабля были из состава 3 тбап.

К 18 часам десантники установили контроль над важнейшими объектами г. Измаила, а к 21 часу организовали охрану границы по берегу Дуная.

Всего за шесть дней 3 тбап совершил 327 боевых вылетов, выбросив при этом парашютным способом десант в количестве 635 человек и высадив посадочным способом 116 человек. По воздуху было перевезено 946 человек летно-технического состава и 134 517 кг горючего [9, с. 75].

Таким образом, из всех привлеченных к операции авиационных частей БОВО фактически был использован только 3 тбап. В то время, как остальные полки, были готовы к ведению боевых действий, только ожидая команды на применение. В резерве осталась и 214-я воздушно-десантная бригада.

В результате проведенной операции Советский Союз вернул себе земли, ранее принадлежавшие Российской империи, и отодвинул западную границу на реку Прут. Правильность стратегического решения о проведении этой операции доказали события, произошедшие в начальный период Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мельтюхов, М. И.* Освободительный поход Сталина / М. И. Мельтюхов. – М. : Яуза-пресс, Эксмо, 2006. – 170 с.

2. *Мельтюхов, М. И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940 / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2010. – 143 с.

3. Российский государственный военный архив (РГВА) – Ф. 37977. Оп. 1. Д. 697.

4. *Анохин, В. А.* Все истребительные авиаполки Сталина / В. А. Анохин, М. Ю Быков. – М. : Яуза-пресс, 2014. – 944 с.

5. *Степанов, А. С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года) / А. С. Степанов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.

6. РГВА – Ф. 37977. – Оп. 1. – Д. 675.

7. *Киенко, Д. Г.* ВВС ЗапОВО накануне и в начальный период ВОВ: дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Г. Киенко. – Минск, 2017. – 120 л.

8. РГВА – Ф. 29. – Оп. 34. – Д. 552.

9. *Сергиенко, А. М.* История 23-го гвардейского Белгородского Краснознаменного авиационного полка дальнего действия / А. М. Сергиенко. – Белгород : Константа, 2013. – 700 с.

Д. Пантьо

ДВЕ СУДЬБЫ ПАРТИЗАНА С. ТУЛЕШЕВА

Многим известна страшная судьба советских военнопленных. Жертвы двух диктатур, именно так называют их историки, занимающиеся исследованием данной тематики [1]. Те военнопленные, которым чудом удалось пережить все страдания немецкого плена, были репатриированы в СССР. Однако это не был конец их испытаний, в первую очередь они должны были пройти фильтрацию в фильтрационных лагерях, данной процедурой занимались структуры СМЕРШа. После проверки всех «неблагонадежных» высылали на спецпоселения, которые ничем не отличались от ГУЛУГА НКВД. Время на реабилитацию бывших военнопленных наступило только в середине 90-х годов. Весь этот период они должны были скрывать свою идентичность, не получили статуса ветеранов, дополнительных льгот. Данная политика в отношении военнопленных уходит корнями в уголовный кодекс РСФСР от 1926 г., где в статье 193 читаем: «за сдачу в плен, не вызывавшуюся боевой обстановкой, – расстрел с конфискацией имущества» [2]. В дополнении к данному закону, Приказом Ставки Верховного Главнокомандующего от 16 августа 1941 г. за номером 270, можно прочитать, что командиры и политработники, срывающие знаки различия и сдающиеся в плен, объявлялись дезертирами, а их семьям грозил арест, государственного пособия и помощи лишались командиры и группы красноармейцев, сдавшихся врагу, не исчерпав все средства к сопротивлению. Единственным способом искупить свою «вину» перед Родиной во время войны был побег из лагеря и отчаянная борьба с немецкими оккупантами в рядах партизанских либо регулярных частей (пройдя перед зачислением в ряды необходимые процедуры по доказательству своего искреннего желания воевать против немцев и лояльности к советской власти. Зачастую немцы использовали бывших военнопленных в роли шпионов и собатажистов). Поэтому тем бойцам, которым согласно военному руководству Красной армии удалось искупить свою «вину», в послевоенное время необходимо было вырезать из своей биографии «позорный» элемент немецкого плена. В похожей ситуации оказался герой данной статьи – Сатымбек Тулешев.

Изучая казахов-партизан на территории оккупированной Польши, автор столкнулся с разного рода неточностями в биографии этого героя. В статье газеты «Chłopska droga», которая была первой газетой, написавшей о Сатымбеке Тулешеве, читаем следующее: «Родился он в Алма-Ате, столице Казахской Советской Социалистической Республики, находящейся на расстоянии 5 тыс. км от Польши. Здесь он окончил офицерское училище, и в 1943 г. служил недалеко от Москвы, в г. Иванове. В конце апреля 1944 г. советский военный самолет сбрасывает группу – парашютистов-воинов Советской Армии в район Бельско – Живец. В эту группу входит и Тулешев»

[3, с. 252–253]. В данной газетной статье мы видим одну из принятых официальных биографий Сатымбека Тулешева, из представленного фрагмента следует: во-первых, нет информации о ранних годах жизни Тулешева, во-вторых, в контексте нашего исследование это важно, не имеется упоминания о немецком плене, в который он попал в апреле 1944 г.

В другом издании – «Партизаны-казахстанцы», изданном в 1963 г., в воспоминаниях Карата Куттыбаева, также есть информация о Сатымбеке Омаровиче: «В мае 1944 года вместе с двумя боевыми товарищами старший лейтенант Сатимбек Тулешев был сброшен по особому заданию в Старо-Любовном районе, на земле Словакии. По заранее известному адресу они отыскали старого учителя. Это был человек, испытавший на себе всякое злодеяние немцев. Он рассказал Сатимбеку о положении дел» [4, с. 38–39]. В данном очерке находим очередные неточности: Сатымбек Тулешев согласно этим воспоминаниям был десантирован в Словакии, а не Польше, также нет слов о плене, а дата его высадки – всего лишь две недели после того, как он попал в немецкий плен [Там же, с. 38]. Снова больше вопросов, чем ответов.

В публикациях более позднего периода мы находим в варианте обширнее биографические сведения о герое нашей статьи: «Серебряный крест ордена «Виртути Милитари» за подвиги в партизанской борьбе против фашистов вручен Сатынбеку Омаровичу Тулешеву, который родился в 1920 г. в Чуйском районе Джамбульской области. В 1941 г. он окончил в Алма-Ате пехотное училище. Участвовал в Великой отечественной войне в составе 1024-го стрелкового полка 391-й стрелковой дивизии, а затем в апреле 1944 г. на польской земле организовал и возглавил партизанский отряд «Заря», насчитывавший около шестидесяти человек. Интернациональный отряд «Заря» контролировал целый горный район, взрывал мосты, пускал под откос эшелоны с боеприпасами. На счету отряда «Заря» двадцать шесть крупных диверсионных операций. В декабре 1944 г. Сатынбек Тулешев был назначен начальником штаба партизанского движения» [5, с. 161–162]. Стоит отметить, что в данной статье о партизане Тулешеве появляется несколько интересных тенденций, господствовавших в советской историографии 1970–80-х гг., а именно использование для описания немцев термина «фашисты», что было связано с укреплением отношений между СССР и ГДР. Вторая тенденция, появившаяся в данном тексте, – это интернациональность партизанского движения. Согласно этому тезису советские партизаны протягивали «дружескую руку помощи» своим соседям (полякам, чехам, словакам, итальянцам, французам и другим) [6; 7; 8; 9; 10]. В этот период времени появилось большое количество научных публикаций, описывающих данного рода партизанское сотрудничество. Проблематичным элементом этого направления советской историографии был вопрос, каким образом советские партизаны появились в глубоком тылу Третьего рейха. На этот вопрос имеется два ответа: либо это были советские военнопленные, сбежавшие из немецких лагерей (таких было большинство), либо советские диверсанты-парашютисты, заброшенные в тыл противника.

Историки данного периода отмечали: если это диверсант, то его биография была представлена полностью, если приходилось описывать партизана, бывшего военнопленного, который искупил свою «вину», то авторы зачастую вычеркивали факт его плена из биографии [6; 7; 8; 9; 10].

Еще меньше информации о Сатымбеке Тулешеве находим в Национальном музее Республики Казахстан, где в главной экспозиции представлено фото партизана Тулешева со следующей надписью: «С. О. Тулешев, командир партизанского отряда “Заря”. С декабря 1944 г. – начальник штаба партизанского соединения имени Чапаева, действовавшего на территории Польши и Чехословакии». Как видим, в аннотации не содержится информация о плене в немецком лагере, хотя экспозиция сделана в 80-е годы и до сих пор не была обновлена.

Свет на биографию Тулешева проливают воспоминания И. Золоторя, которые были опубликованы на польском языке в Варшаве в 1974 г. Благодаря им и другим польским авторам мы можем установить и описать биографию партизана Сатымбека без обмана и ретуширования истории его жизни. Далее автор хотел бы представить небольшой биографический очерк (ранее он был опубликован в иной форме в другой статье, данная версия более полная).

Тулешев Сатымбек Омарович «Саша» – родился в 1920 г. в Чуйском районе Джамбульской области [5, с. 161]. Рано лишившись родителей, с 1932 г. воспитывался в детском доме. В 1938 г. поступил в Московский горный институт. Со 2 курса в 1940 г. его направили на учебу в Алма-Атинское военное училище, которое он окончил в 1941 г. в звании лейтенанта. В должности командира роты 1024-го стрелкового полка 391-й стрелковой дивизии участвовал в боях под Москвой, Старой Руссой. Дважды был ранен. В 1943 г. в должности комбата проходил спецподготовку в г. Иваново под Москвой, после чего был отправлен на фронт. Стоит предположить, что спецподготовка проводилась на базе Военно-юридической академии, которая до ноября 1941 г. располагалась в г. Иваново. Во время наступления немцев под Москвой данную Академию в спешном порядке эвакуировали в Ашхабад. Реэвакуация Академии в Подмосковье произошла в сентябре 1943 г. В апреле 1944 г. во время боев в составе 385-го полка, 112-й дивизии, 13-й армии старший лейтенант Тулешев в бессознательном состоянии был взят в плен в 60 километрах от Львова [11, S. 168]. Попал в лагерь для военнопленных на границе Польши, Германии и Чехословакии в районе Звардонь, откуда 8 июня 1944 г., через 54 дня, бежал из плена вместе с капитаном Сагалиевым и Рудаковым.

После побега в течении нескольких дней группа бежавших партизан двигалась в сторону востока: «с надеждой дойти до линии фронта» [11, S. 168]. Однако в окрестности Нового Сонча, по словам самого Тулешова, они узнали, что в расположенных тут горных массивах появятся советские партизаны, поэтому он со своими спутниками решил не идти дальше и присоединиться к этой группе [Там же].

Почти месяц прошел в поисках партизан в данной местности. В конце июля между Новым Санчем и Грыбовем Сатымбек Тулешев в лесу встретил бойцов из Армии Краёвой – Виктора Микунского «Протазы» и Мариана Варминского «Гервазы» из соединения Станислава Кручка «Мака», которые проинформировали Тулешева о том, что в данном районе находится группа лейтенанта Алексея Батяна – «Алеши». Последний раз группу «Алеши» партизаны «Мака» видели в Прехыбе, туда и отправился Тулешев, забрав с собой 7 советских партизан из отряда «Мака» [Там же, S. 169]. По дороге к отряду Тулешева присоединились еще несколько партизан, сбежавших из лагерей для военнопленных. Согласно рапорту Тулешева, во время своего марша его группе удалось организовать несколько удачных атак на шоссе Новый Санч – Пивнична. Во время данных действий партизаны из отряда Тулешева добыли несколько карабинов и один автомат [Там же, S. 168].

В середине августа отряд Тулешева представлял собой исправно действующую боевую единицу. Свой отряд Сатымбек Тулешев назвал «Заря» [12, S. 163]. Во время командования данным партизанским отрядом Тулешев писал дневник, на страницах которого находим следующую информацию: «разрушен склад вооружения, обстреляли группу немецких солдат, обстреляли и взяли в плен 4 немецких «подлецов», разбили одно такси» и т.д. [13]. В воспоминаниях И. Золотарь также отмечает боевую активность этого отряда. Во второй половине сентября была назначена встреча «Алеши» и Тулешева, однако группа «Саши» во время марша встретилась с партизанским отрядом «им. Чапаева» майора Савелия Лесниковского «Леонид», который переманил группу Тулешева в свой отдел. На это решение «Алеша» отреагировал очень негативно [11, S. 354].

10 февраля 1944 г. майор Лесниковский организовал партизанский отряд «имени Чапаева». Изначально он состоял из 38 человек [12, S. 190] и был организован на территории современной Западной Украины. Двигаясь на запад через Турки, Хыров, Устшики-Дольне отряд добрался до Словакии, откуда летом 1944 г. перебрался на территорию Польши. Осенью к данному соединению присоединились следующие партизанские отряды: «За Советскую Родину» (М. Семеноженков), «Заря» (С. Тулешев), «Смерть немецкому фашизму» (Б. Ахунов), отряд «им. Чапаева» (А. Иванов) и группа Д. Лабыка.

Во время своего пребывания в партизанском соединении «им. Чапаева» старший лейтенант[1] Тулешев составил журнал боевых действий, из которого мы можем судить, несомненно, подвергая критике преувеличенные данные, о боевой деятельности «Саши» [14]. В период нахождения Тулешева в партизанском соединении «им. Чапаева» партизаны спустили под откос 3 эшелона с живой силой и техникой врага, было уничтожено 11 грузовых автомобилей, убито 60 гитлеровцев и более 120 ранено, 14 взято в плен, среди которых полковник Вольф. Понимая безвыходность положения,

[1] В литературе встречается факт: в соединении И. Золоторя С. Тулешев был уже в звании капитана [3, с. 440].

полковник Вольф застрелился [14]. Кроме этого, неоднократно были уничтожены телефонные и электрические кабеля, взято более 1 700 литров бензина, 44 винтовки и так далее [Там же].

Недолго «Саше» пришлось служить под руководством «Леонида», после того, как отряд «Алеши» объединился с отрядом старшего лейтенанта Ивана Таранченко, во главе данного партизанского соединения стал майор Иван Золотарь – «Иван» [12, S. 174]. Именно к этому соединению 14 декабря присоединился Сатымбек Тулешев, где занял должность начальника штаба. После нескольких удачных операций на территории Бескиду Сандетского, о которых ярко и с преувеличением написано в воспоминаниях и дневниках [11, S. 411], партизаны данного соединения получили приказ из Москвы: «всем партизанам в мобилизационном возрасте необходимо перебраться к линии фронта, кроме парашютистов, которые должны были вернуться в московскую бригаду полковника Орлова» [Там же]. Таким образом, Сатымбек Тулешев вернулся в состав действующей армии.

Дабы отметить заслуги Тулешева в создании интернационального отряда и оказании «братской помощи» польскому народу, 17 января 1964 г. его наградили серебряным крестом ордена Virtuti Militari за номером I–4571 [14]. Удостоившись тем самым самой высокой польской награды, он был единственным партизаном-казахом, получившим этот орден.

Тяжело сейчас сказать, что именно чувствовал Сатымбек Омарович, зная, как подается его биография в официальной литературе. Несмотря на то, что он был лишен возможности рассказать о своем трудном испытании войной – немецком плене, ему выпала другая участь – стать в советской историографии символом дружбы польского и казахского народов, может быть, этим он искупил свою «вину» перед Родиной, а может, своей яростной борьбой с немецкими захватчиками, после того, как ему был дан второй шанс. На наш взгляд, эти две точки зрения можно объединить. Искупив свою «вину», Сатымбек стал хорошим партизаном. В нужный момент в конце 60-х и начале 70-х годов, когда нарратив интернационализма и «братской помощи» господствовал в советской исторической науке, материал о его судьбе использовался в своих целей. Однако перед советскими историками стоял вопрос, как описать появление Тулешева в глубоком тылу противника, этот вопрос решили очень просто: Сатымбека Омаровича представляют как диверсанта-парашютиста, заброшеннего в тыл врага выполнять важное стратегическое задание. Существует также и другой способ представления деятельности Сатымбека Тулешева (он нагляден в представленных выше фрагментах): начинать рассказ о нем, не объясняя, каким образом он оказался в Польше и Словакии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полян, П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П. Полян. – М., 2002.

2. Уголовный кодекс РСФСР, 1926 г. – М., 1957.
3. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: сб. документов и материалов. – Том 2. : 1944–1945 гг., Алма–Аты, 1967.
4. Партизаны-казахстанцы: Рассказы. Очерки. – Алма-Ата, 1965.
5. *Маляр, И.* Участие казахстанцев в Европейском движении сопротивления, Всегда начеку / И. Маляр. – Алма-Ата, 1971.
6. *Семиряга, М. И.* Советские люди в Европейском сопротивлении / М. И. Семиряга. – М., 1970.
7. *Беренштейн, Л.* Без виз и паспортов / Л. Беренштейн. – Киев, 1973.
8. *Вершигора, П.* Рейд на Сан и Вислу / П. Вершигора. – М., 1960.
9. *Белан, П. С.* Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны / П. С. Белан. – Алма-Ата, 1979.
10. *Ковпак, С. А.* От Путивля до Карпат / С. А. Ковпак. – М., 1945.
11. *Zołotar, I.* Pryjażń wojennych lat / I. Zołotar. – Warszawa, 1974.
12. *Paczyńska, I.* O latach wspólnej walki: obywatele radzieccy w ruchu partyzanskim na Ziemi Kieleckej i Krakowskiej 1941–1945 / I. Paczyńska. – Kraków, 1978.
13. Центральный Государственный музей Республики Казахстан, ЦМК КП 15090/1-9.
14. Центральный Государственный музей Республики Казахстан, ЦМК КП 15091/12.

А. С. Монид, С. А. Ситкевич

ХАИМ ШАПИРО: ИСТОРИЯ НЕПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

Хаим Шапиро родился в 1933 г. в местечке Городок Молодечненского района, погиб 11 июля 1942 г. От Хаима не осталось фотографии, документов, осталась только память, благодаря которой мы знаем, как он жил, каким он был и как трагически оборвалась эта жизнь.

С конца XIX в. до 1940-х гг. большую часть населения местечка Городок составляли евреи. В 1847 г. там проживали 496 евреев, в 1897 г. – 1 230 (76,6%), в 1921 г. – 990 [1]. Евреи не сажали огороды, не занимались земледелием, но определяли торговый и промышленный характер местечка. По словам местных жителей, в магазинах и лавках того времени можно было купить все, чего душа пожелает. В центре местечка была площадь, выложенная булыжником, по ее периметру находились магазины. Многие жилые еврейские дома одновременно были лавками. Всего в межвоенный период было около 25 магазинов и 12 лавок. Существовали магазины специализированные, например, магазин обуви, магазин тканей. В обувном магазине можно было приобрести качественный товар для всех возрастов и на все случаи жизни. Часть товаров в Городок привозили из Вильни, многое

производили здесь. В Городке жили сапожники, швецы, закройщики. Было несколько пекарен, где пекли различные сорта хлеба: белый, ситный, булочки. Можно было купить мороженое. Его делали из сливок, желтков, замораживали во льду. Товары в магазинах часто давали в кредит, доверяя односельчанам.

В Городке проводились большие многолюдные базары. Один собирался по вторникам на площади. Здесь можно было купить одежду, лен, бакалейные товары, муку, сахар, крупу. Существовал также специальный базар, на котором продавали скот: коров, лошадей, свиней. Были развиты такие промыслы, как обработка льна, производство смолы, выделка кожи. Здесь можно было сделать фото на память, сходить в ресторан, посетить парикмахерскую, получить медицинскую помощь. Существовала общественная баня, в которой был даже бассейн. Бездомные и безработные находили приют в богадельне, располагавшейся за православной церковью.

Везде был порядок, нигде ни травинки, центральные улицы вымощены. И, как во многих белорусских городах и местечках, рядом находились православная церковь, синагога, неподалеку – костел [2].

Все, кто помнит довоенную жизнь, утверждают, что евреи были хорошими соседями и очень дружно жили с местными жителями. На Пасху православные красили яйца, а евреи пекли мацу, все жили в мире и согласии, чтили свои традиции, свою культуру, религию, язык.

Родители Шлема Исакович и Хава Хаймовна Шапиро поженились в 1933 г., в том же году у них родился Хаим. До войны Шлема работал кузнецом в кузнице Бермана. Кузница была на первом этаже дома, вход в дом был со двора. Сейчас здание кузницы – обыкновенный жилой дом в Городке. Берман был золотых рук мастер, механик хороший, часы ремонтировал.

Мирная жизнь деревни Городок прекратилась с началом Второй мировой войны. Немцы пришли в Городок в 1941 г. и пробыли здесь до 1944 г. У евреев потребовали собрать все ценные вещи: часы, монеты из драгоценных металлов, украшения, одежду – и отдать немцам. Назначенный немцами еврейский совет старался выполнять все условия в надежде, что таким образом можно будет сохранить себе жизнь. В марте 1942 г. в Городке немцы организовали гетто. Гетто находилось в центре местечка и размещалось на территории от синагоги, которая сохранилась до наших дней, до поворота дороги на д. Пожарище. Территория, на которой было гетто, занимала 500 метров в длину и 100 метров в ширину [3, с. 288]. Гетто было огорожено колючей проволокой и не очень выделялось, так как в то время часто огораживали территорию колючей проволокой, чтобы не уходил скот. Поначалу евреям разрешалось ходить по Городку, они приходили к односельчанам за едой. По воспоминаниям местной жительницы, Валентины Метелицы, еврейка Хава Шапиро, которая до войны была их соседкой, приходила к ним в дом и шила на заказ, чтобы немного заработать. На плечо взрослым и старикам пришивалась желтая шестиконечная звезда Давида, чтобы было понятно, что это еврей [4].

Все жители Городка после создания гетто старались помогать евреям. Помогали, прежде всего, продуктами, так как на небольшой территории находилось очень много людей, их никто не кормил. Валентина Метелица вспоминает, что мама часто поручала ей, 10-летней девочке, относить к гетто молоко, хлеб. Нужно было проходить возле комендатуры, если там никого не было, то девочка шла не боясь. Но если видела немцев, особенно коменданта Кригера, то тогда убегала. Подойдя к гетто, под колючей проволокой выкапывала ямку и там оставляла продукты.

11 июля 1942 г., в Городке на рассвете, всем евреям было сказано собраться в парке между двумя синагогами. Туда приехали грузовые машины. Евреям объясняли, что их повезут на работу в соседнюю деревню. Местные жители смотрели в окна, все видели, махали руками и плакали, евреи не понимали, что их ждет дальше. Всех тех, кто трудоспособен, вывезли на работу. Самых немощных оставили на месте, чтобы потом расправиться с ними. Стариков и детей поубивали, а трупы сожгли.

Евреев погрузили в машины и повезли в сторону деревни Красное. На развилке часть машин, где находились мужчины, поехала в Красное, а часть машин с женщинами и стариками свернула в сторону леса. Те, кого повезли в Красное, поняли, что остальных везут убивать, и начали кричать им, чтобы те прыгали с машин и прятались в лесу. Несколько десятков евреев спрыгнуло и бросилось в лес. Немцы открыли по ним огонь. Некоторых убили, а часть поймали. Но все же 36 евреям удалось спрятаться в лесу. Евреев, которых повезли в сторону леса, примерно через 1 км высадили с машин и погнали к хлеву. Там по нескольку человек каратели заводили в хлев и стреляли в затылок с пистолетов, затем их трупы складывали штабелями. Когда всех евреев расстреляли, хлев облили бензином и подожгли [3, с. 230].

На следующий день жители деревни Городок увидели страшное зрелище, когда к шеям убитых привязывали веревки и тащили трупы в яму. Яма находилась за синагогой в деревне.

Некоторым евреям в Городке удалось избежать расправы. Около 50-и евреев смогли присоединиться к партизанским отрядам [3, с. 234]. У них была возможность уйти из гетто, с одной стороны был лес, с другой – речка. Но так как немцы потом обязательно расправлялись с остальными членами семьи, таких попыток было мало.

Каким-то образом Хаве, Шлеме и их родственницам Соне и Марии удалось убежать из гетто. К сожалению, в гетто остался их сын Хаим, который трагически погиб вместе с другими жителями Городка 11 июля 1942 г. В музее памяти Яд Вашем есть справка о том, что Хаим действительно погиб во время карательной операции. Поэтому мы точно знаем, что среди уничтоженных еврейских детей был и Хаим Шапиро. Хаиму было 8 лет, когда его убили [5].

Спастись было бы невозможно без помощи местных жителей [6]. Одним из тех, кто спасал евреев, подвергая опасности себя, своих детей, был Заровский Пётр Матвеевич (1901 г.р.) и его жена Заровская Мария Петровна (1901 г.р.). В их семье было трое детей (1931, 1932, 1936 г.р.). Пётр Матвеевич работал на мельнице. Семья Заровских жила на хуторе Шумолка, который

находился недалеко от Городка за речкой. Сейчас место, где был хутор, заросло лесом. Но остался фундамент от хозяйственных построек и место, в котором прятались евреи.

Пётр Матвеевич и его семья спасли жизнь многим евреям. Точно мы можем назвать имена Шлемы Исаковича Шапиро (1907–1982) и его жены Хавы Хаймовны Шапиро (1907–1983 гг.), вместе с ними у Заровских скрывались и их родственницы Мария и Соня.

Семья Шапиро до войны жила на улице Воложинской. Они были очень близкими соседями Валентины Филипповны Метелицы. Валентина Филипповна дружила с их сыном, Хаимом. Семьи Шапиро и Заровских были хорошо знакомы с довоенных времен.

Убежавшие обратились к Петру Заровскому, и тот спрятал их в сарае под сеном, где была вырыта яма. Ночью Шлема Исакович и Пётр Матвеевич выходили в лес и заготавливали дрова. На хуторе сбежавшие из гетто находились примерно неделю, а затем, зная, что родственник Хавы Хаймовны Альперин (муж сестры) воюет в партизанском отряде в Логойском районе, решили перебраться туда. Ночью они перешли реку по грудь в воде и отправились на Логойщину. Им удалось попасть в партизанский отряд «Мститель» в Логойском районе. Шлема Исакович стал бойцом этого отряда, а его жена Хава находилась в семейном лагере, и именно в отряде в 1944 г. родился Леонид Шлемович Шапиро, который и рассказал нам историю спасения своих родителей. После освобождения Беларуси Шлема Исакович был призван в Красную армию, участвовал в штурме Кёнигсберга, был ранен в руку в 1944 г. После войны семья Шапиро обосновалась в Радошковичах. Шлема работал в кузнице, а затем заготовителем в сельпо. Хава шила на заказ. Леонид Шлемович Шапиро никогда не видел старшего брата, но все знал о нем: в семье всегда помнили о маленькой непрожитой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городок без евреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://thepointjournal.com/output/print.php?art_id=256&spr_change=bel. – Дата доступа : 20.02.2017.

2. *Пашков, Г. П.* Память: Историко-документальная хроника Молодечно и Молодечненского района / Г. П. Пашков. – Минск : БелЭн, 2002. – 789 с.

3. *Старыкевіч, С. В.* «Просім у вас прабачэнне…» / С. В. Старыкевіч. – Маладзечна : «Победа», 2014. – 375 с.

4. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. работ; сост. и ред. Я. З. Басин. – 2-е изд. – Минск, 2006. – 306 с.

5. Яд Вашем – мемориальный комплекс истории Холокоста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://yvng.yadvashem.org/nameDetails.html?language=ru&itemId=9689292&ind=2. – Дата доступа : 15.03.2017.

6. *Иоффе, Э. Г.* Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. / Э. Г. Иоффе. – Минск, 2003. – 428 с.

А. Г. Цымбал

ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ ВЫКАРЫСТАННЯ МЯСЦОВАЙ ПРАЦОЎНАЙ СІЛЫ ВА ЎСТАНОВАХ І НА ПРАДПРЫЕМСТВАХ АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ (1941–1944) ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ КАЛЕКЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ «БЕЛАРУСЬ»

Дакументальная спадчына акупацыйных улад, якая змяшчаецца ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» (ГАБ, фонд 370 Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь), ўяўляе сабой выключны па значнасці і практычна недаследаваны комплекс дакументаў, які ўтрымлівае багаты фактычны матэрыял, што датычыцца штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі перыяду германскай акупацыі. Генеральны камісарыят «Беларусь», які з’яўляўся вышэйшым адміністрацыйным органам у акрузе, быў ключавым выканаўцам германскай акупацыйнай палітыкі.

Матэрыялы Калекцыі даюць прадстаўленне аб шматлікіх аспектах акупацыйнага жыцця праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія «белыя плямы» выкарыстання эканамічнага патэнцыялу і працоўнай штодзённасці насельніцтва Беларусі ў гады германскай акупацыі.

Прадстаўленыя дакументы ўтрымліваюць як загады, дырэктывы, распараджэнні, пастановы, цыркуляры, інструкцыі, разнастайныя ўказанні і перапіску чыноўнікаў акупацыйнай адміністрацыі ў Генеральнай акрузе Беларусь, так і дакументы, якія дасылаліся сюды з кіраўніцтва рэйхскаміарыята «Остланд» ў Рызе. Наяўныя дакументальныя матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь дазваляюць рэканструяваць асобныя аспекты стану эканомікі і паўсядзённага жыцця насельніцтва ва ўмовах германскага акупацыйнага рэжыму.

Пытанні працоўнай штодзённасці і прыцягнення мясцовага насельніцтва да працы акупацыйнымі ўладамі не знаходзіліся ў цэнтры ўвагі даследчыкаў. Эвалюцыя вывучэння пытання прайшла шлях ад метадалагічнай устаноўцы працы на акупантаў у якасці здрадніцтва ў савецкай гістарыяграфіі да характарыстыкі праблемы як выключна прымусовай ці рабскай працы ў сучаснай айчыннай гістарычнай навуцы. Больш дэталёвае і грунтоўнае вывучэнне праблемы сутыкалася з абмежаванасцю базы крыніц. Прадстаўленае даследаванне мае мэтай, у першую чаргу, увядзенне ў навуковы зварот значнага комплексу фактычнага матэрыялу па пытанні працоўнай штодзённасці, у першую чаргу, фінансавым аспекце выкарыстання акупацыйнымі ўладамі працы насельніцтва Беларусі, які прадстаўляе праблему ў новым ракурсе і стварае аснову для далейшага вывучэння пытання на канцэптуальным узроўні.

Пытанні заробку былі істотнымі пры спробах матывацыі мясцовага насельніцтва супрацоўнічаць з акупацыйнай адміністрацыяй. Асабліва гэта датычылася такіх структур, як дапаможная паліцыя.

31 студзеня 1942 г. для паліцэйскіх служачых была вызначана велічыня заработнай платы. Нежанатыя дапаможнікі паліцыі атрымлівалі 1 марку за дзень, а таксама дадаткова 1.26 марак у якасці кампенсацыі.

Нежанатыя ўнтэр-афіцэры атрымлівалі 1 марку ў дзень, а таксама дадаткова 1.50 марак у якасці кампенсацыі. Жанатыя салдаты – 1 марку ў дзень, плюс 2 маркі – грошы на сям'ю, таксама 1.20 марак – кампенсацыя. Жанатыя ўнтэр-афіцэры – 1.50 марак у дзень, плюс 2 маркі – грошы на сям'ю, у дадатак 1.20 марак – кампенсацыя. Служачыя, ад фельдфебеля і вышэй па званні, атрымлівалі 2 маркі ў дзень, 3 маркі – грошы на сям'ю і 1.20 марак – кампенсацыя. Камандзір батальёна (нежанаты) атрымліваў 4 маркі, плюс 1.20 марак – кампенсацыя [1, арк. 023].

Заробкі шуцманшафт ці дапаможнай паліцыі выклікалі незадаволенасць у асобных кіраўнікоў акупацыйнай адміністрацыі ў Барысаве. Адзначалася, што велічыня ўзнагароды надзвычайна вялікая і складала разам з надбаўкай для асобнага чалавека каля 210 марак кожны месяц. Гэтая ўзнагарода спрыяла ўзнікненню супярэчнасцяў у палітыцы аб заработнай плаце, згодна з якой прадугледжаны ўзнагароды для супрацоўнікаў дзяржаўнай службы, прадстаўленых мясцовым насельніцтвам. У той час як бургамістр раёна як носьбіт самай высокай адказнасці ў раёне атрымліваў 90 марак, інспектары раённага ўпраўлення – ад 50 да 70 марак, настаўнікі народнай школы – ад 30 марак і вышэй і адукаваныя медсёстры – толькі 15 марак; шуцман, які часцей за ўсе не меў ніякай адукацыі, атрымліваў у разы больш [1, арк. 021].

28 снежня 1942 г. кіраўніцтва ГАБ звярталася ў Рыгу з просьбай да рэйхскамісара аб адкліканні распараджэння міністэрства, згодна з якім беларускай дапаможнай паліцыі выплочваліся сутачныя грошы ў памеры 4,50 марак (ці 45 руб.). Акупацыйныя ўлады Беларусі прасілі адразу спыніць гэта распараджэнне, паколькі яно ставіла перашкоды для замарожвання заработнай платы. Калі б гэта распараджэнне пачало ажыццяўляцца, то беларускі ўрач на кіруючай пасадзе атрымліваў 120 марак кожны месяц, у той час як дапаможны шуцман без усякіх ведаў – вышэйшую сумму. Таксама ўнутры нямецкай жандармерыі гэтая розная аплата выклікала незадавальненне большасці беларускіх дапаможных службоўцаў [1, спр. 920, арк. 022].

Асобна прапісвалася ўзнагароджванне для іншых этнічных групп, акрамя русскіх, у тэрміналогіі акупацыйных улад, якія былі задзейнічаны ў паліцэйскіх фарміраваннях на тэрыторыі ГАБ. Так, усе нанятыя на працу на фронце або для барацьбы супраць партызанаў літоўскія, латышскія і эстонскія роты дапаможнай аховы павінны былі атрымліваць па-за межамі Балтыкі наступныя штодзённыя стаўкі надбавак ад 10 рублёў для брыгад і намеснікаў кіраўніка групы, да 40 рублёў для камандзіраў батальёна [1, спр. 920, арк. 034–037].

Да адзначаных вышэй сутачных ставак адносілася таксама франтавая надбаўка, якая складала 10 руб. штодзённа, сюды ўключалася і барацьба з

партызанамі. Харчаваннем падраздзяленні паліцыі забяспечваліся бясплатна. Пры невыкарыстанні забеспячэння па службовым прычынам або пры самастойным забеспячэнні з уласнай гаспадаркі неабходна было выплочваць сутачныя грошы на забеспячэнне. Сумма складала поўны сутачны рацыён, на землях Балтыкі – 8 рублёў, на іншых землях – 6 рублёў [1, спр. 920, арк. 027–027b–028].

18 жніўня 1942 г. былі вызначаны заробкі для служачых Вілейскага раёну ГАБ. Заробак вагаўся ад 200 марак у бургамістра да 30–40 марак у пасыльных, вахцёраў, фурманаў. Настаўнік з вышэйшай адукацыяй атрымліваў 80–100 марак, спецыяліст з веданнем нямецкай мовы – 60–80 марак [1, спр. 918, арк. 003].

Вялікую ўвагу акупацыйныя ўлады надавалі медыцынскім работнікам. Быў праведзены перапіс беларускіх урачоў. Атрымалася, што ў большай частцы зямель насельніцтва забяспечана беларускімі ўрачамі. Толькі ў заходніх частках працавала шмат яўрэяў, у асноўным гэта былі ўрачы-спецыялісты. Планавалася з Мінска ў заходнія землі накіраваць беларускіх урачоў для аказвання паслуг [1, спр. 920, арк. 011–011b.]. Медыцынскі персанал атрымліваў ад мінімальных 45–60 марак у санітараў да 150 марак у раённага ўрача, раённага ветэрынара ці кіраўніка вялікіх бальніц у Валожыне, Ашмянах і Вілейцы [1, спр. 918, арк. 004.].

Для членаў судовай сістэмы, якія займалі кіручыя пасады, уводзіўся павышаны заробак. Намеснік суддзі раённага суда павінен быў атрымліваць 1 500 руб., а прэзідэнт раённага суда да 2 200 руб. [1, спр. 920, арк. 004].

Такім чынам, фінансавае забеспячэнне і рэгуляванне заробку мясцовага насельніцтва сталі адным з інструментаў акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Галоўнай акругі Беларусь. Спрабуючы перацягнуць на свой бок беларускае насельніцтва і забяспечыць працоўныя рэсурсы для Германіі ўлады сутыкнуліся з цэлым комплексам праблем, якія былі ўласцівы эканамічнай сітуацыі на занятых тэрыторыях. Акупацыйныя прадпрыемствы і ўстановы адчувалі пастаянны недахоп кваліфікаваных кадраў, асабліва падкрэслівалася вельмі нязначная колькасць асоб з вышэйшай адукацыяй сярод беларускага насельніцтва, што прымушала акупантаў звяртаць увагу на палякаў як на больш падтыхтаваныя кадры і нават разглядаць пытанні іх фінансавага заахвочвання для працы на акупацыйную адміністрацыю. Неаднаразова ў крыніцах звяртаецца ўвага на розніцу паміж усходняй і заходняй Беларуссю. З часоў польскай акупацыі там, па меркаванні немцаў, усталяваўся значна вышэйшы ўзровень жыцця [1, спр. 918, арк. 001–001b] і іншыя адносіны да працы ў параўнанні з усходам, дзе панаваў «рускі ўзровень работы» [1, спр. 882, арк. 255–257], згодна з нямецкім азначэннем. Для нямецкіх чыноўнікаў таксама было непрымальна, што работнікі разумовай працы зарабляюць менш, чым рабочыя, і гэта пытанне неаднаразова ўздымалася ў ГКБ. Часта таксама абмяркоўваліся заробкі дапаможнай паліцыі, якія значна пераўзыходзілі іншыя сферы дзейнасці мясцовых работнікаў. Вострай з'яўлялася патрэба ў спецыялістах, якія ведалі замежныя мовы і добра арыентаваліся ў сітуацыі ў краіне.

Набходна адзначыць, што матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь [1] утрымліваюць вялізарны аб'ём новай фактычнай інфармацыі адносна эканамічнага выкарыстання беларускіх тэрыторый акупацыйнымі ўладамі і паўсядзённага жыцця грамадства. Унікальная інфармацыя крыніц дазваляе істотна пашырыць фактаграфічную базу даследванняў гісторыі перыяду германскай акупацыі Беларусі, а таксама ўдакладніць палажэнні айчыннай гістарыяграфіі, што датычацца страт гаспадаркі і насельніцтва за гады акупацыі. Новыя дакументальныя крыніцы пры выкарыстанні сучасных метадалагічных падыходаў дазваляюць паглыбіць вывучэнне акупаванай Беларусі на ўзроўні асобных рэгіёнаў акупаванай Беларусі, асобных прадпрыемстваў і галін гаспадаркі.

Увядзенне ў выніку праведзенага даследавання новага факталагічнага масіву ў гістарычную навуку дазваляе паставіць тэарэтычныя пытанні адносна метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу акупацыйнага перыяду. Новыя дакументальныя крыніцы вызначаюць задачу неабходнасці дапоўніць існуючыя раней канцэптуальныя погляды на выкарыстанне германскімі акупацыйнымі ўладамі працы мясцовага насельніцтва, якая расцэньвалася як здрадніцтва ці прымусовая рабская праца, новым падыходам, заснаваным на характарыстыцы паўсядзённых вытворчых узаемаадносін на акупаваных беларускіх тэрыторыях. На падставе ўведзеных ў навуковы абарот крыніц, а таксама сучасных метадалагічных падыходаў варта звярнуцца да аналізу стратэгій выжывання насельніцтва ва ўмовах акупацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 370. – Воп. 1.

С. М. Тукала

АСАБЛІВАСЦІ ПРАВЯДЗЕННЯ КАНФІСКАЦЫЙНЫХ МЕРАПРЫЕМСТВАЎ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАДАЎ У ДАЧЫНЕННІ ДА МАЁМАСЦІ ЯЎРЭЙСКІХ ГРАМАДЗЯН МІНСКАГА ГЕТА

Да восені 1942 г. адзіных прадпісанняў і дырэктыў адносна эксплуатацыі Мінскага гета не існавала. Асноўным дакументам, якім карысталіся прадстаўнікі нямецкіх акупацыйных улад, з'яўляліся вядомыя ўжо нам сакрэтныя «Папярэднія дырэктывы» аб адносінах да яўрэяў у вобласці рэйхскамісарыята «Остланд» рэйхскамісара Г. Лозэ. Апошнія ўтрымлівалі вельмі важныя ўказанні камісарам аб рэгістрацыі, маркіроўке і ізаляцыі яўрэяў, інвентарызацыі і канфіскацыі маёмасці [1, арк. 7–11].

27 жніўня 1942 г. па паручэнню Г. Лозэ фінансавы аддзел рэйхскамісарыята «Остланд» (яго ўзначальваў доктар Ф. Віалон – *С. Т.*) распрацаваў так званую сакрэтную інструкцыю адносна ўпраўлення гета, у

якой існуючая сістэма кіравання была перароблена, сістэматызавана, упарадкавана, абагулена і прыведзена да цэнтралізаванага адзінства. Дадзеная інструкцыя была выслана генеральным камісарам Рыгі, Каўнаса і Мінска. Дакумент складаўся з прэамбулы і двух раздзелаў. Першы раздзел агаворваў асноўныя задачы гарадской адміністрацыі: стварэнне, утрыманне гета, мерапрыемствы, накіраваныя на захаванне рабочай сілы яўрэяў (адзенне, харчаванне, рамонт жыллёвых пабудоў і г.д.). Тут жа, дарэчы, указвалася, што абслугоўванне з пункту гледжання бяспекі адносіцца да непасрэдных задач СС і паліцыі [2, арк. 103–107]. Другі раздзел інструкцыі тычыўся маёмасці яўрэйскага насельніцтва, аб чым зараз і пойдзе больш падрабязная гаворка.

Важна заўважыць, што адразу пасля акупацыі немцамі ўсходніх тэрыторый, уся маёмасць (у тым ліку і дзяржаўная) абвяшчалася ўласнасцю Германіі. 13 кастрычніка 1941 г. рэйхскамісар Остланда Г. Лозэ падпісаў пастанову, якая поўнасцю была прысвечана пытанням, звязаным з маёмасцю яўрэйскага насельніцтва. У першым параграфе пастановы сцвярджалася: уся рухомая і нерухомая маёмасць яўрэйскіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі падлягае канфіскацыі. Пры гэтым яўрэям была зроблена толькі невялікая саступка з боку нямецкіх улад, а менавіта дазвалялася пакінуць у асабістае карыстанне абмежаваную колькасць рэчаў дамашняга абіходу і каштоўных папер. Аднак усё гэта не павінна было перавышаць кошт 100 рэйхсмарак [3, с. 28–33].

Адпаведна другому раздзелу інструкцыі ад 27 жніўня 1942 г. генеральныя камісары ў Рызе, Каўнасе, Мінске абавязаны былі дакладна і ўважліва падлічваць, апісваць і перасылаць залатыя і сярэбраныя рэчы праз імперскую крэдытную касу ў Рызе ў распараджэнне доктара Ф. Віалона. З Рыгі ўсе сабраныя каштоўнасці накіроўваліся ў бярлінскую кантору. Хаця нямецкая грамадзянская акупацыйная адміністрацыя генеральнай акругі Беларусь перасылала такія рэчы адразу ў Бярлін, што, безумоўна, не адпавядала вышэйзгаданай інструкцыі. Таму 31 жніўня 1942 г. доктар В. Ідэльбергер выдаў наступнае распараджэнне: «Аб перасылцы каштоўнасцей у германскую крэдытную касу ў Рызе ў далейшым не можа ісці ніякай гаворкі. Рэчы будуць рэалізоўвацца выключна праз установу бярлінскага ламбарда, на Эльзэсерштрасэ» [3, с. 104–106]. Пазней так і адбылося: улічваючы асаблівыя ўмовы на Беларусі, пэўныя цяжкасці дарожных зносін з Рыгай, усе каштоўнасці накіроўваліся непасрэдна ў бярлінскі ламбард. Трэба адзначыць, што кожная пасылка мела пералік прадметаў, якія яна ўтрымлівала. Ярлык з парадкавым нумарам пераліка прымацоўваўся да кожнай рэчы. Пры гэтым другі экзэмпляр пераліку прадметаў пасылкі адначасова накіроўваўся спецыяльным пісьмом у цэнтральнае ўпраўленне ў Бярлін [3, с. 104–106].

Усе канфіскаваныя рэчы і каштоўнасці яўрэйскага насельніцтва Мінска ўпакоўваліся ў драўляныя скрыні, якія старанна закупорваліся, абматваліся дротам і металічнымі палосамі, потым пламбіраваліся. Не дазвалялася

выкарыстоўваць шнуры і пячатку. На ўсіх скрынях пазначаліся адпраўнік, умоўны знак і адрас [4, с. 48]. Мытнымі пошлінамі пасылкі з каштоўнасцямі не абкладваліся. Кожная пасылка абавязкова мела квітанцыю рэйхскамісара «Остланда» Г. Лозэ і завярала ў тым, што канфіскаваныя рэчы належаць яўрэйскім грамадзянам і прызначаны для наступнай рэалізацыі праз упраўленне па каштоўным металам, якое знаходзілася пры гарадскім ламбардзе ў Бярліне [4, с. 48].

Не сакрэт, што ў працэсе ліквідацыі вязняў Мінскага і іншых гета ў генеральнай акрузе Беларусь (апошняя складалася з дзесяці акругоў – *С. Т.*), залатыя і сярэбраныя запасы нямецкіх акупантаў паступова павялічваліся. Грашовыя сродкі, якія немцы атрымоўвалі ў выніку продажу яўрэйскай маёмасці, накіроўваліся на асаблівы лік каштоўнасцей у касы акруговых камісараў, а потым на лік № 34 германскай крэдытнай касы ў Мінску. Апошняя да 31 студзеня 1942 г. атрымала наяўнай валюты 7 300 000 нямецкіх марак і на 30 000 нямецкіх марак золата (дарэчы, у той час адзін грам чыстага золата каштаваў 3.2 рэйхсмаркі – *С. Т.*) [3, с. 59–65].

Трэба падкрэсліць, што ў Бярлін перапраўляліся толькі залатыя і сярэбраныя рэчы, а таксама каштоўнасці. Астатняя маёмасць яўрэяў перадавалася ў карыстанне і нават прадавалася, аб чым сведчаць шматлікія акты-вопісы [2, арк. 103–107]. В. Кубэ дакладваў: «Падраздзяленні вермахта і паліцыі адразу ж наклалі рукі на маёмасць яўрэяў, дэпартаваных з Рэйха. Так, СД забрала ў іх 400 матрацаў, а таксама канфіскавала іншыя рэчы» [5, с. 211]. Найбольш каштоўная маёмасць паступала на патрэбы Рэйха, астатняя – размяркоўвалася па заяўкам, напрыклад, выдавалі яўрэйскія рэчы прыватным асобам і арганізацыям.

Актыўны гандаль яўрэйскай маёмасцю, якая належала вязням Мінскага гета, здзяйсняўся ўжо з 1941 г. Гэта звычайна адбывалася на складзе ў мінскім воперным тэатры. Апошні наведвала як сямейства В. Кубэ, так і іншыя не менш важныя вышэйшыя нямецкія асобы: камісар Мінска В. Янецке з супругай, камендант мінскага гарнізона, генерал вермахта Шперлінг, урадавыя дарадчыкі Доблер, Венц, Тэске, Юнгвірт, Шэлер; служачыя камендатуры вермахта, палявой супрацьпаветранай каманды, 392 галоўнай камендатуры, мясцовага аддзялення нацысцкай партыі, гарадскога аэрадрома, арганізацыі Тодта, паліцыі бяспекі, германскай зубной паліклінікі. У тэатр прыязджалі і з іншых гарадоў Беларусі і бліжэйшага замежжа: Вілейкі, Барысава, Плешчаніц, Бараўлян і Рыгі [4, с. 49].

Так, рэгулярна, адзін раз на 2 тыдні з мужам ці без яго жонка генеральнага камісара Беларусі В. Кубэ наведвалася ў тэатр. Аднак сямейства Кубэ палюбіла не толькі балет і тэатральнае відовішча. Прадстаўнікоў вышэйшай нямецкай эліты мінскі воперны тэатр прыцягваў яшчэ (і гэта ў большай ступені – *С. Т.*) і як вялізны склад разнастайнай яўрэйскай маёмасці, якую можна было выгодна і танна купіць. Пры гэтым для цынізму, бяздушнасці і бестактоўнасці немцаў, набываючых маёмасць забітых грамадзян, не існавала ніякіх межаў. Гандлёвыя аперацыі здзяйсняліся без

усялякага пачуцця спачування і хоць якой-небудзь чалавечай павагі да таго, чыя маёмасць несправядліва і прымусова перайшла ў чужыя рукі. Наступны дакументальны і ў той жа час парадаксальны прыклад наглядна падцвярджае вышэйсказанае. У 1942 г. В. Кубэ, быццам бы знаходзячыся ў шоке ад масавых крывавых забойстваў яўрэйскага насельніцтва Мінскага гета і генеральнай акругі Беларусь, дэманстратыўна накіраваў пісьмо рэйхскамісару «Остланда» Г. Лозэ, дзе пісаў, што гэта (маецца на ўвазе правядзенне карных акцый і маштабных забойстваў – *С. Т.*) недастойна немцаў, Германіі Канта і Гётэ. І ў той жа час, супярэча сваім выказванням (а па сутнасці вядучы двайную гульню – *С. Т.*), ён і ўся грамадзянская акупацыйная адміністрацыя хутка спяшаліся за рэчамі забітых, закатаваных да смерці яўрэяў на склад ў мінскі воперны тэатр [4, с. 50].

Усе дамоўленасці наконт яўрэйскай маёмасці фіксаваў на бланках расходных квітанцый склад пададдзела па збору і захаванню безгаспадарнай мэблі і астатніх рэчаў. Такія бланкі звычайна набіраліся друкарскім спосабам. Асаблівым попытам у немцаў карысталіся чамаданы [6, воп. 3. спр. 103.]. Увогуле рэчы прадаваліся па сімвалічным кошце, розніцы паміж антыкварыятам і прадметамі, якія раней знаходзіліся ва ўжыванні, практычна не было. Афіцыйная статыстыка тых гадоў сведчыць: у сакавіку 1943 г. са склада канфіскаванай маёмасці акупанты набылі розных рэчаў на 72.181.58 рэйхсмарак, у красавіку – на 50.471.85 рэйхсмаркі, у ліпені – на 21. 647.25 рэйхсмаркі [6, воп. 3. спр. 103.].

На сённяшні дзень захавалася шмат квітанцый на выдачу рэчаў з рэквізаванай маёмасці яўрэйскіх грамадзян. У Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці можна знайсці 20 квітанцый, ксеракапіраваных амерыканскім даследчыкам Мовічам для музея ў ЗША. Устаноўлена, што яны былі аформлены ў сакавіку-красавіку 1943 г. [6, воп. 5, спр. 6]. Таксама яшчэ неабходна адзначыць, што ксеракопія 43-х заявак мясцовых жыхароў на рэквізаваныя ў яўрэяў рэчы і адзенне былі прадастаўлены ДАМВ нямецкаму даследчыку з ФРГ П. Колю [7, спр. 99, 101, 103 і інш.; 8, спр. 4, 10.].

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 378. Воп. 1. Спр. 698.
2. Сообщение Белорусской республиканской государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков // НАРБ. – Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 961.
3. «Нацистское золото» из Беларуси: документы и материалы. – Мінск, 1998.
4. *Кнатько, Г. Д.* История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25–27 крас. 2002 г., Мінск / адк. рэд. К. І. Козак, А. М. Літвін, У. Н. Сідарцоў. – Мінск, 2003.
5. Judenfrei! Свободно от евреев: История Минского гетто в документах; сост. Р. А. Черноглазова и др. – Мінск, 1999.

6. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 688.
7. ДАМВ. – Ф. 688. Воп. 5.
8. ДАМВ. – Ф. 688. Воп. 1.

А. С. Хадасевич

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

С окончанием войны начался новый период в развитии высшего образования в Беларуси. Во второй половине 1940-х гг. развитие высшего образования БССР осуществлялось в свете выполнения закона «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» [1].

Задачи, поставленные пятилетним планом, со всей остротой сделали акцент на проблеме подготовки кадров специалистов для всех отраслей народного хозяйства республики. «Интересы дальнейшего научно-технического прогресса как условие могучего подъема всех отраслей народного хозяйства и поднятия производительности труда, – говорится в пятилетнем плане Белорусской ССР, – создают необходимость расширения подготовки кадров специалистов с высшим образованием» [2, с. 27].

За годы пятилетки намечалось подготовить студентов вузов республики до довоенного уровня (21 тыс.). В 1946 г. предполагалось принять в вузы 13 100 студентов [3, с. 291].

Подавляющая часть студентов Беларуси обеспечивалась государственной стипендией, общежитиями. Те студенты, которые жили на съемных квартирах, получали денежное возмещение за съем.

В октябре 1946 г. семь вузов республики, в том числе главный вуз – БГУ, были выведены из структуры Наркомпроса БССР и переведены в распоряжение созданного Министерства высшего образования СССР. Это негативно отразилось на их состоянии. Во-первых, финансирование начало поступать из Москвы, и белорусское правительство мало влияло на судьбу университетов. Объемы денежных средств были недостаточными, о чем свидетельствовали неоднократные обращения в министерство с просьбами о выделении денежных средств для удовлетворения учебных и научных потребностей. После переподчинения Москве значительно усложнилось решение текущих проблем, а организация учебного процесса оказалась сориентирована на всю территорию СССР. Так, базами практики для студентов технических специальностей стали заводы в Ленинграде, Харькове, Сталине (Донбассе), для гуманитариев – музеи Москвы и Ленинграда.

Партийно-государственный аппарат республики проводил двойственную политику в области высшего образования. С одной стороны, предпринимались попытки улучшить положение работников вузов и студентов. С другой, вся система высшего образования в республике находилась под жестким контролем со стороны государства. Любое научное

инакомыслие подвергалось критике и наказанию. Не был поддержан принцип использования национального языка как основного фактора развития национальной системы образования. Белорусский язык хотя и имел статус государственного, но не был утвержден в таком статусе в официальном, деловом общении и переписке. Что касается школ и высших учебных заведений, то в них национальная культурно-языковая среда была также узкой. Кроме того, наметившаяся в середине 1940-х годов политика двуязычия постепенно сменялась русификацией.

Основным вопросом, касающимся деятельности вузов БССР в первые послевоенные годы, был вопрос о восстановлении и дальнейшем развитии материально-технической и учебной базы. Этот вопрос нашел отражение в постановлении правительства «О мероприятиях по укреплению материально-технической базы вузов и улучшении бытового обслуживания студентов» [4, л. 26]. Ставились задачи в ближайшие сроки (до конца 1950 г.) восстановить все довоенные здания вузов республики, ввести в пользование новые корпуса и общежития, оснастить всем необходимым оборудованием кабинеты и лаборатории. Однако процесс развития вузов БССР шел значительно медленнее, чем планировалось.

За 5 лет (1946–1950 гг.) на капитальное строительство и ремонт учебных и жилых зданий вузов республики было выделено почти 15 млн. рублей, на ремонт и закупку оборудования (учебного и хозяйственного) – более 7 млн. рублей, на приобретение книг для вузовских библиотек – 2,5 млн. рублей.

Большие ассигнования шли на капитальное строительство учебных заведений, общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского состава. Значительные средства расходовались на приобретение оборудования для лабораторий, музеев, кабинетов, мебели и инвентаря для учебных и жилых помещений, книг для библиотеки. В первую очередь средства использовались для нужд педагогических вузов, так как необходимость в педагогических кадрах в послевоенные годы оставалась высокой.

С 1946 по 1950 г. были восстановлены или заново построены общежития при МГПИ на 160 мест, при ВГПИ – на 400 мест, при Могилевском педагогическом институте – на 480 мест. Всего в общежитиях при педагогических вузах в 1949–1950 учебном году проживало 3230 студентов [5, л. 239].

В послевоенные годы педагогические вузы, используя денежные средства, выделенные из бюджета государства, оснащались новым учебным и хозяйственным оборудованием. В основном к 1953–1954 учебному году было завершено восстановление довоенных корпусов и общежитий педагогических институтов, кабинеты и лаборатории были оснащены необходимым оборудованием. В МГПИ был полностью восстановлен учебный корпус, открыт актовый зал на 850 мест [6, с. 59].

Исключительное внимание было уделено восстановлению учебных корпусов БГУ. Стройки биологического и химического корпусов этого вуза были рассмотрены как первоочередные. В 1948 г был сдан биологический,

в 1949 химический корпуса. Несмотря на восстановление к 1950 г. довоенного уровня материальной базы университета, помещений, учебного и научного оборудования все равно не хватало. В физическом корпусе находились физико-математический факультет, типография и редакция университетской газеты. На химфаке работала только одна лекционная аудитория, часть лекций читалась в лабораториях. Биофак имел три учебные аудитории, остальные являлись лабораториями. НИИ химии занимал одну комнату, НИИ биологии – три. Исторический факультет в эти годы размещался в здании школы № 4 г. Минска. В связи с этим факультет мог работать только в позднее время (с 18:00 до 23:15). Более половины площади химического корпуса использовалось под общежитие. В общежитии жили студенты из разных вузов столицы.

В это же время предпринимались попытки открытия вузов технического профиля. В 1946 г. планировалось открыть Минский строительный институт. Однако реальное обеспечение начала учебной деятельности вновь создаваемого вуза встретилось с непреодолимыми по тому времени хозяйственными и организационными трудностями. Восстанавливающиеся вузы республики испытывали недостаток в преподавательских кадрах. Серьезные трудности создавались и в обеспечении института необходимой материально-технической базой. Более года институт находился в стадии организации, но фактически открыт не был. В дальнейшем Правительство пошло по пути не создания новых технических вузов, а укрепления и расширения уже имеющихся.

К началу 1946 г. в БССР подготовку врачебных кадров осуществляло только одно высшее медицинское учебное заведение: МГМИ. Второй медицинский институт в Витебске был восстановлен в сентябре 1946 г. Состав научно-педагогических кадров и состояние научно-производственной базы дало возможность восстановить институт только в объеме 3-х курсов (1–3) в количестве 359 человек [7, с. 177].

Восстановление сочеталось с расширением материально-технической базы. Однако развитие вузов республики к началу 1950-х гг. было неравномерным. Если одни учебные заведения получили площадь значительно большую, чем они имели до войны (БЛТИ), то другие не подошли даже к уровню 1930 г. (БИНХ и др.).

Введенная в эксплуатацию жилая площадь полностью поглощалась возрастающим контингентом студентов. Поэтому рост базы отставал от потребностей в ней. Например, БГУ имел значительное количество лабораторий и факультетов, но их площадь и оборудование были недостаточными. На одного студента в 1950–1951 учебном году во всех вузах БССР приходилось от 1,7 до 5 кв. метров учебной площади, тогда как нормы составляли от 7 до 12 кв. метров в зависимости от специализации вуза. В общежитиях на одного студента имелось от 2,5 до 3,4 кв. метров при норме 4,5 кв. метра. При этом некоторым студентам приходилось жить по

25–28 человек в одном помещении. Неблагоприятно обстояло дело с обеспечением профессорско-преподавательского состава квартирами. Научно-педагогические кадры многих белорусских вузов продолжали занимать под квартиры площадь в студенческих общежитиях.

В годы первой послевоенной пятилетки в республике создается несколько новых вузов. Уже в конце 1945 г. было рассмотрено предложение о создании в Минске театрального института. Вплоть до 1953 г. он размещался в здании МГПИ. Первоначально институт работал в составе одного факультета (театрального). К учебе приступило 27 студентов [6, с. 53]

В 1950 г. был создан Гродненский сельскохозяйственный институт. В том же году на первый курс агрономического и зоотехнического факультетов было принято 175 студентов, на 2-й курс – 25. В институте работало 24 преподавателя, 7 из них имели ученую степень кандидата наук [5, л. 230].

Расширение сети школ, возросшая потребность в учителях 5–7 и 8–10 классов повлекли за собой принятие ряда конкретных мер по развитию высшей педагогической школы: открытие новых педагогических вузов и создание новых факультетов и отделений, расширение контингента студентов, укрепление учебно-материальной базы. В июле 1947 г. постановлением СМ БССР Минский учительский институт был реорганизован в самостоятельное педагогическое учебное заведение и переведен в г. Молодечно с целью обеспечения школ Молодечненской области необходимыми учительскими кадрами [6, с. 56]. С целью решения проблемы подготовки педагогических кадров для западных областей Беларуси Совет Министров БССР в октябре 1950 г. принял решение «Об открытии педагогического института в городе Бресте» [8]. В 1949 г. организуется Бобруйский учительский институт.

Потребность школ в учителях иностранного языка повлекла принятие СМ БССР 26 ноября 1947 г. специального постановления, в котором определялись необходимые условия для создания в республике педагогического института иностранных языков. Однако из-за отсутствия для такого института квалифицированных преподавательских кадров он был образован лишь в 1948 г. на базе факультета иностранных языков Минского педагогического института им. А. М. Горького [9, с. 57]. В 1950–1951 учебном году в Беларуси функционировало 29 вузов, готовящих студентов в различных областях [3, с. 290].

Создание широкой сети учительских институтов стало крупным шагом вперед в деле подготовки педагогических кадров по сравнению с довоенными годами. Вместе с тем следует отметить, что в структуре учительских институтов при их организации были допущены ошибки. Так, например, в 1946 г. из 38 отделений, существовавших в учительских институтах, 18 готовили преподавателей истории и географии. Остальные 20 приходились на учителей физики, химии, математики, естествознания,

литературы, языка и всех остальных предметов [10, л. 43]. Численность студентов на историко-географическом и филологическом отделениях составляла около 80 % всех обучающихся. Неверные прогнозы в развитии средней школы привели к ошибочным действиям в организации педагогического образования.

В связи с этим учительские институты, в которых готовились учителя 5–7-х классов, либо упразднялись, либо реорганизовывались в педагогические училища и педагогические институты. Так, в 1953 году Брестский педагогический и учительский институты были объединены в один педагогический институт, закрыт Могилевский учительский институт, а Мозырский преобразован в педагогический 3-й категории, закрывается Витебский учительский институт, а Гомельский педагогический и учительский институты объединяются в одно учебное заведение. В это же время начал свою деятельность Полоцкий педагогический институт, а в сентябре 1954 г. Бобруйский и Пинский учительские институты были реорганизованы в педагогические училища. С 1 сентября 1955 г. закрылись последние учительские институты – Оршанский и Барановичский [Там же, л. 45].

В результате проведенных реформ в Беларуси сложилась устойчивая система высшего педагогического образования, которая включала в себя 9 педагогических институтов.

Ликвидация большого числа педагогических учебных заведений привела к ослаблению материальной базы педвузов и отрицательно сказалась на подготовке педагогических кадров.

Ряд организационных мероприятий был проведен в самих вузах. Так, в БГУ физико-математический факультет делится на физический и математический факультеты, реорганизуется геологический факультет.

В связи с развитием энергетической базы республики 12 февраля 1946 г. в БГПИ образуется энергетический факультет, а в 1948 г. торфомелиоративный факультет делится на два самостоятельных факультета: гидротехнический и торфяной. Начиная с 1948 г. на механическом факультете БГПИ началась подготовка специалистов для автомобильной и тракторной промышленности, зародившихся в годы пятилетки, а в 1950 г. создается самостоятельный автотракторный факультет. В 1949 г. в Гомельском пединституте открывается факультет физического воспитания [7, с. 179].

Развитие высшей школы БССР в первые послевоенные годы внесло изменение и в территориальное расположение вузов республики. В 1950 году вузы размещались в 13 городах, тогда как до войны они имелись лишь в 9 городах Беларуси. Основным вузовским центром оставался Минск. В нем в 1950 г. было сосредоточено 12 вузов [11, с. 289].

Первое послевоенное десятилетие для высшей школы Беларуси стало периодом восстановления и дальнейшего развития. Большинство вузов к началу 1950-х гг. восстановили довоенную материально-техническую базу. Были восстановлены учебные корпуса всех педагогических институтов,

а также БЛТИ, БИНХ, БГСХА и др. За этот период ассигнования на капитальное строительство выросли в 2,2 раза, на оборудование, мебель и учебные пособия – в 1,8 раза. Восстанавливались студенческие общежития. Только число будущих педагогов, проживавших в общежитиях, возросло с 2 тысяч в 1946 г. до 3570 в 1950 г. [7, с. 173]. Огромную роль в этом сыграли сами преподаватели и студенты вузов, которые трудились на стройках республики. В этот период увеличилось количество студентов, что требовало расширения учебной и жилой площади вузов. Вопрос оснащения вузов материально-технической и учебной базой оставался открытым и в начале 1950-х гг.

Вместе с этим в республике открывались и новые учебные заведения, что было обусловлено требованиями времени, развитием науки, сельского хозяйства и промышленности (Минский театральный институт, Гродненский сельскохозяйственный институт). В самих вузах создавались новые факультеты с новыми специальностями (энергетический, автотракторный и др. факультеты в БПИ; факультет физического воспитания в Гомельском désinstитуте). Была проведена реорганизация педагогических вузов республики. Результатом этого стало сокращение отдельных учебных заведений. В результате проведенных реформ в Беларуси сложилась устойчивая система высшего педагогического образования, которая включала в себя 9 педагогических институтов. Итогом всех преобразований в высшей школе БССР стало сокращение общего числа вузов: в 1952–1953 учебном году их насчитывалось 27, 12 из которых размещалось в Минске.

Вузы Беларуси возобновили свою учебную деятельность при значительном недостатке научно-педагогических кадров. В первом послевоенном году в вузах БССР числилось профессорско-преподавательского состава всего 774 человека, из них 306 являлись профессорами и доцентами. К 1946–1947 учебном году в результате возвращения многих ученых в БССР и привлечения к преподаванию в вузах республики преподавателей из других республик, а также АН БССР, количество научно-педагогических кадров значительно возросло и достигло 1 051 человек вместе с совместителями [5, л. 227].

Среди преподавателей вузов насчитывалось большое количество бывших участников войны. Например, в Витебском педагогическом институте из 160 преподавателей 46 были фронтовиками. 281 педагог БГПИ в годы войны находился в Советской Армии и партизанских отрядах. 70 преподавателей Минского института иностранных языков были активными участниками войны [7, с. 174]. Такой же состав педагогов был и в других вузах.

Во второй половине 1940-х гг. на постоянную работу в вузы БССР прибыли крупные специалисты в области экономики, медицины, сельского хозяйства. В 1946 г. в МЮИ были приглашены выпускники Ленинградского юридического института (6 человек), профессор Харьковского юридического

института, доцент Московского университета. В начале 1949–1950 учебного года в БГУ прибыли профессора из Московского и Ленинградского университетов с целью преподавания курсов по философии, экономической географии и другим дисциплинам [12, с. 94].

Важное внимание уделялось не только восстановлению довоенной численности специалистов, но и повышению их качественного уровня. Это определило необходимость возобновления деятельности аспирантуры. В республике развернулась работа по открытию научно-исследовательских институтов, определению их проблематики, исходя из потребностей народного хозяйства.

В Беларуси принимались меры по созданию новых центров аспирантской подготовки. Уже в 1950–1951 учебном году аспирантуру имели 7 вузов республики.

Важным каналом подготовки научных кадров явился так называемый институт соискателей.

Несмотря на сложность и неоднозначность общественно-политических процессов, от вузов республики ждали реальных результатов, применимых прежде всего в народном хозяйстве. На рубеже 1940–1950-х гг. укреплялись связи ряда кафедр с белорусскими промышленными предприятиями, такими, например, как Минский автомобильный завод, Минский мотовелозавод, Минская обувная фабрика им. Тельмана и др.

Большое значение в деле технического прогресса имели совместные научные исследования кафедр вузов и предприятий, оказание помощи фабрикам и заводам в освоении выпуска новой продукции.

Уже в 1949 г. ученые БГПИ разработали и внедрили в производство 33 научно-исследовательские работы, имевшие большое значение для дальнейшего развития промышленности республики. В 1950 г. ведущие кафедры этого института заключили хозяйственные договоры с предприятиями республики. Особенно тесным было научно-техническое сотрудничество с автозаводом. Кафедра обработки металлов резанием разработала методы исследования режущих свойств литого инструмента. Кафедра автомобилей произвела технический расчет самосвала МАЗ-525, что значительно снизило себестоимость производства автомашины. На Минском велозаводе и Могилевском металлургическом заводе научные сотрудники этого института разработали и внедрили элетрополировку деталей.

Педагогические институты принимали активное участие в создании учебников и учебных пособий. Восстанавливалась научная деятельность сельскохозяйственных вузов. Центром этой работы в республике стала БГСХА.

Во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. в республике проводились мероприятия по увеличению количества преподавательских кадров в вузах и повышению их уровня. Политика в отношении научных кадров, как и вся политика правительства в рассматриваемые годы, имела двойственный и противоречивый характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.: закон СССР, 18 марта 1946 г. // Консультант плюс [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=27362&req=doc. – Дата доступа : 13.02.2016.

2. Шестая сессия Верховного Совета БССР: стенографический отчет. – Минск: Верховный Совет БССР, 1947. – 218 с.

3. Народное хозяйство Белорусской ССР: стат. сб. / Стат. упр. БССР. – М. : Гос. стат. издат., 1957. – 318 с.

4. О мероприятиях по укреплению материально-технической базы вузов и улучшении бытового обслуживания студентов: постановление СНК БССР, 14 февраля 1947 г., № 1943 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 205. Оп. 5. Д. 887. Л. 26.

5. *Кованцева, Г. М.* Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы: дис. … канд. ист. наук / Г. М. Кованцева. – Минск, 1955. – 304 л.

6. Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького: исторический очерк / А. В. Полонский [и др.]. – Минск : Вышэйшая школа, 1970. – 152 с.

7. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Минск : Высшая школа, 1972. – 256 с.

8. Об открытии педагогического института в городе Бресте: постановление СМ БССР, 14 октября 1950 г., № 1309 // Система Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://systemaby.com/docs/bitgu/dk-vv1u2r.html. – Дата доступа : 15.02.2016.

9. *Люцко, А. В.* Деятельность Компартии Белоруссии по подготовке научно-педагогических кадров в послевоенные годы / А. В. Люцко. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 160 с.

10. *Невдах С. И.* Становление и развитие системы высшего педагогического образования в Республике Беларусь (1921–1997 гг.): дис. ... канд. пед. наук / С. И. Невдах. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2002. – 125 л.

11. Народное хозяйство Белорусской ССР: юбилейный статистический ежегодник / Центральное статистическое управление БССР. – Минск : Беларусь, 1978. – 300 с

12. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961 / склад.: С. М. Ходзін, А. А. Яноўскі [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – 399 с.

Р. Р. Хисамутдинова

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В новейших исследованиях Великой Отечественной войны с целью расширения глобальной картины войны и понимания психологии человека воюющего изучаются источники личного происхождения. Мемуары фронтовиков о Великой Отечественной войне и материалы устной истории наряду с другими источниками личного происхождения играют настолько важную роль в общественно-политической и литературной жизни своего времени, что представляют вполне самостоятельный историко-культурный интерес. Исследование воспоминаний людей фронтового поколения расширяет границы изучения войны, переносит акценты с фактической стороны явления в плоскость личного восприятия, формирования психологии фронтовиков. Особенности индивидуального восприятия непосредственных участников и очевидцев войны призваны дополнить имеющиеся знания, расставить акценты в истории Великой Отечественной войны. Ценность мемуаров для исторической науки определяется их конкретностью, способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал. Но субъективность мемуаров и материалов устной истории осложняет работу исследователя, поэтому мемуары рассматриваются в российском (советском) источниковедении как дополнительный источник.

К источникам личного происхождения по истории войны относятся и дневники очевидцев событий, которые как исторический источник весьма схожи с мемуарами, ряд исследователей даже ставят между ними знак равенства. Однако они имеют существенные различия.

Дневник – это подневные записи одного лица или коллектива, ведущиеся синхронно событиям их жизни. Внешняя, но обязательная примета дневников – обозначение дат. Реальные дневники могут рассматриваться как род исторических, историко-биографических или историко-культурных документов. То есть дневник ведется во время событий, благодаря чему является более точным источником, чем воспоминания. Особую ценность представляют дневниковые записи, изданные практически без редактуры и правки, – они позволяют проследить виденье событий автором тогда, когда они происходили, а не через определенное количество лет. Однако дневники имеют и некоторые недостатки, в частности краткость изложения. Это вызвано многими факторами – недостатком времени, а порой и нехваткой письменных принадлежностей [1, с. 36].

Еще одним важным источником личного происхождения являются письма солдат-фронтовиков, адресованные родным и близким. В этих письмах они делятся событиями и переживаниями, волнующими их в данный момент, рассказывают о своей жизни и достижениях на фронтах.

При работе с письмами необходимо учитывать некоторые особенности этого своеобразного вида источников. Основным недостатком фронтовых писем как исторического источника является их сжатость, вызванная зачастую недостатком бумаги или свободного времени. Не стоит сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор, как действие военной цензуры. Проверке подвергались абсолютно все письма, идущие с фронта. Эти действия были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл. Военные письма имеют колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, на долю которого выпала такая страшная беда.

Именно источники личного происхождения позволяют раскрывать фронтовые будни участников войны. Взгляд человека-свидетеля, несмотря на присущий ему субъективизм, всегда интересен и в не меньшей степени, а порой даже и в большей, информативен, нежели официальные источники. На основе анализа солдатских писем и дневников, отложившихся в фонде 6002 (фонд-коллекция) Оренбургского государственного архива социально-политической истории (ОГАСПИ), опубликованных писем, воспоминаний фронтовиков и материалов интервью с участниками войны (материалов устной истории), собранных студентами исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета и автором лично в течение почти 20 лет, попытаемся воссоздать повседневную жизнь солдат на фронте.

Моральный дух войск и их боеспособность во многом зависят от качества быта и его организации. Фронтовая повседневность у каждого солдата была своя. Условия, в которых солдатам приходилось восстанавливать силы, спать, принимать пищу, приводить в порядок личное оружие, были весьма разнообразны. Зависели они от времени года и климатических условий, от принадлежности к тому или иному роду войск, к рядовому или командному составу, от близости к переднему краю. Как писала фронтовой поэт Юлия Друнина: «Но по-другому было на войне – / Не в третьем эшелоне, а в огне» [2, с. 124]. Существенно отличался военный быт в период наступления, обороны, отступления.

В воспоминаниях широко отражена картина жилищных условий на фронте. Солдат на фронте устраивался там, куда его определяла война. Нельзя думать, что во время войны все бойцы жили в окопах и землянках: «Сырой окоп – солдатская постель, /А одеяло – волглая шинель» [2, с. 124], иногда солдатам и офицерам доводилось спать в добротных деревенских домах с непременной баней, а то и вовсе, зарывшись в стоге сена, отсыпаться по несколько суток, иногда приходилось спать на снегу, «автомат пристроив в головах» [2, с. 58]. «Укрывались шинелью и плащ-палаткой. Зимой накроешь ячейку плащ-палаткой и сидишь, так и спали» [3]. «Если приходится спать в снегу, то спим не больше одного часа, затем дежурные нас будят. Еще сонные мы вскакиваем и греемся, кто как может, иногда

разводим костры и вновь ложимся в вырытые снежные ямы», – пишет в своем дневнике пехотинец В. Лобанов [4, с. 98]. Буяновская А. Г., служившая в военной цензуре 51-й Отдельной армии (сформированной летом 1941 г. в Симферополе), потом в особом отделе НКГБ и в «Смерше» этой же армии вспоминает: «Переправились через Керченский пролив на Таманский полуостров в октябре 1941 г. и пошли пешком по чернозему Краснодарского края до совхоза им. Ильича (10–12 км). Это уже октябрь, в полях не вся картошка убрана. Мы рыли ее, пекли и ели. И вот уже по пути в Темрюк (мы еще не обмундированы) туфли мои расквасились, грязь непролазная, по проселочной дороге не пройти, шли в основном по стерне. Стемнело, ночи там темные, ничего не видно, наткнулись на копну соломы. Вырыли в ней ямки, и ей же укрылись на ночь от дождя. Вот сидим в копне, и я вспомнила, что сегодня 13 октября – мне исполнилось 18 лет. Наконец-то добрались до Темрюка. И только здесь нам выдали шинели, гимнастерки, юбки, шапки и ботинки 42 размера с обмотками и портянками» [5]. Строки из дневника Пажитных Д.: «10 января 1942 г.: Ночуем в лесу. Подстилкой служат ветки елей. Быстро сделали несколько шалашей – спасают от ветра, мороза. 28 января 1942 г.: Лесов не стало, мороз чувствуется сильней. Нам трудно, идем вперед. А гитлеровцы мерзнут, как воробьи» [6, д. 426, л. 187]. «Сейчас живем в лесу. Как только мы сюда приехали, так сразу принялись за постройку палаток из брезента и веток. Внутри них сделали невысокие нары из кольев и веток и сейчас живем довольно хорошо», – из письма 18-летнего Балахонова Константина Гавриловича родителям, 15 июля 1942 г. [7, с. 13].

Пехота вела окопную жизнь. Артиллеристы обустраивали землянки и блиндажи, связисты устраивали жилища в траншеях, танкисты часто устраивались на ночлег в своих боевых машинах. Для многих солдат окоп становился чем-то вроде родного дома, который хотелось как-то обустроить.

Боец Н. Поспелов вспоминает: «Живем в более благоустроенной землянке с печкой. Топим так, что по ночам даже приходится открывать дверь. Компания собралась веселая, носов никто не вешает. Живем дружно: скандалим по всем международным и интимным вопросам». «Дождь, дождь, дождь ... Почти все землянки, даже с пятью накатами, протекают. На потолке крепятся плащ-палатки. Хочешь облить товарища – притронься к возникшему в палате пузырю, и оттуда обрушится целый поток холодной воды. Сначала промурлыкали музыку, которой накануне нас угостил радист Гуппер, потом пели песни, и наконец, пожелав спокойной ночи – заснули… А дождь лил и лил и проникал через все щели в землянку. Пришлось среди ночи вставать и прикреплять плащ-палатку к потолку. Прикрепили, легли и … не успели еще заснуть, как затрещала главная балка и с грохотом обрушилась на нас вместе со всем потолком». В обустройстве землянки помогала солдатская смекалка. «Уже 8-й день живем в лесу, в землянках. Наша землянка без окна и поэтому приходится все время жечь коптилку. Печку сделали из огромной кастрюли, а трубу из консервных банок. Дров здесь много, так как лес большой…» [6, д. 426, л. 102, 104].

По воспоминаниям Буяновской А. Г., «Землянка внутри – это квадратное помещение, вырытое в земле. Посредине землянки – буржуйка, сбоку лежанки, на которых спали обитатели землянок. Стол для работы с чадящей день и ночь коптилкой – снарядная гильза, сплюснутая вверху, и туда вставлен кусок портянки, в гильзу налит керосин. Для меня они вырыли отдельную келью с такой же земляной лежанкой, т.к. я была одна среди мужчин. Под головой полевая сумка, шинель подо мной, и другой половиной шинели укрывалась, как научил меня старый солдат еще в 1941 г. Зима 1942 г. была холодная. Нам девушкам, как и всем, выдали ватные штаны. Ночью они мне служили подушечкой. Я свернула штаны квадратиком, на нее надела наволочку, сшитую из портянки, и было такое счастье – мягкая подушечка» [5].

«Траншея вырыта, ячейка, где стоишь, готова – вот и весь наш быт. Зимой накроешь ячейку плащ-палаткой и сидишь, укрываешься шинелью и спишь... Какие минуты отдыха могут быть на войне, когда в обороне сидишь. Но летом выходили солдаты гулять по траншее, сидели, курили и разговаривали. А зимой не выходили, потому что пригреешь свое место и сидишь» [3]. Если была возможность, бойцы утепляли свое жилище, оклеивали стены газетами, плакатами, прибивали палки и вешалки.

Важным слагаемым повседневной жизни фронтовиков является непременно обмундирование. Панкратов И. Д. пишет в письме: «В настоящее время одеты прекрасно. Нам выдано все теплое. Получил я теплую шапку-ушанку, валенные сапоги, меховой жилет, теплые брюки, свитер, теплые портянки, варежки…». Н. Куренков, командир стрелкового полка, пишет: «Прибыло зимнее обмундирование: валенки, полушубки, шапки-ушанки, теплые портянки, варежки, меховые жилеты. Словом, множество добра, которое приготовила Родина своим защитникам» [6, д. 423, л. 63; 6, д. 426, л. 204]. «До сих пор все время ждали сапог, но так и не дождались. Нам дали новые ботинки. Ботинки английские, кожаные, подошва кожаная в палец толщиной, подкованы на носке и на пятке. В общем хорошие. Махоркой снабжают аккуратно, но ее здесь некуда девать, отдаю ее курящим товарищам» [7, с.15]. «Сейчас зима, но она нам не страшна, мы хорошо одеты и обуты», – из письма 19-летнего Балахонова Константина Гавриловича, 15 января 1943 г. [7, с. 25]. Из его же письма: «Ты беспокоишься о том, как нам придется здесь прожить осень и зиму. Зимовать здесь не будем, и если придется, то не страшно. Дома срубили на мху теплые, почти полностью получили зимнее обмундирование: шапки, рукавицы, суконные портянки, теплое нижнее белье, теплые ватные брюки. Скоро должны дать шубы и валенки» (письмо от 15 октября 1944 г.) [7, с. 41]. Еще строки из его же письма от 8 ноября 1944 г. своим родным и близким: «Погода стоит хорошая. Снега еще нет, но шубы мы уже получили. Правда, они бывшие в употреблении, и вид в них довольно похабный, но зато тепло будет» [7, с. 45].

Суровыми были зимы. Это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из

очень хрупкого материала. Н. Поспелов вспоминает: «Было страшно холодно – в ряде случаев даже легкое ранение в ногу приводило к смертельному исходу: раненый замерзал, если помощь не приходила вовремя», «Набрякшая кровью повязка покрылась коркой льда. Своих ног, обутых в промокшие валенки, он не чувствовал. Одолевал сон, с которым нельзя было бороться. И виделись ему бескрайние оренбургские степи, напоенные звенящим зноем и горьковатым настоем полыни. Когда разведчика укладывали в волокушу, заиндевелая шинель ломалась и трещала, как мерзлое белье на веревке» [6, д. 426, л. 85].

Важной стороной военного быта является питание. Командир пулеметного взвода Д. Н. Патрин вспоминает: «Когда были в обороне, то лучше кормили, а когда в наступлении, не всегда полевая кухня за нами поспевала». Питание в то время было однообразно. В. Чернов в своем дневнике отмечает: «Ужин. Ребята ворчат, ругают повара за уже порядком надоевшую «блондинку», пшенную кашу, хотя и сдобренную консервами». Офицер службы тыла Н. Куренков пишет в своем дневнике: «В полку во время боев алкоголь не употреблялся. Это стало традицией. На переформировании перед обедом наркомовскую норму употребляли, хотя хозяйственная часть водку не выдавала. Пьянок не было, но спирт «помаленьку» пили. 17–18 января 1942 г.: Идем вперед по бездорожью, затруднен подвоз хлеба, продуктов. Нет кормов для лошадей, бойцы вот уже два дня питаются кониной. У меня с собой была постоянно фляга – неприкосновенный запас. Фляга эта часто вызывала зависть людей не осведомленных» [6, д. 426, л. 211]. «Питаемся очень хорошо. Аккуратно получаем сахар, табак, спички, бумагу курительную, водку» (письмо К. Балахонцева бабушке, 15 января 1943 г) [7, с. 25]. Когда оказывались в окружении, с питанием возникали проблемы. Фронтовой поэт Юлия Друнина об этом писала так: «Из окружения в пургу / Мы шли из Беларуси. / Сухарь в растопленном снегу, / Конечно, очень вкусен. / Но если только сухари / Дают пять дней подряд. / То это, что не говори…/ – Эй, шире шаг, солдат! / Какой январь! / Как ветер лих! / Как мал сухарь, / Что на двоих! / Семнадцать суток шли мы так, / И не отстала ни на шаг / Я от ребят / А если падала без сил, / Ты поднимал и говорил: Эх ты, солдат!» [2, с. 33]. «Кормили нас хорошо, 2 раза в день. Рано утром, когда еще темно и поздно вечером. Давали суп, кашу, чай и кусочек хлеба. Но были моменты, когда тылы отставали, вот тогда нам приходилось туговато [3]. «Кормят нас сейчас очень хорошо, правда, немного однообразно: гороховый суп, свежий борщ, картофельное пюре, рисовая каша, но в усиленных порциях. Скушал котелок, можно идти за другим. На это пока не обижаемся. Но этот отдых мы заслужили» (письмо К. Г. Балахонова от 9 августа 1943 г. [7, с. 32].

Солдат Е. Савинов вспоминает: «За столом разговорились о суровых днях 1942–го военного года. Когда-то в глухие осенние дни мы жили здесь, утопая по пояс в болотной воде, отрезанные от путей снабжения, получавшие

в день по ржаному сухарю. Бывший связист, а ныне подполковник в отставке А. А. Акопян вспомнил, как страдали тогда все – от солдата до генерала – из-за отсутствия самой обыкновенной соли. Пресный гороховый суп не лез в рот» [6, д. 425, л. 42].

Часто на войне человек недосыпает, недоедает, живет в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, по нескольку месяцев не ходит в баню, поэтому многие завшивели. По словам одного из фронтовиков, «вшей не стало только в 1945 г.». И чтобы от них избавиться солдаты разводили костер и варили одежду или окунали одежду в бензин. Но они появлялись снова и снова, так как санитарно-гигиенические условия оставляли желать лучшего. «Когда заводилось много вшей, нас выводили в полевые бани. Полевые бани – это большая палатка и машина, которая греет воду и обжаривает все наше обмундирование. Там было 3 крана, заходили по 3 человека. На троих давали 20 минут, чтобы помыться» [3]. «12 июня мылись в местной бане. Баня чистая, горячая, с паром и вениками. Парная – огонь! Сменили белье» (из письма К. Балахонова 15 июня 1942 г. [7, с. 14].

Как свидетельствуют многие воспоминания, дневники и интервью, воспоминания о доме и семье, о довоенной жизни составляли лучшую часть бесед во время отдыха и затишья на фронте. Они наполняли смыслом само бытие солдата на войне, поскольку делали бои, стрельбу во врагов и даже саму смерть не бессмысленной мясорубкой, а только средством защиты нормальной невоенной жизни. «Кровавый бой», по выражению А. Твардовского, действительно шел «ради жизни на земле».

Боец Е. Савинов вспоминает: «Нечастые спокойные фронтовые вечера, когда мы собирались вместе у костра и пели. Пели подолгу, забывая о войне. У песен тоже была своя судьба. Они приходили с фронта нашим родным, словно боевые сводки. Если солдаты пели грустные – значит не очень-то весело шли фронтовые дела, Если же в песнях звучали мажорные мотивы – значит весел и бодр солдат. Но песню о синем платочке пели всегда» [6, д. 426, л. 227].

Из дневника В. Чернова, командира танкового экипажа: «13 ноября 1943 г. Время после ужина, когда всяк занимается своим делом: пишут письма, меняют подворотнички, играют в шашки и … даже в подкидного дурака, что, естественно, начальство не поощряет, травят байки, вспоминают своих погибших товарищей. Этим занята одна половина, другая – «отрабатывают сон начистоту. На миг становится тихо, и кто-то со смаком засопел, а потом громче и громче: с присвистом и хрюканьем». «В вагонах своя жизнь. Поют солдаты свои тревожно-ласковые, задумчивые, немного грустные песни. Читают письма (в который раз!) из дому: от матерей и жен, детей и знакомых. Теплеет от этих песен душа солдата… Олег Гандурин с Иваном Романченко играют в шашки, решают застарелую задачу: кто сильнее» [8, с. 197, 228].

Таким образом, фронтовая повседневность у каждого участника войны была своя и зависела от многих факторов, она влияла на психологию солдата, на его самочувствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хисамутдинова, Р. Р.* Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие к лекционному курсу / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : ОГПУ, 2015. – 248 с.
2. *Друнина, Ю.* За минуту до боя / Ю. Друнина. – М. : АСТ Астрель, 2012. – 352 с.
3. Архив Р. Р. Хисамутдиновой. Интервью с участником войны И. В. Петровым взято 11 мая 2011 г., Кваркенский район, Оренбургская область.
4. *Смирнов, В. В.* Пишу тебе с фронта / В. В. Смирнов. – Киров, 1990.
5. Архив Р. Р. Хисамутдиновой. Интервью взято 22 октября 2010 г. в г. Оренбурге у Буяновской Антонины Григорьевны, участницы Великой Отечественной войны.
6. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). – Ф. 6002. Оп. 1.
7. «Тебе эти строки пишу я…»: сб. фронтовых писем (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). – Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2015. – 161 с.
8. Валентин Чернов. Дорогами суровыми войны / В. Чернов. – Оренбург, 2009.

Н. А. Шиманская

УЧАСТИЕ СПЕЦГРУПП ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Органы государственной безопасности приняли активное участие в организации и развитии партизанского движения на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

В течение лета 1941 г. из числа оперативного состава НКГБ–НКВД было сформировано 15 партизанских отрядов с количеством участников 758 человек, направленных в тыл немецких войск для проведения боевой и диверсионно-разведывательной деятельности. Их основу составили сотрудники республиканских НКГБ, НКВД и курсанты Могилёвской межкраевой школы НКГБ. Отряды направлялись главным образом в районы наиболее важных коммуникаций противника и сосредоточения его живой силы, техники, баз и складов (см. табл. 1) [1, л. 5, 6, 244, 245; 2; 3, с. 131].

Таблица 1

Размещение партизанских отрядов, созданных из числа оперативного состава НКГБ-НКВД БССР в течение лета 1941 г. [1, л. 4].

Наименование областей	Количество партизанских отрядов	Количество участников
Минская	3	198
Могилёвская	3	252
Витебская	1	128
Полесская	1	27
Гомельская	2	59
Вилейская	3	62
Пинская	2	32
Итого:	15	758

Эти партизанские отряды уже в первые дни войны проделали огромную работу по дезорганизации тыла противника. Так, отряд под руководством заместителя начальника УНКГБ Белостокской области, подполковника госбезопасности Юрина был создан в конце июня 1941 г. в количестве 96 человек и направлен на территорию Могилёвской области. За короткий период времени отрядом было проведено 6 боевых операций, в результате которых была разгромлена немецкая воинская часть численностью до 1 500 человек, убито 250 немецких солдат и офицеров, уничтожено 3 танка и 54 автомашины. Одновременно с боевой деятельностью отрядом было организовано из числа местного населения 26 партизанских групп с общим количеством участников в них 160 человек, которые также провели значительную боевую и диверсионную работу в тылу врага.

Отряд под командованием лейтенанта госбезопасности Кусова (по другим данным, Курсова – *Н. Ш.*) в составе 128 человек, созданный и направленный в тыл противника в сентябре 1941 г., действовал на оккупированной территории Витебской, Смоленской и Калининской областей. Только за первые 35 дней своего пребывания в тылу отряд прошел более 750 км, провел при этом 21 боевую операцию, уничтожил 228 немецких солдат и офицеров, 13 автомашин, 22 повозки, склад с боеприпасами и др. объекты противника [1, л. 7, 8].

Отряды, созданные из сотрудников НКГБ–НКВД, быстро пополнялись за счет местного населения. Например, партизанский отряд под руководством бывшего начальника Гродненского горотдела НКВД, майора госбезопасности Головкина сформирован в конце июня 1941 г. из 10 работников НКГБ и НКВД, в тылу отряд вырос до 27 человек (действовал в Петриковском

районе Полесской области). Отряд под руководством бывшего начальника Слуцкого горотдела НКГБ, капитана госбезопасности Пашуна был сформирован в начале июля 1941 г., действовал в Слуцком, Старобинском и Любанском районах ныне Бобруйской области. Насчитывал 12 оперативных работников НКГБ БССР, позже за счет местного населения вырос до 63 человек [1, л. 10, 11].

Перед органами государственной безопасности стояла задача не только направления партизанских отрядов в тыл противника, но и создания их на оккупированной территории. Из числа руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников были созданы и направлены в Полесскую, Витебскую, Минскую и Гомельскую области 10 групп по 8–9 человек каждая для формирования партизанских отрядов [4, с. 189].

В результате НКГБ БССР совместно с партийно-советскими органами в первые месяцы войны было организовано 18 партизанских отрядов из числа советско-партийного актива. В эти отряды вошло значительное число сотрудников НКГБ в качестве заместителей командиров по разведке, задачей которых являлось проведение агентурно-оперативных мероприятий в тылу противника, связанных с боевыми операциями отрядов, ограждение последних от проникновения вражеской агентуры, выявление и учет предателей и изменников Родины и другого антисоветского элемента [1, л. 12, 245]. Таким образом, чекистам отводилась важнейшая роль в партизанских формированиях. При отборе на должности командиров партизанских отрядов в первую очередь назначали тех, кто имел боевой и партизанский опыт.

С целью оказания помощи партизанам и подпольщикам, развития партизанского движения, дезорганизации работы вражеского тыла, коммуникаций, уничтожения живой силы и техники противника, проведения разведывательной, контрразведывательной, политико-разъяснительной и организаторской работы среди местного населения, военнопленных, а также в воинских формированиях противника из оперативных сотрудников НКГБ БССР организовывались специальные отряды и группы.

Так, опергруппа под руководством капитана госбезопасности Аксенова, действовавшая в Лельчицком районе Полесской области, была создана 30 июня 1941 г. в г. Гомеле из оперативных работников НКГБ БССР. Опергруппа под руководством бывшего заместителя начальника секретно-политического отдела (СПО) НКГБ майора госбезопасности Пасманика, действовавшая в Витебской и Смоленской областях, сформирована в начале июля 1941 г. в г. Витебске из 97 оперативных работников НКГБ БССР, НКВД БССР и курсантов Ростовской межкраевой школы. Опергруппа под руководством бывшего начальника СПО Управления НКГБ по Могилёвской области капитана госбезопасности Прибыль, действовавшая на оккупированной территории Могилёвской области, сформирована в конце июня 1941 г. в г. Могилёве из 100 сотрудников НКГБ и НКВД. Опергруппа под руководством бывшего начальника отделения НКГБ Ляхова, сформированная в конце июня 1941 г. в Могилёве и направленная в Белыничский район Могилёвской области, состояла из 37 оперативных

работников НКГБ и 13 работников милиции. Опергруппа под руководством бывшего начальника тюремного отдела НКВД БССР, капитана госбезопасности Степанова сформирована в августе 1941 г. в Гомеле и направлена в тыл противника для диверсионной и разведывательной работы. Личный состав группы состоял из 10 работников Брестской и Могилёвской тюрем, соответствующим образом подготовленных для проведения диверсионных актов, достаточно вооруженных и снабженных взрывчатыми веществами и горючей смесью. Всего в 1941 г. было сформировано 45 оперативных групп, численностью в 1 259 человек (см. табл. 2) [1, л. 13–16].

Таблица 2

Размещение спецгрупп НКГБ-НКВД БССР (1941 г.) [1, л. 13]

Наименование областей	Количество опергрупп	Численный состав
Витебская	7	344
Гомельская	4	95
Минская	4	75
Могилёвская	8	520
Пинская	3	11
Полесская	19	214
Итого:	45	1 259

В тылу отдельные спецгруппы пополнялись за счет местного населения. Опергруппа под руководством бывшего начальника Калинковичского РО НКВД Полесской области, капитана госбезопасности Богданова сформирована в августе 1941 г. из сотрудников райотдела и оставлена для действия в тылу противника в Калинковичском районе. Группа в тылу противника выросла до 35 человек. Опергруппа под руководством начальника Ельского РО НКГБ Полесской области, капитана госбезопасности Шило сформирована из 9 оперработников, в тылу противника выросла до 21 человека [1, л. 15, 16]. Численность отряда М. С. Прудникова «Неуловимые» к июню 1942 г. составляла почти тысячу человек [5, с. 70].

Увеличение численности спецгрупп за счет местного населения и создание новых партизанских формирований способствовало расширению партизанского движения на территории Беларуси и активизации партизанской борьбы в тылу врага.

Необходимо отметить, что пополнение спецгрупп НКГБ–НКВД сдерживалось требованиями руководства к порядку их формирования.

В частности, нарком госбезопасности БССР Л. Цанава категорически запретил расширение состава оперативных групп за счет перешедших к ним полицейских, служащих РОА и др., указав при этом, что «количественный состав групп можно увеличивать только за счет лиц строго проверенных и доказавших свою преданность нашей Родине» [6, л. 381; 7, л. 77].

Однако, несмотря на жесткий отбор, численность спецгрупп органов госбезопасности за счет местного населения выросла в Брестской, Могилёвской и Пинской областях более чем в 2 раза, в Белостокской, Барановичской, Витебской, Гомельской и Минской – в 3 и более раз, в Вилейской – более чем в 4 раза, в Полесской – почти в 7 раз. В целом, на территории БССР количество бойцов спецгрупп увеличилось в 3 раза (см. табл. 3).

Таблица 3

Увеличение численного состава спецгрупп НКГБ-НКВД БССР
за счет местного населения [1, л. 52]

Область	Количество групп	Численный состав в момент выброски	Численный состав при выходе из тыла	Пропорцио-нальное соотношение
Барановичская	5	61	202	3,3
Белостокская	13	121	357	2,9
Брестская	7	46	108	2,3
Вилейская	4	54	249	4,6
Витебская	9	261	761	2,9
Гомельская	4	58	228	3,9
Минская	12	122	423	3,4
Могилёвская	12	309	734	2,3
Пинская	5	36	80	2,2
Полесская	3	18	123	6,8
Итого:	74	1086	3265	3,0

Первые спецгруппы и спецотряды, как правило, продвигались вглубь территории, занятой противником, пешком, зимой – на лыжах и действовали лишь в прифронтовой полосе. Это объясняется трудностями передвижения по оккупированной территории, отсутствием разведданных о местности, противнике, настроении населения и, возможно, действующих в регионе партизанских формированиях, которые могли бы оказать помощь и поддержку, обеспечить необходимой информацией. Фактически они шли вслепую.

Были и другие проблемы: недостаточность подготовки участников спецгрупп, нехватка оружия, раций и т.д. В тыл врага они направлялись со служебными удостоверениями и в форме сотрудников НКВД, без определенного плана действий, вооруженные, как правило, только табельными пистолетами, небольшим количеством винтовок и ручных гранат. Так, заместитель начальника Осиповичской опергруппы А. И. Баранов в рапорте от 7 июля 1941 г. на имя заместителя наркома госбезопасности БССР С. Г. Духовича сообщал, что 30 из 50 бойцов группы не имеют винтовок, а 7 человек вообще не вооружены. Согласно рапорту командира Кричевской опергруппы С. Г. Духовичу от 12 июля 1941 г. личный состав группы в большинстве вооружен пистолетами, к которым имелось только по две обоймы с патронами. Также были указание на полное отсутствие гранат [3, с. 131, 132].

Помимо трудностей с материально-техническим обеспечением, недостаточно были проработаны и организационные вопросы. Работа по созданию партизанских отрядов порой поручалась людям, не имевшим представления о том, как и из кого следует создавать партизанские отряды, где они должны базироваться, где взять для них оружие и боеприпасы. При формировании чекистских отрядов и групп не учитывались особенности местности, в которой им предстояло действовать. В составе отдельных партизанских отрядов и опергрупп НКГБ БССР не было ни одного уроженца или жителя той местности, на которой им предстояло действовать [8, с. 6–10].

Так, Быховская спецгруппа, созданная 25 июня, насчитывала 102 бойца, из которых только семеро до войны служили на территории БССР, но не в Могилёвской области. Из 100 участников Осиповичской спецгруппы, образованной 29 июня, большинство составляли сотрудники управлений НКГБ и НКВД по Барановичской и Полесской областям [2].

Как уже отмечалось, крайне остро стояла проблема со снабжением партизанских отрядов и опергрупп НКГБ БССР продовольствием, гражданской одеждой, а в условиях предстоящего осенне-зимнего периода – теплой одеждой. В докладной записке от 27 октября 1941 г. заместителя начальника УНКГБ по Барановичской области, капитана госбезопасности Н. С. Зайцева, возглавлявшего в июне–сентябре 1941 г. Червенский партизанский отряд НКГБ БССР, на имя заместителя наркома внутренних дел СССР И. А. Серова указывалось: «Первое время после того, как мы остались в тылу противника, очень трудно было организовать питание такой большой группы людей (в отряде на момент создания насчитывалось 55 бойцов), так как связей среди населения мы не имели, оно из-за боязни репрессий со стороны немцев остерегалось поддерживать связь с нами, тем более, что мы все были в форме НКВД… На почве недоедания в отряде начались заболевания». Все это создавало дополнительные трудности, а порой приводило к гибели чекистов или срыву задания. Так, в докладе о деятельности Березинского партизанского отряда его командир, лейтенант госбезопасности С. В. Юрин, называя причины выхода отряда из тыла противника, сообщал: «…руководимый мною партизанский отряд, будучи в летнем обмундировании, оказался в исключительно тяжелом положении. Нахождение в болотах вызвало массовые заболевания партизан» [3, с. 132].

Серьезные недостатки при формировании спецгрупп и партизанских отрядов отмечались в Директиве НКВД СССР от 27 июля 1941 г. № 252 «Об организации партизанских отрядов и диверсионных групп, предназначенных для заброски в тыл противника», а также в указаниях НКГБ–НКВД БССР начальникам УНКГБ–УНКВД по Полесской и Могилёвской областям от 20 июля и 1 августа 1941 г. В частности, сообщалось, что «отряды и группы сколачиваются наспех, буквально за несколько часов из лиц, которые друг друга не знают, не умеют обращаться с оружием… Для отрядов и групп не выделяются проводники из местных жителей, не выдаются карты и компасы. Отряды и группы инструктируются коротко, в результате чего они не получают достаточно ясного представления о том, что и как они должны делать. Вопросы одежды, питания совершенно не продумываются». В документах делается вывод о том, что «в итоге такие отряды и группы в лучшем случае разваливаются, не доходя до линии фронта, а в худшем – попадают в руки противника и расстреливаются. Такая организация не только недопустима, но и преступна…», и предписывается в дальнейшем «направлять в тыл противника только такие группы и отряды, которые в результате тщательной подготовки действительно могут справиться с возложенными на них задачами». Отдельным пунктом категорически воспрещалось «отправлять партизанские отряды одетыми в чекистскую форму» [4, с. 375, 409, 442].

В докладной записке НКВД БССР в НКВД СССР «О результатах разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника» в сентябре 1941 г. также указывалось, что «при организации партизанских отрядов были допущены ошибки: отряды формировались из состава сотрудников НКВД и милиции с задачей оставаться на территории, оккупированной противником, не обеспечив их одеждой, достаточным вооружением; не были созданы продовольственные базы, не установлена связь с партийными организациями и советским активом, оставшимся для подпольной работы, в силу чего отряды не могли развернуть партизанское движение. Кроме того, с создаваемыми отрядами не была установлена связь» [9, с. 75].

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся трудности, многие партизанские отряды и оперативные группы НКГБ БССР смогли на должном уровне осуществить необходимые мероприятия и организовать борьбу в тылу противника. Были выявлены и исправлены ошибки первого года войны, налажена связь с Центром и местными партизанскими формированиями, спецгруппы тщательно готовились и инструктировались, комплектовались уроженцами той местности, в которую направлялась группа.

Так, уже в 1942 г. спецгруппа «Ястребы», направляемая через линию фронта в тыл противника на территорию Бегомльского района, имела в своем составе из 8 человек: 7 – уроженцев или жителей Витебской области, 1 – уроженца Бегомльского района, имеющих там родственников и знакомых, в т. ч. среди партизан [10, л. 6].

К концу 1943 г. в тылу противника было создано 9 областных оперативно-чекистских центров (ОЧЦ) НКГБ БССР, а в начале 1944 г. такой центр создали и в Белостокской области. ОЧЦ НКГБ БССР возглавляли агентурно-оперативную и подрывную работу в тылу противника. Оперативно-чекистские группы НКГБ БССР весь период своей деятельности контактировали с партизанскими соединениями, оказывали им значительную помощь в организации и развертывании партизанского движения в тылу врага. Значительное внимание также уделялось организации новых партизанских отрядов и групп. Так, отрядом НКГБ БССР Кусова было организовано 3 партизанских отряда с общим количеством 171 человек. Отрядом НКГБ БССР Зайцева создано 7 партизанских групп с общим количеством участников 90 человек. Отрядом «Боевой» за время его действий в тылу противника с 1942 г. по 1944 г. создано 6 партизанских отрядов с суммарным количеством участников 446 человек [1, л. 245, 246].

Общее количество партизанских отрядов и спецгрупп органов госбезопасности с численным составом бойцов, переброшенных на территорию Беларуси в период оккупации, а также созданных непосредственно в тылу противника, приведено в табл. 4, 5 и 6.

Указанные данные позволяют сделать вывод: основная работа по формированию спецгрупп и партизанских отрядов была проделана в 1941 г., в дальнейшем она была продолжена, что позволило усилить боеспособность партизанских отрядов, расширить зоны их действия и вовлечь в них широкие массы населения и, в целом, повысить эффективность борьбы с оккупантами.

Таблица 4

Сводные данные о количестве партизанских отрядов
и спецгрупп НКГБ-НКВД БССР
на оккупированной территории Беларуси [1, л. 80, 81].

Мероприятие	Количество отрядов и спецгрупп	Число бойцов
Партизанские отряды:		
переброшено в тыл противника	15	758
организовано в тылу противника	66	3634
Итого:	81	4392
Спецгруппы:		
переброшено в тыл противника	161	3100
организовано в тылу противника	181	2292
Итого:	342	5392

Таблица 5

Формирование партизанских отрядов и спецгрупп по годам [1, л. 81].

Мероприятие	Количество				Всего
	1941	1942	1943	1944	
Партизанские отряды:					
переброшено в тыл противника	15	0	0	0	15
организовано в тылу противника	42	15	6	3	66
Итого:	57	15	6	3	81
Спецгруппы:					
переброшено в тыл противника	45	51	48	17	161
организовано в тылу противника	0	6	92	83	181
Итого:	45	57	140	100	342

Таблица 6

Динамика изменения численного состава партизанских отрядов
и спецгрупп НКГБ-НКВД по годам [1, л. 81].

Мероприятие	Количество				Всего
	1941	1942	1943	1944	
Партизанские отряды:					
переброшено в тыл противника	758	0	0	0	758
организовано в тылу противника	636	1044	816	1138	3634
Итого:	1394	1044	816	1138	4392
Спецгруппы:					
переброшено в тыл противника	1259	850	791	200	3100
организовано в тылу противника	0	18	1196	1078	2292
Итого:	1259	868	1987	1278	5392

Число созданных органами государственной безопасности партизанских отрядов и вовлеченных в них человек, безусловно, невелико, по сравнению с общим количеством отрядов, действующих на оккупированной территории Беларуси. Однако при этом необходимо отметить, что работа органов государственной безопасности по развитию партизанского движения заключалась, в первую очередь, не в увеличении количества созданных партизанских формирований, а в улучшении их боеспособности за счет качественно организованной разведывательной, контрразведывательной, диверсионной и идеологической работы, подготовки кадров, способных эффективно реализовывать те задачи, которые ставились командованием.

В «Отчете о проведенной НКГБ Белорусской ССР диверсионно-боевой и агентурно-оперативной работе в тылу немецко-фашистских оккупантов в период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г.» указывается, что до создания в 1943 г. областных оперативно-чекистских центров НКГБ БССР развитие партизанского движения сдерживалось рядом факторов:

1. Плохо организованная партизанская разведка с ее агентурным аппаратом, что приводило к провалам в деятельности отрядов;

2. Отсутствие профессиональных контрразведчиков в партизанских формированиях, что способствовало проникновению в них агентов противника;

3. Пьянство партизан, мародерство, грабежи, а порой и необоснованные убийства по отношению к местному населению вызывали его отрицательную реакцию, снижали авторитет партизан и давали противнику факты, порочащие партизан;

4. Стихийность в руководстве партизанскими подразделениями, что не давало должного эффекта в борьбе с оккупантами [1, л. 247].

Областным ОЧЦ удалось устранить многие из имевшихся недостатков в партизанских отрядах. В частности, ими были осуществлены следующие мероприятия:

1. Во всех партизанских бригадах и отрядах были организованы особые отделы, возглавляемые сотрудниками НКГБ или НКВД, а также партийными и советскими работниками, обученными навыкам агентурно-оперативной работы;

2. Проведено внедрение проверенной агентуры в разведывательных органах противника, его административных учреждениях, местах расположения гарнизонов и внутри них, в антисоветских националистических организациях, что в последующем дало возможность своевременно выявлять замыслы противника и противопоставлять им свои эффективные мероприятия;

3. Создан сильный агентурный аппарат внутри партизанских отрядов и бригад, а также в районах их деятельности, что дало возможность выявить и разоблачить агентуру противника в партизанских формированиях;

4. Упорядочена и усовершенствована работа с агентурой партизанских разведок. Значительная часть связников и агентов обучены и проверены, что позволило улучшить конспирацию и избежать многих провалов. Некоторые агенты и связные партизан были разоблачены как агенты противника или двойные агенты;

5. Велась работа по укреплению законности внутри партизанских формирований [1, л. 248, 249].

Оперативно-чекистскими центрами и оперативными группами НКГБ БССР в тылу противника агентурным путем был сорван ряд мероприятий, проводимых немцами по формированию националистических воинских частей, угону населения в Германию, восстановлению промышленных предприятий и т.д. Были разложены многие гарнизоны противника, а их личный состав переведен на сторону партизан. Выявлено

и ликвидировано значительное количество немецкой агентуры, внедренной в партизанские формирования и районы их действия и проводившей подрывную работу.

Таким образом, четко организованная чекистами работа внутри партизанских формирований укрепила их боеспособность, а результаты деятельности партизан стали фактором, повысившим авторитет в глазах местного населения, что в целом способствовало росту партизанского движения и его эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). – Ф. 3. Оп. 3. Д. 11.
2. *Валаханович, И. А.* Первые белорусские партизаны / И. А. Валаханович // Военно-промышленный курьер. – 2006. – 21 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vpk-news.ru/articles/3085. – Дата доступа : 07.08.2017.
3. Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементея. – Минск : Междунар. Центр интеграц. информ. : Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов: в 8 т. – М. : Русь, 2000. – Т. 2. – Кн. 1: Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – 718 с.
5. *Прудников, М. С.* На линии огня / М. С. Прудников. – М. : Советская Россия, 1989. – 334 с.
6. ЦА КГБ РБ. – Ф. спецгрупп. Д. 98. Т. 1. Ч. 2.
7. ЦА КГБ РБ. – Ф. спецгрупп. Д. 99. Т. 1.
8. *Михайлашев, Н. А.* Буря гнева. Записки чекиста / Н. А. Михайлашев. – Минск : Беларусь, 1971. – 255 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов: в 8 т. – М. : Русь, 2000. – Т. 2. – Кн. 2: Начало (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). – 699 с.
10. ЦА КГБ РБ. – Ф. спецгрупп. Д. 101. Т. 1.

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

И. С. Благуш

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УРОКИ ГЕРМАНИИ

Ключевой тенденцией развития современной мировой экономики принято считать постиндустриализацию – формирование отраслевой структуры с доминированием сектора услуг (третичного сектора) и возрастанием роли наукоемких и высокотехнологичных производств, показатели динамики которых превосходят индикаторы традиционного индустриального сектора. Именно сфера информационных, интеллектуальных, деловых и иных услуг, а также развивающиеся на основе новых знаний наукоемкие отрасли промышленности, концентрирующие значительную долю вновь созданной стоимости на конечных звеньях технологических цепочек, обеспечивают основу устойчивого экономического роста и лидерство на высокодоходных динамично расширяющихся сегментах мирового рынка. Начавшийся в середине XX в. в развитых странах переход от индустриального общества к постиндустриальному, по мнению широкого круга авторов, «набирает силу и, вероятно, будет оставаться главной тенденцией в мировой экономике начала XXI в., распространяясь на все страны» [1, с. 12].

Принято считать, что постиндустриальная, или информационная эра наступает в результате длинной цепи технологических перемен. Существует так называемая «технологическая лестница», которая включает следующие ступени:

1) сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность;

2) легкая промышленность: текстильная, обувная и т.д.;

3) тяжелая промышленность: металлургия, судостроение, автомобилестроение, машиностроение;

4) «высокие технологии»: измерительные приборы, оптика, микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации;

5) отрасли, базирующиеся на научных достижениях будущего, – биотехнологиях, материаловедении, космических исследованиях и т.д.

Автор теории технологических укладов в России С. Ю. Глазьев и другие авторы, развивающие идеи длинноволновой динамики Н. Кондратьева, считают исчерпанным лидерский потенциал индустриальной отраслевой структуры экономики, соответствующей четвертому техно-технологическому укладу (ее формируют автомобиле- и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, органическая химия, производство синтетических материалов, добыча и переработка нефти), ограничивая временные рамки ее доминирования 1980–1990-ми годами [2, с. 8].

Процесс активной индустриализации, начавшийся в XVIII в., принято считать завершенным: в развитых странах – к середине XX в., а в большинстве постсоветских и некоторых развивающихся странах – к концу прошлого тысячелетия. Высокоразвитые страны в основном осуществили переход к информационной экономике, основу отраслевой структуры которой составляют третичный сектор, а в сфере материального производства – электронная промышленность, производство вычислительной техники, роботостроение, телекоммуникации, высокотехнологичная энергетика аэрокосмическая и фармацевтическая отрасли, по прогнозам, способные обеспечивать глобальное технологическое и экономическое лидерство до 2030–2040-х годов.

Ускоренная модернизация отраслевой структуры на основе техники и технологий 5-го, 6-го и 7-го поколений, сопровождающаяся сокращением, свертыванием или трансграничным переносом индустриальных производств, и определяют сегодня, по мнению значительной части экспертного сообщества, возможности технологического и экономического лидерства стран и регионов, позволяя обеспечить успешное решение проблем продовольственной, энергетической, экономической, экологической безопасности.

Теория постиндустриального общества сформировалась в 1960–1970-е годы в развитых странах. Подавляющее большинство исследователей называли в качестве его главных признаков не только существенное ускорение научно-технического прогресса и развитие сектора услуг, но и снижение роли материального производства, уменьшение его доли в валовом внутреннем продукте (ВВП). «Постиндустриальное общество, – утверждал один из создателей концепции постиндустриализма Дж. Белл, – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни...» [3].

По мнению российского исследователя Б. Иноземцева, «теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX века, в полной мере подтвержденной исторической практикой. Как и было предсказано ее создателями, общество массового потребления породило сервисную экономику, а в ее рамках наиболее быстрыми темпами стал развиваться информационный сектор хозяйства. Западные общества, находившиеся в момент становления основ данной концепции в глубоком кризисе, вновь восстановили свой статус лидеров мирового развития, одержав убедительную победу над стагнирующими индустриальными державами» [4, с. 3–4].

И в России, и в Беларуси сегодня существует достаточно много сторонников идеи, что постиндустриальный мир является «единственным полюсом хозяйственной мощи» и «современное общество может и должно рассматриваться именно как постиндустриальное» [4, с. 104].

Действительно, показатели доли третичного сектора в ВВП наиболее существенны именно в развитых странах, тем не менее, даже в группе G7

между лидерами постиндустриализации (Великобритания и США) и замыкающими рейтинг экономиками (Япония, Германия) наблюдается существенный разрыв в их значениях (в диапазоне 10,9−11,1 %) (табл. 1).

Лидерами по темпами и масштабам осуществления постиндустриальной трансформации отраслевой структуры являются США, где доля промышленности в ВВП в 2017 г. составила всего 18,9 %, а сфера услуг сформировала 80,2 % валового внутреннего продукта, и Великобритания с показателями 19 и 80,4 % соответственно [5].

Таблица 1

Отраслевая структура ВВП стран G7 в 2017 г. [5]

Позиция в рейтинге по доле третичного сектора в ВВП	Страна	Сельское хозяйство	Промышлен-ность	Сфера услуг
1	Великобритания	0,6	19	80,4
2	США	0,9	18,9	80,2
3	Франция	1,6	19,4	78,9
4	Италия	2,1	24	73,9
5	Канада	1,7	28,1	70,2
6	Япония	1	29,7	69,3
7	Германия	0,6	30,1	69,3

В США процесс деиндустриализации начался в середине 1960-х. В период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего сталелитейная отрасль теряла ежегодно 6,1 % работников, металлообработка − 4,5 %, автомобилестроение и производство оборудования − 1,5 %, швейная и текстильная промышленность – 2 %. В итоге было ликвидировано почти 2 млн. рабочих мест в обрабатывающих отраслях и 0,5 миллиона − в горнодобывающих. Если в 1997 г. в американской промышленности было занято около 17,5 млн. человек, то после двух волн обвального падения индикатора во время циклических кризисов 2000–2003 и 2008–2009 гг. – всего 12 млн [6]. Общая численность занятых в экономике около 143 млн. человек соответствует доле в 8,4 %.

Индустриальная занятость в США замещалась созданием рабочих мест в третичном секторе: в период между 1990 г. и 2008 г. появилось 27 млн. новых рабочих мест, из которых 40 % − в госсекторе и здравоохранении, остальные − в розничной торговле, строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе. В целом, 98 % создаваемых вакансий пришлось на «неторгуемый» сектор, производящий товары и услуги для внутреннего рынка. К 2008 г. в американском здравоохранении трудилось больше населения, чем в промышленности, при этом на правительство работало на 6 млн больше занятых, чем на здравоохранение (22 млн. против 16 млн.) [6].

При этом в экспортном секторе промышленность не была и не могла быть замещена сферой услуг. Американский экспорт быстро рос, но все очевиднее отставал от импорта. Промышленность, проигрывая внутренний рынок, не могла компенсировать этот проигрыш на рынке внешнем: отрицательное сальдо торговли промышленными товарами за период 1992–2008 гг. увеличилось вчетверо. Торговый баланс США, сводившийся с дефицитом с 1976 г., в 1997 г. составлял примерно 100 млрд долл., к 2000 г. приближался к 400 млрд, в 2007–2008 гг. достиг 700 млрд долл.; в 2017 г. – 811,2 млрд долл. [7]. Отрицательный торговый баланс породил отрицательный платежный, покрываемый за счет внешних кредитов и эмиссии доллара.

Деиндустриализация привела к изменению показателей и структуры внутреннего спроса, который традиционно считался сильной стороной экономики США, поскольку снижал ее зависимость от конъюнктурных колебаний на внешних рынках. Зарплаты в сфере услуг – в среднем почти в полтора раза ниже, чем на производстве, поэтому сжатие промышленности сопровождалось стагнацией или снижением реальной зарплаты: достигнув максимума в 1970-х, она снизилась к середине 1990-х и после непродолжительного роста во второй половине 1990-х – начале 2000-х вновь упала до прежнего уровня. При этом увеличивался и разрыв в доходах: в сфере услуг распространена временная и частичная занятость, гигантский рост которой наблюдался два последних десятилетия, профсоюзное движение развито слабее. В результате, начиная со времен президентства Р. Рейгана, американский внутренний спрос рос за счет все более доступных кредитов, приведя к ипотечному и финансовому кризису 2007–2008 гг., предшествовавшего глубокой экономической рецессии 2009 г.

Великобритания по масштабам деиндустриализации превзошла любое другое крупное государство мира: еще в XIX–XX веках заслуженно считавшаяся «мастерской мира», сегодня она стала центром банковских, страховых, финансовых, деловых, торговых услуг. За последние 30 лет, прошедших под знаком экономической модернизации, британская промышленность уменьшилась в размерах на две трети: по оценкам экспертов, в стране осталось только несколько крупных производителей, не имеющих существенного значения.

Основными темами дебатов в британских экономических кругах являются сегодня резкое увеличение дифференциации доходов, беспрецедентный долгосрочный, а не конъюнктурный рост безработицы и глубина и продолжительность экономического спада. Представления о том, что времена тяжелой промышленности и физического труда ушли навсегда, что задача правительства − не мешать рынку устанавливать отраслевые пропорции и открыть его для глобальных игроков, создавая режим свободной конкуренции, подвергаются все более острой и аргументированной критике.

«Теперь уже ясно, что блестящие перспективы постиндустриального будущего так и не материализовались. То, что элитами власти Великобритании со времен М. Тэтчер подавалось как экономическая модернизация, в сущности, привело к упадку отраслей промышленности, на смену которой часто не приходило ничего», − отмечал колумнист *The Guardian* А. Чакраборти в 2011 году, подчеркивая, что более консервативные в вопросах отраслевой трансформации немцы и французы смогли сохранить свои промышленные бренды – *Mercedes* и *Miele*, *Renault* и *Peugeot* – вместе со всеми производственными цепочками [8].

Шесть лет спустя на страницах той же *The Guardian Weekly* констатировалось, что немецкая экономика в 2016 году впервые опередила британскую по темпам экономического роста: 1,9 % против 1,8 %, войдя в первую пятерку наиболее развитых стран мира с устойчивым поступательным ростом (табл. 2) [9]. По оценкам, повышательная тенденция сохранится: аналитики *Focus Economics* прогнозируют 2,4 %-ное увеличение ВВП Германии в 2018 г. и не менее чем 2,0 %-ное в 2019 г. [10].

При этом абсолютное значение ВВП страны, оцениваемое по паритету покупательной способности на уровне 4,171 трлн долл., позволило Германии в 2017 году стать четвертой экономикой мира, уступив первые три позиции США (19,391 трлн долл.), Китаю (23,159 трлн долл.) и Японии (5,429 млн долл.) [11].

Таблица 2

Экономический рост в странах G7 в 2016 г. [9]

Позиция в рейтинге по годовому приросту ВВП	Страна	Темп экономического роста (%)
1	Германия	1,9
2	Великобритания	1,8
3	США	1,6
4	Япония	1,4
5	Канада	1,3
6	Франция	1,2
7	Италия	0,7

Германия позже, чем Великобритания, Франция и США, вступила в стадию промышленного переворота, однако уже в первой половине XX в. заняла второе место в мире по производству стали, автомобилей и самолетов, и первое − по производству продукции химической отрасли. Существенные сдвиги в отраслевой структуре экономики связаны с реализацией послевоенного «Плана Маршалла», благодаря которому в страну поступило не только большое количество американского продовольствия и продукции легкой промышленности, но также инвестиции и кредиты, направляемые преимущественно в тяжелую промышленность – энергетику, металлургию,

тяжелое машиностроение, химическую промышленность. В 1950–1957 гг. объем промышленного производства ФРГ увеличился в 2 раза (в США – только на 27 %, Великобритании – 22%, Франции – 64 %), а экспорт вырос в 4,3 раза, что заставило говорить о «немецком экономическом чуде» [12, с. 137]. К концу 1950-х Германия занимала первое место в Западной Европе по выплавке стали и чугуна, производству серной кислоты, каустической и кальцинированной соды, азотных и калийных удобрений, синтетического каучука, тракторов, автомобилей, судов, при этом производительность труда в промышленности ФРГ была выше, чем у ее конкурентов.

Одним из важнейших факторов развития экономики Германии в этот и последующий периоды стало ее активное участие в европейских интеграционных процессах: страна получила от объединения больше выгод, чем другие члены ЕЭС. Устранение торговых препятствий, открытие границ вследствие отмены тарифов и квот предоставили промышленности ФРГ новый стимул, способствовали экспансии немецких товаров на западноевропейские рынки.

В группе наиболее развитых стран, относящихся к «Большой семерке», Германия выделяется самой высокой долей промышленности в ВВП – 30,1 % [5]. В мировой экономике она до сих пор позиционируется как один из ведущих производителей продукции традиционных индустриальных отраслей – металлургии, тяжелого машиностроения, автомобилестроения, производства станков, точной механики, локомотивов, металлообрабатывающей техники, химической продукции и т.п.

Промышленность Германии отличается не только высоким уровнем концентрации производства (крупные предприятия, которые составляют только 2 % от общего числа, охватывают 30 % всех занятых в промышленности и производят половину продукции), но и конкурентоспособностью на мировом рынке. 500 крупнейших промышленных компаний страны, среди которых автомобильные более 80 % своих доходов генерируют за рубежом, увеличив их за последние 10 лет на 7 %. Прирост их выручки только в 2015 году составил 146,8 млрд евро, причем 59 % этой суммы обеспечили автомобильные концерны [13].

ФРГ в большей мере, чем другие страны «Большой семерки», зависит от состояния мирового рынка: ее экспортная квота в 2016 году составила 46,1 %, в то время как в США – 11,9 %, Великобритании – 28,3 %, Франции – 29,3 %, Канаде – 31%. К 2017 доля экспорта товаров и услуг в ВВП Германии еще больше увеличилась и достигла 47,3 % [14].

Супериндустриализация экономики не помешала Германии сохранить положительную динамику индикаторов внешней торговли. По абсолютной величине экспорт страны в последнее десятилетие прирастал в среднем на 4,3 % в год, в то время как ВВП – на 2,8 %. Товарный экспорт экономики, являющейся третьим мировым экспортером, в 2016 г. составил 1,308 трлн долл., что в G7 соответствует второй позиции после США (1,456 трлн долл.) и существенно превышает уровни индикатора для Великобритании (407,7 млрд долл.), Франции (506,9 млрд долл.), Италии (453,6 млрд долл.) [14].

Товарная структура внешней торговли Германии по-прежнему характеризуется высокой долей машин и оборудования, локомотивов, продукции автомобилестроения, металлургии, химической, текстильной, пищевой промышленности. Тем не менее торговый баланс страны остается положительным (+296,8 млрд долл), в то время как у США, Великобритании, Франции, активно осуществлявших постиндустриальную трансформацию экономики и наращивавших долю сферы услуг в ВВП, он отрицателен (−752,5; −182,9 и − 30,2 соответственно) [14].

Германия уже сейчас занимает лидирующие позиции на мировом рынке по объему продаж товаров «высокого качества» главным образом за счет индустриальных отраслей: машиностроения, электротехники, автомобильной и химической промышленности (по принятой в стране методике, продукт считается техникой «высокого качества», если доля НИОКР в его стоимости составляет от 3,5 до 8,5 %, если показатель превышает значение 8,5 %, то речь идет уже о технике «высшего качества»).

Новый проект реиндустриализации национальной экономики «Индустрия 4.0», предложенный федеральному правительству в 2012 г. Исследовательским Союзом Германии и реализуемый в рамках плана «Хай-тек стратегия 2020», предусматривает достижение прорыва в области использования информационных технологий для нового качества индустриального развития. В отличие от США, где IT-технологии используют для расширения возможностей третичного сектора, Германия ставит задачу подключения к сети комплексов промышленного оборудования и целых производств, что позволит добиться соединения традиционно сильных позиций страны в области индустрии с новейшими достижениями в области информатизации.

Новое направление развития немецкой промышленности знаменует собой четвертую индустриальную революцию, сменившую третий этап преобразований, связанный с развитием в 1960-70-е годы числового программного управления (ЧПУ) и микропроцессоров. Проект «Индустрия 4.0» базируется на идеях «интернета вещей» (*Internet of things*) и «киберфизических систем» (*Cyber-Physical Systems*). Речь идет о подключении компонентов производственной системы с использованием технологий искусственного интеллекта к сети Интернет, что позволит машинам понимать свое окружение и коммуницировать между собой, а также с логистическими и бизнес-системами поставщиков и потребителей по единому сетевому протоколу. Производственное оборудование, получая сведения об изменившихся требованиях, сможет само вносить корректировки в технологический процесс. В результате производственные системы приобретут способность к самооптимизации и самоконфигурации, оборудование будет осуществлять самодиагностику, что позволит добиться повышения гибкости и индивидуализации продукции и реализовать идею массового производства по индивидуальным заказам, снизив при этом цену продукции.

Таким образом, вопреки тиражировавшемуся десятилетиями представлению о том, что магистральный путь экономической модернизации лежит исключительно через стимулирование наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свертывание материального производства, Германия не только сохранила индустриальный промышленный сектор, но и обеспечила его конкурентоспособность, интегрировав в производственные системы новейшие технологии. Вместо массированной деиндустриализации Германия предложила стратегию реиндустриализации экономики, доказав ее преимущества значениями ключевых макроэкономических индикаторов.

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 годов, возникновение которого в значительной мере было связано с чрезмерным разрастанием финансового сектора и его спекулятивной составляющей, низким уровнем прозрачности и управления рисками, нанес серьезный удар по идеологии постиндустриализма. Именно промышленному сектору с подачи Германии отводится сегодня роль драйвера экономического роста в ЕС. В январе 2014 г. Еврокомиссией было опубликовано специальное коммюнике «За европейский промышленный ренессанс», предлагавшее принятие безотлагательных мер для возрождения европейской промышленности.

Новый взгляд на развитие промышленного сектора демонстрируют в последние годы и в странах-лидерах постиндустриализации. В США в 2014 году был создан некоммерческий консорциум промышленного Интернета *Industrial Internet*. В Японии активно обсуждают собственные концепции подключенных к сети фабрик (*Connected Factories)* для повышения конкурентоспособности своей индустрии, в Китае принята доктрина «Китайское производство 2025», в рамках которой поставлена задача последовательно довести уровень промышленности от 2.0 до 3.0, а затем – совершить прорыв к уровню индустрии 4.0.

Уроки Германии, продемонстрировавшей стратегические возможности реиндустриализации, представляют ценность и для Беларуси, активно развивающей экспортоориентированный IT-сектор на основе аутсорсинговой модели, пока не ориентированной в достаточной степени на внутренний рынок и решение задач системной модернизации промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дидюля, Л. В.* Международная экономика: курс лекций / Л. В. Дидюля. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 81 с.

2. *Глазьев, С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2 (57). – С. 8–27.

3. *Bell, D.* Notes on the Post-Industrial Society (1) / D. Bell // National Affairs.– 2018. – No. 35. – P. 24–37.

4. *Иноземцев, В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 132 с.

5. GDP Composition by Sector of Origin 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.cia.gov/library/publications/the-world-fact-book/fields/2017.html. – Date of access : 24.03.2018.
6. Деиндустриализация Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:www.vestifinance.ru/articles/41476. – Дата доступа : 25.03.2018.
7. USA 2018 Countries Statistical Profiles: Key Tables from OECD [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.oecd-library.org/csp-usa-table-2018-2-en.pdf. – Date of access : 26.03.2018.
8. Западная Европа: деиндустриальная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:www.sd.net.ua/2011/11/24/zapadnaya-evropa-deindustrial-naya-revolyucia.html. – Дата доступа : 25.03.2018.
9. Germany Overtakes UK As Fastest-Growing G7 Economy [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.theguardian.com/world/blog/2017/feb/23/Germanys-gdp-shows-19-rise-over-last-year. – Date of access : 23.03.2018.
10. FocusEconomics: Germany Economic Outlook [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.focus-economics.com/countries/germany. – Date of access : 23.03.2018.
11. World GDP Ranking 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : http: knoema.com/nwnfkne/world-gdp-ranking-2017-gdp-by-country-data-and-charts. – Date of access : 27.03.2018.
12. Экономика зарубежных стран: учебник для студентов учреждений высш. образования / С. Н. Лебедева и др.; под общ. ред. С. Н. Лебедевой, Ю. Г. Козака, С. Н. Лебедевой. – Минск : Выш. шк., 2013. − 462 с.
13. Germany Top 500: Global Grows in Times of National Focus [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.accenture.com/de-de/top-500-2017-en.pdf. – Date of access : 27.03.2018.
14. Countries Statistical Profiles: Key Tables from OECD [Electronic resource]. – Mode of access : http:www.oecd-library.org/csp-table-2018-2-en.pdf. – Date of access : 26.03.2018.

О. В. Бригадина

«КОСМОПОЛИТЫ, ОТЩЕПЕНЦЫ И ДРУГИЕ АНТИСОВЕТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ…»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ ПО БОРЬБЕ С ИНАКОМЫСЛИЕМ В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Победа в Великой Отечественной войне вызвала мощный подъем патриотических чувств, гордость за подвиг народа в тылу и на фронте. Личные впечатления советских людей, побывавших в зарубежных странах, ослабляли пропагандистские стереотипы об «ужасах капитализма» Союзнические отношения со странами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение связей и контактов после войны. Однако начавшаяся вскоре «холодная война» перечеркнула все подобные настроения. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 1930-е гг. приемах и методах утверждения «классового подхода» в идеологическом воспитании масс. Главной мишенью

кампании по борьбе с инакомыслием были деятели науки и культуры. Многие стали жертвами обвинений в отсутствии патриотизма, насаждении чуждой морали, связях с Западом, отступлении от марксистско-ленинской идеологии в науке, искусстве и литературе.

Основой пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. В тосте «За здоровье русского народа», в сущности, признавалось, что победа достигнута не только благодаря преимуществам социалистического строя, но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В выступлении провозглашалось, что этот народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание как руководящей силы» Союза. Отмечены были не только его «ясный ум, но и такие качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы» [1, с. 175]. Уже через несколько месяцев после известной фултонской речи У. Черчилля в марте 1946 г. идеологические службы СССР приступили к осуществлению мероприятий, нацеленных на укрепление идеологической стойкости советских людей, их готовности решительно отстаивать ценности советского образа жизни не только в идеологическом, но и в возможном открытом военном противоборстве с капиталистическим Западом. Руководители пропагандистского аппарата старались не допустить «кривотолков» в понимании сталинского тоста. Передовые статьи «Правды» и других изданий разъясняли, что патриотизм советского народа ничего общего не имеет с выделением русской нации как «избранной», «высшей», с презрением к другим нациям [2, с. 7]. Первые результаты послевоенного теоретического осмысления феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом предложил О. В. Куусинен в статье «О патриотизме» в 1945 г. в журнале «Новое время». Автор признавал, что в прошлом патриотизм сторонников коммунизма и социализма долгое время оспаривался, а обвинения коммунистов и всех левых рабочих в отсутствии патриотизма было свойственно «врагам рабочего движения». В действительности же возрожденный в годы войны патриотизм означал «самоотверженную борьбу за свободное, счастливое будущее своего народа». Национализм в социалистической стране исключался по определению. Космополитизм же трактовался как «безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству», он был «противопоказан трудящимся и коммунистическому движению каждой страны». Куусинен заявлял, что космополитизм «свойствен представителям международных банкирских домов и международных картелей, крупнейшим биржевым спекулянтам – всем, кто орудует согласно латинской пословице “ubi bene, ibi patria” (где хорошо, там и отечество)» [3, с. 60–62]. Еще одна попытка подвести единую теоретическую базу под антипатриотизм и космополитизм была сделана Г. Ф. Александровым в статье «Космополитизм – идеология империалистической буржуазии», которая была опубликована в журнале «Вопросы

философии» в 1948 г. В статье автор утверждал, что антипатриоты выступают под флагом космополитизма, потому что под ним удобнее всего пытаться разоружить рабочие массы в борьбе против капитализма, ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран, подавить революционное движение рабочего класса [4]. Основой работы по теоретическому обоснованию кампании по борьбе с космополитизмом стали меры по укреплению чувств патриотизма, который в определенной степени перерастал в явный национализм. Советские лидеры готовы были подозревать в антипатриотизме всякого, кто сомневался, что СССР догоняет Запад в историческом развитии.

Идеологическая чистка затронула многих деятелей науки. Тон кампании по борьбе с космополитизмом в науке задал журнал «Большевик». В 1948 г. в статье А. Зворыкина «О советском патриотизме в науке» признавались «вредными» рассуждения об абстрактной вненациональной мировой науке, давалась рекомендация постоянно подчеркивать приоритет советской науки перед буржуазной [5, с. 132]. Каждому мало-мальски значительному открытию «буржуазных» ученых тут же противопоставлялся советский первооткрыватель. Практически во всех газетах постоянно появлялись заметки и статьи о национальном первенстве в разработке пенициллина, создании аэроплана, электролампы [Там же, с. 138]. Власть преследовала единственную цель: навсегда уничтожить стремление к одобрению, применению и осмыслению в СССР достижений Запада. На физическом факультете МГУ 13 ноября 1947 г. состоялось заседание ученого совета физфака МГУ. Профессора МГУ А. А. Власов, Я. П. Терлецкий, А. К. Тимирязев, В. Н. Кессених выступили с яростными обвинениями в космополитизме физиков А. Ф. Иоффе, В. А. Фока, П. Л. Капицы, Л. И. Мандельштама, В. Л. Гинзбурга. Ученых обвиняли в замалчивании успехов советской науки, прогресса работ сотрудников физического факультета МГУ. Следствием этой борьбы стало закрытие научных журналов «Acta physicochimica USSR» и «Journal of the Physics USSR» [6, с. 150]. Эти журналы, выходившие с 1932 г. на иностранных языках, пропагандировали достижения советской науки за рубежом и пользовались там большой популярностью.

Новый толчок кампании по борьбе с космополитизмом в науке дала сессия ВАСХНИЛ. Она проходила в августе 1948 г. под руководством Т. Д. Лысенко, при поддержке Сталина. Эта сессия вошла в историю как крупнейшая антинаучная акция борьбы с псевдоучениями о чудо-культурах и агроприемах; на ней официально провозглашалась победа материалистического учения Т. Д. Лысенко над идеалистической теорией «вейсманизма-морганизма» из-за рубежа. Были объявлены «вредными» такие науки, как генетика и молекулярная биология. Большое количество перспективных исследований были свернуты. В 1948–1950 гг. целый ряд крупнейших на то время ученых (А. Р. Жебрак, П. М. Жуковский, А. Д. Сперанский и многие другие) были обвинены в «низкопоклонстве и антипатриотизме». Лженауками объявили кибернетику и социологию.

В 1947 г. для совместной кампании против низкопоклонства было использовано «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Г. Клюевой и профессора Г. И. Роскина. Клюева и Роскин создали эффективный, по их мнению, препарат от рака – «КР» (круцин). Открытием, находившемся в состоянии разработки и еще не проверенным должным образом, заинтересовались специалисты из США. С разрешения министра здравоохранения СССР Г. А. Митерева американский посол У. Смит встретился с учеными, предложил издать книгу в США и продолжить работу над препаратом совместно с американскими специалистами. Командированный в США академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин по указанию заместителя министра здравоохранения 27 ноября передал американским ученым рукопись книги и ампулы с препаратом. И. В. Сталин оказался категорическим противником передачи сведений о «важнейшем открытии советских ученых» американцам. Митерева освободили от занимаемой должности, а возвратившегося из командировки Парина сразу же арестовали и осудили в апреле 1948 г. на 25 лет тюремного заключения за измену Родине. Сталин лично занялся организацией кампании. По его указанию А. А. Ждановым было составлено закрытое письмо ЦК, посвященное «делу КР» как проявлению «низкопоклонства и раболепия» интеллигенции перед «буржуазной культурой Запада» и важности «воспитания советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам Советского государства» [7]. По инициативе Сталина 28 марта 1947 г. было принято Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Согласно этому постановлению предполагалось создание особого органа – «суда чести», на который возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке». Немедленно был организован «суд чести» над Клюевой и Роскиным. Всего по стране было создано 82 суда – в научных, учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах. В июле 1948 г. срок действия судов был продлен на год, но после этого власти потеряли к ним интерес. За два года существования судов состоялось около 50 процессов [6, с. 298–301].

Идеологическая чистка затронула не только естественные науки. Наиболее ярко кампания по борьбе с космополитами проявляла себя в гуманитарных науках, в первую очередь в истории и философии. В марте 1949 г. на историческом факультете МГУ была разоблачена группа историков-антипатриотов, через некоторое время – в Институте истории АН СССР. Главной мишенью обвинений стал академик И. И. Минц, названный предводителем антипатриотов от истории. Его обвиняли в том, что он монополизировал в своих руках разработку истории советского общества, упрекали в насаждении семейственности, в низкой

результативности труда. Но наиболее серьезными обвинениями против академика были идеологические: обвинения в том, что именно он умалил роль русского народа и его авангарда – русского рабочего класса в новейшей истории; в качестве ученика М. Н. Покровского еще в 1928 г. он доказывал, что основоположниками русской исторической науки были ученые немецкого происхождения; в статье «Ленин и развитие советской исторической науки» утверждал, что не Ленин и Сталин, а его ближайшие ученики И. М. Разгон, Е. Н. Городецкий и Э. Б. Генкина положили начало изучению советского периода отечественной науки. Минц и причисленные к его «группе» историки были изгнаны с прежних престижных мест работы. Теперь они могли зарабатывать себе на жизнь в лучшем случае чтением лекций во второразрядных вузах. Наряду с Минцем и его учениками гнев научной общественности испытал на себе и профессор МГУ Н. Л. Рубинштейн. В 1948 г. был раскритикован и запрещен учебник «Русская историография», признанный «буржуазно-объективистским», позднее – статья «Развитие истории СССР» в Большой советской энциклопедии. Публичные раскаяния Рубинштейна в совершенных «грубых ошибках объективистского характера» не спасли его от изгнания из университета. В марте 1949 г. он вынужден был покинуть и пост научного руководителя Государственного исторического музея. В космополитизме были обвинены также историки А. М. Деборин, И. С. Звавич, Л. И. Зубок, Б. Е. Штейн, А. А. Трояновский, Л. Е. Кертман и другие [7]. В философии самой видной жертвой «борьбы с космополитизмом» явился главный редактор журнала «Вопросы философии», заместитель директора Института философии АН СССР Б. Кедров, который был сначала снят с поста в журнале, а затем уволен из института. В письме руководителей Института философии АН СССР и журнала «Вопросы философии» Г. М. Маленкову по вопросу борьбы с космополитизмом от 21 марта 1949 г. утверждалось, что Б. Кедров в своих работах «Энгельс и естествознание», «Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней», «Пути развития естествознания» развивал тезис о единой «мировой науке», «интернациональной солидарности ученых», о том, что «приоритет в науке не имеет значения», а это было недопустимо в условиях того времени [3, с. 325]. Фактически с 1946 по 1953 г. в философии, в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, идет борьба двух группировок, одна из которых условно возглавлялась Г. Ф. Александровым, а другая – М. Б. Митиным. Она проходила с переменным успехом. На разных этапах этой борьбы перевес был то у одних, то у других. Однако как таковой расправы над Митиным, его группировкой и другими потенциальными «космополитами» в философии не состоялось, очевидно, потому, что она привела бы к усилению позиций Александрова. А это, надо полагать, не входило в планы Сталина, которому было выгодно равновесие и постоянное противоборство между несколькими группами ученых на «философском фронте».

Активно идеологическая борьба с космополитизмом в литературе началась в 1947–1948 гг. в московском Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР с обвинений в адрес скончавшегося еще в начале века профессора А. Н. Веселовского, которого заклеймили как родоначальника формалистическо-космополитического направления в советском литературоведении, а созданную им научную школу объявили «главной прародительницей низкопоклонничества перед Западом». Большое внимание уделялось пропагандистской работе, основной направленностью которой была помощь в выявлении космополитов. Следуя идеологическим установкам, писатели показывали, что «космополит» любит без дела употреблять иностранные словечки, покупать заграничные вещи, испытывает тщеславную радость от публикации в зарубежном журнале; он деловит, преуспевает, одевает жену во все модное, имеет оранжерею; в нем нет советской скромности и стремления быть, как все. Большой популярностью в это время пользовались пьесы Б. Ромашова «Великая сила», А. Штейна «Закон чести», Н. Вирты «Хлеб наш насущный», К. Симонова «Чужая тень», пропагандировались пьесы А. Якобсона «В цитадели», «Два лагеря», роман В. Лациса «Буря», повесть В. П. Катаева «Сын полка» и другие.

Выявление «низкопоклонства» и борьба с космополитизмом проходили также и в области искусства: 10 февраля 1948 г. в «Правде» появилась статья президента Академии художеств А. Герасимова «За советский патриотизм в искусстве», разоблачавшая критиков, пишущих по вопросам изобразительного искусства. Затем последовало множество других статей, разоблачавших космополитов и в других сферах искусства, и общественной жизни: «Против космополитизма и формализма в поэзии», «Безродные космополиты в ГИТИСе», «Буржуазные космополиты в музыкальной критике», «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов», «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве», «Космополиты, отщепенцы и другие антисоветские элементы» и т.п. [6, с. 536–542]. Неугодными признавались фильмы режиссеров Л. Д. Лукова «Большая жизнь», А. П. Довженко «Украина в огне», С. А. Герасимова «Молодая гвардия». Советским композиторам в это время открыто давалось понять, что следует создавать больше музыкальных композиций, посвященных товарищу Сталину. В космополитизме были обвинены композиторы Д. Д. Шостакович, С. С. Прокофьев, Г. Н. Попов, Н. Я. Мясковский. За низкопоклонство перед Западом были освобождены от занимаемых должностей художественный руководитель Камерного театра А. Я. Таиров, художественный руководитель Государственного еврейского театра С. М. Михоэлса. В 1948 г. был закрыт музей А. Голубкиной, Государственный музей нового западного искусства. В театральном деле, кинопромышленности, кинопрокате сложилась кризисная ситуация. Необходимость пополнения бюджета привели к парадоксальной, на первый взгляд, ситуации. Комиссия агитпропа в июле – августе 1948 г. допустила к выходу в свет 50 немецких, американских, французских, итальянских фильмов. Разрешались некоторые музыкальные фильмы и исторические, показывающие,

с точки зрения цензоров, «звериный облик английских колонизаторов» (фильм «Капитан Ярость»), «жестокость и коварство английской знати, плетущей интриги и заговоры» («Сердце королевы» о Марии Стюарт), патриотические, демонстрирующие, как во имя родины жертвуют любовью («Мария Илонна»), документальные фильмы о путешествиях. Не допускались фильмы, осуждающие борьбу народа против угнетателей или «прославляющие мощь американской военной авиации и непревзойденные качества американских пилотов» [5, с. 101].

Идеологические кампании по борьбе с инакомыслием в СССР в послевоенный период во многом сыграли негативную роль в развитии науки, литературы и искусства. Проводились они примерно по одному сценарию: подготовительный этап – критика какого-нибудь произведения, теории, самого автора на различных совещаниях в ЦК, Секретариате и других органах, затем широкое обсуждение в печати либо на специально организованных всесоюзных дискуссиях в форме хлестких обвинений и обличений, делались оргвыводы, определялась степень наказания, и, наконец, на завершающем этапе, в основном происходил некоторый откат назад, свертывание кампании, иногда наказание слишком ретивых исполнителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовин, А. И.* Русские в XX веке / А. И. Вдовин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 446 с.
2. *Лебедев, В.* Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза / В. Лебедев // Пропагандист. – 1945. – № 16.
3. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. – М. : МФД : Материк, 2005. – 768 с.
4. *Александров, Г. Ф.* Космополитизм – идеология империалистической буржуазии / Г. Ф. Александров // Вопросы философии. – 1948. – № 3. – С. 178–186.
5. *Фатеев, А.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. Борьба с космополитизмом / А. Фатеев. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 261 с.
6. *Костырченко, Г.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм / Г. Костырченко. – М. : Междунар. отношения, 2003. – 784 с.
7. *Шаханов, А. Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке / А. Н. Шаханов // «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна. – М., 2005. – С. 186–203.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

НЕМЕЦКОЕ ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На рубеже XIX–XX вв. на землях Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний проживало около 27 тыс. немцев, или

0,3 % от общего числа населения этих территорий. Больше всего немецких колонистов было в Белостокском уезде Гродненской губернии – 76 % от всех жителей губернии, причем только на город Белосток приходилась половина немцев, населявших Гродненщину. Меньше всего представителей немецкой общности было в Могилевской губернии – 1,3 тыс. За период с 1897 по 1917 г. число немцев в границах пяти губерний снизилось на 30 % [1, с. 56–59; 2, с. 76–79; 3, с. 202–205; 4, с. 80–83; 5, с. 96–99; 6, с. 645].

Большинство лиц немецкой национальности, проживавших на территории Беларуси, по сути, были немцами-колонистами, так как их предки – этнические немцы, переселились в различные регионы Российской империи еще задолго до начала Первой мировой войны. Постепенно эти немцы приняли российское подданство и основали поселенческие колонии.

Согласно немецкой переписи населения 1916 г. в Белостокско-Гродненском округе, в состав которого входила большая часть белорусских земель, в совокупности немцы, литовцы и латыши составляли 1,2 % от общего числа жителей региона [7, л. 33; 8, S. 433].

В границах Виленской губернии на долю немцев и украинцев совокупно приходилось чуть более 1,1 % от всех жителей региона, в Гродненской – совокупно на долю немцев и литовцев приходилось 0,8 % от всего населения губернии, в Минской – немцы составляли 0,2 % от всего населения, в Могилёвской – 0,1 % от общего числа жителей [9].

Несмотря на сравнительно небольшую численность, немецкая национальная общность, населявшая белорусские земли в годы Первой мировой войны, была одной из наиболее представительных наряду с белорусами, евреями, поляками, русскими, литовцами, латышами, украинцами и татарами. Немцы Беларуси играли определенную роль в культурно-образовательных процессах, протекавших в этом регионе. Так, представители этой этнической группы говорили на своем родном языке – немецком. Языком преподавания в школах для их детей в большинстве случаев также был немецкий.

Еще до начала Первой мировой войны в декабре 1913 г. состоялись два заседания инородческой секции съезда по народному образованию, где были заслушаны доклады и сообщения по вопросам развития школьного образования различных национальных общностей, населявших Российскую империю, в том числе и немцев [10].

В ходе работы заседания были приняты резолюции, касающиеся школ немцев-колонистов. Так, все предметы должны были преподаваться на немецком языке. Русский язык предполагалось изучать в качестве отдельного предмета в рамках школьной программы. Также в местах проживания немцев-колонистов предусматривалось открытие специальных учебных заведений, осуществляющих подготовку учителей из числа представителей немецкой общности [11].

Такие предложения со стороны представителей инородческой секции были продиктованы всеобщим мнением о том, что «для всякого непредубежденного человека ясно, что всякое воспитание имеет ярко

национальную окраску: француз, немец, голландец <…> воспитывается в национальной атмосфере (язык, литература, географическая и культурная среда – все имеет национализирующее влияние), на своем родном языке приобщается как к родной, так и общечеловеческой культуре» [12].

Однако начавшаяся война не позволила воплотить в жизнь эти идеи. С августа 1914 г. учащиеся германского, а также австрийского и венгерского подданства освобождались от посещения уроков до тех пор, пока они будут подданными враждующих с Российской империей государств [13].

Уже летом 1916 г. Совет Министров издал Положение «О воспрещении преподавания на немецком языке», которое распространялось на все учебные заведения, включая частные школы, а также школы, находящиеся на содержании евангелическо-лютеранских приходов. Запрет на преподавание немецкого языка вводился с 1916/1917 учебного года на всей территории Российской империи, в том числе и на белорусских землях. Исключение было предусмотрено только для преподавания немецкого языка как отдельного предмета и Закона Божьего [14].

На законодательном уровне также были приняты решения о прекращении приема германских и австрийских подданных в государственные и частные учебные заведения всех типов, независимо от того, к каким ведомствам они относились. Эта мера не распространялась лишь на тех немцев и австрийцев, которые приняли решение перейти в русское подданство [15].

С началом немецкой оккупации белорусских земель наблюдается некоторая активность в развитии национального образования и языков. Так, всем этническим общностям на территории Ober Ost было разрешено издавать газеты на родном языке [16, с. 203]. Однако распоряжением от 10 июля 1916 г. производство, продажа и распространение новых печатных изданий, в том числе школьных учебников и церковных книг, были возможны только с разрешения главнокомандующего Восточным фронтом. Причем вся печатная продукция должна была продаваться только в полевых книжных магазинах и привокзальных книжных киосках [17, л. 214–215].

В 1916 г. по инициативе немецкого оккупационного правительства на территории Ober Ost были разработаны и приняты директивы, направленные на стимулирование учеников [18, л. 52].

Согласно дерективам контроль за всеми воспитательными и образовательными мероприятиями был возложен на управление генерал-майора Э. фон Людендорфа, начальника штаба Ober Ost. Для создания, дальнейшей работы и закрытия всех образовательных учреждений, а также ведения учебных курсов и частных уроков требовалось разрешение от управления. Для каждой школы назначался инспектор, которому подчинялись все преподаватели. Школы должны были «заботиться о религиозном сознании, приучать молодежь к исполнению законов, внимательному отношению к немецкому начальству, германским вооруженным силам, а также приучать к порядку, прилежности, правдивости, честности, в том числе и перед родителями…» [Там же].

Особое внимание в документе отводилось языку преподавания. Отмечалось, что языком занятий является родной язык учащихся. При этом на всех этапах школьного обучения на изучение немецкого языка должно было отводиться как можно большее количество часов, чтобы по окончании школы выпускник мог владеть «в достаточной мере» его устной и письменной формами. Русский как язык для проведения занятий во всех школах был запрещен, но он мог выступать как факультативный предмет в средней и старшей школах. Предполагалось, что преподаватели школ будут общаться с представителями школьных управлений по-немецки. Школьные журналы и другая документация также должны были вестись на немецком языке [18, л. 52].

В 1918 г. с приходом к власти большевиков все население страны, в том числе и жители белорусских земель, независимо от национальности и вероисповедования, получили равные возможности для дальнейшего культурного развития. Отменялись все национальные ограничения и привилегии, существовавшие до этого времени [19, л. 43а–43а об.].

Для решения национального вопроса в стране был сформирован Наркомнац. На территории Беларуси эта функция принадлежала его структурному подразделению – Белнацкому, деятельность которого была направлена на содействие белорусскому народу в отстаивании его прав на национальное самоопределение. Это позволило сместить акцент в пользу белорусского языка и образования. При этом полноправными стали родные языки всех этносов белорусского региона, начала складываться система национального образования.

Таким образом, на территории Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний на рубеже XIX–XX вв. существовали национальные школы для немцев-колонистов. С началом Первой мировой войны деятельность немецких школ, а также использование немецкого языка находились под запретом, что вполне объяснимо обстоятельствами военного времени. В 1916 г. на белорусских землях, входивших в зону германской оккупации, были созданы некоторые условия для развития национальных школ, в том числе и немецких. Однако следует понимать, что на оккупированной территории немцы, делая акцент на развитии школ и культур всех национальностей региона, своими действиями проводили активную политику дерусификации. Это было вызвано необходимостью получить поддержку от местного населения для успешного ведения войны. После установления советской власти на белорусских территориях наибольшее значение стало уделяться развитию белорусского школьного дела. При этом все проживавшие в регионе представители остальных национальностей также получили право на развитие своих школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 4, тетр. 3 : Виленская губерния. – 1904. – 179 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 5, тетр. 3 : Витебская губерния. – 1903. – 281 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 11 : Гродненская губерния. – 1904. – 319 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 12 : Минская губерния. – 1904. – 243 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 13 : Могилевская губерния. – 1903. – 276 с.
6. Кто живет в Беларуси / А. В. Гурко [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 798 с.
7. *Мигун, Д. А.* Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. А. Мигун. – Минск, 2001. – 120 л.
8. Das Land Ober Ost: deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno / hrsg. im Auftr. des Oberbefehlshabers Ost, bearb. von der Presseabt. Ober Ost. – [Kowno] : Presseabt. Ober Ost ; Stuttgart ; Berlin : im Buchhandel bei der Dt. Verl.-Anst., 1917. – XI, 472 S.
9. Volker-Verteilung in West-Russland : (Atlas). – Kowno : Kownoer Ztg ; [Hamburg] : [Friederichsen], 1916. – 1 Bl. ; 20 K.
10. Резолюции, принятые инородческой секцией съезда по народному образованию // Вестн. еврейского просвещения. – 1914. – № 29. – С. 63.
11. О школах немцев-колонистов // Вестн. еврейского просвещения. – 1914. – № 29. – С. 75.
12. Трудовая школа и национальное воспитание // Вестн. еврейского просвещения. – 1914. – № 30. – С. 33.
13. О детях германских, австрийских и венгерских подданных // Журн. М-ва Нар. Просвещения. – 1914. – Ноябрь. – С. 114.
14. Высочайше утвержденное положение Совета Министров от 18 августа 1916 г. о воспрещении преподавания на немецком языке // Журн. М-ва Нар. Просвещения. – 1916. – Ноябрь. – С. 4–5.
15. О детях германских и австрийских подданных // Журн. М-ва Нар. Просвещения. – 1916. – Ноябрь. – С. 92–93.
16. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне, 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 799 с.
17. ГИАЛ. – Ф. 641. Оп. 1. Д. 883а.
18. ОРБАН Литвы. – Ф. 23. Д. 46/1.
19. ГАМн. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 68.

А. М. Кушнярэвіч

ГРОДЗЕНСКІЯ ЗАМКІ
Ў ТВОРЧЫМ ЛЁСЕ НЯМЕЦКІХ АРХІТЭКТАРАЎ XVIII ст.

Актыўным культурным кантактам Беларусі з іншымі краінамі блізкага і далёкага замежжа садзейнічала яе геапалітычнае становішча паміж усходняй візантыйскай і еўрапейскай цывілізацыямі, у кантактнай зоне культурна-рэлігійных арэалаў праваслаўя і каталіцтва. Гэта выпрацавала ў беларускага народа спецыфічны менталітэт ўспрымання не толькі ўсходняй, але і заходнееўрапейскай культуры, а таксама абумовіла шырокія кантакты з Захадам. У развіцці беларуска-замежных культурных сувязей XVIII ст. важную ролю адыгралі нямецкія архітэктары, унёсак якіх у гэты працэс да гэтага часу недастаткова вывучаны.

У той час эвалюцыя беларускай архітэктуры адбывалася пад знакам некалькіх стыляў і напрамкаў, якія змянілі адзін аднаго ці суіснавалі разам: барока, ракако і класіцызм. На працягу стагоддзя яны яскрава адлюстраваліся ў палацава-сядзібнай архітэктуры, культавым мураваным і драўляным дойлідстве, гарадскіх пабудовах, будынках грамадзянскага прызначэння. У сувязі з неспрыяльнымі ўмовамі жыцця, звязанымі з ваеннымі дзеяннямі ў пачатку XVIII ст., найбольш актыўнае развіццё будаўніцтва адбывалася ў 1730–1740-я гг. [1, с. 12]. Пры каралеўскім двары ў Варшаве фарміруецца мастацкая дыяспара нямецкіх дойлідаў, у склад якой уваходзілі буйнейшыя саксонскія архітэктары таго часу. Іх актыўная міграцыя ў Вялікае Княства Літоўскае (ВКЛ) звязана з каралеўскай уладай Рэчы Паспалітай, якая належала ў 1696–1764 гг. саксонскім курфюрстам з дынастыі Ветынаў Аўгусту ІІ (1696–1733) і Аўгусту ІІІ (1734–1764). Таму каралеўскія рэзідэнцыі ў Варшаве і Гродне будаваліся ў першай палове XVIII ст. на французскі манер дрэздэнскімі прыдворнымі архітэктарамі: бацькам і сынам М. Д. і К. М. Пёпельманамі, Я. К. Науманам, І. Х. Яўхам, Я. З. Дэйбелем, Я. Ф. Кнобелем і іншымі. Некаторыя са згаданых архітэктараў праектавалі таксама палацава-паркавыя комплексы і сядзібы для мясцовай заможнай шляхты. Попыт на навамоднае будаўніцтва спрыяў прыезду ў Рэч Паспалітую дрэздэнскіх майстроў. Асабліва значны прыток саксонцаў назіраўся падчас Сямігадовай вайны (1756–1762), калі ўвесь дрэздэнскі каралеўскі двор пераехаў у Варшаву [2, с. 66]. Яны прынеслі ў Рэч Паспалітую формы французскай рэпрэзентатыўнай палацавай архітэктуры, узбагачанай у Германіі элементамі барока і ракако. Галоўны каралеўскі архітэктар Аўгуста ІІ Моцнага, буйнейшы прадстаўнік позняга барока і ракако, стваральнік дрэздэнскага Цвінгера Матэус Даніэль Пёпельман праектуе шэраг выдатнейшых палацаў Рэчы Паспалітай, сярод якіх Новы замак у Гродне. Аднак ён у хуткім часе памёр. Таму над праектам працягваў працаваць сын Пёпельмана Карл Фрыдрых і другі каралеўскі дойлід І. Х. Яўх [3, с. 111–112].

Новы замак мае выключнае значэнне ў гісторыі Рэчы Паспалітай. Так, у яго палацы ў ноч з 23 на 24 верасня 1793 г. праходзіла так званае нямое пасяджэнне сейма Рэчы Паспалітай, на якім паслы маўчаннем пагадзіліся на другі яе падзел паміж Расіяй і Прусіяй. Па іроніі лёсу ў час паўстання 1794 г. у замку адбылася нарада кіраўніка паўстанцаў Тадэвуша Касцюшкі з камандзірамі атрадаў ВКЛ. Адсюль ён з'ехаў 9 кастрычніка 1794 г. пад Мацяёвіцы, дзе быў цяжка паранены і ўзяты ў палон рускім войскам пад камандаваннем А. Суворава. У Новым замку апошні манарх Рэчы Паспалітай Станіслаў Аўгуст Панятоўскі падпісаў 25 лістапада 1795 г. акт аб адмаўленні ад кароны, які паставіў кропку ў існаванні Рэчы Паспалітай. Згодна з загадам імператрыцы Кацярыны ІІ апошні яе манарх знаходзіўся тут пад хатнім арыштам да 1797 г., пакуль не быў вывезены згодна з загадам Паўла І у Пецярбург, дзе праз год памёр. Пасля яго ад'езду каралеўскі палац быў перададзены рускаму ваеннаму ведамству. У ходзе падаўлення паўстання 1830–1831 гг. у некаторых яго памяшканнях утрымліваліся палонныя перад адпраўкай у Сібір у Першую сусветную вайну, а ў міжваенны перыяд у Новым замку размяшчаўся ваенны шпіталь [4; 5].

Працяглыя войны Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у сярэдзіне XVII ст. спрычыніліся да спустошэння гродзенскага Старога замка (замка Вітаўта). Аднак у 1673 г. пры каралі Міхале Карыбуце-Вішнявецкім было прынята важнае для горада рашэнне аб правядзенні кожнага трэцяга генеральнага сейма Рэчы Паспалітай у Гродне. Першапачаткова планавалася пасяджэнні праводзіць у Старым замку, які быў адрамантаваны. Там адбыліся тры сеймы: у 1678, 1688 і 1692 гг. У час іх пасяджэнняў высветлілася, што Стары замак занадта цесны для такога роду мерапрыемстваў. Таму было вырашана пабудаваць новы палац, які быў бы дастаткова велічным як каралеўская рэзідэнцыя і зручным для правядзення сеймаў. Аднак рэалізаваць гэтыя планы перашкодзіла Паўночная вайна, калі Стары замак быў моцна разбураны шведамі ў 1706 і 1708 гадах. Пасля яе заканчэння на сейме 1726 г. было прынята рашэнне аб будаўніцтве ў Гродне каралеўскага палаца [6, с. 49]. Таму ўжо ў гэты год пры Аўгусце ІІ Моцным з мэтай стварэння каралеўскай рэзідэнцыі і залы сенатараў для пасяджэння сейма пачалася рэканструкцыя палаца Сапегі на Гандлёвай плошчы. Пасля ўзвядзення Каралеўскага палаца зала сеймаў злучалася з ім 2-павярховымі П-падобнымі ў плане драўлянымі карпусамі [7]. Асноўная ўвага архітэктара Я. Д. Яўха была сканцэнтравана на будаўніцтве залы сенатараў і перапланіроўцы з мэтай прыстасавання палаца да патрэб караля, двара і сейма. Разам з гэтым было захавана дэкаратыўнае афармленне былога будынка, таму многія элементы фасада істотна адрозніваліся ад ужытых раней саксонскіх архітэктурных форм [8, с. 205].

У 1726 г. праца скончылася на гэтай стадыі. Магчымай прычынай яе спынення было тое, што паспяховай рэалізацыі праектаў саксонскіх архітэктараў у Рэчы Паспалітай перашкаджаў недастаткова высокі ўзровень развіцця мясцовага будаўніцтва. Так, нямецкі падарожнік Іяган Хрысціян

Тэадор Шульц, які доўга жыў у Варшаве, пісаў, што «палац, пабудаваны ў Варшаве са звычайнай цэглы, каштуе значна даражэй за падобны ў Генуі з пясчаніка ці ў Рыме з травертыну. Паколькі мясцовыя майстры не ў стане цалкам забяспечыць буйныя будоўлі матэрыяламі, іх даводзіцца прывозіць здалёку». Ён адзначыў «недахоп умелых рамеснікаў» і неабходнасць прыцягваць да будаўніцтва «малаадукаваных людзей», нават жанчын і дзяцей, што вымагае «доўгай і дарагой падрыхтоўчай працы». Далей Шульц заўважыў, што «ў Варшаве шмат высокапрафесійных кавалёў, сапожнікаў, ткачоў, цесляроў, але недастаткова ювеліраў і майстроў гадзіннікаў. Рэдка сустрэнем мастака ці скульптара, пазалотчыка ці архітэктара. Іх даводзіцца запрашаць з Германіі, Францыі і Англіі» [8, с 205].

Думаем, у параўнанні з Варшавай Гродна выглядала яшчэ больш далёкай еўрапейскай архітэктурнай правінцыяй: тут таксама не хапала высокакваліфікаваных будаўнічых кадраў.

Далейшаму ўзвядзенню каралеўскай рэзідэнцыі ў гэтым беларускім горадзе магла перашкодзіць і смерць Аўгуста II Моцнага ў 1733 г., а таксама смута, якая пачалася пасля гэтага ў Рэчы Паспалітай. Яна працягвалася да 1736 г., калі на Варшаўскім сейме каралём польскім і вялікім князем літоўскім быў абраны Аўгуст III, другі ўладар з саксонскай дынастыі Ветынаў. Падчас яго кіравання Гродна стала нефармальнай сталіцай ВКЛ, бо тут праводзіўся кожны трэці сейм Рэчы Паспалітай. Аўгуст III пабудаваў у 1734–1751 гг. найбольш значны палацавы комплекс XVIII ст. у Рэчы Паспалітай – каралеўскую рэзідэнцыю, ці Новы замак, які стаў сімвалам раўнапраўнага статусу ВКЛ з Каралеўствам Польскім у межах саксонскай манархіі.

Раней у XI–XIII стст. на месцы Новага замка знаходзіўся вакольны горад, аб забудове якога і планіроўцы амаль адсутнічаюць звесткі. Вядома толькі, што на гэтым узвышшы стаяла мураваная Васкрасенская царква XII ст., падобная да Ніжняга храма ў Старым замку і Барысаглебскай (Каложскай) царквы. Наступны этап гісторыі забудовы тэрыторыі будачага комплексу прыпадае на пачатак крыжацкай навалы на горад у 1284 г. Напэўна, у канцы XIII – пачатку XIV ст. з мэтай павышэння абароназдольнасці на месцы вакольнага горада будуецца Ніжні замак, пра ўзвядзенне якога нічога не вядома. Адсутнічаюць звесткі і пра тое, ці распаўсюджвалася перабудова Верхняга замка ў 1398 г. і на Ніжні замак. Новая эпоха ў яго будаўнічай гісторыі наступіла прыкладна ў сярэдзіне XV ст., калі вялікі князь літоўскі Казімір Ягелончык быў абраны польскім каралём. Тады на тэрыторыі Ніжняга замка быў пабудаваны каралеўскі двор [6, с. 48–49].

У XVIII ст. на яго месцы быў узведзены палацавы комплекс. Ён выкарыстоўваўся для пасяджэнняў генеральных сеймаў Рэчы Паспалітай, а таксама як летняя каралеўская рэзідэнцыя, удала размешчаная на сярэдзіне шляху з Варшавы ў Вільню. Аўтарам праекта быў К. Ф. Пёпельман, які працаваў над праектам палаца да сярэдзіны 1737 г. разам з І. Х. Яўхам, Я. Ф. Кнобелем. У яго архітэктурна-мастацкім вырашэнні знайшлі

ўвасабленне арыгінальныя прыёмы позняга барока і ракако [8, с. 205]. Праект уяўляў сабой будынак з трох карпусоў (П-падобны ў плане), якія ўтваралі парадны двор, тыповы для палацавых ансамбляў барока. У кампазіцыі інтэр'ера саксонскімі архітэктарамі ўпершыню была ўжыта ў дойлідстве ВКЛ авальная форма планавай схемы для параднага зала. Палац быў адгароджаны ад горада шматлікімі службовымі пабудовамі. У дэкоры яго інтэр'ераў, асабліва ў аздобе капліцы, шырока выкарыстоўваліся формы ракако [5]. Аднак каралю Аўгусту ІІІ, які, ў адрозненне ад бацькі, быў узорам у сямейным жыцці, не спадабалася, што ў гэтым праекце не былі прадугледжаны пакоі для каралевы. Таму К. Ф. Пёпельман быў вымушаны тэрмінова перапрацаваць праект, новы варыянт якога Аўгуст ІІІ зацвердзіў 30 кастрычніка 1738 г. Будаўніцтва працягвалася чатыры гады. Першы ж сейм Рэчы Паспалітай у новым каралеўскім палацы адбыўся ў 1744 г. У час пасяджэнняў выявіліся недахопы ў яго планіроўцы, у прыватнасці, капліца занадта шмат месца займала ў найбольш функцыянальна значнай частцы палаца. У выніку было вырашана пабудаваць новую капліцу побач з цэнтральным корпусам палаца згодна з праектам чарговага нямецкага архітэктара І. Х. Яўха. У 1752 г. новая капліца была ўзведзена [6, с. 49–50]. Аднак завяршэнне яе будаўніцтва адбывалася ўжо пад кіраўніцтвам наступнага нямецкага архітэктара – І. Ф. Кнобеля [9, с. 173]. У гэтым жа годзе ў Гродне адбыўся апошні сейм эпохі Саксаў. Кароль Аўгуст ІІІ рэдка тут спыняўся, таму на ўтрыманне палаца не хапала сродкаў і ён паступова прыходзіў у заняпад. Яго рэканструкцыю ў 1789 г. ажыццявіў італьянскі архітэктар Дж. Сака, абсталяваўшы пад рэзідэнцыю Станіслава Аўгуста Панятоўскага (Аўгуста IV) [6, с. 50; 9, с. 174].

Пазней палацавы комплекс неаднаразова перабудоўваўся, змяняліся як яго знешні выгляд, так і інтэр'еры. У XIX ст. ён значна пацярпеў ад рамонтаў, якія ў ім праводзілі расійскія вайсковыя медыкі. У 1944 г. згарэў пад час вызвалення горада Чырвонай арміяй ад нямецкіх захопнікаў. Яго рэканструкцыя пад рэзідэнцыю Гродзенскага абласнога камітэта Камуністычнай партыі Беларусі канчаткова змяніла як знешні, так і ўнутраны выгляд Новага замка. Архітэктар М. Вараксін паспрабаваў надаць палацу ў стылі ракако рысы сталінскага ампіру. З гэтай мэтай да яго галоўнага ўвахода быў прыбудаваны ганак у выглядзе порціка з магутнымі калонамі, над купалам Авальнай залы быў узведзены шпіль з пяціканцовай зоркай, былі павялічаны памеры вокнаў другога паверха. Аздабленне інтэр'ераў было вырашана ў выглядзе ампірна-савецкай сімволікі (гірлянды, зоркі, барыльеф Леніна і г.д.). Іншыя моцна пашкоджаныя будынкі палацавага комплексу – маршалкоўская кухня, капліца – увогуле не аднаўляліся; былая каралеўская вайсковая канцылярыя была прыстасавана пад гараж. Першапачатковы выгляд захавалі толькі брама са скульптурнымі выявамі сфінксаў XVIII ст. У 1991 г. Новы замак быў перададзены установам культуры. У правым яго крыле была размешчана абласная навуковая бібліятэка ім. Я. Карскага, а ў цэнтральным корпусе і левым крыле – Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-

археалагічны музей. У выніку сёння Новы замак моцна адрозніваецца ад каралеўскага палаца XVIII ст., узведзенага згодна з праектам вышэй згаданых нямецкіх архітэктараў [6, с. 47]. Пасля таго, як у 1738–1742 гг. у Гродне быў пабудаваны новы каралеўскі палац, функцыі аналагічнай часткі замка кардынальна змяніліся, бо ён страціў ролю каралеўскай рэзідэнцыі, а ў афіцыйных дакументах і свядомасці насельніцтва ў хуткім часе набыў назву «Стары замак». Прадстаўнікі саксонскай дынастыі рэдка знаходзіліся ў Гродне, і ў адсутнасць караля замкі прыходзяць у заняпад. Аднак у адпаведнасці з пастановай канвакацыйнага сейма 1764 г. у ВКЛ была створана Скарбовая камісія, якая павінна была клапаціцца пра павелічэнне ўсімі магчымымі спосабамі паступленняў у казну. Месцам пасяджэнняў гэтай камісіі быў абраны Стары замак у Гродне, дзе таксама было запланавана размяшчэнне эканамічнага архіва. Таму дадзены дзяржаўны орган быў зацікаўлены ў падтрыманні Старога замка ў належным стане, што патрабавала правядзення ў ім неабходнага рамонту. Яму папярэднічала састаўленне па рашэнні Скарбовай камісіі ў 1767 г. падрабязнага інвентару замка з дакладным апісаннем памяшканняў і з адзнакамі пра тое, якога рамонту яны патрабуюць. Для працы над інвентаром быў запрошаны каралеўскі архітэктар і будаўнік, немец Іяган Георг Мёзер (Moeser) і палацавы бургграбі (адміністратар замка), імя якога не пазначана [10, с. 27–28]. На нашу думку, хутчэй за ўсё ім быў таксама немец Генрык Хасэ (Henryk Hasse), які ў 1769 г. меў аналагічную пасаду, як гэта вынікае з інвентару Старога і Новага замка гэтага года. Менавіта ён уласным подпісам пацвердзіў дакладнасць дадзеных, пазначаных у гэтым дакуменце [11]. За пільную працу па ўтрыманні парадку ў замку Скарбовая камісія прызначыла адміністратару замка плату ў памеры 1 600 злотых у год, якая павінна была выплачвацца дзвюма часткамі – у студзені і ліпені. Неабходна адзначыць, што свае абавязкі Г. Хасэ выконваў добрасумленна, і гэта было ацэнена вышэй названай камісіяй, якая сваім рашэннем ад 15 чэрвеня 1771 г. павялічыла адміністратару замка гадавую аплату да 1 800 злотых [10, с. 30]. Гэта пасада, яе назва, прозвішча выканаўцы – сведчанне плённага германскага ўплыву на замкавую культуру ВКЛ [12, с. 255–258].

Што тычыцца Мёзера, які жыў і працаваў у Гродне з 1738 г., то ў 1767 г. ён склаў таксама каштарыс на рамонт маста, муроў і стайняў у Старым замку, бо адказваў за правядзенне гэтых работ. У ім Мёзер дакладна паказаў, якія матэрыялы, у якой колькасці і па якім кошце патрэбны для рамонту [10, с. 28].

Смерць Аўгуста III у 1763 г. спрычынілася да закрыцця, створанай згодна з яго ўказам Будаўнічай калегіі ў Варшаве, куды ўваходзілі саксонскія архітэктары, якія павінны былі ажыццяўляць архітэктурна-будаўнічую дзейнасць у Рэчы Паспалітай. Пасля абрання каралём Станіслава Аўгуста адпаведна аднаму з яго загадаў будаўнічыя арганізацыі павінны былі падпарадкоўвацца новай Эканамічнай калегіі. У выніку нямецкія архітэктары, якія працавалі раней пры двары, пераключыліся на выкананне заказаў

мясцовай магнатэрыі. Пасля Трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795) маёмасць саксонскіх каралёў была перададзена Прусіі, а большасць немцаў – архітэктараў і іншых служачых – вярнулася ў Дрэздэн. У выніку закончылася шасцідзесяцігадовае праўленне двух саксонскіх каралёў, а з ім і актыўная творчая дзейнасць нямецкіх архітэктараў у Рэчы Паспалітай [8, с. 206].

Як бачна, больш за паўстагоддзе шматлікія нямецкія дойліды ажыццяўлялі па тым часе буйнамаштабную архітэктурна-будаўнічую дзейнасць у Гродне, у выніку якой была створана ў агульнаеўрапейскім мастацка-стылявым накірунку (часам у супрацоўніцтве з італьянскімі калегамі) значная высокамастацкая архітэктурная спадчына, якая сёння працягвае вызначаць у многім мастацкае аблічча і турыстычную прыцягальнасць гэтага беларускага горада.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лазука, Б. А.* Гісторыя беларускага мастацтва : у 2 т. / Б. А. Лазука. – Мінск : Беларусь, 2007. – Т. II : XVIII – пачатак XX стагоддзя. – 351 с.
2. *Калнін, В. В.* Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В. В. Калнін // Спадчына, 1998. – № 3–4. – С. 65–86.
3. *Кулагін, А. М.* Элітная архітэктура барока Беларусі ў агульнаеўрапейскім кантэксце / А. М. Кулагін // Барока ў беларускай культуры і мастацтве / Ін-т мастацва, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі ; навук. рэд. В. Ф. Шматаў. – Мінск, 1998. – С. 103–121.
4. *Зиневский, С.* Новый замок в Гродно строили в кризис [Электронны рэсурс] / С. Зиневский. – Рэжым доступу : http://grodnonews.by. – Дата доступа : 24.02.2018.
5. Гродненский Новый замок [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://planetabelarus.by/sights/1197-grodno-/city/522-grodnenskiy-novyy-zamok. – Дата доступу : 21.02.2018.
6. *Кітурка, Ю. В.* Крыніцы па гісторыі Гродзенскага каралеўскага палаца XVIII ст. / Ю. В. Кітурка // Краязнаўчыя запіскі : Матэрыялы міжнар. навук. канф. «Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай», 22–23 вер. 2011 г. / Гродз. дзярж. гіст.-археал. музей ; рэдкал. : К. В. Галота [і інш.]. – Гродна, 2012. – Вып. 8. – С. 47–51.
7. *Марозаў, В. Ф.* Гродзенская зала сеймаў / В. Ф. Марозаў // Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал. : А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 168.
8. *Кожар, Н. В.* Из истории немецко-белорусских связей в области архитектуры XVIII века / Н. В. Кожар // Германский и славянский миры: взаимовлияния, контакты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность) : Материалы междунар. науч. теор. конф. – Витебск, 2001. – С. 203–206.
9. *Чантурыя, У. А.* Гродзенскі каралеўскі палац / У. А. Чантурыя, А. М. Кулагін // Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал. : А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 173–174.

10. *Кітурка, І. Ф.* Гарадзенскі Стары замак у пачатку панавання Станіслава Аўгуста Панятоўскага (па матэрыялах Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва) // Краязнаўчыя запіскі : Матэрыялы міжнар. навук. канф. «Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай», 22–23 верасня 2011 г. / Гродз. дзярж. гіст.-археал. музей ; рэдкал. : К. В. Галота [і інш.]. – Гродна, 2012. – Вып. 8. – С. 27–35.
11. *Kowalczyk, J.* Palace I dwory późnobarokowe w miescie sejmowym Grodnie / J. Kowalczyk // Sztukaziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. / T-wo Nauk Katol. Uniw. Lubel. ; red. J. Lileyko. – Lublin, 2000. – S. 451–486.
12. *Кушнярэвіч, А.* Да праблемы ўплываў нямецкай готыкі на архітэктуру Беларусі і Літвы / А. Кушнярэвіч // Castrum, urbis et bellum : зб. навук. прац памяці Міхася Ткачова. – Баранавічы, 2002. – С. 253–263.

Л. А. Осіпава

УДЗЕЛ МОЛАДЗІ Ў АДНАЎЛЕННІ МІНСКА Ў ПАСЛЯВАЕННЫ ПЕРЫЯД

За тры гады фашысцкай акупацыі беларуская зямля была страшна спустошана. Як і іншыя гарады, Мінск быў амаль поўнасцю разбураны. Тут былі знішчаны 5 975 жылых дамоў, або 70 працэнтаў даваеннага жыллёвага фонду. У горадзе засталося 19 прамысловых прадпрыемстваў, на якіх было занята толькі 4 працэнты даваенных рабочых. Бяздзейнічалі газаправод, каналізацыя, тэлеграфна-тэлефонная сувязь. Акупанты знішчылі і разрабавалі школы, дзіцячыя садкі, паліклінікі, культурна-асветніцкія ўстановы, будынкі Акадэміі навук, Белдзяржуніверсітэта, педагагічнага інстытута і іншых вышэйшых і сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў, бібліятэку імя Леніна і г.д. Вось такую карціну ўбачылі сапёры, якія падняліся на дах Дома ўраду пасля яго размініравання. Вакол ляжалі суцэльныя каробкі дамоў, пралёты лесвіц былі заваленыя шчэбнем. Цяжка было вызначыць нават контуры цэнтральных Савецкай і Пушкінскай вуліц. У раёне цяперашняга парку імя Янкі Купалы і плошчы Перамогі зелянелі абнесеныя дротам, іржавымі лыжкамі бульбяныя і капусныя палі. Прывакзальная плошча была пустынным полем. Горад праглядваўся з канца ў канец. Сярод развалін узвышаліся асобныя ўцалелыя будынкі, і толькі на драўляных ускраінах зелянелі сады і агароды, там жыла большасць выжыўшых мінчан. Астатнія жылі ў падвалах, прыстасаваных часовых збудаваннях, бамбасховішчах.

Такім чынам, неабходна было падняць з руін, аднавіць вуліцы і плошчы, паркі і скверы, жылыя дамы і школы, карпусы фабрык і заводаў, аднавіць выпуск прамысловай прадукцыі, так неабходнай для жыцця рэспублікі і фронту. Гэта трэба было рабіць былым партызанам і падпольшчыкам, жанчынам і старым – жыхарам вызваленага горада – усім

тым, хто па розных прычынах не быў мабілізаваны ў армію, якая працягвала пераможнае шэсце на Захад да Берліна, вызваляючы народы Усходняй Еўропы ад фашызму.

Яшчэ на вядомым партызанскім парадзе ў Мінску было аб'яўлена рашэнне ўрада: адразу пасля парада ўсім былым партызанам і воінам Чырвонай арміі, жыхарам Мінска і яго наваколля ўзяць у рукі ламы і кіркі, кельмы і рыдлёўкі і адрадзіць сталіцу рэспублікі – горад Мінск.

У звароце СНК БССР, Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР і ЦК КП(б) Беларусі паведамлялася: «Гэта цяжкая задача, але беларускі народ вырашыць яе ў самы кароткі тэрмін. Уся краіна, усе брацкія народы дапамагаюць і дапамогуць беларускаму народу хутчэй аднавіць разбураную немцамі гаспадарку. Аднавіць культурныя ўстановы і ліквідаваць вынікі нямецкай акупацыі».

Уся краіна дапамагала вызваленым раёнам Украіны, Беларусі, Прыбалтыкі. У Мінск і іншыя гарады рэспублікі з Масквы і з Сібыры, Сярэдняй Азіі і Каўказа ішлі эшалоны з вуглём і хлебам, машынамі і таварамі першай неабходнасці. Адраджалася прамысловасць, наладжваўся гандаль, адкрываліся навуковыя і навучальныя ўстановы.

Яшчэ ішла вайна, партызаны ў часцях і злучэннях Чырвонай арміі імкнуліся да Кёнігсберга, Прагі, Берліна, а ў Мінску на пачатак 1945 года ўжо працавала звыш 20 прадпрыемстваў, прадукцыя якіх ішла і на фронт, і на задавальненне патрэб горада і рэспублікі. Прывакзальны раён Мінска да вайны з'яўляўся цэнтрам вышэйшых навучальных устаноў: тут працавалі Белдзяржуніверсітэт, медыцынскі, педагагічны інстытуты, інстытут народнай гаспадаркі. З усяго ўніверсітэцкага гарадка ўцалелі толькі два будынкі: мініяцюрная каробачка фізіка-матэматычнага факультэта БДУ (зараз зусім загубілася ў акружэнні новых вучэбных карпусоў. А, скажам, будынак педінстытута глыбіўся шэрымі грамадамі абрынутых сцен.

Нягледзячы на цяжкасці, установы вышэйшай адукацыі распачалі працу. Дзе і як? Студэнты пяці факультэтаў БДУ, напрыклад, бегалі на лекцыі з адной школы ў другую, а заняткі па фізкультуры праводзіліся на свежым паветры або ў спортзале, пад якую прыстасавалі памяшканне былой тыпаграфіі ў корпусе фізмата.

9 ліпеня ад Мінска наладзілі рух да самага заходняга пункта Беларусі. Брэст-Літоўская чыгунка ўжо магла без затрымкі прапускаць паязды на фронт. Гэта была галоўная лінія на Варшаву і далей на Берлін.

Прыгадаю некаторыя лічбы. Пры адступленні фашысты знішчылі ў рэспубліцы 4 тыс. км чыгуначных пуцей з агульнай працягласці ў 5,5 тыс. км. Гітлераўцы нават выкарысталі для гэтага пуцеразбуральнік – спецыяльнае прыстасаванне накшталт моцнага плуга. Яно гнула рэйкі, ламала шпалы і г.д. Было ўзарвана ці вывезена ў Германію 3,5 тыс. стрэлачных пераводаў. Пацярпелі ўсе без выключэння чыгуначныя слупы. Людзі заставаліся без жылля, без самага неабходнага. І калі ў 1944 г. усе прадпрыемствы Беларускай, Брэст-Літоўскай, Беластоцкай і Заходняй чыгунак своечасова падрыхтаваліся да зімы, гэта значыла, што яны выканалі першачарговыя работы па аднаўленні сваёй гаспадаркі.

Разам са злучэннямі Галоўнага ўпраўлення ваенна-аднаўленчых работ Наркамата шляхоў зносін працавалі беларускія чыгуначнікі, у тым ліку камсамольцы і моладзь, тыя, хто ў час фашысцкай акупацыі знішчаў чыгунку, разбураў чыгуначную сетку акупантаў, перашкаджаючы ваенным пастаўкам на фронт. Для шырокага разгортвання аднаўленчых работ неабходна было шмат будаўнічых матэрыялаў, якія можна здабыць з разбуранага горада, прыдатным было тое, што ўжо нельга было аднавіць.

Хутчэйшае аднаўленне Мінска можа быць паспяхова вырашана толькі пры актыўным і шырокім удзеле ў работах усяго працаздольнага насельніцтва горада, як працуючых на прадпрыемствах, ва ўстановах, так і непрацуючых.

Для ўліку асабістай працы грамадзян у аднаўленні Мінска ўводзіліся кніжкі адзінага ўзору з занясеннем у іх аб’ектаў аднаўлення, характару выконваемых работ і колькасці адпрацаваных гадзін. Кніжкі выдаваліся кожнаму грамадзяніну, які ўдзельнічаў у аднаўленні горада Мінска ў вольны ад асноўнай работы час.

У масавым нядзельніку 8 кастрычніка 1944 г. прынялі ўдзел 33 тыс. грамадзян. За адзін дзень склалі ў штабелі 1 316 тыс. цаглін, падрыхтавалі 2 050 кубаметраў шчэбню, сабралі 1 065 тон іншых будаўнічых матэрыялаў, ачысцілі 15 500 квадратных метраў плошчы, засыпалі ў варонкі 2 500 кубаметраў грунту. Яркай старонкай у гісторыі камсамола Беларусі з’явіўся заклік моладзі на будаўніцтва двух гігантаў беларускай індустрыі – трактарнага і аўтамабільнага заводаў.

Камсамольцы і моладзь прадпрыемстваў і навучальных устаноў г. Мінска звярнуліся да ўсіх камсамольскіх арганізацый і моладзі Беларусі з прапановай узяць шэфства над будоўлямі аўтамабільнага і трактарнага заводаў, якія будуць прадстаўляць гонар нашай рэспублікі і яе сталіцы – Мінска. Было вырашана зрабіць гэтыя будоўлі камсамольскімі, зрабіць справай гонару кожнага з нас, каб ужо ў 1948 г. беларускія аўтамашыны пачалі свой імклівы бег па дарогах краіны, а беларускія трактары аралі палі родных калгасаў.

На заклік камсамольцаў сталіцы першымі адгукнуліся маладыя патрыёты Маладзечаншчыны. Кліч «Мінск на новабудоўлі!» адзінадушна падхапілі юнакі і дзяўчаты Віцебскай, Гомельскай, Магілёўскай і іншых абласцей. Да 2 ліпеня 1946 г. добраахвотнікі падалі больш за 5 500 заяў.

У пастанове, якая захоўваецца ў фондах Нацыянальнага архіва, паведамлялася: «Камсамол Беларусі, які праявіў сябе на працягу Айчыннай вайны самаадданым памочнікам КП(б) Беларусі ва ўсей яе рабоце па арганізацыі і кіраўніцтве партызанскай барацьбой беларускага народа супраць нямецкіх акупантаў, павінен цяпер у вызваленых ад ворага раёнах узначаліць патрыятычны пад’ём моладзі, накіроўваючы ўсе сілы камсамольцаў і моладзі на аднаўленне савецкага жыцця ў гэтых раёнах, на ўсялякую дапамогу Чырвонай Арміі ў дасягненні канчатковай перамогі над ворагам…» [1, спр. 2, арк. 281].

Да вайны на Беларусі налічвалася больш за 13 000 школ, у якіх навучалася каля двух мільёнаў дзяцей. За тры гады акупацыі фашысцкія варвары спалілі і разбурылі большасць школьных будынкаў, разрабавалі маёмасць, знішчылі вучэбна-наглядныя дапаможнікі. Усенародная дапамога школе паспрыяла таму, што у самы кароткі тэрмін у рэспубліцы былі адноўлены звыш 11 000 школьных будынкаў, за парты якіх села 1 275 000 дзяцей.

Да канца 1947 г. у Мінску працавала 10 вышэйшых і 17 сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў, у якіх навучалася 13 500 юнакоў і дзяўчат. Перад імі стаялі вялікія і адказныя задачы па ўсебаковым навучанні і выхаванні савецкага студэнцтва.

Задавальняючы запатрабаванні народнай гаспадаркі краіны, у 1940 г. пачалі ствараццa навучальныя ўстановы працоўных рэзерваў для падрыхтоўкі кваліфікаваных рабочых усіх неабходных для краіны масавых спецыяльнасцей. Пры гэтым улічваліся не толькі народна-гаспадарчыя задачы, але і перспектывы развіцця сацыялістычнай прамысловасці і інтарэсы абароны краіны. Ва Указе Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 2 кастрычніка 1940 г. былі вызначаны тры тыпы прафесіянальных навучальных устаноў: рамесныя вучылішчы, чыгуначныя вучылішчы і школы фабрычна-заводскага навучання (ФЗН). Навучэнцаў усіх навучальных устаноў дзяржаўных працоўных рэзерваў савецкі ўрад узяў на свае поўнае забеспячэнне. Напярэдадні вайны ў рэспубліцы працавала 40 школ ФЗН, 15 рамесных і 6 чыгуначных вучылішчаў, большасць іх пачала працаваць у Мінску і Мінскай вобласці.

На прамысловыя прадпрыемствы і будоўлі рэспублікі са школ і вучылішчаў сістэмы дзяржаўных працоўных рэзерваў у 1944–1945 гг. прыйшло 8 644 рабочых масавых прафесій.

Можна смела сказаць, што на аснове цэнтральнага плана, зацверджанага савецкім урадам у 1946 г., Мінск быў адноўлены як сучасны індустрыяльны цэнтр навукі, культуры і адукацыі Рэспублікі Беларусь. У плане будаўніцтва пасляваеннага Мінска захавана гістарычна складзеная сетка вуліц, у той жа час прадугледжаны мерапрыемствы па фарміраванні новага цэнтра горада і значнай рэканструкцыі галоўнай магістралі – Савецкай вуліцы – стварэнні на яе базе праспекта Ф. Скарыны, будаўніцтве прамысловых раёнаў сталіцы.

Новы Мінск з яго адроджанымі і нанова адбудаванымі заводамі і фабрыкамі, з яго ўтульнымі дамамі, шырокімі вуліцамі і плошчамі, упрыгожанымі зелянінай, тэатрамі і паркамі ўяўляе сабой сучасны горад сусветнага значэння.

Мінск правамерна носіць званне горада-героя. У яго аднаўленні і далейшым развіцці адыграла вялікую ролю моладзь Мінска і ўсёй Беларускай рэспублікі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 63. Воп. 9.

І. А. Саракавік

СУПРАЦОЎНІЦТВА ВНУ БЕЛАРУСІ І ГЕРМАНІІ Ў 1970–1980-я гг.

Становішча ў еўрапейскім сацыялістычным лагеры 1950-х гадоў сведчыла, што кіраўніцтву Савецкага Саюза патрэбна было прымаць больш эфектыўныя меры, накіраваныя на ўмацававанне сацыялізму. Антысавецкія выступленні у Германскай Дэмакратычнай Рэспубліцы (1953), у Польскай Народнай Рэспубліцы (1956) і асабліва ў Венгерскай Народнай Рэспубліцы, а пазней, у ЧССР (1968) і ў Польшчы (1970, 1978), прымушалі кіраўніцтва СССР шукаць разнастайныя шляхі супрацоўніцтва. У гады кіравання М. С. Хрушчова назіралася пэўнае зніжэнне міжнароднай напружанасці. СССР наладжваў кантакты з Югаславіяй, ФРГ, іншымі дзяржавамі. Быў ажыццёўлены першы ў гісторыі візіт кіраўніка Савецкага Саюза ў ЗША.

У сувязі з гэтым было вырашана ўключыць у працэс умацавання сацыялістычнай садружнасці не толькі дзяржаўна-палітычны ўзровень, але і народную дыпламатыю. Такім чынам, сустрэч і дагавораў на вышэйшым узроўні кіраўнікоў сацыялістычных дзяржаў было недастаткова. Патрабавалася далучыць да гэтай працы працоўныя, вучэбныя, турыстычныя, спартыўныя, маладзёжныя, навукова-творчыя і іншыя калектывы. Тады ўзніклі такія арганізацыі, як Камітэт маладзёжных арганізацый і Бюро міжнароднага моладзёжнага турызму «Спутник». Гэты працэс не абышоў і вышэйшыя навучальныя ўстановы, у тым ліку і Беларускай ССР.

Невыпадкова, што ў 1964 г. на аснове распараджэння № 1382-р Савета Міністраў БССР ад 25 верасня ў Міністэрстве вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР, утворанага пастановай № 545 Савета Міністраў БССР 22 жніўня 1959 г. [1, спр. 883, арк. 210–212], фарміруецца сектар, што каардынаваў працу з замежнымі навучэнцамі і наладжваў сувязь з замежнымі краінамі. З 1960 г. гэтымі пытаннямі займаўся толькі адзін інспектар па пытаннях навучання замежных студэнтаў і сувязях з замежнымі краінамі. Аднак павелічэнне колькасці замежных студэнтаў, якія навучаліся ў рэспубліцы, а таксама выезд савецкіх студэнтаў, выкладчыкаў і вучоных за мяжу спрычыніўся да таго, што ўжо праз год, 3 ліпеня 1965 г., Савет Міністраў БССР прымае пастанову № 352 аб пераўтварэнні ў гэтым Міністэрстве сектара па працы з замежнымі навучэнцамі і сувязях з замежнымі краінамі ў аддзел [2, спр. 765, арк. 163]. Адпаведныя новаўвядзенні адбываліся і ў вышэйшай школе, асабліва ў політэхнічным інстытуце, Беларускім дзяржаўным універсітэце імя У. І. Леніна, Беларускай сельска-гаспадарчай акадэміі і г.д., у структуры якіх узнікалі падраздзяленні па працы з замежнымі студэнтамі і сувязях з замежнымі ўстановамі вышэйшай адукацыі.

Менавіта з канца 50-х, а яшчэ больш актыўна з сярэдзіны 60-х гг. шырацца кантакты партыйных, прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый і падначаленых ім структур з замежнымі краінамі, у першую чаргу – з сацыялістычнымі, а з прыняццем Хельсінскага пагаднення 1975 г. – і капіталістычнымі. З апошнімі былі сувязі і раней, хоць не такія значныя. Гэта яскрава бачна і на прыкладзе супрацоўніцтва БДУ імя У. І. Леніна з навучальнымі ўстановамі Германіі.

Са справаздачы БДУ за 1970 г. вядома, што ўніверсітэт накіраваў за мяжу 197 чалавек, у тым ліку 64 навуковых супрацоўніка, уключаючы выкладчыкаў, 108 студэнтаў на практыку і 25 студэнтаў будаўнічых атрадаў. З ліку прафесарска-выкладчыцкага складу і навуковых супрацоўнікаў выязджалі: у сацыялістычныя краіны – 56 чалавек, капіталістычныя – 5, краіны, якія сталі на шлях развіцця, – 3 чалавекі. 8 чалавек удзельнічалі ў міжнародных канферэнцыях, сімпозіумах і кангрэсах, 6 – праходзілі стажыроўку ў сацыялістычных і капіталістычных дзяржавах, 50 – чыталі лекцыі, заключалі дагаворы аб супрацоўніцтве, праходжанні практыкі.

На той час БДУ меў сталыя дагаворы аб супрацоўніцтве з Енскім універсітэтам імя Ф. Шылера, Сафійскім і Люблянскім універсітэтамі, пастаянна абменьваўся навуковымі супрацоўнікамі і студэнтамі з Гальскім, Варшаўскім, Будапешцкім, Карлавым (Прага) універсітэтамі і Кракаўскай вышэйшай педагагічнай школай [3, спр. 1083, арк. 117, 118].

Прыгадаем канкрэтныя прыклады такіх кантактаў. У красавіку – маі 1970 г. загадчык кафедры фізікі паўправаднікоў прафесар В. Д. Ткачоў чытаў лекцыі ў Енскім універсітэце, таксама ён выступаў з навуковымі дакладамі перад выкладчыкамі і навуковымі супрацоўнікамі Берліна і Дрэздэна. У прыватнасці, прачытаў 10 лекцый па спецыяльным курсе «Избранные главы физики полупроводников», зрабіў даклад на пленарным пасяджэнні канферэнцыі фізічнага таварыства ГДР у Дрэздэне, прачытаў дзве лекцыі для ўдзельнікаў летняй школы фізікаў ГДР у г. Катцхоцце. Падчас наведвання ГДР наладзіў цесныя кантакты з вядучымі фізікамі Енскага ўніверсітэта – прафесарамі Альбрэхтам і Мюлерам [3, арк. 120].

У гэтым же годзе ў навуковыя камандзіроўкі на розны тэрмін выязджалі да Енскага ўніверсітэта намеснік дэкана фізічнага факультэта А. А. Лабуда, дацэнт кафедры фізічнай хіміі В. А. Лішнеўскі; старшыя выкладчыкі нямецкай мовы кафедры замежных моў філфака Л. А. Снегірова, Л. К. Лысякова (наведалі ўніверсітэт імя М. Лютэра ў г. Гале), а таксама прафесар В. М. Сікорскі [3, арк. 121–122, 129–130].

Працэс супрацоўніцтва не быў, зразумела, аднабаковым. У 1970 г. БДУ наведалі 38 навуковых супрацоўнікаў з сацыялістычных краін, у тым ліку з ГДР. У кастрычніку – лістападзе згодна з планам аб супрацоўніцтве на фізічным факультэце знаходзіўся доктар Ніколаус Саліе з Енскага ўніверсітэта. Ён пазнаёміўся з працай кафедраў тэарэтычнай фізікі, электрафізікі і фізічнай оптыкі, прачытаў даклад «О применении пространства Косера к космогонии общей теории относительности».

Прафесар гэтага ж універсітэта Фельца цікавіўся арганізацыяй навукова-даследчай працы на кафедрах аналітычнай хіміі, будаўніцтва рэчыва, неарганічнай хіміі, фізічнай і калоіднай хіміі, а таксама ў лабараторыі шкла Беларускага політэхнічнага інстытута. Бакамі была дасягнута дамоўленасць аб тым, што кафедра фізічнай хіміі БДУ прымае спецыялістаў з Еменскага ўніверсітэта для знаёмства з метадамі колькаснай тэрмаграфіі тэрмінам на адзін-два месяцы і спецыяліста для вывучэння метадаў вырошчвання монакрышталёў з дапамогаю нізкатэмпературнай плазмы тэрмінам на 3–4 месяцы.

Доктар Дытэрэ Фрыке знаходзіўся на гістарычным факультэце. Прачытаў шэраг лекцый для студэнтаў старэйшых курсаў аб гісторыі германскага народа, дзейнасці Енскага ўніверсітэта, рэформе вышэйшай школы ў ГДР, а таксама «О стратегии и тактике германской монополистической буржуазии в борьбе между социализмом и империализмом».

З Дрэздэна ў БДУ прыязджалі дырэктар Дрэздэнскай бібліятэкі Б. Бургемейстэр і навуковы супрацоўнік Г. Герман, якія азнаёміліся з працай універсітэцкай бібліятэкі і Дзяржаўнай бібліятэкі імя У. І. Леніна [3, арк. 118, 132–134, 136.].

У папярэднія гады супрацоўніцтва ў асноўным заключалася ў тым, каб пашырыць асабістыя кантакты, даведацца пра стан навуковай і вучэбнай працы кафедраў універсітэта БДУ і секцый універсітэтаў ГДР. З цягам часу сувязі паглыбляліся: апрача чытання лекцый ажыццяўляліся шматмесячныя стажыроўкі, сумесна праводзіліся эксперыменты, быў арганізаваны абмен навуковым абсталяваннем, вялася праца над навуковымі тэмамі.

Развіваліся кантакты і па ранейшых накірунках. Так, у 1973 г. у канферэнцыі, прысвечанай Дням савецкай навукі і тэхнікі ў ГДР, якая адбывалася ў Енскім універсітэце, прыняла ўдзел дэлегацыя БДУ на чале з дэканам гістарычнага факультэта І. О. Царук. Вучоныя з Беларусі выступілі з дакладамі [3, спр. 1326, арк. 147].

На працягу дзесяці месяцаў на стажыроўцы у Берлінскім універсітэце імя Гумбальта знаходзіўся старшы выкладчык кафедры марксісцка-ленінскай філасофіі прыродазнаўчых факультэтаў БДУ Л. С. Дудзінскі. Ён вывучаў сацыяльную структуру насельніцтва ГДР, методыку і тэхніку сацыяльных даследаванняў, а таксама крытыку буржуазнай (заходнегерманскай) сацыялогіі па дадзенай праблеме [Там жа, арк. 149].

Асабліва цесныя кантакты склаліся з Енскім універсітэтам. На аснове Дагавора аб узаемным супрацоўніцтве кафедра фізікі цвёрдага цела БДУ сумесна з аддзелам іонаметрыі Енскага ўніверсітэта вяла навуковую працу згодна з тэмай «Комплексное исследование ионнолегированных слоев ионнометрическими, оптическими и электроннографическими методами». У трэцім квартале 1973 г. было пачата сумеснае даследаванне «Подкорковых слоев в образцах кремния с целью исследования релаксации эффектов ионной бомбардировки» [Там же, арк. 150].

Два тыдні знаходзіўся ў Енскім універсітэце загадчык кафедры фізікі цвёрдага цела БДУ дацэнт Г. А. Гуманскі з мэтаю правядзення сумесных навуковых даследаванняў і перадачы ўзаемнай інфармацыі пра ход прац сумеснай тэматыкі, якія прадугледжаны рабочай праграмай на 1972–1973 гг. Ён жа пабываў у секцыі фізікі ўніверсітэта імя М. Лютэра ў г. Гале і сумесна з яе кіраўніком прафесарам Бруммерам выпрацаваў пагадненне аб сумесным даследаванні ў галіне іоннай імплантацыі і аналітыкі канцэнтрацый прымясі і рэальнай структуры тэхнічна важных цвёрдых целаў. Быў прадугледжаны таксама абмен вопытам у галіне вывучэння анігіляцыі пазітронаў у сувязі з электроннай структурай паўправаднікоў і металаў.

З Енскім універсітэтам падтрымлівалі цесныя сувязі і іншыя структурныя адзінкі ўніверсітэта, у тым ліку кафедры агульнай фізікі, грамадскіх і гістарычных навук. Характэрна, што на гэты час прыходзіцца і новы від супрацоўніцтва – распрацоўка сумесных манаграфій: «Ленинское гносеологическое наследие и современность», а таксама «Интернациональные традиции совместной борьбы германского рабочего класса и трудящихся СССР» [3, спр. 1326, арк. 152].

Быў наладжаны абмен дэлегацыямі. 20–27 лістапада 1975 г. юрыдычны факультэт БДУ наведала дэлегацыя навуковых супрацоўнікаў-юрыстаў Акадэміі дзяржавы і права ГДР (г. Патсдам). У яе складзе былі 11 чалавек: загадчык кафедры дзяржаўнага права ГДР прафесар Д. Хезель, загадчык кафедры дзяржаўнага права сацыялістычных краін доктар В. Лунгвіц, загадчык кафедры дзяржаўнага права буржуазных краін доктар І. Міссевіц, сакратар партыйнай арганізацыі САПГ выкладчык В. Хафельман, старшыня прафсаюзнай арганізацыі выкладчык Г. Стробах, выкладчыкі і асістэнты Г. Райнварт, В. Штернкомф, Г. Клауер, В. Ленц, Б. Бакгауз і Г. Вілль. Пад час іх знаходжання адбылося сумеснае пасяджэнне з прадстаўнікамі кафедры дзяржаўнага права і савецкага будаўніцтва БДУ. Былі заслуханы і абмеркаваны навуковыя даклады і паведамленні, а таксама інфармацыя аб асноўных кірунках навуковых даследаванняў бакоў. Адбываўся і абмен вопытам вучэбна-метадычнай і навуковай дзейнасці. Шэраг членаў дэлегацыі прысутнічалі на лекцыі дацэнта В. П. Серабраннікава. У сваю чаргу прафесар Д. Хезель прачытаў для студэнтаў першага курса лекцыю «Государственный строй ГДР». Была праведзена сустрэча дэлегацыі з прафесарамі і выкладчыкамі юрыдычнага факультэта. У ходзе наведвання Беларусі яны мелі сустрэчы з кіраўнікамі выканаўчых камітэтаў Мінскай вобласці, г. Мінска і Фрунзенскага раёна г. Мінска. Па выніках іх знаходжання ў Мінску была прынята праграма навуковага супрацоўніцтва кафедры дзяржаўнага права і савецкага будаўніцтва БДУ і кафедраў Акадэміі дзяржавы і права пры Савеце Міністраў ГДР [Там жа, спр. 1520, арк. 32–33].

З кожным годам супрацоўніцтва паглыбляецца: ад агульнага знаёмства бакі пераходзілі да дзелавых кантактаў, якія прыносілі ім карысць. У верасні – кастрычніку 1975 г. БДУ наведалі навуковыя спецыялісты з Енскага ўніверсітэта доктар Гергард Геске, Гебер Рудольф, Вернер Веша і Карл

Гесля. Доктар Г. Геске і інжынер Г. Рудольф, супрацоўнікі лабараторыі бэтатронаў нямецкага ўніверсітэта, прыбылі з мэтаю ўсталявання на кафедры фізікі цвёрдага цела малагабарытнага імпульснага бэтатрона. Яго перадалі ў падарунак БДУ для правядзення сумесных даследаванняў па методыцы, распрацаванай у беларускім універсітэце. Амаль паўмесяца нямецкія калегі праводзілі наладку і пуск прывезенага прыбора. Азнаёміліся з лабараторыямі фізічнага факультэта БДУ, наведалі аддзел радыялогіі высокіх энергій НДІ анкалогіі і медыцынскай радыялогіі Міністэрства аховы здароўя БССР.

Доктар Геске не толькі пазнаёміў супрацоўнікаў кафедры з шэрагам асаблівасцей установкі і прыёмаў працы з бэтатронам, але і распрацаваў, а таксама передаў кафедры праект і разлікі для далейшага ўдасканалення бэтатрона і сістэмы вывядзення электроннага пучка.

Спецыяліст Вернер Веш праходзіў у БДУ двухмесячную стажыроўку на базе лабараторыі оптыкі паўправаднікоў і групы аптычных уласцівасцей іоналегіраваных матэрыялаў НДІ прыкладных фізічных праблем і кафедры фізікі паўправаднікоў. Выканаў вымярэнні на прывезеных ім у якасці ўзораў прыладах і авалодаў шэрагам методык пад кіраўніцтвам дацэнта В. П. Дабрэго і малодшага навуковага супрацоўніка А. В. Мудрога.

Доктар Карл Гесля, намеснік загадчыка аддзела іонаметрыі з Енскага ўніверсітэта і кіраўнік групы тэорыі іоннага легіравання, знаёміўся з усім комплексам даследавання іоналегіраванных пластоў паўправадніковых матэрыялаў, якія ажыццяўляліся на кафедрах фізікі паўправаднікоў і фізікі цвёрдага цела БДУ, а таксама ў адпаведных лабараторыях НДІ ПФП. Ён сустракаўся з прафесарам В. Д. Ткачовым і дацэнтам Г. Гуманскім для выпрацоўкі пашыранай праграмы сумесных даследаванняў на 1975–1977 гг. [3, спр. 1520, арк. 43–44].

Навуковае супрацоўніцтва дапаўнялася абменамі груп, студэнты якіх праходзілі вытворчую практыку. Напрыклад, у 1975 г. у Енскім універсітэце праходзілі практыку па 10 студэнтаў філолагаў, хімікаў, фізікаў і матэматыкаў. Усяго па 40 чалавек з аднаго і другога боку. У Гальскім універсітэце імя М. Лютэра – па 10 фізікаў і біёлагаў.

Для студэнтаў-матэматыкаў былі прачытаны 9 лекцый і праведзены практычныя заняткі ў вылічальным цэнтры ўніверсітэта. Былі арганізаваны гутаркі наконт зместу дысцыплін з дырэктарам секцыі, а таксама сакратаром камітэта СНМ. Насычанай, змястоўнай і добра арганізаванай была і практыка філолагаў, хімікаў, фізікаў. Па выніках практыкі апошніх кіраўнікі секцыі фізікі ўніверсітэта выказалі слушную прапанову аб мэтазгоднасці індывідуальных заданняў кожнаму студэнту з улікам яго арыентацыі ў плане падрыхтоўкі курсавой і дыпломнай прац. Дзеля гэтага трэба накіроўваць на практыку студэнтаў старэйшых курсаў, у якіх дакладна сфармуліравана тэма далейшай працы і якія добра знаёмыя з праблемамі вывучаемых пытанняў. Такі падыход дазволіць найбольш поўна выкарыстоўваць яе магчымасці і прынясе, безумоўна, больш карысці [Там жа, спр. 1521, арк. 3–6].

Падобныя кантакты адбываліся да распаду Савецкага Саюза, нават і тады, калі ў кастрычніку 1990 г. ГДР і ФРГ аб'ядналіся ў адзіную федэратыўную дзяржаву. Неабходна адзначыць, што асабліва карыснымі

такія кантакты былі для беларускіх фізікаў і хімікаў таму, што ў Беларусі, як адзначаў доктар хімічных навук, прафесар, будучы акадэмік НАН Беларусі Ф. М. Капуцкі, цяжка было арганізаваць даследаванне з-за адсутнасці неабходнага абсталявання [3, спр. 1522, арк. 79].

Праўда, з 1990 г. пачалі змяншацца кантакты з Енскім універсітэтам і, наадварот, пашыраецца супрацоўніцтва са Свабодным Берлінскім і Рурскім (г. Бохум) універсітэтамі, Цэнтрам ядзерных даследаванняў у Карлсруе. У 1991 г. БДУ накіраваў за мяжу 263 чалавекі з ліку прафесарска-выкладчыцкага складу, аспірантаў, студэнтаў, а прыняў 51 замежнага спецыяліста. Супрацоўніцтва з установамі вышэйшай адукацыі былых краін СЭУ стала мінімальным на гэты час. Для правядзення навуковых даследаванняў, чытання лекцый, аказання метадычнай дапамогі, падпісання пагадненняў аб супрацоўніцтве ў 1991 г. ва ўніверсітэты паехалі 49 чалавек, у тым ліку ў Германію – 27, у іх ліку 7 студэнтаў.

Навуковыя кантакты юрыдычнага факультэта БДУ і кафедры публічнага права Рурскага ўніверсітэта былі вельмі плённымі. Імі вялася падрыхтоўка да публікацыі на рускай і нямецкай мовах манаграфіі «Правовое положение и функционирование субъектов федерации (сравнительно-правовой анализ опыта Республики Беларусь и Земли Нордрайн Вестфалия)» [Там жа, спр. 4198, арк. 2, 3].

Яшчэ адзін яскравы эпізод супрацоўніцтва. Дацэнт кафедры тэорыі функцый БДУ О. І. Марычаў пад час знаходжання ў Енскім універсітэце абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Функции гипергеометрического типа и некоторые их приложения к интегральным и дифференциальным уравнениям» на англійскай мове. Апанентамі былі прафесары Глеске, Вольферсдорф і А. І. Янушаўскас. Абарона была паспяховай [Там жа, спр. 4000, арк. 91].

Такім чынам, выкладзены матэрыял дазваляе заключыць, што паміж асобнымі вышэйшымі навучальнымі ўстановамі Беларусі і Германіі ў 70-я – пачатку 90-х гг. было наладжана супрацоўніцтва розных секцый. Яскрава прасочваецца наступная тэндэнцыя: ад першапачатковага асабістага знаёмства да сумеснага правядзення навуковых эксперыментаў, напісання сумесных манаграфій па розных галінах навукі і нават абароны дысертацый. Безумоўна, такія кантакты садзейнічалі станаўленню добразычлівых адносін паміж навуковымі калектывамі, павышэнню эфектыўнасці навуковых даследаванняў, а, часам, і сяброўства на многія гады. Такія кантакты сталі добрым пачаткам для развіцця далейшага супрацоўніцтва, пасля таго як Беларусь атрымала незалежнасць.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 7. Воп. 4.
2. НАРБ. – Ф. 1220. Воп. 1.
3. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 8.

М. М. Смольянинов

ВЫХОД СОВЕТСКОЙ РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Исполнилось 100-летие со времени тех грандиозных и трагических событий, которые пережили народы нашей страны, – это Великая Октябрьская социалистическая революция и заключение перемирия, а затем Брест-Литовского мирного договора с враждебными государствами Четверного союза и начало иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции против Советской России.

Февральская буржуазно-демократическая и Великая Октябрьская социалистическая революции явились мощным социальным потрясением как для страны в целом, так и для русской армии в частности. Революции совершились в ходе Первой мировой войны, когда под ружье были поставлены более 15 млн человек. Неудачный для Российской империи ход затянувшейся войны по причине военно-технической отсталости русской армии перед противником, зависимости Верховного командования от союзников в планировании и проведении наступательных операций в их интересах и в ущерб своим войскам с огромными потерями привели к падению морально-боевого духа солдатских масс. Под влиянием революционных событий, деятельности партий революционной демократии, направленной на демократизацию русской армии (создание комитетов – органов солдатского самоуправления, выборность командного состава, уравнение в правах солдат и офицеров и т.д.) подорвали принцип единоначалия командного состава, привели к падению воинской дисциплины, потере боеготовности и антивоенным выступлениям солдат. В письмах в Петроградский совет, в адрес министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского Временного правительства солдаты фронта требовали замены тыловыми, прекращения войны, решения этих вопросов до «наступления холодной поры», в противном случае угрожали оставить фронт.

Взявшие власть большевики приступили к выполнению тех обещаний, которые они пропагандировали и благодаря которым за ними пошли многомиллионные массы рабочих, солдат и беднейших крестьян. Зная, что одним из главных чаяний измученных войной масс является скорейшее прекращение войны, большевики в первый же день своего правления, 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда советов провозгласили составленный В. И. Лениным Декрет о мире, в котором было предложено «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», а до «окончательного утверждения условий мира… немедленно заключить перемирие… не менее как на 3 месяца», не отвергая и «более короткого срока» [1, с. 13–15].

Правительства союзниц России по Антанте – Англии и Франции – не ответили на мирные предложения Советского правительства. Исполняющий должность Верховного главнокомандующего русской армии генерал Н. Н. Духонин, не признавший власть Совнаркома, также отказался выполнить предписание «немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам». Тогда, 9 ноября, председатель Совнаркома В. И. Ленин и народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко от имени советского правительства обратились с радиограммой ко всем войсковым комитетам и солдатам русской армии, а также матросам флота с призывом взять дело мира в свои руки и вступать в переговоры с неприятелем о перемирии [1, с. 82].

Радиограмма Совнаркова с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия была встречена солдатами и частью офицеров российского Западного фронта (дислоцировался на территории Беларуси) с большой радостью и сочувствием. Ее содержание получило широкое обсуждение на заседаниях войсковых и военно-революционных комитетов (ВРК) частей и соединений с принятием решений о немедленном доведении ее содержания до солдат всех частей и подразделений. Создавались специальные комиссии из солдат и офицеров, разрабатывались инструкции для руководства во время переговоров с неприятелем о заключении перемирия. Стремление солдат к миру было настолько велико, что предпринимаемые шаги не встретили открытого массового противодействия. В случае отказа командиров вести переговоры с немцами таковые отстранялись от занимаемых должностей и арестовывались. Эта участь постигла главнокомандующего Западным фронтом генерала П. С. Балуева, командующего 3-й армией генерала Д. П. Парского, начальника Полоцкого гарнизона генерала В. В. Нечаева, начальника 134-й пехотной дивизии 10-й армии генерала Л. В. Афанасьева и некоторых других [2, с. 323].

Кульминацией заключения перемирия с противником на Западном фронте явилось обращение комиссии при ВРК Западного фронта 17 ноября к командованию противостоявших германских войск с предложением подписать договор о прекращении военных действий на всей линии фронта и назначить время и место для переговоров. Германская сторона в лице главнокомандующего армейской группой генерала Г. фон Эйхгорна ответила согласием. Переговоры состоялись 20 ноября в местечке Солы, во время которых был подписан договор о временном перемирии до 24 января 1918 г. – «до заключения общего перемирия на всем Русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока».

Заключение перемирия в создавшейся к концу 1917 г. ситуации на фронте и в стране было жизненно необходимым как для фронта, всей русской армии, так и для страны в целом. Оно давало возможность произвести перегруппировку сил, наладить вконец расстроившееся снабжение фронта продовольствием и фуражом, обмундированием и боевым

снаряжением, произвести частичную демобилизацию армии. Однако после Октябрьского переворота в условиях разгоравшейся гражданской войны в стране, усиленной поляризации политических сил заключение перемирия и начавшаяся затем демобилизация русской армии способствовали перегруппировке сил по классовому признаку и концентрации их в жизненно важных районах страны с целью вооруженного противостояния друг другу.

Советское правительство, заключив перемирие на фронте, завершив демократизацию старой армии, не смогло выполнить обещанного в первых своих обращениях к солдатам «обеспечения армии всем необходимым». Основными причинами являлись развал на железнодорожном транспорте с саботажем перевозок, поставок хлебных запасов и фуража производителями, их отток на внутренний фронт борьбы, а также имевший место захват следовавших для Западного фронта грузов выступившими на борьбу с Советской властью польскими легионерами. Все это привело к истощению продовольственных запасов и фуража в войсках Западного фронта, к голоду в рядах солдат, бескормице и массовому падежу в конском составе – основной тягловой силе [2, с. 351, 354–356].

Начавшаяся в ноябре 1917 г. в соответствие с декретом Совнаркома демобилизация солдат старших сроков призыва к концу декабря превратилась в эйфорию, охватившую все части и соединения армий Западного фронта. Уставшие, полураздетые, очутившиеся перед призраком неминуемого голода солдаты устремили свой взор в тыл, угрожая повальным бегством с фронта. Так, например, оставила свои позиции 5-я пехотная дивизия 2-й армии, требовала немедленной смены с позиций 67-я пехотная дивизия 3-й армии, предупреждали о своем уходе с позиций и требовали смены многие части и подразделения фронта. Под давлением требований солдат и войсковых комитетов продолжалась ускоренная демобилизация. В конце декабря 1917 г. было начато увольнение солдат 1902 г. призыва, с 10 января 1918 г. увольнялись солдаты 1903 и 1904 г. призыва, с 22 января было объявлено об увольнении солдат 1906 г. призыва, с 25 января – 1907 г. [Там же, с. 360].

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации, частичного отвода полков и подразделений с линии фронта в глубокий тыл и их последующего расформирования, увольнения старослужащих в трехмесячный отпуск и имевшего место дезертирства Западный фронт был окончательно обескровлен. В начале января 1918 г. на всей линии, протяженностью в 450 верст, по сообщению начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича в Совнарком о состоянии действующей армии, «по сильно преувеличенным данным» насчитывалось не более 150 тысяч штыков. К середине января на участке фронта в 120 верст, занимаемом 3-й армией, насчитывалось от 5 тысяч до 6 тысяч штыков, к началу февраля на участке фронта 69-й пехотной дивизии 10-й армии позиции охраняли одни сторожевые посты [Там же, с. 362]. Таким же было положение на многих участках фронта.

Демобилизуя старую армию, Советское правительство и Народный комиссар по военным делам настойчиво искали пути создания вооруженных сил. 26 декабря 1917 г. этот вопрос рассматривался на заседании Военной организации ЦК РСДРП(б), 14 декабря – на заседании коллегии наркомата по военным делам с участием делегатов, прибывших на Общеармейский съезд по демобилизации армии. Этот съезд проходил с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. и имел важное значение для формирования вооруженных сил Страны Советов. На съезде, наряду с вопросами демобилизации старой армии, обсуждалось создание новой «Социалистической армии». На одном из заседаний присутствовал председатель Совнаркома В. И. Ленин. В ходе этого заседания народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским был предложен проект основных условий организации Социалистической армии на добровольческих началах, с обеспечением семей добровольцев натуральным довольствием. В целом, разделяя эти предложения, В. И. Ленин указал на тяжелое положение республики и на настроение утомленных войной трудящихся масс, при котором будет трудно вести агитацию за создание новой армии. На заседании была оглашена анкета, подготовленная В. И. Лениным, которая содержала вопросы, касающиеся возможности сопротивления старой армии возможному немецкому наступлению [1, с. 179–180]. Ответы делегатов съезда указали на неспособность старой армии задержать наступление германских войск. Они подтвердили низкое морально-политическое состояние и небоеспособность старой армии, помогли определить пути создания новой армии.

Создание Красной армии было законодательно закреплено в принятой 3 января 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В этом документе впервые было закреплено название «Красная армия» [Там же, с. 222]. Обсуждение вопроса создания Красной армии состоялось также на совещании делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов 10–15 января 1918 г., был рассмотрен и одобрен декрет Совнаркома о создании Красной армии, который 15 января был принят и обнародован в печати. Согласно декрету в ряды Красной армии вступали граждане не моложе 18 лет, готовые отдать свои силы и жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции. Принимались в армию по рекомендациям партийных, профсоюзных организаций, стоявших на платформе советской власти. После опубликования декрета Совнаркома местные Советы, их военные отделы и штабы по формированию развернули работу по созданию отрядов Красной армии. В первую очередь записывались рабочие Петрограда и Москвы.

Началось создание частей Красной армии в белорусских губерниях. Этот вопрос обсуждался на губернских, уездных и волостных съездах Советов. В первую очередь добровольцами стали записываться рабочие Витебска: уже в феврале 1918 г. в Красную армию тут вступили 1 242 человека, из которых были сформированы 1-й и 2-й красноармейские батальоны им. Витебского Совета. Кроме того, тут были сформированы 4-й Варшавский полк из перешедших на сторону советской власти солдат-

поляков 1-го Польского корпуса И. Р. Довбор-Мусницкого. Вербовка добровольцев и формирование отрядов Красной армии проводились местными Советами Могилёвской губернии: в Орше добровольцами за одну неделю записались около 300 человек, в Климовичском уезде – несколько сот, в Гомеле вступили рабочие железнодорожных мастерских, в Сенно, Черикове, Толочине в Красную армию охотно записывались крестьяне. К середине февраля в Могилёве в Красную армию вступили более 2 тыс. человек, из которых стал формироваться 1-й Могилёвский полк. В это же время организовывались 1-й и 2-й Гомельские красноармейские батальоны. 30 января 1918 г. начал запись добровольцев в Красную армию военный отдел Минского Совета. Сотни рабочих и крестьян выразили готовность встать на защиту советской власти: всего записалось 5 тыс. человек. Запись добровольцев проводилась и в частях 2-й и 10-й армий. Всего до середины февраля на Западном фронте в Красную армию вступило около 5 тыс. человек [2, с. 374–375].

Для демобилизации старой армии и создания новой требовалось время и необходимые благоприятные экономические и военно-политические условия. Ни для одного из этих процессов таких условий не было. В условиях войны, экономической разрухи и набиравшей свой размах борьбы за власть в стране, большевики, почти распустив старую армию, не успели создать новую.

В то время как войска Западного фронта и других фронтов русской армии окончательно теряли свою боеспособность, германские войска наращивали силы, активно обучались, приводили в исправное состояние пути к передовым российским позициям, готовились к наступлению. Об этом еще в середине января 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич сообщал в Совнарком, народному комиссару по военным делам и Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко [3, с. 381].

Для возобновления военных действий на своем Восточном фронте германское командование искало предлог, которым явился отказ советской мирной делегации, возглавляемой Л. Д. Троцким, подписать в Брест-Литовске мирный договор и заявившей, что «демобилизуем нашу армию и состояние войны с Германией объявляем прекращённым» [Там же, с. 397]. И уже 17 февраля 1918 г. офицер штаба 134-й пехотной дивизии 10-й армии, ведавший разведкой, вернувшись из немецких окопов, отмечал «большое оживление» у них: «подходят много солдат со Сморгони… исправляется железнодорожный путь перед немецкой позицией» [4, л. 93–94].

Своих приготовлений к возобновлению военных действий противник не скрывал. Более того, германские солдаты и офицеры, установившие за время перемирия приятельские отношения с солдатами и офицерами русской армии, накануне наступления услужливо предупреждали последних о готовившейся на 18 февраля 1918 г. операции. Согласно донесению начальника штаба 134-й пехотной дивизии Самойлова в штаб 10-й армии, вечером 17 февраля он «получил от командира 535-го пехотного Липецкого

полка Троянова записку, в которой последний сообщал, что, по сведениям его хорошего знакомого германского офицера, немцы 5 (18) февраля с 12 часов возобновят боевые действия». Офицер просил «оповестить русских солдат, чтобы они не ходили в немецкие окопы», так как «будут встречаться вначале холостыми выстрелами». Прибывший из немецких окопов офицер штаба 134-й дивизии, ведавший разведкой, также сообщил начальнику штаба дивизии о том, что немцы-офицеры совершенно открыто говорили, что мирные переговоры закончены», и они в 12 часов (по их исчислению) после первого холостого артиллерийского выстрела «перейдут в наступление», что они «вынуждены продолжать военные действия», заверяли, что «боевой стрельбы не будет, если не будут встречены сопротивлением» [4, л. 93–94]. О «довольно вызывающем» поведении немцев «по отношению к нашим сторожевым постам, охранявшим позицию и задержавшим местных жителей, которые направлялись к немцам для продажи им продуктов, сообщали в тот же вечер в штаб 10-й армии командир 38-го армейского корпуса Любенецкий и председатель корпусного Совета Аршавский. Немецкие солдаты, потребовав «от наших постов пропуска к себе жителей, заявили, что наши посты будут стерты ими с лица земли, так как завтра, 18 февраля, срок перемирия оканчивается и немцы перейдут в наступление» [Там же, л. 90].

Об этих и других фактах намерения противника неоднократно с тревогой сообщалось в штаб главнокомандующего Западным фронтом. Одновременно командование просило указаний об отводе войск в тыл, так как имевшимися «совсем незначительными силами», по их мнению, не было смысла оказывать сопротивление во много раз превосходящему по численности и вооружению противнику [Там же, л. 95].

Еще в начале января 1918 г. штабы армий и фронта поставили перед Ставкой Верховного главнокомандующего вопрос о необходимости его быстрой ликвидации и перемещении оставшихся частей, управлений и военных учреждений за естественный рубеж – за р. Березина по линии Псков, Полоцк, Борисов, Бобруйск, Речица, а штаб фронта – из Минска в Смоленск.

Получая тревожные сведения о состоянии войск фронтов, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич неоднократно сообщал Совнаркому, Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко и Генеральному штабу об «отсутствии» в соединениях фронтов «воинского порядка», о «полном расстройстве, местами критическом довольствии людей и особенно лошадей», в связи с этим о «неспособности к передвижению артиллерии», «полной невозможности дальнейшего пребывания на позиции» и необходимости отвода войск за естественные рубежи. Он также считал, что «единственным выходом для предотвращения полного уничтожения армии был бы отход… за большие реки, как Березина, Днепр и др.», но в то же время сомневался в успешности этой операции из-за «отсутствия дорог, снежных заносов, деморализации войск и истощения конского состава» [3, с. 350–352]. Однако «ни на одну телеграмму, по его словам, он ответа не получил» [5, с. 232].

Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко и главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников медлили с ответом и на вопрос о том, как поступить войскам в случае наступления противника. Накануне наступления, 17 февраля, командующий 10-й армией вторично телеграфно запросил об этом у штаба Западного фронта, предупреждая, что «промедление и неточность в указаниях могут повлечь ненужное кровопролитие». Только 18 февраля 1918 г. под грифом «Весьма срочно. Очень секретно» А. Ф. Мясников со ссылкой на постановление Западно-фронтового совещания (состоялось 14–15 февраля) и указания Н. В. Крыленко телеграфно просил командующих армиями «в срочном порядке» оповестить войска о том, что «в случае нападения немцев оказывать сопротивление в виде партизанских вылазок», в «последнюю минуту вооружить все надежное местное население» [4, л. 92].

Распоряжение А. Ф. Мясникова было запоздалым. Оно было передано в войска в день начала наступления противника. К этому времени на фронте командующие армиями, не дождавшись указаний, стали действовать по своему усмотрении. Так, начальник штаба 10-й армии бывший полковник К. И. Рыльский от имени командующего армией в телеграмме всем командирам корпусов и начальникам дивизий утром 18 февраля подтверждал, что в случае наступления немцев «вооруженного сопротивления не применять… Войскам необходимо спокойно оставаться на местах, а штабам немедленно сообщить штабу армии и предложить немцам войти в переговоры со штабом армии для изложения цели их движения» [Там же, л. 88].

18 февраля 1918 г., нарушив условия перемирия, войска противника перешли в наступление на широком фронте от Рижского залива до устья Дуная. На Западном фронте в этот день действия противника начались ранним утром открытием артиллерийского огня и выступлением конных и пеших разведывательных отрядов, а также разведывательными полетами аэропланов. Вследствие артстрельбы и полетов авиации противника, при отсутствии необходимых сил для отражения его наступления, в занимавших позиции войсках началась паника и их беспорядочное отступление. В первые же часы штабы армий и фронта потеряли управление войсками. Была нарушена связь между корпусами.

21 февраля в 11 часов 30 минут начальник штаба армий Западного фронта Н. В. Соллогуб телеграфно доносил в Петроград в Генеральный штаб и в Ставку Верховного главнокомандующего о положении на Западном фронте к вечеру 20 февраля, из которого следовало: «В третьей армии германские разъезды вызвали панику, которая постепенно улеглась. Наступление крупных сил не обнаружено». Штаб армии и армейский Совет находились в Полоцке. В районе 10-й армии «ст. Радошковичи занята крупными силами немцев, которые продолжают наступление на Минск». Штаб 10-й армии выехал из Молодечно и его нахождение не было известно. В зоне действий 2-й армии «днём 20 (7) февраля г. Несвиж занят германской

пехотой, которая продвигается далее на Клецк, Слуцк, Бобруйск, дошли до Киевичей. Немцы заявляют, что если мир не будет подписан, то они дойдут до Смоленска… Через Слуцк дезорганизовано отступают в беспорядке солдаты 9-го корпуса. Часть армейского комитета исчезла из Слуцка». Командующий армией и штаб оставались в Слуцке, так как «не имели перевозочных средств для выезда» [6, л. 5–6].

Далее в телеграмме сообщалось, что «19 февраля по получении известия о приближении немцев Мясников и советские власти разными путями решили покинуть Минск. Вследствие происшедшей паники и недоразумений с железнодорожниками никто организованно не выехал и эшелон Мясникова отошел с большим трудом. При таких условиях я, штазап [штаб Западного фронта] вынуждены были остаться в Минске. Власть в городе перешла в руки польских и белорусских военных организаций, действующих в контакте с Довбор-Мусницким. Прибытие германцев в Минск можно ожидать к вечеру сегодня 21 февраля и к этому же времени возможен и приход сюда Довбор-Мусницкого» [Там же, л. 6–7].

Следует сказать, что обстоятельства менялись стремительно. Пока начальник штаба фронта передавал эту телеграмму, противник уже вступил в Минск. Об этом говорят последние слова Н. В. Соллогуба: «Сейчас передовые части германцев и корпус генерала Довбор-Мусницкого вошли в Минск» [Там же, л. 8]. За несколько дней германские войска, фактически не встречая сопротивления, захватили значительную территорию. Только некоторые ВРК, штабы и командиры делали попытки организовать сопротивление, вступали в бой с противником. Вооруженный отпор оказали 266-й Пореченский полк 35-го армейского корпуса 3-й армии, 60-й Сибирский стрелковый полк и 1-й социалистический отряд 3-го Сибирского корпуса 2-й армии. Делались попытки к организованному отступлению с оказанием сопротивления со стороны командира 50-го армейского корпуса [7, с. 65–66].

Советское правительство принимало все меры к прекращению наступления германских войск. В ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. Совнарком телеграфно сообщил в Берлин германскому правительству о согласии подписать мир на предложенных условиях. Однако армии противника продолжали наступать. Были захвачены многие города России, пал Псков, нависла угроза над Петроградом. На белорусских землях интервенты захватили Минск, Молодечно, Воложин, Несвиж, Слуцк, Лунинец.

По всей стране развернулась работа по мобилизации сил и средств для отпора захватчикам. 20 февраля Совнарком создал Временный исполнительный комитет из пяти членов (3 большевика и 2 левых эсера) во главе с В. И. Лениным, на который были возложены задачи оперативного решения вопросов вооруженной защиты Советского государства. 21 февраля в два часа ночи Совнарком принял обращение «К трудящемуся населению России», в котором заявил: «Мы хотим мира, мы готовы принять и тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору… Все свободные от

производственной деятельности рабочие и крестьяне, сознательные и мужественные борцы революции должны немедленно строиться в ряды Красной армии» [3, с. 397–398].

21 февраля советское правительство обратилось к трудящимся страны с декретом «Социалистическое отечество в опасности!», в котором призвало рабочих и крестьян России к вооруженной защите Страны Советов от «полчищ буржуазно-империалистической Германии», всем Советам и революционным организациям вменялось в «обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови» [1, с. 357–358]. 22 февраля начальник штаба М. Д. Бонч-Бруевич от имени Верховного главнокомандующего обратился к командованию войсками Северного и Западного фронтов об организации обороны, предписывая всем Советам, командирам и начальникам войсковых частей «организовать оборону подступов к Нарве, Пскову, Острову, Невелю, Витебску, Орше, Могилёву, Жлобину, Мозырю, Бердичеву, Вапнярке, Одессе и удержание этих пунктов… положить предел наступлению германцев» [3, с. 402–403].

Командование Западного фронта, местные советские военные органы неоккупированных белорусских земель прилагали усилия по организации сопротивления наступающим германским войскам. Главнокомандующий фронтом А. Ф. Мясников отмечал: «22 февраля немцы стали распространяться дальше Минска в восточном направлении. С этого момента начинаются активные действия нашей Красной Армии, руководство отдельными отрядами которой тотчас же берет в свои руки только что сформированный в Смоленске новый штаб фронта» [8, с. 81].

В ознаменование мобилизации революционных сил на защиту молодого Советского государства, массового вступления добровольцев в ряды Красной армии, начала формирования ее отрядов и частей день 23 февраля с 1919 г. в Советском Союзе ежегодно отмечался как День Красной Армии и Военно-Морского Флота.

23 февраля 1918 г. А. Ф. Мясников отдал приказ о мобилизации всех сил на борьбу с германскими оккупантами. Для организации сопротивления на линии Витебск, Орша, Могилёв, Гомель были выдвинуты Витебский, Оршанский и Могилёвский отряды и 2-я революционная армия, которым было приказано задерживать продвижение противника [9, с. 101]. Авангарды этих войск были нацелены на Полоцк, Борисов и Бобруйское направление, к Жлобину и Калинковичам для порчи путей наступления вражеских войск. В 20-х числах февраля в районе Калинковичей, Жлобина и Речицы развернулись упорные и кровопролитные бои. Под Жлобином противник потерял 400 человек убитыми. Калинковичи и Речица переходили из рук в руки [10, с. 118–119].

Упорная борьба с германскими войсками развернулась при их направлении на Оршу: создавались препятствия – был взорван мост через Березину у Борисова. На поддержку находившимся на этом направлении Оршанскому, Невельскому и Сенненскому полкам Красной армии

А. Ф. Мясниковым был направлен прибывший в его распоряжение в Смоленск 1-й Московский красногвардейский отряд численностью 500 человек под командованием А. А. Знаменского. Группировка войск вступила в бой под Толочином, нанесла серьезное поражение противнику. Были захвачены ценные трофеи, в том числе переписка начальника штаба Верховного командования немецких войск генерала Гофмана. Второй удар 1-м Московским отрядом совместно с прибывшими из Витебска кавалерийским отрядом численностью 250 человек под командованием Севрюкова и красногвардейским отрядом в 200 бойцов во главе с Костериным был нанесен под Кохановым [9, с. 173–175].

Борьбу против германских войск в Витебской губернии организовал Витебский революционный штаб, располагавший силами 5-го красногвардейского полка численностью 500 бойцов, 1-го революционного батальона поляков – 250 человек, латышского отряда – 200 и отряда красногвардейцев-подрывников – 75 человек. При наступлении войск противника в направлении Бешенковичей навстречу им из Витебска выступил, внезапно атаковал и захватил его авангард в д. Свеча конный отряд, а красногвардейцы приостановили продвижение германцев в районе станции Горяны и совместно со смоленскими бойцами дали им бой в районе станции Ловша.

Упорное сопротивление оказывали красноармейцы при наступлении противника на Гомель. Несколько атак превосходящих сил врага было отбито в районе станции Красный Берег. Успеху способствовали прибытие отряда во главе с командующим революционными силами Гомельского участка обороны Р. И. Берзиным и его обращение с призывом «ко всем рабочим и крестьянам» записываться в «народно-социалистическую гвардию». Для вооружения созданных отрядов на каждую волость было выдано по 1 тыс. винтовок с патронами. Это сыграло важную роль в организации частей Красной армии в Гомельском уезде. Наступление немецких войск было приторможено, что позволило эвакуировать из Гомеля весь подвижной состав пассажирских вагонов и вывезти дорогостоящее имущество и вооружение.

Приказом А. Ф. Мясникова весь район Западного фронта и области был объявлен на военном положении. Начал создаваться Западный революционный фронт под командованием Р. И. Берзина в составе 1-й и 2-й революционных армий и местных революционных отрядов. Этим войскам была поставлена задача организации обороны района Могилёв, Жлобин, Калинковичи, Гомель, Коростень и прикрывать коммуникации на Брянск и Бахмач. Здесь же действовали части и подразделения под командованием Г. Г. Чердынцева, обороняя Могилёв, Быхов, Рогачёв. Войска Западного фронта, находившиеся на правом фланге, под командованием М. Д. Кафиева, С. Н. Крылова и Н. А. Ефимова, продолжали оборонять район Витебск, Орша. В районе Орши произошли напряженные бои. 1 марта член Верховного военного совета С. В. Флеровский сообщал в Наркомвоен: «Немцы заняли Славное, но под нашим артиллерийским огнем отошли».

Только 3 марта немцам удалось овладеть западной частью города с товарной станцией. Восточная часть Орши, район пассажирского вокзала были удержаны советскими войсками [8, с. 83].

Несмотря на самоотверженную борьбу частей Красной армии и отрядов Красной гвардии, германские войска, пользуясь превосходством в живой силе и вооружении, продолжали наступление. Даже после подписания 3 марта 1918 г. мирного договора, стремясь захватить как можно большую территорию, противник подтянул новые силы и перешел в наступление восточнее Гомеля. Красногвардейские отряды оказывали сопротивление. Для борьбы с интервентами формировались новые подразделения Красной армии: в Чечерске отряд численностью 100 бойцов, в деревнях Ровковичи, Рогинь, Новховичи, Жгунь – более 30 человек в каждой. Объединенными силами отряды вступили в бой у д. Липа (севернее Гомеля) и разгромили отряд германцев численностью 100 человек.

В районе Ветки 2-й Гомельский отряд в трехчасовом бою нанес поражение немцам: были убиты 70 солдат, взяты трофеи – винтовки и два пулемета и 160 голов скота. Более пяти часов сражался отряд с противником под Дубовым Логом, причинив ему потери около 100 солдат. Успеху красногвардейцев способствовали хорошее вооружение и знание местности. Продвигаясь с боями в сторону Добруша, отряд увеличился до 300 человек. Соединившись с 1-м Гомельским отрядом, красногвардейцы выбили немцев из Добруша.

Новые отряды численностью 50–70 бойцов были организованы в это время юго-восточнее Гомеля в деревнях Крупец, Перерост, Корма и Хорошевка. Объединенными силами эти отряды более двух суток вели бой в районе д. Корма. Противнику был нанесен урон в 400 солдат и офицеров. Потери красноармейцев составили 27 человек [9, с. 181].

Следует сказать, что, несмотря на героическое сопротивление красноармейских и красногвардейских частей и отрядов, немецким захватчикам до середины марта удалось занять почти всю территорию Беларуси. Согласно грабительскому мирному договору, подписанному 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, огромная территория белорусских губерний оставалась под немецкой оккупацией. Не занятыми противником остались только шесть уездов: Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский и Городокский; частично не оккупированными – восемь уездов: Горецкий, Могилёвский, Оршанский, Быховский, Гомельский, Рогачёвский, Лепельский и Сенненский Витебской и Могилёвской губерний. Попытки немецких войск после заключения мира захватить новые территории были предотвращены. 7 марта главнокомандующий армиями Западного фронта А. Ф. Мясников в телеграмме Совнаркому сообщал: «Мои парламентёры, посланные к немцам под Оршу, вернувшись заявили, что немцы военные действия считают прекращёнными. На всём фронте спокойно…» [3, с. 409]. Для охраны западных границ Высший военный совет Российской Советской республики

создал заградительный участок «Завесы», в который вошли Витебский, Оршанский, Смоленский отряды, а также Рославльская и Брянская группы революционных отрядов. Эти силы сдерживали наступление германских войск в глубь Советской России. Таким было 100 лет назад рождение и боевое крещение первых частей и подразделений Красной армии во время борьбы с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией на белорусской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. : в 45 т. / В. И. Ленин. – М., 1973. – Т. 35.
2. *Смольянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – М. : Фонд «Ист. память», 2017. – 415 с.
3. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. : сб. докл. – М., 1973.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27.
5. *Бонч-Бруевич, М. Д.* Вся власть Советам : воспоминания / М. Д. Бонч-Бруевич. – М. : Воениздат, 1958.
6. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2001.
7. *Селиванов, П. А.* На защите завоеваний Октября. Из истории борьбы большевиков Белоруссии за создание советской военной организации (октябрь 1917 – 1918 гг.) / П. А. Селиванов. – Минск : Беларусь, 1971. – 144 с.
8. Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917 – 1920 гг. – Минск : Навука і тэхніка, 1990.
9. *Хохлов, А. Г.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.) / А. Г. Хохлов. – Минск, 1965.
10. Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. : сб. ст. – М., 1956.

А. Г. Трубчык

БЕЛАРУСКАЯ ШКОЛА ВА ЎМОВАХ ВАЕННА-ПАЛІТЫЧНЫХ КАНФЛІКТАЎ (1914–1921): АГЛЯД ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Вывучэнне пытанняў, звязаных з палітыкай у перыяды ваенных канфліктаў і актыўных дзяржаватворчых працэсаў, з’яўляецца найбольш складанай гістарыяграфічнай праблемай. Асабліва гэта тычыцца пераломных, лёсавызначальных перыядаў нацыянальнай гісторыі. Раней увага пры вывучэнні ваенных канфліктаў 1914–1921 гг. надавалася гісторыі баявых дзеянняў, міжнародным адносінам, пытанням эканамічнага характару; сёння ж гісторыкі імкнуцца запоўніць прабелы ў асвятленні сацыяльных, нацыянальных і культурна-асветніцкіх аспектаў. Працэсы, звязаныя з развіццём беларускай

культуры і адукацыі, якія актуалізаваліся і актывізаваліся ў выніку дзейнасці структур БНР і беларускіх нацыянальна-дэмакратычных арганізацый падчас нямецкай акупацыі, працягваліся ва ўмовах польска-савецкай вайны. Нельга абмінаць той факт, што існаванне беларускіх школ ва ўмовах польскай акупацыі з’яўлялася як спадчынай перыяду нямецкай акупацыі, так і вынікам складаных польска-беларускіх адносін.

У брашуры польскага грамадска-палітычнага дзеяча С. Браноўскага «Państwo polskie a kwestja białoruska» («Польская дзяржава і беларускае пытанне»), выдадзенай у студзені 1919 г., быў прызнаны факт існавання беларускага народа, але падкрэсліваўся нізкі ўзровень яго культурнага развіцця, адсутнасць пачуцця нацыянальнай годнасці, патрыятызму. Намагаючыся абгрунтаваць інкарпарацыйную палітыку Польшчы, аўтар паведамляў, што беларусы не мелі ўласнай літаратуры і не здолелі арганізаваць народную адукацыю. Узнікненне значнай колькасці беларускіх школ у час Першай сусветнай вайны С. Браноўскі звязваў выключна з праявай ініцыятывы з боку немцаў, а існаванне нацыянальнай інтэлігенцыі ўвогуле адмаўляў. С. Браноўскі зрабіў наступную выснову: нават калі такі народ і здолее ўтварыць уласную дзяржаўнасць, яна вельмі хутка будзе зломлена больш магутным суседам (тут маецца на ўвазе Расійская дзяржава. – *А. Т.*). Аўтар імкнуўся даказаць, што беларускі народ «здаровым інстынктам» больш схіляецца да польскасці, чым да развіцця ўласнай нацыі. Па падліках С. Браноўскага, у Мінску і Мінскай губерні з пачаткам польска-савецкай вайны па ініцыятыве і за кошт мясцовага насельніцтва было ўтворана 515 польскіх пачатковых школ, у якіх навучалася 20 000 дзяцей (!) [1, s. 3].

Пасля адступлення польскіх войскаў з Мінска ў ліпені 1920 г. у Вільні была выдадзена брашура А. Луцкевіча на польскай, рускай і беларускай мовах «Польская акупацыя Беларусі». Ацэньваючы дзейнасць польскай улады на тэрыторыі Беларусі, аўтар ужывае тэрмін «гвалтоўная паланізацыя». Ён падкрэслівае, што, акрамя эканамічнага ўціску, здзекаў над мясцовым насельніцтвам, арыштаў беларускіх грамадскіх дзеячаў, палякі «пачалі непрымірымую барацьбу з тым, што становіць аснову развіцця народу і яго дабрабыту – з беларускай прасветай». А. Луцкевіч зрабіў выснову аб тым, што ў час польска-савецкай вайны беларуская школьная справа прыйшла ў заняпад. Згодна з падлікамі аўтара, з 153 беларускіх школ, якія існавалі ў Віленскай акрузе ў час нямецкай акупацыі, да канца 1919 г. засталося толькі 17 легальных і каля 40 неафіцыйных школ [2, с. 8].

Згодна з загадам прэм’ер-міністра У. Сікорскага была падрыхтавана навуковая праца «Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich» – «Нацыянальная справа на ўсходніх крэсах» (K. Srokowski, 1924). Галоўная мэта аўтара – вызначыць этнаканфесійныя асаблівасці краю і ахарактарызаваць узровень яго эканамічнага і культурнага развіцця. Не адмаўлялася, што на гэтых землях яшчэ да пачатку польскага наступлення мела месца беларуская адукацыя, арганізаваная пры падтрымцы нямецкіх

акупацыйных улад. Аўтар зрабіў выснову аб тым, што ў заняпадзе беларускай асветы ў час польска-савецкай вайны вінаватае не мясцовае насельніцтва з яго слабай нацыянальнай інтэлігенцыяй, а перш за ўсё непаслядоўнасць палітыкі кіраўніцтва Генеральнага камісарыята ГУУЗ [3, s. 12, 17]. Так, у пачатку польскага наступлення на беларускія землі ваенныя ўлады знішчылі амаль усе беларускія школы, якіх толькі на Гродзеншчыне налічвалася 153. Пасля таго, як усе беларускія школы былі зачыненыя, кіраўніцтва ГУУЗ пачало падрыхтоўку беларускіх настаўнікаў. На педагагічных курсах у Вільні і Слуцку навучалася паўтары тысячы беларускіх настаўнікаў, якія так і не былі прызначаны на пасады. Застаўшыся без працы, яны пачалі займацца беларускай або камуністычнай прапагандай. Такім чынам, польская ўлада сама падрыхтавала сабе ворагаў. На думку аўтара, дазвол бескантрольнай дзейнасці мясцовай адміністрацыі ГУУЗ быў галоўнай памылкай польскай палітыкі.

У 1928 г. выйшла адна з найбольш значных прац, якую можна залічыць як да польскай гістарыяграфіі міжваеннага перыяду, так і да крыніц вывучэння польскай палітыкі на акупаваных землях, – «Кароткі нарыс беларускага пытання», падрыхтаваны ў ІІ аддзеле Генеральнага штаба польскага войска (аўтар невядомы) і прызначаны «толькі для службовага карыстання». З «Кароткага нарыса…» вынікае, што найменш спланаванай была палітыка польскай улады ў адукацыйнай сферы, асабліва ў адносінах да беларускіх школ на Міншчыне. У школах Мінска польская ўлада тры разы спрабавала змяніць мову выкладання. Аўтар не спыняецца на прычынах такога хістання, а толькі канстатуе, што «польская ўлада намагалася развіваць адукацыю» [4, с. 84–85]. З адсутнасці аргументаваных прыкладаў вынікае, што гэтыя «намаганні» зводзіліся да кароткачасовай лаяльнасці да беларускіх школ. Польская ўлада разлічвала з дапамогай беларускіх школ ліквідаваць рускую адукацыю (прасавецкі ўплыў), таму дазволіла беларускім дзеячам разгарнуць культурна-асветную дзейнасць. Развіццё беларускіх школ у Мінску пачалося вельмі хуткімі тэмпамі. Каб спыніць рост колькасці беларускіх школ, прыйшлося зноў дазволіць выкладанне на рускай мове.

З пачатку 1930-х гг. у сувязі з уздымам нацыянальна-вызваленчага руху, выкліканага глыбокім эканамічным крызісам, у польскую гістарыяграфію зноў вярнуліся антыбеларускія тэндэнцыі. З’явіліся працы, якія замацоўвалі погляд на беларускі народ, як на адсталы ў нацыянальным развіцці і няздольны да самастойнай дзяржаватворчасці.

Сярод гістарычных прац дадзенага накірунку – манаграфія С. Ельскага «Беларуская справа». Асобны раздзел аўтар прысвяціў вывучэнню стану беларускага школьніцтва ў Польскай дзяржаве. Аўтар палемізаваў з «асобнымі беларускімі дзеячамі», якія сцвярджалі, што польская ўлада знішчыла беларускую адукацыю. На думку С. Ельскага, у час польска-савецкай вайны лёс занятых зямель заставаўся нявызначаным, таму адукацыйная палітыка праводзілася «згодна з тагачаснымі ўмовамі». Аўтар

лічыў, што сапраўдныя беларускія школы магла стварыць толькі польская ўлада, паколькі пры немцах школы толькі называліся беларускімі, выкладанне ж ажыццяўлялася на рускай мове. У часы Расійскай імперыі ўвогуле беларускіх школ не існавала. Падчас польскай улады яны не знайшлі дастатковай падтрымкі сярод беларускага насельніцтва, якое больш схілялася да польскіх школ. Разам з тым даследчык прыводзіў наступную статыстыку з невядомай крыніцы: пры фінансавай падтрымцы польскага кіраўніцтва да ліпеня 1920 г. было ўтворана 200 беларускіх школ, у якіх навучалася 12 000 вучняў [5, s. 78]. Наўмыснае замоўчванне інфармацыі аб дзейнасці беларускіх арганізацый схіляла да высновы, што польскае кіраўніцтва намагалася адчыняць беларускія школы нават насуперак волі несвядомага мясцовага насельніцтва.

У 1960 г. у беларускім эмігранцкім штотыднёвіку «Бацькаўшчына» (выдаваўся ў Мюнхене з 1947 г.) быў надрукаваны артыкул «Дабальшавіцкія пачаткі беларускага школьніцтва». Ананімны аўтар крытыкаваў працу тагачаснага міністра асветы БССР І. Ільюшына «Народная асвета ў Беларускай ССР» аб тым, што на захопленых немцамі, а потым палякамі беларускіх землях «работа школы спынілася» [6, с. 73]. Беларуская школьная справа, як адзначалася ў артыкуле, пачалася не з моманту ўсталявання савецкай улады на Беларусі, а значна раней – у час нямецкай акупацыі. Але беларускія савецкія даследчыкі замоўчваюць гэты факт, таму што дзеючая ўлада звязвае яго са здрадніцтвам беларускіх нацыяналістаў. Аўтар лічыў, што «беларускае культурнае і нацыянальнае адраджэнне прабівалася на паверхню жыцця праз усе нягоды і пад кожнай акупацыяй» [7, с. 3]. Аднак падобныя думкі доўгі час заставаліся невядомымі савецкаму грамадству і замоўчваліся ў навуковым асяроддзі.

У 1990 г. выйшла калектыўная праца беларускіх навукоўцаў Інстытута гісторыі АН БССР (І. М. Ігнаценка, І. П. Ламака і інш.) «Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917–1920». Даследаванне несла на сабе савецкі ідэалагічны адбітак, але разам з тым з’яўлялася якасна новай, грунтоўнай працай. Упершыню ў навуковы ўжытак была ўведзена значная колькасць архіўных дакументаў, у тым ліку польскіх, матэрыялы перыядычнага друку 1919–1920 гг., якія выдаваліся беларускімі нацыянальнымі дзеячамі і арганізацыямі, а таксама асобныя працы польскіх даследчыкаў.

Пытанні асветы і школьніцтва на занятых польскімі войскамі беларускіх тэрыторыях разглядаліся ў дадзенай працы перш за ўсё ў якасці ілюстрацыі тэзы аб «гвалтоўнай паланізацыі» краю. Кожны з прыведзеных у даследаванні фактаў аб закрыцці школ, гімназій, рэпрэсіях супраць настаўнікаў і інш. падмацоўваўся сведчаннем пэўных крыніц. Пры гэтым стан школьнай справы быў прадстаўлены аднабакова. У характарыстыцы палітыкі польскай улады, адлюстраванай у даследаванні, назіраюцца пэўныя супярэчнасці. Гісторыкі па-ранейшаму сцвярджалі, што намаганні беларускіх нацыянальных дзеячаў і арганізацый у развіцці народнай адукацыі на

акупаваных землях не мелі вынікаў. Аднак у тэксце можна знайсці сведчанні аб тым, што польская ўлада часткова фінансавала беларускія школы [8, с. 106, 266, 229]. У цэлым з'яўленне гэтай працы значна паўплывала на ступень даследавання пытанняў савецка-польскай вайны і стала пэўным крокам наперад у развіцці айчыннай гістарыяграфіі.

Польскія гісторыкі, якія мелі шырокія магчымасці для вывучэння архіўных дакументаў, працягвалі падтрымліваць погляды сваіх папярэднікаў, згодна з якімі ў заняпадзе беларускай культуры і адукацыі абвінавачваўся беларускі народ, не здольны да нацыянальна-культурнага развіцця, і яго эліта, нешматлікая і палітычна слабая беларуская інтэлігенцыя.

У 2010 г. выйшла ў свет манаграфія У. Ляхоўскага, які, разглядаючы развіццё школьнай адукацыі ў перыяд Першай сусветнай вайны, паказаў вынікі нямецкай адукацыйнай палітыкі на беларускіх землях і становішча, у якім знаходзілася школьніцтва напярэдадні польскага наступлення. Трэба адзначыць зроблены аўтарам грунтоўны аналіз культурна-асветніцкай дзейнасці беларускіх грамадска-палітычных арганізацый і асобных дзеячаў ва ўмовах нямецкай акупацыі. На думку У. Ляхоўскага, развіццё беларускіх школ адбывалася дзякуючы ініцыятыве беларускай інтэлігенцыі. Першыя беларускія школы арганізоўваліся беларускімі дзеячамі без палітычнай і фінансавай падтрымкі нямецкай акупацыйнай улады. Пры гэтым кіруючыя колы не перашкаджалі беларускай школьнай справе, таму што гэта не супярэчыла іх геапалітычным інтарэсам у краі. Пазней акупацыйная ўлада згадзілася на стварэнне масавых беларускамоўных казённых школ у якасці «заслоны» для спынення польскага нацыяналізму на беларускія землі [9, с. 129]. У. Ляхоўскі звярнуў увагу на складанае пытанне аб колькасці беларускіх школ падчас нямецкай акупацыі. Ён зрабіў выснову аб тым, што пры фінансавай падтрымцы кайзераўскай улады з кастрычніка 1916 г. па красавік 1918 г. колькасць казённых школ на акупаванай заходнебеларускай тэрыторыі ўзрасла з 3 да 89. Пры гэтым аўтар крытычна прааналізаваў навуковыя працы, у якіх, на яго думку, падаецца завышаная колькасць беларускіх школ. У большасці з гэтых прац выкарыстоўвалася інфармацыя з мемарандумаў беларускіх нацыянальных арганізацый, якія накіроўваліся ў адрас урадаў краін Еўропы і Паўночнай Амерыкі, а таксама розных міжнародных арганізацый. У. Ляхоўскі сцвярджае, што «завышаная колькасць беларускіх школ у час кайзераўскай акупацыі выкарыстоўвалася дзеячамі беларускага руху як фактар ціску на польскія органы акупацыйнай улады, каб дабіцца ад апошніх прызнання права на існаванне беларускамоўнай асветы на заходнебеларускіх землях».

У 2003 г. выйшла грунтоўная манаграфія, прысвечаная дзейнасці ГУУЗ, у якой Я. Героўска-Калаўр паказала асаблівасці практычнага ажыццяўлення палітыкі польскай улады на занятай у час польска-савецкай вайны тэрыторыі, адлюстравала арганізацыйную структуру і асноўныя этапы дзейнасці польскай адміністрацыі. Асобны раздзел прысвечаны праблемам

школьнай адукацыі на беларускіх землях. У ім аўтар прааналізавала адукацыйную палітыку польскай улады, зрабіўшы акцэнт на адносінах да беларускай адукацыі. Навуковая пазіцыя даследчыцы грунтуецца на тым, што адукацыйная палітыка польскіх улад на занятай тэрыторыі Беларусі канцэптуальна зыходзіла з федэралісцкай канцэпцыі Ю. Пілсудскага. Галоўнай мэтай польскай адміністрацыі ў галіне адукацыі аб'яўлялася імкненне да арганізацыі школ згодна з інтарэсамі насельніцтва розных нацыянальнасцей. Я. Героўска-Калаўр падкрэслівала, што на практыцы палякі не забаранялі нацыянальныя школы, але і не настойвалі на іх адкрыцці. Беларускае насельніцтва цягнулася да рускіх і польскіх школ і не было зацікаўлена ў адукацыі на беларускай мове ў той ступені, як гэта падавала беларуская эліта. Даследчыца выказала думку аб тым, што менавіта дзейнасць беларускіх нацыянальных прадстаўнікоў па адкрыцці беларускіх школ парушала дэмакратычныя прынцыпы, вызначаныя ў Віленскай адозве кіраўніка Польскай дзяржавы. Развіццё беларускіх школ замаруджвалі не столькі мясцовыя польскія чыноўнікі, колькі беларускія дзеячы, для якіх «пытанне аб беларускіх школах фактычна было пытаннем аб грашовых сродках» [10, s. 213, 220].

Найбольш значнай сярод сучасных напрацовак з'яўляецца манаграфія польскай даследчыцы Дароты Міхалюк «Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці». У 2015 г. праца была перакладзена на беларускую мову. Аўтар дэталёва прааналізавала прычыны расколу беларускага нацыянальнага руху, вызначыла пазіцыі розных яго плыняў. З даследавання вынікае, што польская ўлада не падтрымлівала незалежніцкія памкненні беларусаў, а іх надзеі на ўтварэнне дзяржавы выкарыстоўвалі ва ўласных мэтах. Аднак палякі не хацелі, каб беларускія палітыкі шукалі падтрымкі ў Савецкай Расіі, да таго ж не было вырашана пытанне польскай усходняй мяжы. Даследчыца лічыць, што праблема беларуска-польскіх адносін заключалася ва ўзаемным недаверы і няшчырасці дыскусій. Гэта выразна праявілася ў лаяльнасці да беларускай мовы і адукацыі на Міншчыне. Разам з тым на Віленшчыне і Гродзеншчыне са 150 беларускіх школ, якія дзейнічалі падчас нямецкай акупацыі, засталося толькі 20. Польская ўлада зачыніла гімназіі ў Будславе, Гродне, а ў Слуцку і Вільні абмежавала іх дзейнасць [11, с. 425]. Падагульняючы свае высновы, Д. Міхалюк сцвярджае, што, калі б у беларускім нацыянальным руху не адбылося расколу, ён меў бы большую сілу і магчымасць дасягнуць сваіх мэт, калі і не ў справе дзяржаўнай незалежнасці, то абавязкова ў сферы асветы.

Такім чынам, аналіз гістарыяграфіі сведчыць аб тым, што акупацыйныя ўлады выкарыстоўвалі беларускую школу ў якасці культурна-ідэалагічнага інструмента барацьбы супраць расійскага (бальшавіцкага) уплыву, а таксама каб адцягнуць увагу беларускіх лідараў ад дзяржаватворчых працэсаў. У час нямецкай акупацыі на тэрыторыі Беларусі актуалізаваліся нацыянальныя

і дзяржаватворчыя пытанні. Дзякуючы актыўнасці беларускіх нацыянальных арганізацый, з дазволу кайзераўскай улады працавала больш за 300 беларускіх школ. Пры дапамозе беларускай адукацыі акупацыйная ўлада вяла барацьбу з польскім уплывам. Вельмі падобная сітуацыя паўтарылася ў час польскай акупацыі. Пры дапамозе ўступак у сферы адукацыі польская ўлада імкнулася абыйсці пытанні аб беларускай дзяржаўнасці. Колькасць беларускіх школ павялічвалася за кошт рэарганізацыі рускіх школ. Можна сцвярджаць, што падтрымка беларускіх школ з боку польскай улады была зроблена для таго, каб пазбавіць мясцовае насельніцтва рускага (бальшавіцкага) уплыву. Галоўнае адрозненне заключалася ў адносінах акупацыйнай улады да беларускіх школ. Для польскай улады было прынцыпова важна, каб у беларускіх школах былі настаўнікі, якія б выкладалі на беларускай мове, а таксама былі бы беларускамоўныя прадметы, падручнікі і г.д. У час нямецкай акупацыі ў большасці беларускіх школ прадметы выкладаліся на рускай альбо выкарыстоўваліся беларуская і руская мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Bronowski, S.* Państwo polskie a kwestja białoruska / S. Bronowski. – Warszawa : Tow. Obrony Kresów, 1919. – 19 s.
2. *Луцкевіч, А. І.* Польская акупацыя ў Беларусі / А. І. Луцкевіч. – Мінск : Полымя, 1992. – 19 с.
3. *Srokowski, K.* Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich / K. Srokowski. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1924. – 56 s.
4. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 396 с.
5. *Elski, S.* Sprawa białoruska / S. Elski. – Warszawa, 1931. – 105 s.
6. *Ільюшын, І. М.* Народная асвета ў Беларускай ССР / І. Ільюшын, С. Умрэйка. – Мінск : Дзяржвучпедвыд М-ва асветы БССР, 1957. – 358 с.
7. Дабальшавіцкія пачаткі беларускага школьніцтва // Бацькаўшчына. – 1960. – 25 снеж. – С. 3.
8. Иностранная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко [и др.] ; отв. ред. И. И. Минц. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 242 с.
9. *Ляхоўскі, У.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.) / У. Ляхоўскі. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2010. – 340 с.
10. *Gierowska-Kałłaur, J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lut. – 9 wrześ. 1920) / J. Gierowska-Kałłaur. – Warszawa : Neriton, Inst. Historii PAN, 2003. – 447 s.
11. *Міхалюк, Д.* Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 : ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк ; навук. рэд. С. Рудовіч ; пер. з пол. мовы А. Пілецкі. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 496 с.

А. Г. Цымбал

НАЦЫЯНАЛЬНА-КАНФЕСІЙНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1919–1939) У АДЛЮСТРАВАННІ ПЕРАПІСАЎ НАСЕЛЬНІЦТВА: МІЖВАЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

Заходнебеларускія тэрыторыі ў складзе Польшчы ўяўлялі шматнацыянальны рэгіён, дзе пражывалі беларусы, палякі, украінцы, рускія, літоўцы, яўрэі, татары і інш. Насельніцтва характарызавалася рознай ступенню развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці, адрознівалася як на ўзроўні мовы, так і рэлігійна. Былі прадстаўлены групы з дастаткова сфарміраванай самасвядомасцю (украінцы, літоўцы), але прысутнічалі і жыхары, сярод якіх працэсы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі не былі завершаны.

Нацыянальнае пытанне было галоўным у палітыцы польскіх улад. Яно закранала як грамадска-палітычнае, сацыяльна-эканамічнае, так і культурнае жыццё рэгіёна, вызначала мэты дзейнасці дзяржавы і мясцовай адміністрацыі ва ўсіх сферах: ад арганізацыі школьнай справы, да ажыццяўлення аграрнай рэформы. У сувязі з гэтым цікавым уяўляецца пытанне аб інтэрпрэтацыях у міжваеннай польскай гістарыяграфіі дадзеных перапісаў насельніцтва Польшчы адносна нацыянальна-канфесійнай структуры насельніцтва.

Агульнавядомымі з’яўляюцца польскія перапісы насельніцтва 1921 і 1931 гг., менш увагі даследчыкаў прыцягваў перапіс, праведзены акупацыйнай часовай адміністрацыяй Цэнтральнай управай усходніх зямель (ЦУУЗ) у 1919 г. на так званых Усходніх землях, акупаваных польскімі войскамі. Нацыянальна-канфесійны падзел насельніцтва выглядаў наступным чынам: з 3 846 620 чалавек, згодна з перапісам 1 345 377 (35 %) каталікі, 1 982 893 (51,5 %) – праваслаўныя, 462 078 (12 %) – іўдзеі, 56 272 (1,5 %) іншыя. Нацыянальная структура выглядала так: 1 218 769 (31,7 %) – палякі, 1 641 911 (42,9 %) – беларусы, 114 595 (3 %) – літоўцы, 392 580 (10,2 %) – яўрэі, 191 981 (5 %) – «тутэйшыя», 276 757 (7,2 %) – іншыя (рускія, русіны, татары, хто не падаў нацыянальнасць і інш.) [1, s. 26–27]. Вядомыя польскія статыстыкі Т. Штурм дэ Штрэм і В. Вакар на падставе дадзеных перапісу падрыхтавалі карту нацыянальных адносін на землях, падпарадкаваных ЦУУЗ [2]. Кіраўнік ЦУУЗ Е. Асмалоўскі – адзін з першых, хто пакінуў заўвагі пра перапіс, – пісаў, што галоўная мэта праведзенага мерапрыемства прадстаўленне мясцовага насельніцтва як несвядомай, у нацыянальным плане, масы, зрабіўшы выключэнне для палякаў. Такое бачанне беларускіх зямель было ў Ю. Пілсудскага і адлюстроўвала погляды амаль ўсяго польскага грамадства [3, s. 650]. Аналагічна характарызаваў перапіс і польскі даследчык Я. Ромер, які адзначаў вялікую карэляцыю паміж веравызнаннем і нацыянальнасцю ў насельніцтва. Ён развіваў думку пра ўплыў у рэгіёне дзвюх цывілізацый – заходняй і ўсходняй. Першая вызначалася граніцай ад Гродна да Дынабурга, а другая – усходнім Палессем і р. Беразіной. Паміж гэтымі тэрыторыямі былі землі, куды, згодна з яго меркаваннем, цывілізацыя

не дайшла ўвогуле, а таксама дзе насельніцтва не магло акрэсліць сваю нацыянальнасць. Датычылася гэта Ашмянскага і Кобрынскага паветаў, насельніцтва якіх вызначала сябе як «тутэйшыя» [1, s. 8].

Вынікі перапісу атрымалі станоўчую ацэнку ў дэмографаў таго часу. Высокую верагоднасць перапісу адзначаў кіраўнік Статыстычнага бюро ЗША Э. Дзюранд [Там жа].

Наступны перапіс насельніцтва адбыўся 30 верасня 1921 г. Ён утрымліваў два пытання, якія датычыліся нацыянальнага самавызначэння: як і ў перапісе 1919 г. было пытанне аб нацыянальнай прыналежнасці, а таксама аб роднай мове, пад якой разумелася мова ранняй маладосці. Цікавіла перапісчыкаў і канфесійная прыналежнасць насельніцтва.

Дыскусіі вакол перапісу разгарнуліся яшчэ на стадыі яго падрыхтоўкі. Х. Гросман задаваўся пытаннем, што павінен ахопліваць перапіс: фактычнае насельніцтва, ці тое, якое стала пражывае. Праект перапісу прадугледжваў апісанне выключна фактычнага насельніцтва, якое ў дадзены момант знаходзілася на тэрыторыі Польшчы [5, s. 98–103].

Згодна з перапісам нацыянальная структура ўсходніх ваяводстваў выглядала наступным чынам: асноўныя нацыянальныя групы Беластоцкага ваяводства: палякі – 1 004 370 чалавек, беларусы – 119 392, яўрэі – 162 912. Канфесійна насельніцтва падзялялася на каталікоў – 894 227 чалавек, праваслаўных – 197 392, евангелістаў – 13 075, іўдзеяў – 193 963 [6, s. 5–6]. На Віленскай зямлі (Браслаўскі, Дунілавіцкі, Дзісенскі і Вілейскі паветы) налічвалася 222 065 палякаў, 225 326 беларусаў, 18 496 яўрэяў, 6 598 літоўцаў і інш. Канфесійная структура была прадстаўлена 200 666 рыма-каталікамі, 230 430 праваслаўнымі, 27 935 іўдзеямі, 16 017 стараабрадцамі і іншымі больш дробнымі па колькасці веравызнаннямі [7, s. 8–9]. Нацыянальна-канфесійная структура Навагрудскага ваяводства: палякі – 444 484, беларусы – 310 352, яўрэі – 56 174, літоўцы – 9 801 і інш. Каталікі – 324 429, праваслаўныя – 421 529, іўдзеі – 74 334 і інш. [8, s. 52]. У Палескім ваяводстве налічылі палякаў – 214 052, беларусаў – 375 220, русінаў (украінцаў) – 156 142, «тутэйшых» – 38 565, яўрэяў – 91 251 і інш. Праваслаўных было 697 373, каталікоў – 68 698, іўдзеяў – 110 639, евангелістаў – 3 804 і інш. [9, s. 10–11]. Такім чынам, колькасць беларусаў на паўночна-ўсходніх землях Польшчы склала каля 1 030 тыс., палякаў – каля 1 885 тыс., яўрэяў – 328 тыс., украінцаў – 156 тыс., «тутэйшых» – 38,5 тыс. Канфесіі былі прадстаўлены наступным чынам: праваслаўныя – 1 547 тыс., каталікі – 1 487 тыс., іўдзеі – 406 тыс. і інш.

Практычна адразу пасля завяршэння перапіс спрычыніўся да крытыкі навукоўцаў. Адзін з вядомых даследчыкаў польскіх перапісаў прафесар Варшаўскага ўніверсітэта і суарганізатар Галоўнай статыстычнай управы Польшчы Л. Кшывіцкі сцвярджаў, што нават час перапісу быў абраны няўдала, бо ішлі яўрэйскія святы, у выніку традыцыйна настроеная частка грамадства адмовілася ўдзельнічаць у перапісе, што ў выніку паспрыяла таму, што і хрысціяне адмовіліся перапісвацца. На гэты ж час прыпадалі

палявыя работы, многія жыхары адсутнічалі дома. Згодна з яго ацэнкамі, вельмі складанымі былі ўмовы ажыццяўлення перапісу, асабліва ва ўсходніх ваяводствах, дзе не хапала нават транспарту для перапісчыкаў. Перашкаджалі хваробы, эпідэмія тыфу, адсутнасць у насельніцтва дакументаў, якія былі знішчаны пад час вайны. Яшчэ толькі фарміраваліся гмінныя ўлады, якія нават не мелі поўнага пераліку населеных пунктаў. Л. Кшывіцкі адзначаў, што насельніцтва, асабліва былой Расійскай імперыі, з вялікім недаверам паставілася да перапісу, бо лічыла, што ён патрэбны для вызначэння падаткаў [10, s. 133]. Падкрэслівалася, што на ўсходзе Польшчы перапіс прайшоў спакойна: «славутая пасіўнасць беларусаў выявілася ў поўнай меры» [Там жа, s. 134]. На падставе аналізу пратаколаў перапісу Л. Кшывіцкі адзначаў, што ва ўсходніх ваяводствах знаходзілася вялікая колькасць насельніцтва, якая па розных прычынах ухілялася ад рэгістрацыі і перапісу, у асноўным гэта былі тыя, хто прыехаў з Расіі. Аналізуючы менавіта нацыянальна-канфесійную структуру, аўтар адзначаў, што канфліктаў пры вызначэнні гэтага пытання практычна не было, што пацвярджалася невялікай колькасцю паданых пратэстаў і скаргаў на дзейнасць перапісчыкаў. Нізкая самасвядомасць насельніцтва стала прычынай для атаясамлення нацыянальнасці і веравызнання. Для Л. Кшывіцкага перапіс 1921 г. і адлюстраваная ў ім нацыянальная структура адпавядалі рэчаіснасці. Абгрунтоўваў ён гэта масавай агітацыяй, распачатай усімі нацыянальнымі меншасцямі, якія імкнуліся паказаць сваю значнасць. Украінцы ўвогуле часткова байкатавалі перапіс, але ў цэлым у паўночна-ўсходніх ваяводствах Польшчы ў пратаколах не згадвалася пра моцную агітацыю нацыянальнага характару; толькі ў адной гміне агітавалі за паданне беларускай нацыянальнасці, а ў Косаўскім павеце ўся грамада пастанавіла запісацца палякамі [Там жа, s. 139–142]. Перапіс 1921 г. стаў моцным стымулам для развіцця нацыянальнай самасвядомасці нацыянальных меншасцей, асабліва ўкраінцаў і літоўцаў, агітацыя якіх насіла вельмі востры антыпольскі характар, а таксама немцаў і яўрэяў, якія прытрымліваліся легальных сродкаў дзейнасці. Менавіта гэтая акалічнасць, на думку Л. Кшывіцкага, не дазваляла сцвярджаць аб завышэнні колькасці палякаў і прымусовым запісе прадстаўнікоў меншасцей у польскую нацыянальнасць, акрамя як па іх жаданні.

Іншай думкі прытрымліваўся К. Сракоўскі, які настойваў на неабходнасці істотных паправак лічбаў на карысць беларусаў, бо вынікі перапісу 1921 г. супярэчылі папярэднім перапісам (напрыклад у Расійскай імперыі), а таксама даследаванням асобных навукоўцаў, да таго ж дадзеныя перапісу былі супярэчлівымі. Ён прапаноўваў свой варты ўвагі аналіз вынікоў перапісу, які, па яго меркаванні, увогуле не ўлічваў беларусаў-каталікоў, якіх было каля 25 %. Акрамя таго, лічба палякаў павялічылася амаль на 20 %, бо з’явіліся палякі праваслаўнага веравызнання (каля 230 тыс.), ці амаль 20 % ад усіх палякаў у трох паўночна-ўсходніх ваяводствах. Неправўдападобна, паводле К. Сракоўскага, выглядала

нацыянальна-канфесійная структура перапісу, калі беларусаў налічвалася менш, чым праваслаўных, а палякаў больш, чым каталікоў. Розніца паміж праваслаўнымі і беларусамі складала каля 410 тыс., калі ад гэтай лічбы адняць 8,7 тыс. рускіх і 156 тыс. украінцаў, якія відавочна былі праваслаўнымі, то заставалася каля 244 тыс. праваслаўных, якія не былі залічаны да беларусаў, рускіх ці ўкраінцаў. Адначасова лічба палякаў на 193 тыс. была больш лічбы каталікоў. З улікам таго, што літоўцы з'яўляюцца каталікамі, сярод каталікоў налічвалася каля 952 тыс. палякаў. З улікам таго, што перапіс падаваў колькасць польскага насельніцтва ў 1 229 тыс., то каля 277 тыс. палякаў былі некаталіцкага веравызнання. Перад К. Сракоўскім стаяла пытанне аб тым, хто маглі быць па веравызнанні гэтыя 277 тыс. палякаў. 47 тыс. іўдзеяў падалі нацыянальнасць не яўрэйскую, рэшта аднак прыпадала на праваслаўных, але перапіс не ўлічваў увогуле групу беларусаў-каталікоў, у той жа час узнікала польскае праваслаўнае насельніцтва, што давала падставу даследчыку сцвярджаць аб заніжэнні колькасці беларусаў [11, s. 5–6].

Пытанні нацыянальна-канфесійнай структуры насельніцтва Польшчы выклікалі значны міжнародны рэзананс і падштурхоўвалі ўладу да пошуку шляхоў вырашэння нацыянальнага пытання. Так, А. Крысінскі падкрэсліваў выключную палітычную і міжнародную значнасць перапісаў, абгрунтоўваючы гэта тым, што некаторыя краіны, напрыклад, Германія, спрабавалі прадставіць Польшчу як штучную краіну, кангламерат народаў і моў, якія выпадкова апынуліся ў адной дзяржаве [12, s. 3]. Пытанне нацыянальнай структуры насельніцтва пачынала гучаць у кантэксце бяспекі польскай дзяржавы. Гэта ў сваю чаргу абумоўлівала накіраванасць даследаванняў вучоных, звязаных з уладамі, і акцэнты гэтых даследаванняў у асноўным былі засяроджаны на польскім элеменце, а менавіта абгрунтаванні яго пашырэння і дамінацыі.

Улады і навукоўцы шукалі метады і арганізацыйныя сродкі для новага падыходу да вызначэння нацыянальнай структуры насельніцтва. У 1930 г. у фінансаваным уладамі Інстытуце даследаванняў нацыянальных спраў адбылося прысвечанае статыстычным метадам даследавання нацыянальных адносін у перапісах насельніцтва выступленне Генеральнага камісара па перапісу доктара Р. Булаўскага. Ён адзначыў, што ва ўмовах польскай дзяржавы нельга зыходзіць з этнічнага паходжання як надзейнага крытэрыя нацыянальнасці, а пры даследаваннях неабходна абапірацца на моўны крытэрый [13, s. 190].

У наступным 1931 г. адбыўся так званы Другі агульны перапіс насельніцтва. Як і было прапанавана, улады вырашылі абмінуць вострае пытанне аб нацыянальнай прыналежнасці, у выніку яно было выкрэслена са спіса пытанняў. Нацыянальнасць прапаноўвалася высвятляць згодна з паведамленнем пра родную мову і веравызнанне. Паводле вынікаў перапісу ў Беластоцкім ваяводстве моўна-канфесійная структура выглядала наступным

чынам: 1 182 259 падалі польскую мову (з іх 1 093 327 – рыма-каталікі, 75 899 – праваслаўныя, 5,8 тыс. – лютаране і інш.), 205 590 – беларускую мову (197 977 – праваслаўныя, 6,4 тыс. – рыма-каталікі і інш.), 172 164 – ідыш (172 130 – іўдзеі), 22 771 – іўрыт (22 771 – іўдзеі), 35 148 – рускую мову (27 902 – праваслаўныя, 6,7 тыс. – іншыя хрысціянскія канфесіі), 13 085 – літоўскую (13 062 – рыма-каталікі) і інш. [14, s. 16]. Віленскае ваяводства, без г. Вільня, налічвала 633 095 падаўшых польскую мову (599 268 – рыма-каталікі, 65 780 – праваслаўныя і інш.), 287 938 – беларускую мову (45 695 – рыма-каталікі, 239 351 – праваслаўныя і інш.), 47 656 – ідыш (47 655 іўдзеі), 6 576 – іўрыт (6 576 іўдзеі), 65 259 – літоўскую мову (65 217 – рыма-каталікі) і інш. [15, s. 10]. Вільня налічвала 128 628 жыхароў, падаўшых польскую мову як родную: 123 571 – рыма-каталікі, 2 863 – праваслаўныя, 47 523 – ідыш (47 509 – іўдзеі), 7 073 – іўрыт (7 073 – іўдзеі), 7 372 – рускую мову (5 267 – праваслаўныя, 1 816 – іншыя хрысціянскія канфесіі), 1 737 – беларускую мову (1 076 – праваслаўныя, 599 – рыма-каталікі), 1 579 – літоўскую мову (1 557 – рыма-каталікі) і інш. [16, с. 11]. Навагрудскае ваяводства: 553 859 падалі польскую мову (397 365 – рыма-каталікі, 147 236 – праваслаўныя, 5 695 – іўдзеі і інш.), 413 466 – беларускую мову (386 801 – праваслаўныя, 23 895 – рыма-каталікі, 1 134 – грэка-каталікі і ўсходні абрад), 69 782 – ідыш (69 781 – іўдзеі), 7 243 – іўрыт (7 243 іўдзеі), 6 794 – рускую мову (6 489 – праваслаўныя і інш.), 2 499 – літоўскую мову (2 486 – рыма-каталікі) [17, s. 19]. Моўна-канфесійная структура Палескага ваяводства была прадстаўлена наступным чынам: 707 088 – «тутэйшыя» (696 397 – праваслаўныя, 1 477 – рыма-каталікі і інш.), 164 106 падалі «польскую мову» (122 784 – рыма-каталікі, 36 052 – праваслаўныя), 96 514 – ідыш (96 493 – іўдзеі), 16 452 – іўрыт (16 452 – іўдзеі), 75 338 – беларускую мову (74 023 – праваслаўныя), 54 047 – украінскую мову (52 807 – праваслаўныя), 16 196 – рускую мову (15 887 – праваслаўныя) і інш. [18, с. 20].

Польскія навукоўцы, звязаныя з Інстытутам даследаванняў нацыянальных спраў, не бачылі ў выніках перапісу ніякіх недахопаў. А. Крысінскі, аналізуючы перапіс 1931 г., пісаў аб натуральнай тэрытарыяльнай экспансіі палякаў на ўсход, што з’яўлялася галоўным накірункам развіцця польскай палітыкі [12, s. 22].

Ужо пасля ажыццяўлення перапісу Генеральны камісар па перапісу Р. Булаўскі сцвярджаў, што моўны крытэрый абраны па прычыне адсталасці насельніцтва ва ўсходніх ваяводствах, якое не мела выражанай нацыянальнай самасвядомасці. Таксама пад час перапісу нібыта імкнуліся пазбегнуць атаясамлення нацыянальнай і дзяржаўнай прыналежнасці ці грамадзянства. Як сцвярджаў Р. Булаўскі, шмат у якіх месцах беларусы і ўкраінцы ідэнтыфікавалі сябе з Польшчай, бо з радасцю ўспрынялі факт знаходжання ў межах Польшчы, якая стала для іх сінонімам свабоды і дэмакратыі [18, s. 206–207]. Але ў той жа час польскі галоўны перапісчык прызнаваў, што не ўлічвалася сітуацыя двухмоўя, пытанні ўзнікалі адносна вызначэння «рускай»

мовы, а таксама ў яўрэйскім асяроддзі адносна выбару «ідыш» і «іўрыт». Тым не менш сцвярджалася, што польскія ўлады немагчыма падазраваць у маніпуляцыях пры правядзенні перапісу [19, s. 208–224].

Адваротную пазіцыю займаў Э. Штурм дэ Штрэм, які ў 1929–1939 гг. узначальваў Галоўную статыстычную ўправу Польшчы. Ён сцвярджаў, што перапісы 1921 і 1939 гг. былі сфальсіфікаваны, асабліва, што тычыцца нацыянальных адносін на ўсходзе Польшчы. Маштаб фальсіфікацый у 1931 г. значна пераўзыходзіў 1921 г. Памеры фальсіфікацый былі настолькі вялікія, што кіраўніцтва апрацоўкі вынікаў перапісу мела намер увогуле не апрацоўваць дадзеныя для ўсходніх ваяводстваў. Апрацоўка была зроблена толькі згодна з катэгарычным загадам улад, якія забаранілі публікацыю вынікаў спісу для дробных адміністрацыйных адзінак – гмін і пасёлкаў, бо гэта адразу выдавала ступень маніпуляцый. Э. Штурм дэ Штрэм прапаноўваў свой аналіз дадзеных перапісу і лічыў, што лічбу «тутэйшых», якіх прыдумалі ўлады для змяншэння колькасці беларусаў і ўкраінцаў, неабходна падзяліць паміж гэтымі народамі. Значна завышанай называлася і лічба палякаў ва ўсходніх ваяводствах [20, s. 230].

Такім чынам, сярод асноўных пытанняў, якія знаходзіліся ў цэнтры ўвагі навукоўцаў, былі праблемы колькасці польскага насельніцтва на ўсходніх землях Польшчы, суадносін палякаў і нацыянальных меншасцей, карэляцыі нацыянальнай, канфесійнай і моўнай ідэнтычнасці, умоў і недахопаў у ажыццяўленні перапісаў, магчымых маніпуляцый і фальсіфікацый вынікаў і інш.

Перапісы насельніцтва былі адным з інструментаў не столькі вывучэння, колькі хутчэй канструявання нацыянальнай структуры заходнебеларускага рэгіёна ў патрэбным польскім уладам кірунку для дэманстрацыі дамінацыі польскага элементу. Гэта думка стала галоўнай сярод польскіх даследчыкаў незалежна ад іх пазіцыі: афіліяванасці з уладнымі структурамі і апалагетыкі вынікаў ці, наадварот, крытыкі польскіх перапісаў. Праўладныя ці прапольска настроеныя аўтары, звяртаючыся да нацыянальнай праблематыкі, не бачылі недахопаў у перапісах. Крытыкуючы арганізацыйныя ўмовы, яны, тым не менш, лічылі, што на вызначэнне нацыянальнага падзелу насельніцтва ўлады не мелі ўплыву, а колькасны рост польскага элемента на ўсходніх землях называўся цалкам натуральнай з’явай. Пытанню нацыянальнай структуры Польшчы надавалася межнародная палітычная значнасць з перспектывы забеспячэння бяспекі польскай дзяржаўнасці. У той жа час былі прадстаўлены і крытычныя погляды на праблему, якія выкрывалі і дэманстравалі ступень маніпуляцый улад з вызначэннем колькасці беларусаў-каталікоў, або з’яўленнем праваслаўных палякаў ці катэгорыі «тутэйшых». Найбольш радыкальныя крытыкі сцвярджалі аб татальнай фальсіфікацыі вынікаў перапісаў, асабліва гэта датычыцца нацыянальных адносін ва ўсходніх ваяводствах Польшчы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Romer, E.* Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919) / E. Romer. – Lwów ; Warszawa : Książinca Polska T-wa Naucz. Szkół Wyższych, 1920 – 50 s.
2. *Szturm de Sztrem, T.* Stosunki narodowościowe na terenie b. Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich / T. Szturm de Sztrem, W. Wakar. – Skala 1:1.000.000. – Warszawa, 1921.
3. *Osmołowski, J.* Wspomnienia z latach 1914–1921 / J. Osmołowski. – B-ka Nar. – Sygn. akc. 6798.
4. *Buławski, R.* Projekt drugiego polskiego spisu powszechnego na tle doświadczeń spisu z 1921 r. / R. Buławski // Kwart. Statyst. – 1930. – Z. 1. – S. 60.
5. *Grossman, H.* Znaczenie i zadania pierwszego powszechnego spisu ludności w Polsce / H. Grossman // Spisy ludności Rzeczypospolitej Polskiej 1921–2002. Wybór pism demografów / pod. red. Z. Strzeleckiego, T. Toczyńskiego. – Warszawa, 2002. – S. 98–113.
6. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : GUS, 1923. – T. V : Województwo Białostockie. – 158 s.
7. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : GUS, 1925. – T. VII, Cz. II : Ziemia Wileńska. – 128 s.
8. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : GUS, 1926. – 222 s.
9. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : GUS, 1924. – T. VIII : Województwo Poleskie. – 95 s.
10. *Krzywicki, L.* Wartość wyników spisu powszechnego // Spisy ludności Rzeczypospolitej Polskiej 1921–2002. Wybór pism demografów / pod. red. Z. Strzeleckiego, T. Toczyńskiego. – Warszawa, 2002. – S. 131–144.
11. *Srokowski, K.* Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich / K. Srokowski. – Warszawa, 1924. – 56 s.
12. *Krysiński, A.* Ludność polska a mniejszości w Polsce w świetle spisów ludności 1921 i 1931 / A. Krysiński. – Warszawa : Druk. Nowaka, 1937. – 52 s.
13. *Buławski, R.* Metody statystyczne badania stosunków narodowośiowych / R. Buławski // Spisy ludności Rzeczypospolitej Polskiej 1921–2002. Wybór pism demografów / pod. red. Z. Strzeleckiego, T. Toczyńskiego. – Warszawa, 2002. – S. 185–205.
14. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. : Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe : Województwo Białostockie / red. E. Szturm de Sztrem. – Warszawa : Główny Urząd Statyst., 1938. – 381 s.
15. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. : Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe : Województwo Wileńskie bez miasta Wilno / red. E. Szturm de Sztrem. – Warszawa : Główny Urząd Statyst., 1938. – 164 s.

16. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. : Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe : Miasto Wilno / red. E. Szturm de Sztrem. – Warszawa : Główny Urząd Statyst., 1937. – 103 s.
17. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. : Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe : Województwo Nowogródzkie / red. E. Szturm de Sztrem. – Warszawa : Główny Urząd Statyst., 1938. – 237 s.
18. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. : Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe : Województwo Poleskie / red. E. Szturm de Sztrem. – Warszawa : Główny Urząd Statyst., 1938. – 280 s.
19. *Buławski, R.* Kwestia narodowościowa w programie drugiego powszechnego spisu ludności Rzeczypospolitej Polskiej / R. Buławski // Spisy ludnośći Rzeczypospolitej Polskiej 1921–2002. Wybór pism demografów / pod. red. Z. Strzeleckiego, T. Toczyńskiego. – Warszawa, 2002. – S. 206–224.
20. *Szturm de Sztrem, E.* Prawdziwa statystyka / E. Szturm de Sztrem // Spisy ludnośći Rzeczypospolitej Polskiej 1921–2002. Wybór pism demografów / pod. red. Z. Strzeleckiego, T. Toczyńskiego. – Warszawa, 2002. – S. 229–231.

Н. Б. Щавлинский

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ НАРОЧСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ РУССКИХ ВОЙСК В МАРТЕ 1916 г.

В августе 1914 г. была развязана Первая мировая война. Ее возникновение обусловливалось обострением противоречий между блоками капиталистических государств – Тройственным союзом (Германией, Австро-Венгрией, Италией) и Антантой (Англией, Францией и Россией) за колонии, рынки сбыта товаров, источники сырья и сферы влияния.

Поводом к войне послужили револьверные выстрелы сербских националистов из группы «Молодая Босния» в Сараеве, которыми 28 июня 1914 г. был убит наследник австрийского престола, племянник императора Франца Иосифа, эрцгерцог Франц Фердинанд.

После продолжительных совещаний с германским союзником, заручившись обещанием полной поддержки, австро-венгерское правительство предъявило 23 июля Сербии ультиматум. Были выдвинуты совершенно неприемлемые для независимого государства требования: прекращение всякой великосербской пропаганды; участие австрийских чиновников в расследовании на сербской территории всех нитей сараевского преступления; наказания офицеров, чиновников и учителей, виновных в антиавстрийской агитации по спискам, которые представит австро-венгерское правительство [6, с. 565].

В ответ на ультиматум сербы во главе с принцем-регентом Александром и премьер-министром Никола Пашичем обратились к русскому царю Николаю II с просьбой о помощи и защите. Русское правительство, учитывая неподготовленность России к войне, советовало сербам проявить

максимум уступчивости и одновременно обратилось к правительствам немецких держав с просьбой проявить умеренность и не настаивать на выполнении всех изложенных в меморандуме требований. Сербское правительство в ответ на австрийский ультиматум согласилось принять все требования, за исключением одного – допущения австрийских властей на сербскую территорию [6, с. 566].

Однако ответ сербов, означавший по существу капитуляцию, не удовлетворял австрийцев, и 26 июля 1914 г. Австро-Венгрия разорвала отношения с Сербией, а через два дня объявила ей войну. 31 июля Россия заявила о поддержке Сербии и начала всеобщую мобилизацию. В тот же день Германия в ультимативной форме потребовала от русского правительства прекращения военной мобилизации, но не получив удовлетворительного ответа, объявила 1 августа 1914 г. войну России, тем самым положила начало кровопролитному сражению, в котором участвовало 38 государств с полуторамиллиардным населением [7, с. 17].

В первые дни военые действия развивались более-менее успешно для России. Но уже в ноябре 1914 г. немецко-австрийские войска перешли в наступление и стремительно продвигались к границам Российской империи. К 1915 г. Россия на западе потеряла огромную территорию, оставив на полях сражений в Польше, Восточной Галиции и Западной Беларуси множество убитых, раненных, пленных и потеряв множество военного имущества. Тем не менее фронт русских продолжал существовать. На Волге и в Сибири готовились новые пополнения; в Россию поступали новые партии оружия и военного снаряжения.

На западе борьба Германии с Францией истощала силы обеих сторон, но о решительном успехе германского оружия на французском фронте говорить не приходилось. Более того, составная часть этого фронта – английская армия – не только была разбита немцами, но в полном объеме, после проведения в Англии закона о всеобщей воинской повинности, еще не была развернута.

В сложившихся условиях, учтя опыт военных компаний 1914–1915 гг., командование союзников пришло к выводу о необходимости согласования действий своих армий. В целях выработки единого плана боевых операций против противника, в декабре 1915 г. в Шантильи, в ставке французского главного командованя, была созвана конференция. В ней участвовали: от Англии – фельдмаршал Френч, генерал-лейтенант Мэррей, начальник генерального штаба Робертсон и генерал-лейтенант Вильсон; от России – генералы Жилинский и Игнатьев; начальник итальянского генерального штаба генерал Порро и полковник Альбриччи; начальник бельгийского генерального штаба генерал Вилеманс; сербский военный атташе во Франции полковник Стефанович; от Франции – генерал Жоффр, начальник генерального штаба генерал Пелле, глава французской военной миссии при британской главной квартире генерал Хюге, подполковник Бильот и капитан Дюмейру [5, с. 244].

В ходе работы конференции были приняты следующие решения.

1. Война может быть выиграна лишь в том случае, если успехи будут достигнуты на главных театрах действий (русском, англо-французском и итальянском).

2. Достижение успехов на этих главных театрах военных действий возможно только в согласованном наступлении;

3 Любое из союзных государств должно быть готово собственными силами остановить на фронте наступление противника и в случае необходимости оказать в пределах возможного помощь другой стране [4, с. 6–7].

Вместе с тем совместные действия союзных сил в виде общего наступления намечалось провести весной 1916 г., когда климатические условия позволили бы осуществлять наступление русской армии на Восточном фронте.

Как видно из решений конференции, союзники не ставили определенных задач для достижения целей и выразили только ясно решение о взаимной поддержке друг друга в общей борьбе против врага. Следовательно, решения, принятые союзниками на конференции в Шантильи, не ставили перед русским командованием задач, для выполнения которых необходимо было бы определенным образом сосредоточить войска и координировать их действия. В самой постановке вопроса «помогать друг другу и наступать после того, как климатические условия позволят это сделать в России» превалировали не наступательные, а оборонительные тенденции. В результате инициатива в соответствии с принятыми решениями на конференции передавалась в руки немецкого командования, которое не применуло ее воспользоваться.

Уже в конце 1915 г. французская разведка стала получать данные о готовящемся большом наступлении немцев в районе Вердена. В январе и начале февраля 1916 г. отмечалось большое оживление на железных дорогах вдоль Мааса, что свидетельствовало о сосредоточении больших немецких сил в этом районе.

В то же время такие же симптомы предполагаемых наступательных действий немецкой армии наблюдались и на востоке. Поэтому верховное командование французской армии в лице Жоффра и Петена склонялось к ошибочному мнению, что немцы ведут подготовку к наступлению против России.

К слову сказать, некоторые командующие из союзных армий не соглашались с подобной обстановкой вопроса, так как, по сравнению со своими верховными главнокомандующими, более объективно оценивали обстановку на фронтах. К числу таких командиров принадлежал главнокомандующий русским Западным фронтом генерал А. Эверт. Уже 26 января 1916 г он обратился к начальнику штаба верховного главнокомандующего русскими армиями генералу М. В. Алексееву с письмом, в котором указывал, что «германцы будут развивать наступление на Западном фронте» и в этой связи предлагал «не теряя времени,

подготовить наступление русских армий в зимний период времени, до начала весенней распутицы с тем, чтобы не позволить германцам разбить вначале союзников, а затем русскую армию» [4, с. 9].

Однако эти и другие сообщения главнокомандующего русским Западным фронтом не возымели действия. 21 февраля 1916 г. немецкие войска начали операцию против Вердена, а 25 февраля они уже успешно захватили форт Дуомон, тем самым создав критическое положение для французских военных сил. 3 марта 1916 г. представитель французского командования при русской ставке генерал По передал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву от генерала Жоффра письмо с просьбой «чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке к наступлению» [Там же, с. 8].

Наступление началось 5 (18) марта 1916 г. силами 5-й, 1-й, 2-й и 10-й русских армий в районе озера Нарочь. Основной удар наносила 2-я армия с целью прорыва фронта двумя группами: тремя корпусами на юг от железной дороги Поставы – Свентяны и тремя корпусами между озерами Нарочь и Вишневское. Части 5-й армии действовали в районе Двинска, 10-я армия вела бои в направлении Крево – Ошмяны [8].

Однако это наступление, слабо организованное и подготовленное, ведущееся в сложнейших метереологических условиях (в условиях весеннего бездорожья), с самого начала было обречено на провал.

Во-первых, за неимением времени во всех частностях отсутствовала тщательная, широко и всесторонне обдуманная подготовка среди личного состава. Старшие военноначальники и штабы в силу слабых знаний о сложившейся обстановке не способны были ставить перед войсками ответственные и эффективные задачи.

Во-вторых, выбор местности для непосредственного удара происходил не только без основательного изучения свойств неприятельской позиции, но о ней у большинства прибывших для атаки войск были самые смутные представления, так как нередко наступление велось на самые сильно укрепленные позиции противника, состоявшие из четырех полос эшелонированной обороны с расстоянием между полосами от 3 до 5 километров. Каждая полоса включала в себя не менее трех линий окопов и траншей в 150–300 шагах одна от другой. Все укрепленные полосы немецких позиций были защищены проволочным заграждением из 15–20 рядов. Тяжелые бетонные доты и блиндажи, «лисьи норы», гнезда для пулеметов связывала с тылом система многочисленных ходов сообщения. Окопы были размещены с таким расчетом, что подступы к позициям обстреливались перекрестным оружейным и пулеметным огнем восьми станковых и двенадцати ручных пулеметов каждого батальона [3, с. 28–29].

В-третьих, организация артиллерийского огня была поставлена из рук вон плохо. Нередко перед артиллеристами ставилась задача начальством штабов в отсутствие начальника артиллерийской группы, что отрицательно

сказывалось на выборе артиллерийских позиций (болотистая местность или лесистая местность и т.д.). Не были также согласованы действия пехоты и артиллерии.

Более того, русская армия постоянно испытывала нехватку боеприпасов. Еще в августе 1914 г. начальник штаба русской армии Н. Н. Янушкевич направил военному министру телеграмму № 652, в которой сообщал, что «Положение с обеспечением артиллерийским снаряжением критическое» [1, с. 215]. Подобные сведения содержались в телеграмме № 4141, направленной главнокомандующим русской армией великим князем Николаем Николаевичем императору: «Уже более двух недель ощущается нехватка артиллерийских боеприпасов… Я нахожу нужным просить Ваше Величество, чтобы отгрузка снарядов была ускорена» [Там же].

А вот как описывает тяжелое положение русских войск в Галиции в 1915 г. военный историк Н. Н. Головин: «Тяжелые испытания, перенесенные русской армией в летние месяцы 1915 г., не поддаются описанию. На ураганный огонь тяжелой вражеской артиллерии можно было ответить только винтовочным огнем или одиночными артиллерийскими выстрелами с большим интервалом. Было время, когда в отдельных полках устанавливался лимит – по 10 снарядов в день…» [6, с. 580–581].

Подобная же ситуация с тяжелой артиллерией наблюдалась во время проведения русскими войсками Нарочской операции. А. М. Зайончковский в своем труде «Первая мировая война» отмечал: «В отношении же тяжелой артиллерии громадное преимущество было на стороне германцев» [2, с. 510–511].

Эти и другие столь плачевного для русской армии характера причины заставили генерала Алексеева отдать 29 марта 1916 г. директиву о приостановлении Нарочской военной операции, итоги которой явились весьма неутешительными.

Всего за период с 18 марта по 1 апреля 1916 г. русские войска захватили около 1 200 человек пленных, десятка полтора пулеметов, несколько сот винтовок, несколько тысяч винтовочных патронов и… примерно 10 кв. км неприятельской территории.

В то же время потери русской армии были огромными: шесть корпусов (4 армейские и 2 сибирские) полностью или частично были уничтожены, общее количество погибших составило 78 тысяч, 445 человек. Из этого числа 12 000 были обмороженными или замерзшими. В момент прекращения мартовского наступления 5 000 трупов было снято с германских проволочных заграждений. Ввиду полной непригодности для боевых действий (болото, лес) без боя была отдана противнику территория размером в 60–70 кв. км [4, с. 150–151].

Однако итоги наступления русских войск проявились и в другом. Ценой собственных огромных потерь русские войска оказали помощь союзникам – французам, оттянувши на себя огромную часть войск противника: 22–28 марта наступление немцев на Верден ослабло, а затем прекратилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Головин, Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне / Н. Н. Головин. – М. : Кучково Поле, 2001. – 440 с.
2. *Зайончковский, А. М.* Первая мировая война / А. М. Зайончковский. – СПб. : Полигон, 2000. – 880 с.
3. *Лигута, В.* Наша кровь у Сморгони / В. Лигута. – Минск : Хурсик, 2005. – 80 с.
4. *Подорожный, Н. Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н. Е. Подорожный. – М. : Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938. – 180 с.
5. *Пуанкаре, Р.* На службе Франции 1915–1916 : Воспоминания. Мемуары / Р. Пуанкаре. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. – 592 с.
6. *Пушкарев, С. Г.* Россия 1801–1917: Власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М. : Посев, 2001. – 671 с.
7. *Смольянинов, М. М.* К вопросу изучения проблем истории Первой мировой войны / М. М. Смольянинов // Беларусь и Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2011 г. : у 2 т. – Мінск, 2012. – Т. 2. – С. 17–22.
8. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5. – 592 с.

Д. Киенко

ГРОДНЕНСКИЙ РЕГИОН БЕЛАРУСИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ «АВИААРХЕОЛОГИИ» (1941–1945): СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Территория современной Гродненской области Беларуси во все времена являлась театром военных действий между различными враждующими сторонами. Предметом публикации является исследование мест падений военных самолетов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в качестве источника информации об истории применения авиации на территории Беларуси.

Гродненский регион на сегодняшний момент является наиболее комплексно исследованной автором статьи территорией; на протяжении 15 лет он вел как полевые, так и документальные исследования в данном направлении, систематизируя полученные данные.

В основу анализа легли сведения, вытекающие из результатов исследований данных по местам падений и вынужденных посадок сбитых или поврежденных в боях самолетов, не вернувшихся из боевых вылетов. Информация собиралась методом опроса свидетелей из числа местных жителей, полевых поисков материальных доказательств, анализа публикаций в прессе и воспоминаний участников боев, архивных документов.

Особенностью «работы с авиацией» является тот факт, что в большинстве случаев поиск ведется не от «документов», а от места падения

самолета с установлением его типа, принадлежности к восстановлению имен членов экипажа. Далее следует кропотливая работа по выявлению их судьбы, обстоятельств гибели и возможного места захоронения, в случае если оно имело место быть. И только на последнем этапе, на основе имеющихся объективных данных, ведется работа с архивными документами.

В весьма редких случаях поиск ведется «от документов». Это вызвано тем, что по объективным причинам очень редко в документах бывают указаны точные места или районы падения самолетов. В большинстве случаев имеется запись «пропал без вести» или «не вернулся с боевого задания».

Иногда в документах встречаются такие сведения, как, например, в случаях гибели самолетов 36-й авиационной дивизии дальнего действия: «в ночь на 8 июля восточнее Лиды наблюдали горящий падающий самолет» [1, с. 85]. Факт падения не вызывает сомнения, однако место, исходя из документов, локализовать невозможно. В данном случае необходимо обращение к немецким заявкам на сбитые самолеты, т.к. в этом случае район атаки и возможного падения будет более конкретным.

Несмотря на то, что территория поисков ограничена административными границами современной Гродненской области, исторические события требуют рассматривать эту территорию именно как регион, т.к. административное деление помогает лишь локализовать место падения применительно к современным условиям.

Использование термина «регион» вызвано несколькими факторами. Прежде всего, оно позволяет проецировать сферу поиска на приграничные территории соседних областей и стран. Зачастую исторические события, приведшие к падению того или иного самолета, начинались в современных административных границах одной области, а затем переходили в другую. Имели место и более сложные ситуации, когда, например, самолет был атакован в воздушном пространстве Слонимского р-на Гродненской обл., упал на территории Барановичского р-на Брестской обл., а летчиков похоронили в ближайшей деревне, которая снова оказалась на территории Гродненской области.

Использование автором термина «регион» позволяет употреблять его и применительно к более мелким административным единицам: городам, поселкам, деревням и их окрестностям, т.к. в их административных границах имели место события, аналогичные вышеописанному случаю.

К настоящему времени автором собрана достоверная информация о местах падения более 150 самолетов на территории Гродненской, Брестской и Минской областей. При этом в пределах Гродненской области по периоду 1941–1944 гг. находится 41 объект, из которых 7 являются местами падения немецких и 34 – советских самолетов.

Наибольшая концентрация мест падения или вынужденной посадки логично вытекает из характера боевых действий авиации как в 1941, так и в 1944 году. Основное количество объектов сконцентрировано на западе региона в пределах Гродненского, Щучинского и Мостовского районов.

Особенностью объектов 1944 г. является то, что все они являются местами падений бомбардировщиков. В 90 % случаев это были Ил-4, сбитые противником при возвращении с заданий в районе своих аэродромов осенью 1944 года.

Необходимо отметить, что в 1944 г. бомбардировочной авиацией проводились массированные налеты на тыловые объекты войск противника, одним из которых был аэродром и ж.-д. узел г. Барановичи. Из общего количества потерь только незначительная часть сбитых самолетов в силу современного административного размежевания районов оказалась в пределах Гродненского региона. Для проведения поисковых работ безвозвратно потерянных советских самолетов Барановичский регион можно рассматривать как самостоятельный объект исследования.

Количество установленных военных самолетов из считавшихся безвозвратно потерянными на территории Гродненского региона: по состоянию на 01.01.2017 г.

Год	ВВС РККА				Люфтваффе		
	Истре-бители	Бомбар-диров-щики	Штур-мовики	Всего	Истре-бители	Бомбар-диров-щики	Всего
1941	9	12		21	4	2	6
1942							
1943							
1944	1	10	1	12		1	1
1945		1		1			
Итого:	34				7		

Количество установленных типов самолетов, упавших на территории Гродненского региона в период Великой Отечественной войны: по состоянию на 01.01.2017 г.

ВВС РККА		Люфтваффе	
Тип	Количество	Тип	Количество
СБ	9	Me-109	1
Пе-2	2	Do-17	1
И-153	9	Me-110	3
Ил-4	8	Ju-87	2
Ли-2	1		
B-25	2		
A-20	2		
Ил-2	1		
Всего:	34	Всего:	7

Установленное количество безвозвратно потерянных самолетов на территории Гродненского региона (распределение по районам): по состоянию на 01.01.2017 г.

Волковысский	1
Гродненский	7
Дятловский	1
Кореличский	2
Лидский	2
Мостовский	8
Новогрудский	3
Островецкий	1
Ошмянский	1
Свислочский	1
Слонимский	2
Сморгонский	2
Щучинский	10
Всего:	41

Представленная информация является далеко не полной и требует пояснений.

Особенно это относится к потерям 1941 г., т.к. по ним имеется мало достоверных данных. Например, в районе Гродно – Новы Двор – Августов 22 июня 1941 г., где воздушные бои на самолетах И-16 вели пилоты 122 иап [8, с. 14], на сегодняшний день в документах и отчетах по результатам полевых исследований, кроме констатации факта, что те или иные летчики не вернулись с боевого вылета, каких-либо сведений о местах их падения не выявлено. В то же время сомнений в том, что они должны быть, – нет.

Аналогичная ситуация связана с вылетами бомбардировщиков СБ из состава 12 и 13 бад в район Гродно – Индура для поддержки контрудара группы Болдина [2; 3; 4; 5]. Имеется информация о предположительных местах падений нескольких машин, в том числе и с возможным нахождением костных останков членов экипажей. Из-за невозможности в настоящее время их идентификации, а также выяснения типа самолетов в таблицу они пока не включены.

Вполне объяснимым, на наш взгляд, является наибольшее количество самолетов СБ и И-153, сбитых или совершивших вынужденные посадки ввиду повреждений в 1941 г.

То же относится и к некоторым потерям 1944 г., которых было немного в силу скоротечности боевых действий на территории региона. Так, имеются сведения о нескольких достоверных местах падения и гибели экипажей штурмовиков Ил-2, которые к настоящему времени не локализованы на местности и внесены в базу данных в статусе «проверяемых».

Кроме того, в таблицу не включены заявленные победы в 1941 г. над дальними разведчиками Люфтваффе Ju-88. Это связано с тем, что на данный момент достоверно не установлены места́ их падения, а для заявок советских летчиков характерна некоторая «расплывчатость» в указании районов падения [6]. Отметим, что в указанных обстоятельствах как летчики, так и командование имели все возможности для установления факта падения самолета противника. Возможно, в силу сложности атак и перехвата высотных скоростных целей, истребители могли выдавать «желаемое» падение противника, за «действительное» – уход поврежденного самолета и его падение на своей территории. Этим можно объяснять как «расплывчатость» формулировок с указанием района падения, так и отсутствие фактических мест падения.

По результатам исследований боевых действий авиации в 1941 г. на указанной территории в период 2009–2011 гг. автором статьи были изданы книги: «Крылья над Гродно», «Крылья над Лидой», «Крылья над Неманом», каждая из которых описывает боевые действия полков 11-й смешанной авиадивизии, находившейся в Гродненском регионе [7; 8; 9]. Достоверно установлены места гибели всех девяти летчиков 127 ИАП, сбитых 22 июня 1941 г. Выявлено место падения и обнаружен двигатель самолета И-153, по которому удалось установить фамилию летчика. Его И-153, по всей вероятности, был первым сбитым советским самолетом ЗапОВО. 11 июля 2014 г. в д. Каменка Щучинского района по результатам авторского исследования судьбы летчиков 127 ИАП открыт памятник с указанием всех имен.

Из представленного 41 объекта в 80 % случаев установлены имена членов экипажей.

Основным принципом включения сведений в базу данных является:

- достоверность фактической информации, которая подтверждается материальными свидетельствами на месте падения самолета, позволяющими идентифицировать его тип;

- объективные показания свидетелей из числа местных жителей или участников боя;

- архивные или иные документальные указания на обстоятельства, место падения и гибели экипажа.

Работа по изучению, систематизации и учету обстоятельств и мест гибели экипажей является необходимой и составной частью в восстановлении и увековечивании имен пропавших без вести летчиков. Она же является важным элементом исследования авиации Беларуси как составной части истории Вооруженных Сил Республики Беларусь в частности и военной истории Беларуси в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦАМО. – Ф. 20121 Оп. 1. Д. 111. – Журнал боевых действий 36-й Смоленской БАД ДД.
2. ЦАМО РФ. – Ф. 20056. Оп. 1. Д. 8. – Отчеты о боевой работе 22.06.41–31.12.42 г.
3. ЦАМО РФ. – Ф. 20060. Оп. 1. Д. 3. – История боевых действий 13 БАД. – Л. 3.
4. ЦАМО РФ. – Ф. 13 БАД. Оп. 1. Д. 2. – Боевое донесение и опер. сводки частей и дивизии с 22.06.41 г. по 15.08.41 г.
5. ЦАМО РФ. – Ф. 20060. Оп. 1. Д. 3. – Сведения о численном, боевом составе потерях частей 13 бад. – Л. 6.
6. *Киенко, Д. Г.* В Гродненском небе / Д. Г. Киенко // Белоруская военная газета. – 2015. – № 165. – 3 сент.
7. *Киенко, Д. Г.* Крылья над Гродно: боевые действия 127 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко. – Гродно : Хата, 2009. – 37 с.
8. *Киенко, Д. Г.* Крылья над Лидой: боевые действия 122 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко.– Гродно : Хата, 2009. – 56 с.
9. *Киенко, Д. Г.* Крылья над Нёманом: трагедия 16 СБАП 22 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко. – Гродно : Хата, 2010. – 64 с.
10. ЦАМО. – Ф. 127-й ИАП Оп. 299458. Д. 1. – Журнал боевых действий 127 ИАП. – Л. 4.

ПРЭЗЕНТАЦЫЯ НОВЫХ ВЫДАННЯЎ

И. Ф. Романовский, А. И. Котов

ДЕТИ ЛИХОЛЕТЬЯ

Великая Отечественная война – время больших и трагических потрясений, оставивших неизгладимый след на белорусской земле. Она стала бедой, которая сломала человеческие судьбы, в том числе и детские. Фашистская политика геноцида подрастающего поколения, его положение, условия проживания и выживания остаются среди малоисследованных вопросов в отечественной исторической науке.

В 2017 г. вышла из печати книга В. П. Павлова «Дети лихолетья: документальные очерки и повести» [1], которая в определенной степени может заполнить этот пробел в историографии. В ней на основе многолетнего сбора и анализа неизвестных ранее архивных документов, материалов периодической печати, публикаций других исследователей удалось воссоздать панорамную картину жизни детей Беларуси, включая историю эвакуации детских учреждений на восток страны, жизнь детских коллективов в новых для них местах – областях России, Казахстана, Узбекистана, а также на оккупированной гитлеровцами территории.

Одной из особенностей и несомненным достоинством новой книги В. П. Павлова является то, что в ней широко использованы воспоминания самих воспитанников и воспитателей детских учреждений, собранные в результате поездок по Беларуси и переписки с детьми войны, разбросанными по территории бывшего Советского Союза. Это бесценные, уникальные в своем роде исторические документы, позволяющие нынешнему и будущему поколениям разобраться в звериной сущности фашизма. Они учат прежде всего пониманию той опасности, которую несут с собой войны, осознанию необходимости беречь и укреплять мир и безопасность своей страны.

Во введении кратко раскрыты механизмы политики геноцида в отношении детей Беларуси, вывоза их в Германию на непосильные изнурительные работы, заключения их в концлагеря и гетто, массового уничтожения и использования малолетних узников в качестве доноров для изуверских экспериментов врачей-нацистов.

Необходимо отметить глубокий, корректный и объективный анализ историографии по данной проблеме, подчеркнуть уважительное отношение автора к работам предшественников. Опираясь на уже исследованное и написанное, автор провел собственное расследование по данной теме, которому посвятил более 30 лет. На страницах издания названы сотни фамилий непосредственных участников тех событий, рассказывающих о том,

что выпало на их долю и пришлось пережить в те трагические дни войны. По сути, эти воспоминания и составляют содержание книги. Это документальное повествование о тех, кого спасали и кто спасал.

В первом разделе «Эшелоны шли на Восток» рассказывается о проявленном героизме и самоотверженности сотрудников детских учреждений, педагогов, врачей, представителей других профессий, спасавших детей от ужасов войны. При этом многие из них, не ожидая распоряжений и помощи, действовали самостоятельно, руководствуясь чувством ответственности и душевным порывом. Благодаря им, подчеркивает автор, были спасены тысячи юных граждан республики, в первую очередь из западных и центральных областей.

Во втором разделе «На гостеприимной земле сестер и братьев» в центре внимания исследователя жизнь детей из Беларуси, вывезенных и размещенных во многих регионах страны, больше всего в РСФСР, а также в Казахстане и Узбекистане. Всего, как утверждает В. П. Павлов, на восток Советского Союза было эвакуировано 102 разнопрофильных детских учреждения, в том числе детские дома, детские сады, пионерские лагеря и др.

Автор книги акцентирует внимание читателей на том, что, несмотря на трудности военной поры, связанные с устройством и обеспечением детей, государство, местные власти делали все, чтобы создать для них надлежащие условия жизни, оказывать им необходимую помощь. На решение этих задач нацеливало и специальное постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (январь 1942 г.). Государство поддерживало инициативу местных жителей, которые брали детей на воспитание. О том, какой заботой и вниманием были окружены эвакуированные дети, в том числе из Беларуси, в разделе содержится много нового, интересного материала, впервые вводимого в научный оборот.

Читатель, несомненно, не останется равнодушным, познакомившись с третьим разделом «На оккупированной земле». В нем показана тяжелая и трагическая судьба детей Беларуси, которых в условиях военного времени не успели эвакуировать в советский тыл. Оставшись без семьи и жилья, без продовольствия, дети страдали от физического истощения, инфекционных болезней, отсутствия предметов первой необходимости.

Автор описывает условия содержания детей в детских домах и других подобных учреждениях. Типичными явлениями там были голод, холод, антисанитария, что приводило к различным болезням и высокой смертности.

В то же время детские учреждения рассматривались как источник дешевой рабочей силы, а также как доноры для немецких солдат и офицеров. Не менее важным для нацистов было подорвать биологический потенциал белорусского народа, для чего осуществлялась политика геноцида, поддерживалась высокая смертность среди населения, в том числе и детей. Автор приводит многочисленные примеры такой политики: уничтожение

детей Домачевского детдома в Брестской области, кровавая расправа в Шклове, когда гитлеровцы расстреляли 6 тысяч мужчин и женщин, а детей живыми бросали в ямы и засыпали землей и др. Своей кульминации политика геноцида достигла в 1944 г., когда в связи со стремительным наступлением Красной армии и крушением немецкого фронта началась широкомасштабная «зачистка» оккупированной территории.

Автор книги скрупулезно исследовал вопрос о том, сколько же всего детских заведений и детей в них насчитывалось на оккупированной территории Беларуси. К сожалению, точное количество детских домов, приютов, распределителей до сих пор установить не удалось, так как происходила их реорганизация, укрупнение, закрытие, перемещение, а списки воспитанников не сохранились: были вывезены или уничтожены оккупационными властями. Поэтому интерес представляют собранные и опубликованные автором конкретные данные в разрезе отдельных периодов трех лет оккупации и отдельных городов и районов Беларуси.

Отмечая несомненные достоинства книги, считаем целесообразным высказать ряд критических замечаний и предложений. Это прежде всего отсутствие в ней строгой научной дифференцированности в привлечении источников, которые далеко не равнозначны. Если одни из них позволяют более полно раскрыть тот или иной аспект исследуемой темы, то другие носят ситуативный характер.

Снижает научно-теоретический уровень рецензируемой книги отсутствие в ней аргументированной критики тех инсинуаций и искажений, которые допускаются до настоящего времени в зарубежной историографии по истории Великой Отечественной войны, в том числе по исследуемой теме.

Во введении автор подчеркивает, что выжившие в этой чудовищной мясорубке «на всю жизнь сохранили в себе страх, подавленность и беспомощность» (с. 5). Нам, рецензентам, малолетним свидетелям страшных событий той войны, у которых гитлеровцы расстреляли родителей и которым пришлось пожить в детских домах, трудно согласиться с таким категорическим утверждением. Оказавшись в пекле страданий и невзгод, наши ровесники вели себя как герои, показали, по мнению самого же автора, «твердость человеческого духа, позволяющего противостоять любым трудностям, сохранять и развивать в себе генетически заложенные устремления к прекрасному – добру» (с. 4).

Что касается нищенского существования детских учреждений в контролируемых нацистами районах, то следовало бы также сказать и о тех неприглядных фактах, когда в ряде случаев несчастных детей обирали не только фашисты, но и свои соотечественники, работающие в этих учреждениях.

Хотя автор отмечает, что его книга не претендует на полное раскрытие темы, тем не менее значительная часть детского населения и его жизни осталась на периферии исследования. Поэтому для исторической науки,

безусловно, важным является создание с научных позиций комплексного освещения этой проблемы, включая усилия партизан, направленные на спасение и сохранение жизни детей, противостояние политике германизации подрастающего поколения, участие подростков вместе со взрослыми в боевых операциях, в деятельности подполья, выполнении хозяйственных работ в партизанских и семейных лагерях.

Хотелось бы пожелать В. П. Павлову продолжить исследование данной темы, фокусируя внимание на изучении малоизвестных страниц жизни белорусских детей в суровые годы войны.

Названные замечания в целом не снижают ценности и полезности рецензируемого издания. Автор справился с задачей, обозначенной в начале работы. Книга В. П. Павлова «Дети лихолетья» вносит заметный вклад в отечественную историографию, дает импульс для дальнейшего углубленного и объективного изучения истории Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Павлов, В. П.* Дети лихолетья : документальные очерки и повести / В. П. Павлов. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 399 с.

С. В. Кулинок

«БАНДЫ УНИЧТОЖИТЬ, ИХ ЛАГЕРЯ РАЗРУШИТЬ, ЗАПАСЫ ЗАБРАТЬ…»

В 1962 г. в Париже была опубликована посвященная истории гестапо работа французского историка Жака Деларю, на русском языке это исследование было издано в 1998 г. Анализируя оккупационный режим нацистов на территории СССР, автор рассматривает и вопросы, связанные с проведением оккупантами карательных операций на оккупированных советских территориях. Квинтэссенцией этой деятельности у французского историка является операция «Коттбус», сведения о которой он приводит в своем исследовании. Жак Деларю указывает: «Характерны методы, с помощью которых проводились операции против “партизанских банд”. Чтобы получить представление о них, достаточно привести отчет об операции “Коттбус”, проведенной под командованием генерала СС Готтберга: убито противников – 4 500; убито подозреваемых в принадлежности к партизанским бандам – 5 000; убито немцев – 59; изъято оружия – 492 винтовки. Менее 500 винтовок на 9 500 убитых – эта цифра ясно показывает, почему у немцев было только 59 убитых. Очевидно, эсэсовцы отнесли к “партизанам” всех русских крестьян, встретившихся их по дороге. Германский генеральный комиссар для Белоруссии сообщил в своем докладе

об операции “Коттбус”, что ее “моральное воздействие на мирное население было просто ужасным из-за большого количества расстрелянных женщин и детей”. Расстрелы сопровождались повальным грабежом» [1, с. 326–327].

Мы умышленно привели такую объемную цитату, так как она ярко характеризует основные задачи этой (собственно, как и других) карательных акций: ликвидация партизанских соединений и лагерей, уничтожение и угон мирного гражданского населения и обеспечение собственных экономических интересов. Об этом было сказано и на презентации изданного белорусскими архивистами сборника “Коттбус”. Нацистская карательная операция в Беларуси, май – июнь 1943 г.: документы и материалы» (далее «Коттбус») [2], которая состоялось в стенах Национального архива Республики Беларусь 6 июля 2018 г. На мероприятии присутствовали руководители архивной службы и архивных учреждений Беларуси, ученые и историки из Института истории Национальной академии наук Беларуси, Белорусского государственного университета, фонда «Историческая память», представители ветеранских организаций.

В сборник включено 402 документа из Национального архива Республики Беларусь (317), Центрального архива Комитета государственной безопасности (39), Государственного архива Российской федерации (19), Российского государственного архива социально-политической истории (23), Российского государственного военного архива (7), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (1), Национального архива США (1) и Бундесархива (1). Большинство документов впервые вводится в научные оборот.

Отметим, на наш взгляд, удачную структуру сборника. Коллектив авторов-составителей (В. Д. Селеменев (рук.), Ю. В. Зверев, Н. Е. Калесник, Н. В. Кириллова, А. П. Павлюкович, М. Н. Скоморощенко, М. Е. Тумаш) выделил три основных раздела: «Подготовка, ход и итог операции “Коттбус”», «Признания карателей» и «Преступления карателей». Такой подход позволил комплексно, наглядно и целостно показать цели, ход и результаты этой карательной экспедиции.

В сборник включено значительное количество документов противника: вермахта (док. № 2), полицейских оккупационных органов (док. № 1, 4, 13, 15, 32, 59, 60, 203, 204), экономических формирований и структур (док. № 27, 61, 71, 118, 126, 127, 137, 145, 161, 173, 179, 183), карательных подразделений (док. № 78, 119), руководителей рейхскомиссариата «Остланд» и Генерального комиссариата «Беларусь» (док. № 144, 145, 155, 205). Это позволяет говорить об отсутствии у авторов-составителей тенденциозности и одностороннего подхода при отборе публикуемых документов. Кроме того, это дает возможность читателям и исследователям самостоятельно делать выводы при сравнении публикуемых источников.

Анализируя состав публикуемых «партизанских» документов, нам представляется важным отметить два следующих аспекта. В о - п е р в ы х , это наличие документов не только партизанских соединений (бригад, отрядов, групп), но и их руководящих органов и структур: опергрупп и

представительств штабов (док. № 14, 62, 63, 65, 75, 79, 86, 87, 95, 148 и др.), Белорусского штаба партизанского движения (док. № 5–9, 28, 33–38, 48–51, 64, 77, 88, 92–94, 110, 117, 143 и др.) и Центрального штаба партизанского движения (док. № 21, 103, 104, 129), а также органов НКВД/НКГБ (док. № 134, 152). Это позволяет рассмотреть проблему не изолированно (с позиции партизанских соединений, против которых проводилась операция), а в плоскости «партизаны – БШПД – ЦШПД», то есть через призму взаимодействия. Становится очевидной роль БШПД как координирующего органа и его значение в вопросах снабжения партизан (док. № 7, 8, 35, 181, 184, 192).

В о - в т о р ы х, отметим видовое разнообразие публикуемых документов. В сборнике представлены: организационно-распорядительная (распоряжения, предписания, указания, директивы, приказы, протоколы); планово-отчетная (планы, отчеты, доклады, рапорты, сводки, документы итогового характера); справочно-информационная документация (дневники бригад, переписка, справки, донесения, обзоры, спецсообщения) и судебно-следственная (протоколы допросов, следственные дела, опросы) документация как партизанских формирований, так и их руководящих структур. Это значительно повышает объективность и информативность сборника «Коттбус». Наиболее часто в сборнике встречаются шифртелеграммы, которые позволяют проследить основные направления координации боевых действий партизанских бригад и их результат, а также вопросы материально-технического снабжения.

Второй раздел сборника включает в себя в основном протоколы допросов немецких военнослужащих, изменников и предателей, участвовавших в операции «Коттбус» на стороне нацистов. Характерно, что в своих показаниях каратели практически всегда «открещиваются» от факта уничтожения гражданского населения. Так, командир 2-го полицейского полка СС Г. Грип на вопрос «Сколько вами было истреблено тогда мирного населения?» ответил: «Мирного населения мы не трогали» [2, с. 364]. Эти показания убедительно разоблачаются документами из третьего раздела «Преступления карателей», которые включают акты, справки, протоколы опросов и допросов спасшихся жителей сожженных деревень.

Несколько слов необходимо сказать о приложении к сборнику «Список населенных пунктов, уничтоженных карателями полностью или частично в ходе операции “Коттбус”». Белорусские архивисты уделяют большое внимание вопросам увековечения памяти жертв Великой Отечественной войны. В ходе кропотливой и сложной работы был подготовлен список из деревень Бегомльского (87), Борисовского (14), Докшицкого (10), Лепельского (17), Плещеницкого (16), Ушачского (59) и Холопеничского (18) районов, которые были уничтожены, или частично сожжены карателями в ходе этой операции. Всего приведены сведения о 221 населенном пункте (еще раз к вопросу о том, что «мирного населения мы не трогали» – *С. К.*).

Сборник снабжен комментариями, биографическими справками, именным и географическим указателями, списком сокращений и перечнем публикуемых документов. Интерес представляют также иллюстративные материалы (фотографии командиров партизанских формирований, немецких карательных частей, карты и др.), которые значительно усиливают восприятие визуальной информации читателем.

Говоря о недостатках издания, пожалуй, согласимся с мнением белорусского историка М. Ф. Шумейко, которое он высказал на презентации «Коттбуса», о недостаточной «археографической составляющей» сборника. Вместе с этим отметим, что это объективно не снижает научной значимости книги, а служит, скорее, рекомендацией к дальнейшей работе коллег-архивистов.

На наш взгляд, сотрудниками Национального архива Республики Беларусь издан высококачественный и актуальный научный продукт, который существенно дополняет исторические представления о нацистских карательных операциях в БССР. Сборник может служить основой для более глубокого изучения обозначенной проблемы историками и учеными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деларю, Ж.* История гестапо / Ж. Деларю. – Смоленск : Русич, 1998. – 480 с.
2. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май – июнь 1943 г. : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. – Минск, НАРБ, 2018. – 636 с.

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Б л а г у ш   І р ы н а   С я р г е е ў н а – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Б р ы г а д з і н а   В о л ь г а   В а с і л ь е ў н а – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

В а р а н к о в а   І р ы н а   Ю р ’ е ў н а – старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Г а н ц а р   К р ы с ц і я н – лектар DAAD Інстытута замежных моў турэцка-германскага ўніверстэта ў г. Стамбул (Турцыя), дактарант Лейпцыгскага ўніверсітэта (Германія)

Д ж о н с   Т э р ы – запрошаны лектар, выкладчык англійскай мовы (г. Бейсінгстоунг, Вялікабрытанія)

Д з м і т р ы е в а   В о л ь г а   П я т р о ў н а – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры іншамоўнай камунікацыі Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

І о ф е   Э м а н у і л   Р ы г о р а в і ч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і права Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, акадэмік, член Прэзідыума Міжнароднай акадэміі вывучэння нацыянальных меншасцей (г. Мінск)

З а а л ь   Ю л і я   ф о н – доктар гістарычных навук, навуковы супрацоўнік Інстытута сучаснай гісторыі (г. Мюнхен), навуковы каардынатар германа-расійскай камісіі гісторыкаў, рэдактар часопіса «Mitteilungen» і спецыяльны рэдактар часопіса рэцэнзій «Sehepunkte» (Германія)

З д а н о в і ч   У л а д з і м і р   В а с і л ь е в і ч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

К а н т а р   Ю л і я   З о р а х а ў н а – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі Расійскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя А. І. Герцэна (г. Санкт-Пецярбург), навуковы кіраўнік гуманітарных праектаў ГМК «Норильский никель» (Расія)

К а р п е н к а   І р ы н а   А л я к с а н д р а ў н а – кандыдат гістарычных навук, вучоны сакратар Дзяржаўнага музея гісторыі Санкт-Пецярбурга (Расія)

К і е н к а   Д з м і т р ы й   І в а н а в і ч – кіраўнік даследчай групы вайсковай гісторыі Беларусі «Рубон» (г. Гродна)

К о з е л   Д з м і т р ы й   А н т о н а в і ч – старшы выкладчык кафедры ваенна-інжынернай падрыхтоўкі ваенна-тэхнічнага факультэта Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

К о р с а к   А л е с я   І о с і ф а ў н а – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

К о т а ў   А л ь б е р т   І о с і ф а в і ч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Крыварот Анатоль Аляксеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (г. Мінск)

Куніцкі Уладзімір Уладзіміравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры старажытных цывілізацый і Сярэднявечча Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Монід Анастасія Сяргееўна – студэнт Гродзенскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта

Неліхаў Юрый Віктальевіч – ваенна-тэхнічны кансультант групы ваеннай гісторыі «Рубон», авіяцыйны інжынер АК «Гродно»

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Осіпава Людміла Аляксандраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Панцьё Дзмітрый – спецыяліст навуковага аддзела, вядучы супрацоўнік Музея гісторыі Другой сусветнай вайны ў г. Гданьск (Польша)

Раманоўскі Іван Фёдаравіч – кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Саракавік Іван Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Сіткевіч Сяргей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гуманітарных навук Гродзенскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта

Смальянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Тарасевіч Ларыса Аляксандраўна – доктар філалагічных навук, прафесар, прарэктар па навуковай працы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Трубчык Алена Генадзьеўна – кандыдат гістарычных навук, навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Тукала Сяргей Мікалаевіч – старшы выкладчык кафедры філасофіі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта (г. Мінск)

Хадасевіч Ганна Сяргееўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Хісамутдзінава Равіля Рахімянаўна – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі, методыкі выкладання гісторыі і грамадазнаўства Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта (Расія)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч– кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Шыманская Наталля Анатольеўна – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Шчаўлінскі Мікалай Барысавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай і айчыннай культуры Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

З М Е С Т

Приветственное слово проректора МГЛУ по научной работе
профессора Л. А. Тарасевич 3

ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ:
НОВЫЯ ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

Новікаў С. Я. За кароткім радком ваеннай біяграфіі мінскіх інязаўцаў
(да 70-годдзя Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта).................. 4
Кантор Ю. З. Воскресение из небытия. Возвращение российских
художественных ценностей из Германии в XXI в. 16
Ганцер К. Развитие нарратива о «героической обороне»
Брестской крепости (1940-е – первая половина 1950-х гг.)........................... 21
Зааль Ю. фон «Дзіцячыя вёскі» ў памяці Беларусі і ў германскіх крыніцах.. 30
Карпенко И. А. Дневник Тани Савичевой. Мифы и рельность 43

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: НОВЫЯ ПОШУКІ І ЗНАХОДКІ

Здановіч У. В. Этапы сучаснага перыяду вывучэння гісторыі Беларусі
часоў Вялікай Айчыннай вайны: агульнае і адметнае 48
Иоффе Э. Г. Участие белорусских евреев в Сталинградской битве............. 55
Стрелец М. В. Штрихи к портрету выдающегося
советского военачальника: Л. А. Говоров 62
Воронкова И. Ю. Сталинградская битва в исторической судьбе
белорусского народа (1942–1943) 67
Джонс Т. Дюнкерк в истории и памяти британцев... 77
Киенко Д. Партизанская авиация... 80
Козел Д. А. К вопросу о создании партизанских армий
в годы Великой Отечественной войны 92
Корсак А. И. «Укрупнение» братских могил
и проблема увековечения имен погибших солдат Красной армии
(на примере Камайского с/с Поставского района) 96
Крыварот А. А. Баявая садружнасць партызанскіх фарміраванняў
Беларусі і Літвы ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944):
праблема даследавання 111
Кулинок С. В. Немецкие разведывательно-диверсионные школы
на территории СССР в годы Великой Отечественной войны:
количественные и региональные характеристики 121
Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И. Советский Союз и германский
вопрос в период коренного перелома в Великой Отечественной войне.......128
Нелихов Ю. В. ВВС Белорусского особого военного округа в операции
по воссоединению Бессарабии и Северной Буковины с СССР 138
Пантьо Д. Две судьбы партизана С. Тулешева..145
Монид А.С., Ситкевич С. А. Хаим Шапиро: история непрожитой жизни 150

Цымбал А. Г. Фінансавыя аспекты выкарыстання мясцовай працоўнай сілы ва ўстановах і на прадпрыемствах акупаванай Беларусі (1941–1944) паводле матэрыялаў калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» 154
Тукала С. М. Асаблівасці правядзення канфіскацыйных мерапрыемстваў акупацыйных уладаў у дачыненні да маёмасці яўрэйскіх грамадзян мінскага гета 157
Хадасевич А. С. Развитие высшей школы Беларуси в первые послевоенные годы... 161
Хисамутдинова Р. Р. Фронтовые будни участников Великой Отечественной войны в источниках личного происхождения.......169
Шиманская Н. А. Участие спецгрупп органов госбезопасности в партизанском движении на оккупированной территории Беларуси (1941–1944) 175

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Благуш И. С. Возможности и перспективы индустриализации экономики в условиях цифровой революции: уроки Германии......................................186
Бригадина О. В. «Космополиты, отщепенцы и другие антисоветские элементы…»: идеологические кампании по борьбе с инакомыслием в СССР в послевоенные годы..194
Дмитриева О. П., Куницкий В. В. Немецкое школьное дело на территории Беларуси в годы Первой мировой войны..............................200
Кушнярэвіч А. М. Гродзенскія замкі ў творчым лёсе нямецкіх архітэктараў XVIII ст. 205
Осіпава Л. А. Удзел моладзі ў аднаўленні Мінска ў пасляваенны перыяд... 211
Саракавік І. А. Супрацоўніцтва ВНУ Беларусі і Германіі ў 1970–1980-я гг. 215
Смольянинов М. М. Выход советской России из Первой мировой войны и начало иностранной военной интервенции 221
Трубчык А. Г. Беларуская школа ва ўмовах ваенна-палітычных канфліктаў (1914–1921): агляд гістарыяграфіі.............232
Цымбал А. Г. Нацыянальна-канфесійная структура насельніцтва Заходняй Беларусі (1919–1939) у адлюстраванні перапісаў насельніцтва: міжваенная польская гістарыяграфія 239
Щавлинский Н. Б. Трагические страницы Нарочской наступательной операции русских войск в марте 1916 г. 246
Киенко Д. Гродненский регион Беларуси как объект исследования «авиаархеологии» (1941–1945): статистический обзор 251

ПРЭЗЕНТАЦЫЯ НОВЫХ ВЫДАННЯЎ

Романовский И. Ф., Котов А. И. Дети лихолетья 257
Кулинок С. В. «Банды уничтожить, их лагеря разрушить, запасы забрать…» 260
Аўтары дакладаў і паведамленняў 264

INHALT

Grußwort des Prorektors MSLU für Wissenschaftliche Arbeit
Prof. Dr. hab. L. A. Tarassewitsch.. 3

MENSCHEN – EREIGNISSE – TATSACHEN:
NEUE DOKUMENTARQUELLEN UND FORSCHUNGSANSÄTZE

Novikau S. Ja. Eine kurze Zeile der Kriegsbiographien
von Minsker Studierenden an der linguistischen Universität
(zum 70. Geburtstag von der staatlichen linguistischen Universität Minsk).......... 4
Kantor Ju. S. Auferstehung aus dem Nichts. Rückgabe
der russischen Kunstwerke aus Deutschland im XXI. Jahrhundert 16
Hanzer K. Entwicklung der Narration über „die heldenhafte Verteidigung“
der Brester Festung (1940-er – die erste Hälfte der 1950-er) 21
Saal Ju. von „Kinderdörfer“ im belarussischen Gedächtnis
und in den deutschen Quellen.. 30
Karpenko I. A. Das Tagebuch von Tanja Sawitsch. Mythen und Wirklichkeit...... 43

DER GROSSE VATERLÄNDISCHE KRIEG:
NEUE RECHERCHEN UND ENTDECKUNGEN

Zdanowitsch U. W. Etappen der gegenwärtigen Forschung von
der belarussischen Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges:
das Allgemeine und das Besondere 48
Ioffe E. G. Beteiligung der belarussischen Juden an der Schlacht
von Stalingrad 55
Strelets M. W. Striche zum Porträt des hervorragenden sowjetischen
Feldherrn: L.A. Howorow 62
Woronkowa I. Ju. Schlacht von Stalingrad im historischen Schicksal
des belarussischen Volkes 67
Jones T. Dünkirchen in der Geschichte und Erinnerung der Briten....................... 77
Kijenko D. I. Partisanenluftfahrt.. 80
Kosel D. A. Zur Frage nach der Gründung der Partisanenheere
während des Großen Vaterländischen Krieges 92
Korsak A. I. „Zusammenlegung“ der Massengräber und Problem
der Verewigung der Namen von gefallenen Soldaten der Roten Armee
(am Beispiel des Kamajskij Amtes Postawer Bezirks) 96

Krywarot A. A. Kampfgemeinschaft der belarussischen und litauischen Partisanenverbände während des Großen Vaterländischen Krieges (1941–1944): Forschungsproblem 111
Kulinok S. W. Die deutschen Aufklärungs- und Diversionsschulen auf dem Territorium der UdSSR während des Großen Vaterländischen Krieges: Zahlen- und Regionalangaben 121
Litwinowskiy I. A., Litwinowskaja Ju. I. Die Sowjetunion und die Deutsche Frage bei der radikalen Wende im Großen Vaterländischen Krieg 128
Nelichow Ju. W. Luftwaffe des Belarussischen besonderen Militärbezirks bei der Operation der Wiedervereinigung Bessarabiens und der Nordbukowina mit der Sowjetunion 138
Pantjo D. Zwei Schicksale des Partisans S. Tuleschew 145
Monid A. S., Sitkewitsch S. A. Chaim Schapiro: die Geschichte des kaum gelebten Lebens 150
Tsimbal A. G. Finanzielle Aspekte des Einsatzes von den einheimischen Arbeitskräften an Ämtern und Betrieben auf dem besetzten Territorium von Belarus (1941–1944) aufgrund der Unterlagen aus der Dokumentensammlung des Generalbezirks „Weißruthenien“ 154
Tukala S. M. Besonderheiten der Beschlagnahmedurchführung von der Besatzungsmacht betrefflich der Judenbeständen im Minsker Ghetto.... 157
Hodasewitsch A. S. Entwicklung des belarussischen Hochschulwesens in der frühen Nachkriegszeit 161
Hisamutdinowa R. R. Frontalltag der Teilnehmer am Großen Vaterländischen Krieg aus den persönlichen Quellen 169
Schimanskaja N. A. Beteiligung der Staatssicherheitsorganen an der Partisanenbewegung im besetzten belarussischen Gebiet (1941–1944) 175

BELARUS UND DEUTSCHLAND IM HISTORISCHEN RAUM: VERGANGENHEIT UND GEGENWART

Blagusch I. S. Möglichkeiten und Aussichten der wirtschaftlichen Industrialisierung unter den Bedingungen der digitalen Revolution: Lehre aus Deutschland 186
Brigadina O. W. „Weltbürger, Abweichler und andere antisowjetische Erscheinungen“: ideologische Aktionen gegen das Andersdenken in der UdSSR während der Nachkriegszeit 194
Dmitriewa O. P., Kunitskiy W. W. Das deutsche Schulwesen auf dem belarussischen Territorium während des Ersten Weltkrieges 200

Kuschnjarewitsch A. M. Grodner Schlösser im Schaffen der deutschen Architekten des XVIII. Jahrhunderts..205
Osipowa L. A. Teilnahme der Jugend am Wiederaufbau von Minsk in der Nachkriegszeit..211
Sarakavik I. A. Zusammenarbeit des belarussischen Hochschulwesens mit den deutschen Hochschulen in den 1970–1980-er Jahren..215
Smoljaninov M. M. Russlands Austritt aus dem Ersten Weltkrieg und Anfang der ausländischen militärischen Intervention..221
Trubtschik A. G. Das belarussische Schulwesen unter militärpolitischen Konflikten (1914–1921): Überblick der Geschichtsschreibung..232
Tsimbal A. G. National-konfessionelle Bevölkerungsstruktur im Westweißrussland (1919–1939) aufgrund der Volkszählung: polnische Geschichtsschreibung der Zwischenkriegszeit..239
Schtschawlinskij N. B. Tragische Seiten des russischen Heeres bei der Schlacht am Naratsch-See im März 1916..246
Kijenko D. I. Grodner Region als Forschungsobjekt der „Flugarchäologie" (1941–1945): statistische Erfassung..251

PRÄSENTATION DER NEUEN AUSGABEN

Romanowskij I. F., Kotow A. I. Kinder der harten Zeiten..257
Kulinok S. W. „Banden zerschlagen, ihre Lager zerstören, Bestände wegnehmen…"..260
Verfasser der Beiträge und Berichte..264

Навуковае выданне

Б Е Л А Р У С Ь І Г Е Р М А Н І Я :
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 6 красавіка 2018 г.

В ы п у с к 1 7

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *А. М. Баброўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*
Ст. карэктар *С. А. Іванова*
Камп’ютарная вёрстка *Н. В. Мельнік*

Падпісана ў друк 02.04.2019. Фармат 60×84 1/16. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 15,81. Ул.-выд. арк. 17,95. Тыраж 100 экз. Заказ 15.

Выдавец і паліграфічнае выкананне : установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2017 г. № 1/1499. ЛП № 02330/458 ад 23.01.2014 г. Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.